

ИНДЕКС 73375 (Роспечать)
51845 (МАП)

СЕВЕР

7
+
8

20
15

СЕВЕР

7+8
МАП-СЕВЕР
2015
ISSN 0013-022

В номере:

Александр Худилайнен: «Жизнь - это движение...»
Поэзия: Е. Пиетилляйнен, О. Мошников, И. Костин
В Китае с Валентином Распутиным
Горячий след минувших лет

2015 - год литературы

Читайте
журнал «Север»!

Дорогие читатели!
Подписку на журнал «Север» на второе полугодие 2015 года можно оформить в любом отделении почтовой связи по каталогу «Роспочты»
Почтовый индекс — 73378
Периодичность выходов — раз в два месяца (6 номеров в год).
Подписка: цена на полугодие — 540 р.
Также можно подписаться на журнал через редакцию:
Цена редакционной подписки за полгода без почтовых расходов — всего 300 р.

Подписка с доставкой по «Почте России» — 450 р.
Справки по e-mail: sever@kapela.ru
или по телефону 8(8142) 78-47-36

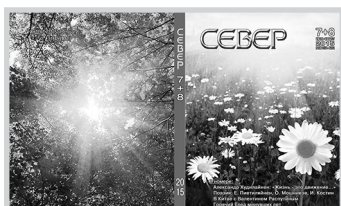
СЕВЕР

С 7+8 2015

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1940 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ИНТЕРВЬЮ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Александр ХУДИЛАЙНЕН «ЖИЗНЬ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ...» (12+) **3**

ПОЭЗИЯ

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН «КАПАЛ В ОЗЕРО С НЕБА ЗАКАТ...» (12+) **6**

Олег МОШНИКОВ «СОКРОВЕННОЕ СЛОВО ИЩУ...» (12+) **19**

Сергей НИКУЛИН «И ПТИЦЫ ПЕЛИ НАД ЗЕМЛЕЙ...» (12+) **89**

Иван КОСТИН ОДА РОДНОМУ КРАЮ (12+) **161**

Алексей БОРЫЧЕВ «ТИХИЙ СВЕТ ДАЛЕКИХ ЛЕТ...» (12+) **220**

ПРОЗА

Андрей ЛОПАТИН МАРИЙКА, *рассказ* (16+) **8**

Наталья КРАСАВЦЕВА КВАРТИРА, *повесть (окончание)* (16+) **54**

Антон ЛУКИН СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ, *рассказы* (12+) **136**

ПРОЗА

Владимир СОФИЕНКО В ГОРНИЛЕ СЕВЕРНЫХ ВЕТРОВ, *повесть* (12+) **168**

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Елена РОДЧЕНКОВА КРЕПКА КИТАЙСКАЯ СЕНА, *воспоминания о В. Распутине* **12**

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Павел КРЕНЕВ МОРЯК СО «СТРЕМИТЕЛЬНОГО» (12+) **21**

Константин ГНЕТНЕВ ВЫПЬЕМ ЗА ТЕХ... (12+) **32**

ЗАСТИГНУТЫЕ НОЧЬЮ,

книга вторая
ЛИХИЕ И СВЯТЫЕ

Николай КОНЯЕВ ДЕВЯНОСТЫЕ, *окончание* (12+) **91**

Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Евгений КУРОЧКИН «ВЫ СПЕШИЛИ, А ГОРОД СТОЯЛ...» (12+) **135**

Юлия ПОПОВА ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК, *рассказ* (12+) **222**

СЕВЕР

О Ч Е Р К

Сергей АКСЕНТЬЕВ **МЫ ВСТРЕТИМСЯ С ТОБОЙ НА ОСТРОВЕ ВАЙГАЧ...** (12+) **152**

МИЛАЯ МАЛАЯ РОДИНА

Валерий ВЕРХОГЛЯДОВ **ПЕТРОЗАВОДСКИЕ ПУШКИ** (12+) **163**

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Елена ГАЛЬЧИНА **ДВОЕ СУТОК, рассказ** (12+) **218**

Илья ПРОХОРОВ **«НЕ ТЕРЯЯ СВОЕ ПРИЗВАНИЕ...», СТИХИ** (12+) **228**

Э С С Е

Андрей БОРОДИН **ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА** (12+) **230**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вениамин ЯШИН **СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА** (12+) **234**

Елена БЕРМУС **МЕТКАЯ «ЕДИНСТВЕННАЯ СТРЕЛА»,** (12+) **236**

Валерий СУЗИ **НЕОБЫЧНАЯ КНИГА** (12+) **238**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно отражает точку зрения редакции на затронутые темы.

За точность фактов и цифр ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности платить авторский гонорар. Авторам высылаются журналы с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами, произведения которых не будут опубликованы.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При использовании материалов, опубликованных в журнале, просим непременно ссылаться на «СЕВЕР».

Главный редактор *Е.Е. Пиетияйнен*

 (8142)

гл. редактор **78 47 36**

отв. секретарь. **78 47 36**

отделы: **78 48 05**

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

http://sever-journal.ru

Адрес редакции: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, журнал «Север»

Адрес издательства: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, «Север»

АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Формат 84x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 29,66 Заказ 790. Тираж 1000 экз. Типография ООО «4+4». 185007, г. Петрозаводск, пр. Лесной, 51. Верстка выполнена в компьютерном центре журнала «Север». Подписано в печать 24.06.2015: по графику 12.00, факт. 12.00. Дата выхода в свет: 10.07.2015

г. Петрозаводск, «СЕВЕР», 2015 г.

Глава Республики Карелия

Александр Худилайнен:

«ЖИЗНЬ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ...»

О настоящем и будущем Карелии, роли литературы в общественной жизни размышляет Глава Республики Карелия Александр Худилайнен в интервью главному редактору журнала «Север» Елене Пиетилийнен.

– 2015-й – год литературы в России. Александр Петрович, повлияла ли литература на Вашу жизнь, Ваше становление, формирование характера? Какие книги Вы читали в детстве, на каких литературных героев хотели быть похожи?

– Я читал в детстве, наверное, те же книги, что и многие люди моего поколения: Носова и Гайдара, Марка Твена и Жюль Верна, Конан Дойля и Стивенсона...

Герои произведений этих авторов – романтики и первопроходцы, люди, сильные духом и деятельным добром.

На Павку Корчагина из романа Н.Островского «Как закаля-

лась сталь» хочется быть похожим умением не пасовать перед трудностями, а герой Бориса Полевого из «Повести о настоящем человеке» подает пример мужества и победы над собой... И ряд таких замечательных книг можно продолжить.

– Александр Петрович, в Вашем характере тоже заметны настойчивость и сила, умение управлять обстоятельствами и справляться с трудностями. Мне кажется, что свой отпечаток оставил и спорт, который закладывает в личность стремление к победе и мобилизует человека на достижение определенных целей. Чтобы выявить

эффективность работы любого руководителя, необходимо сопоставить условия, в которых ему приходится работать, и полученные результаты.

Вам пришлось несладко – именно в период начала Вашей работы случился вывод консолидированных групп налогоплательщиков с территории Карелии, отчего сильно «просел» республиканский бюджет. А необходимость выполнить все социальные обязательства привела к росту государственного долга республики. Кроме того, наложил свой отпечаток и всеобщий финансовый кризис. Но Вы не отступили, а принялись за

дело. Именно Вам удалось остановить производственно-экономическую катастрофу 2013 года, когда крупнейшие предприятия в Кондопоге, Сегеже и Надвоицах чуть не «приказали долго жить».

Осуществляется запуск новых предприятий, создаются новые рабочие места. Но эти подвижки пока не дают настоящих ощутимых результатов, чтобы люди поняли, что «жить стало лучше, жить стало веселей...». Как писал Л.Н. Толстой, «настоящая жизнь незаметна». Этот процесс постепенных преобразований можно сравнить с процессом растапливания печи, которая только тогда начинает отдавать тепло, когда сама нагреется. На это нужны и умелые усилия человека, и время.

Согласны ли Вы с тем, что на данном этапе заняты «разогревом» нашей республики, что, безусловно, предполагает пусть отсроченный, но длительный и устойчивый результат?

– Не думаю, что когда-нибудь сам себе скажу: «Ну вот, и все готово. Можно почивать на лаврах». Жизнь – это движение, постоянное разрешение возникающих проблем и преодоление трудностей. Появятся одни результаты – будут возникать другие проблемы. И это нормально. Самое главное – чтобы каждый человек, житель республики, чувствовал себя защищенно. Чтобы была работа, хорошая семья, возможность жить в комфортном и культурном мире, творить и проявлять себя во благо Карелии и России.

– Этот год наверняка войдет в историю Карелии, как и год знакового внимания к республике со стороны Президента России и Правительства нашей страны. 6 апреля Указом Владимира Владимировича Путина Петрозаводску присвоено почетное звание «Город воинской славы», а 4 июня на заседании Правительства России была утверждена федеральная целевая программа развития Республики Карелия до 2020 года. На Ваш взгляд, как эти решения отразятся на жизни простых жителей Карелии?

– Признаюсь, мы уже не ждали, что столица Карелии получит высокое и заслуженное звание «Город воинской славы». Как известно, было решение о закрытии списка городов, удостоенных этого звания. И поэтому, когда наш Президент, выступая перед ветеранами и поисковиками в Старой Руссе, объявил о присвоении звания «Город воинской славы» городам: Старая Русса, Гатчина, Грозный, Феодосия и Петрозаводск, наша радость была по-настоящему искренней. Глава государства дал оценку огромной многолетней работе, которую проделали ветеранские общественные организации, ученые, представители органов власти по обоснованию присвоения почетного звания нашей столице. Теперь подвиг бойцов Карельского фронта увековечен не только в мемориалах, фильмах и книгах, но и в самом названии города – Петрозаводск «Город воинской славы».

Утверждение федеральной целевой программы развития Республики Карелия до 2020

года, безусловно, является поворотным событием в новейшей истории Карелии. Благодаря поддержке Президента России, Председателя Правительства нашей страны, Секретаря Совета безопасности Российской Федерации, членов государственной комиссии по подготовке к 100-летию Республики Карелия, делового и научного сообщества, муниципальной общественности создан пятилетний план поэтапного решения самых острых проблем в Карелии. Реализация федеральной целевой программы – это не только гарантированное поступление огромных средств в республику, это более 18 000 новых современных рабочих мест, это новая инфраструктура, новая конкурентная экономика Карелии. По сути дела, мы создаем фундамент, который определит место и роль нашей республики в XXI веке. Мы знаем, мы верим и сделаем все, чтобы это место было ведущим среди регионов России.

– Александр Петрович, какие направления развития Карелии предусмотрены федеральной целевой программой?

– Реализация федеральной целевой программы будет осуществляться по следующим основным направлениям: развитие промышленности, агропромышленного комплекса, дорожного строительства, а также строительство и реконструкция объектов коммунального хозяйства, создание промышленных индустриальных площадок, развитие социальной сферы, реализация проектов в области культуры и спорта.

– Известно, что Глава республики отвечает за все. В том числе и за то, какими вырастут наши дети. То есть какое образование они получают, какую идеологию впитают, какие ценности определяют для себя приоритетными. И это самое главное. Ведь все экономические достижения – для человека и во имя человека.

Может ли, на Ваш взгляд, литература сегодня определить характер и судьбу молодого человека?

– Поскольку все познается в сравнении, то позволю себе сравнить то образование, какое получало мое поколение, и современное. Мы наблюдаем несомненный технический прогресс – Интернет есть не только в каждом доме, но и, наверно, чуть ли не в каждом кармане у современных школьников в мобильных телефонах или иных электронных устройствах. Вместе с тем, как мне кажется, в обществе уже нет того коллективистского духа, который прививался нам со школьных лет. Курс, взятый на индивидуализацию еще в 90-е годы, разрушил понимание коллектива как общественной ценности. Сегодня в школах нет «звездочек» или отрядов, есть классы, в которых дети осваивают образовательные программы... Но Россия – огромная страна. И выжить, выстоять как перед внешними обстоятельствами, так и перед внутренними проблемами мы можем только сообща, вместе.

Соборность – исконно русское качество нашей ментальности. Хорошо, что развивается общественное движение, когда люди вместе хотят достичь определенных целей. Но вопрос в том, каковы эти цели.

Сегодня государственная политика направлена на воспитание гражданственности, патриотизма, потому что без этих качеств не может быть народа. Народа, способного сделать Россию и Карелию лучше, сильнее, а значит, счастливее. Я убежден, что большая роль по-прежнему отводится литературе. Как классической, так и современной. Классика несет мощную воспитательную функцию, хотим мы это признавать или нет. И молодой человек, читая книгу, непроизвольно проецирует личность и поведение героя на свой жизненный опыт, впитывая те нравственные или безнравственные ценности, которые вложил в свое творение автор. Поэтому так велика ответственность писателя перед будущим.

Меняются поколения, но человек, по большому счету, не эволюционирует. Мы воспитывались на одних книгах, современные дети читают другие, не важно, в бумажном варианте или электронном. Поэтому необходимо поддерживать издание тех книг, которые ориентированы на вечные духовно-нравственные ценности, в героях которых мы бы хотели видеть наше растущее поколение.

В Карелии сохраняется государственная программа книгоиздания, поощрения стипендиями и премиями писателей и деятелей культуры, но я не берусь лично оценивать литературный труд того или иного автора – для этого существует Совет по культуре при Главе Республики Карелия, который и выносит соответствующее решение.

– Александр Петрович, я знаю много регионов, в которых существуют различные литературные премии для писателей. Но я не знаю, кроме Вас, ни одного губернатора, который бы в трудный кризисный период достал деньги из своего кармана и отдал писателю. Вы являетесь соучредителем литературной премии журнала «Север» за лучшую публикацию года, и решение личного Вашего участия – добровольное.

Что двигало Вашей доброй волей?

– Нравнодушное отношение ко всему лучшему, что есть в Карелии, а «Север» – это тот культурный бренд, которым Карелия заслуженно гордится. Публикация литературного произведения в «Севере» является своеобразным «знаком качества». Именно поэтому журнал не только не растерял своих читателей, но и существенно приумножил их ряды за последние годы вопреки российским тенденциям снижения тиражей печатных изданий. И если «Северу» доверяют писатели и читатели из разных регионов России, то этому журналу доверяю и я.

Спасибо, Александр Петрович, за внимание к культуре и литературе Карелии, за активное стремление делать жизнь для людей в нашей республике лучше. Желаем Вам новых успехов на Вашем нелегком поприще!

Беседовала
Елена Пиетилиянен

**Елена
ПИЕТИЛЯЙНЕН**

г. Петрозаводск

«Капал в озеро с неба закат...»

* * *

А ты знаешь, всё было давно.
Помню твой
                                силуэт на закате.
Проливалась
                                заря,
                                как вино,
На небесную
                                светлую скатерть.
Мы с тобой
                                не знакомы пока
И не знаем,
                                что сны наши значат.
Из ладоней
                                подставлю бокал —
Пусть плеснёт мне
                                надежда удачи!
Осторожно, ещё наугад
Изучаем
                                друг друга касаньем.
... Капал в озеро
                                с неба закат,
Шёл наш поезд
                                без расписанья...

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН —

главный редактор журнала «Север».

Автор нескольких книг стихов и прозы.

Лауреат премии Президента РФ.

Лауреат международных поэтических конкурсов

«Золотое перо» — 2009, «Звезда полей» — 2010,

«Душа и слово» — 2011.

Награждена медалями им. Ф.И. Тютчева

и им. М.Ю. Лермонтова, а также медалью Союза

писателей Белоруссии «За большой вклад в литературу».

Секретарь правления Союза писателей России.

Координатор Международной ассоциации писателей

и публицистов по Северо-Западу.

Председатель Карельского регионального отделения

Союза писателей России.

Кандидат педагогических наук.

Заслуженный учитель Республики Карелия.

* * *

Ещё чуть-чуть
                                до солнечного дня,
Ещё чуть-чуть
                                до водопада света...
Ещё чуть-чуть,
                                но любишь ты меня,
Пока ещё
                                тревожно, безответно.
Ещё пока
                                нет лёгкой простоты,
Ещё пока
                                теплет взгляд
  случайно.
Но есть уже
                                и счастье —
  просто ты,
И есть уже
                                и радость —
  незначайность.
Пока ещё...
                                Но вдруг вспорхнёт «уже»,
И оглянёшься в прошлое
  печально.
Пока ещё
                                сомнения в душе,
Уже поёт
                                соловушка прощально...

* * *

Когда ты смотришь на меня,
 Меняют цвет твои глаза —
 В тревожном углубленье дня
 Блеснёт вдруг моря бирюза.

Когда ты смотришь на меня,
 То так глаза меняют цвет,
 Что невозможно не понять
 На мой вопрос твой неответ.

Так у созревшего огня
 Сомнений и оттенков нет.
 Когда ты смотришь на меня,
 Твои глаза меняют цвет...

* * *

Всё — враздрыг,
 Всё — вразлад, невпопад.
 Вдруг разжалась
     пружина метелей,
 Молчаливым слугой снегопад
 На полях расстиляет постели.
 Завалиться в прохладную ширь!..
 Воеет зимушка скорбно, по-вдовьи.
 Расстегнув
     тесный ворот души,
 Мне бы с нею наплакаться вдоволь...
 Безоглядно,
     бессильно,
                     навзрыд,
 Не таясь от людей посторонних.
 Только дом мой снаружи закрыт,
 И желания вьюга хоронит...

* * *

Ветром слезу
     утирает мне город,
 Гладит участливо
     по волосам.
 Только лишь тот,
     кто мне все ещё дорог,
 Как и Москва,
     не поверит слезам.
 Вечер заснеженный
     холоден, долог.
 Светом фонарным
     целует глаза.
 Только тому,
     кто мне всё ещё дорог,
 Об одиночестве
     не рассказать.
 С неба атласного
     смотрит с укором
 Недоумённым
     царица-луна.
 Только лишь тот,
     кто мне всё ещё дорог,
 Не знает о том,
     как ему я нужна.

* * *

С годами мы лишь моложе.
 И ценится больше вкус
 Жизни. Но дом мой сложен -
 Темнеет от срока брус.
 В сеточке трещин печка -
 словно в морщинках лицо.
 Так хочется выйти беспечно
 Босой на сырое крыльцо
 И, не успев одеться,
 Отважно грозить грозе.
 Переглянувшись с детством,
 Вприпрыжку бежать по росе...

Андрей
ЛОПАТИН

г. Чита

Марийка

рассказ

Накануне дня рождения своего мужа, его тридцатипятилетия, на Ольгу нахлынуло смутное, но уже знакомое ей беспокойство. Стоя на кухне у разделочной доски и готовя блюдо к завтрашнему празднику, она размышляла: «Гостей пригласили много. Все — близкие друзья, коллеги по работе, но... среди них опять будет та странная женщина, которую Игорь представляет как Марийка. Хм... Марийка... Марийка...»

Ольга перестала стучать ножом, вздохнула и застыла в задумчивости: «Первый раз она была на нашей свадьбе. Тогда Игорь представил ее так: «Моя бывшая однокурсница, землячка...» Потом она была на вечере, посвященном его назначению на должность руководителя отдела. Он представлял ее уже как сотрудницу, коллегу по работе. Потом она была на его тридцатилетии... И сегодня Игорь назвал её в числе приглашенных...»

В Ольгином беспокойстве, однако, не было примеси острой ревности, подозрения в обмане, — мужа она считала человеком порядочным и вполне ему доверяла, — и всё же оставалось что-то недосказанное, непонятное и не совсем обычное в этих редких, но регулярных появлениях загадочной женщины. Для ума это не выглядело большим недоразумением, при желании нашлись бы простые объяснения, но сердце — женское сердце — не могло и не хотело ничего объяснять. Ольга и в прошлый юбилей, и раньше замечала, как в устремленном на Игоря ее взгляде, обычно веселом и непринужденном, вдруг появлялся ярко горящий блеск; он застывал так на мгновение, как вспышка фотоаппарата, потом так же неожиданно угасал, уходил будто в себя, становился темным, мутным, задумчивым, лицо выражало внутреннюю отстраненность. Такие смены настроения можно было уловить нечасто: всё время она веселилась — смеялась, шутила, выходила танцевать и от других гостей ничем не отличалась. Ольга хотела расспросить о ней мужа, но не стала, понимая, что особого повода нет и ответы получит скорее всего формальные. После вечера всё быстро забывалось. И вот опять...

На следующий день встречали гостей. Марийка пришла позже всех. Выглядела она немного робкой, будто пришла впервые; воз-

можно, она стеснялась своей внешности и наряда. На ней было длинное темно-синее платье с глубоким вырезом на груди; короткую белую шею обрамляли бусы из крупного жемчуга, что придавало ее невысокому росту и полноватой фигуре сходство с кустодиевской барышней; небольшие малоподвижные глазки на пухлом личике, казалось, неумело и излишне были раскрашены тенями, ее губы сияли еще ярче, — такой броский макияж обычно бывает у молодых и одиноких женщин. Вроде бы в этом не виделось ничего предосудительного, но Ольга, глядя на нее, отчего-то вздохнула.

Виновнику торжества вручали подарки, а Марийка не забыла и их сына Сережу, белокурого семилетнего мальчика, который с любопытством крутился в прихожей, встречая каждого гостя. Она подарила ему летающую модель вертолета, при этом как-то по-особенному нежно потрепала за волосы и поцеловала в макушку. Игорю она вручила галстук от известного дома моды, а потом вдруг засмушалась и... достала из сумки вязаный шарфик.

— Учусь вязать, — оправдывалась она. — Вот, связала... Надеюсь, понравится тебе.

— Ну, Марийка... — отчего-то засмушался и он, — ты всегда чем-нибудь да удивишь! И обрадуешь...

Вскоре гости расселись за столом — и вечер поплыл по накатанному сценарию: тосты, улыбки, звон бокалов, стук ножей и вилок, шутки, байки, смех, музыка...

Но в этот раз Ольгу словно ужалили, она нервничала, хотя и не подавала вида. «Она связала! — усмеялась про себя. — Надо же! Она связала ему шарфик! Как трогательно!»

Когда она оказалась на кухне наедине со своей близкой подругой, помогавшей носить блюда, то не выдержала и спросила:

— Каринка, скажи мне, только честно. Если твоему мужику бабы начнут дарить шарфики, как ты к этому отнесешься?

— Ольсюка, ты чего?.. Заревновала, что ль? — удивилась та. — Подарок как подарок. Что тут такого?..

— Не знаю... Но, мне кажется, вязать можно только самым близким людям: детям, родителям, мужу...

— Ага, — подхватила Карина, — еще скажи — любовнику. Ольсю, ну ты у меня матрешка-дурешка! Не заморачивайся так. Выбрось всё из головы. Давай лучше выпьем.

Предчувствие чего-то нехорошего вселилось в Ольгу, и оно не оставляло. В самый разгар вечера в дверь позвонил еще один гость, и она поспешила в коридор, чтобы открыть. А когда бросила случайный взгляд в одну из комнат, мимо которой проходила, то увидела там Игоря и рядом с ним Марийку. Ольга не стала останавливаться, но то, что успела увидеть, выбило ее из колеи: Марийка заботливо поправила ему галстук и застегнула пуговицу на пиджаке. И ее, жену, они даже не заметили!

Это было уже слишком. И этому надо было положить конец. Ольга не стала торопить события и выждала удобный момент. С Марийкой они совсем не случайно встретились, когда та, за чем-то сходя в кухню, возвращалась обратно. Ольга остановила ее в коридоре; здесь они оказались одни.

— Марийка, Мария... до сих пор не знаю, как вас по отчеству?

— Ой, оно польское, не выговорите, — улыбаясь, отмахнулась она. — Зовите лучше Мария, просто Мария. Помните, был такой телесериал?

Ольга сразу оборвала ее шуточный тон:

— Насколько мне известно, просто Мария, вы еще не замужем. Но если бы у вас и был муж, то застегивать пуговицы и поправлять ему галстук я бы постеснялась. Даже наедине.

Для Марийки это было как гром среди ясного неба. Она растерялась, испуганно заморгала и — ничего не ответила. Потом резко повернулась и пошла в прихожую. Там из своего пальто на вешалке она достала пачку сигарет, зажигалку и так же молча вышла на лестничную площадку.

В эту минуту появился Игорь. Ольга завела его на кухню.

— О чем судачили, дорогая? — Он сразу полез обниматься со спины, обвивая как спрут. — А ну, поведай-ка мне ваши женские секретки.

— Игорь, присядь на минуту. — Ольга выкрутилась из его рук. — Нам нужно серьезно поговорить.

Игорь присел на стул, ослабил галстук. От него разлило одеколоном, и запах казался теперь отвратительным.

— Ну, о чем ты? Пойдем лучше за стол...
Ольга присела рядом. В ее глазах блеснули слезы.

— Сначала ты мне всё объяснишь!

— Что?..

— Что тебя связывает с этой... с этой Марийкой. Я давно замечаю...

Игорь встал.

— Да что ты! Неужели ты думаешь...

Ольга силой усадила его.

— Ты мне всё объяснишь! Я хочу знать правду, уж какая есть! Или я сейчас пойду и потребую правду от нее!

— Тихо, не шуми... Дай собраться с мыслями...

Игорь вздохнул так, будто хмель выгонял из себя. Потом он склонил голову и упер взгляд в пол.

— Наверное, пришло время рассказать...

— Рассказывай, я пойму... А может быть... прошу...

Ольга чувствовала прилив жгучей обиды, но, боясь разрыдаться, всеми силами старалась сдерживать себя.

— Это случилось еще в годы учебы, — начал он, — когда я жил в общежитии при вузе. Был я ветреным, беззаботным, любил покутить с девчонками. Не скрою, я имел у них успех и они ко мне липли. Мне же казалось, что все они какие-то одинаковые, и всё было однообразно. Слишком уж я пресытился их вниманием, точнее — сыт был как тюлень. Но одна девчонка меня привлекла, хотя была и не красавица... И не компанейская, да и вообще — скромная, тихая такая, как омут, в котором не понять что прячется. Это меня и задело, захотелось узнать, что же в этом омуте таится. Как говорят, спортивный интерес появился. Стыдно признаться, я даже поспорил с друзьями, что эта тихоня побывает в моих объятиях. Не понимал я тогда, как глупо и опасно играть с чувствами!..

Игорь встал и повернулся к окну, вглядываясь в вечернюю темноту.

— Я говорю о Марийке. Долго я ее добивался. Говорил кучу высоких слов и обещаний, разыгрывал влюбленного, в итоге спор выиграл... И, естественно, быстро потерял к ней интерес... Легко чиркнуть спичку, да только огонь потушить не всегда удается. Наши отношения с того времени закончились. Но я видел, какими глазами она смотрела на меня и чего ей сто-

ило скрывать свои чувства. Только однажды она подошла. «Игорек, — сказала она, — я не знаю, хорошая для тебя новость или нет, но я решила сказать тебе... Я беременна».

Игорь взял Ольгину руку — походило это на исповедь.

— Что я мог ответить? Ничего я не ответил... Я оставил решать ей свои проблемы самой.

— У нее остался твой ребенок?

— Нет, этого не случилось. Она сделала аборт. Только с абортом сильно затянула. Видимо, на что-то еще надеялась... Аборт сделали неудачно. Врачи сказали, что детей у нее больше не будет. И с того момента началась другая история...

Игорь крепко сжал Ольгину ладонь.

— Знаешь, во мне сразу что-то проснулось.

— Ты ее полюбил?

— Нет. Но я говорю: во мне что-то проснулось. Я понял, что сломал человеку жизнь. Горькое чувство угнетало меня и днем и ночью. А она, даже после всей этой боли, от меня не отвернулась. Мы продолжили общаться — как друзья. Я искренне желал ей счастья в будущем, но она ответила так: мне уже не узнать счастья, но мне достаточно, если я буду недалеко от тебя...

Ольга задумалась. Шум гостей и звуки музыки из зала перестали ей слышаться: воцарилась странная тишина.

— Но как же так можно, Игорь? Я не понимаю. Жизнь проходит быстро. Она ведь еще молодая, всё может устроиться, а ребенка не поздно взять из приюта.

— Да я твержу ей то же самое много лет. Но она... она вот такая, убедить ее невозможно. О, если б я знал, что всё так получится!

Ольгу обдало холодом, как только она представила и окунулась во всю глубину этой женской трагедии. Страшные очертания дна выступили перед ней. Теперь был понятен и грустный блеск в глазах Марийки, когда она разговаривала с сыном Сережей, когда садила его к себе на колени...

— Почему же ты не рассказал об этом раньше?

— Зачем? Я надеялся, что привязанность ее с годами утихнет, что повстречается человек, которого она полюбит, что всё разрешится само собой... Но я ошибся... Я не знал, что любовь бывает такой сильной, неугасающей, жертвенной...

Игорь тяжело вздохнул.

— Все эти годы меня гложет чувство вины. Оттолкнуть ее или даже сказать грубое слово я не могу. После учебы она пришла на мою работу и теперь всегда рядом; я вижу, что для нее в этом есть большой смысл. Я преклоняюсь перед ее чувством. Но что мне следовало сделать тогда? Жениться? Испортить жизнь себе? Я понимаю, что поступил подло, безрассудно, но... этого уже не вернуть.

Игорь взглянул прямо в лицо.

— Оля, поверь, от меня ей много не нужно. Марийка никогда не пойдет на то, чтобы разрушить нашу семью, встать между нами. Ей достаточно меня видеть, общаться. Мы давно с ней так договорились. Она счастлива даже этим. Она рада и за нас. Не осуждай ее.

«Не осуждай ее, не осуждай ее», — тяжелым эхом отдались последние слова. Ольгу кольнуло что-то изнутри. Перед ней живо предстали испуганные глаза Марийки в тот момент, когда она выслушивала упрек про галстук и пуговицы. Каким же грубым и нелепым он теперь показался! «Господи, да что же это такое! — ужаснулась она про себя. — Какие пуговицы! Какой галстук!»

Сидеть на месте Ольга уже не могла.

— Иди в зал, я сейчас. — Она вскочила и быстро зашагала к двери.

Марийка стояла на лестничной площадке одна, прислонившись к стене; в опущенной ее руке

была так и не подкурренная сигарета. Увидев Ольгу, она опять испуганно расширила глаза и, казалось, вся сжалась, словно ожидая нового удара. Какой жалкой, беспомощной она выглядела! Ольга сразу взяла ее руку и прижала к себе.

— Марийка, Марийка! — начала она говорить торопливо, но уже не могла удержать слез, они хлынули, прорвались как река. — Прости меня, если можешь. Я ведь не знала всего... Не знала... На моем месте могла быть ты, и я знаю, ты это заслужила. Но судьба распорядилась по-другому. Я верю, у тебя еще будет свое счастье. И ты верь, оно обязательно будет... обязательно...

В глазах Марийки тоже выступили слезы, она вся дрожала. Ольга притянула ее к себе — и две женщины обнялись. Так, положив головы на плечи друг дружке, они стояли долго, неподвижно; у обеих размазалась тушь, текли слезы — откровенные женские слезы — и с ними, казалось, вытекала вся горечь, все обиды, все прошлые волнения.

— Марийка, Марийка... — повторяла Ольга, изредка всхлипывая и понемногу успокаиваясь. — Марийка, Марийка...

Теперь, вдвоем, им было спокойнее. Они совсем не заметили, как в квартире снова грянула музыка и гости стали танцевать.

□

Андрей Иванович ЛОПАТИН

родился в пос. Холбон Читинской области в 1963 г.

*Окончил Читинский государственный
политехнический институт.*

Пишет рассказы.

Публиковался в журналах «Юность», «Смена»,

«Литературная учеба», «Парус»,

«Волга XX век» и многих других.

Живет в Чите.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Елена РОДЧЕНКОВА

г. Санкт-Петербург

КРЕПКА КИТАЙСКАЯ СТЕНА

(Воспоминания о В. Т. Распутине)

Самолет наш приземлился в Пекине рано утром. Я не спала в нём ни минуты, разглядывая в иллюминатор красавицу землю. Уже в два часа ночи по московскому времени по правому борту взошло солнце, а по левому таинственно замерцала пустыня Гоби. К моменту приземления существую уже вне времени и пространства – все как во сне. Играет роль разница во времени – 4 часа.

Идем по Летней резиденции императора. Мелкие торговцы предлагают купить разные сувениры. Нам нравится, как они торгуются. Торговля в Китае – это игра, искусство, развлечение и зрелище для любопытных. Покупаем яркие, ненужные в общем-то зонтики, дурной пример заразителен, купили почти все. Раскрываем, идем такой цветочно-грибной группой и вдруг видим: на нашей каменной (или мраморной) дорожке впереди стоит китаец, рядом с ним – ведро с водой. Он макает в воду огромную, как швабра, кисть и пишет на мраморе красивые иероглифы. Наш переводчик Ван Цон Ху (Андрей) внимательно читает и начинает переводить. Обступив пишущего, мы ждем продолжения текста. Китаец сосредоточен и деловит, будто он красит забор, а не пишет стихи. Потoki людей обходят его со всех сторон и не смеют ступить на дорожку. Он пишет, а они на глазах исчезают – высыхают на солнце. А он опять пишет, Андрей переводит. Это стихи.

Может быть, слово, прилетевшее с небес к поэту, остается жить на этой земле на века. Но иногда оно скучает по небу и взлетает к облакам то в звуках песни, то с дымом сгоревшего текста, а то и вот так – вместе с капельками испаряющейся воды. Знаки тают, воспаряют от земли, но потом снова и снова возвращаются – через голос поющего ребенка, через руку писателя, через кисть этого китайца, рисующего на бесконечной дорожке нескончаемые водные иероглифы. И ни один человек не смеет ступить ногой на эту ставшую в один миг неприкосновенной дорожку.

Делюсь мыслями с Андреем – мы с ним сдружились – он удивляется: никогда не придавал особого значения этой привычной для глаза картине. Говорит: «Важно не только тонко сделать, но и тонко оценить тонкость сделанного».

Валентин Григорьевич внимательно следил за действиями китайца с кистью и прислушивался к нашему разговору. Потом заметил: «Работа у него такая. Ежедневная».

* * *

Иероглифы – самое большое чудо, которое я увидела в Китае. Что касается языка, то официальный китайский язык – «мандарин». Существ-

вуют также кантонский, шанхайский и другие диалекты, а также языки национальных меньшинств. Диалекты очень сложны, и часто бывает так, что китайцы, живущие на расстоянии 200 км, не могут понять друг друга. Но письменность в Китае единая. Она едва ли не самая старая в мире, трансформировалась из рисуночного письма, в котором слово обозначалось несколькими мазками кисточки. При этом «лошадь» была похожа на лошадь, а «солнце» – на солнце. Если приглядеться, то и сейчас во многих китайских иероглифах можно увидеть пиктограммы, от которых они произошли.

Иероглиф «рис» похож на растение с тремя корешками, «вода» – три капли, одна из которых длинная, как летящая к земле дождинка. Иероглиф «луна» напоминает месяц с точкой внутри. Он трансформировался с годами, и его макушка стала теперь не острой, а усеченной и напоминает нашу букву «П». Иероглиф «человек» – это просто «палка, палка, огуречик», только без головы. Сочетание простых иероглифов образует сложные иероглифы, обозначающие качества или понятия. Иероглиф «солнце» и «луна» означает понятие «яркость». Кстати, «солнце» раньше обозначалось как круг с точкой, а теперь – квадрат с крестом. Интересно, почему он так трансформировался?

А вот, к примеру, накрытый «крышечкой» сверху иероглиф «свинья» означает «семья». Почему так – непонятно. Но можно предположить... Я просто заболела китайским языком, хотя выучить его уже не берусь.

Никто точно не знает, сколько существует иероглифов, может быть, больше 50000. Чтобы читать китайские газеты, нужно знать не менее 7000. Раньше иероглифы писали столбцами и читали сверху вниз, справа налево. В годы Культурной революции письменность «завалили набок», и теперь китайцы читают, как европейцы – слева направо. Кажется, при этом ушла изюминка, но ворота языка все равно остались на замке. С таким языком, проникнуть в который Западу не по силам, нации практически невозможно потерять свою индивидуальность.

Не узнав языка – не поймешь народ, не поймешь народ – не завоюешь страну, не завоюешь страну – не уничтожишь язык и так далее. Ленивые европейцы не выучат китайский. И не смогут вставить в рисунки свои «океи» и «макдоналдсы». Поэтому английский в Китае живет параллельно, не пересекаясь с китайским. Нам в этом смысле повезло меньше. В наш язык английский впился всеми щупальцами разрастающейся мерзкой опухоли.

Уровень грамотности в Китае высокий, несмотря на сложность в изучении языка. Китайцы любят даже украшать помещения образцами кал-

лиграфии. Каллиграфия считается видом искусства, так же, как живопись. Существует даже Союз каллиграфов, так же, как и Союз писателей Китая. О каллиграфе-авторе китайцы рассуждают так же, как мы о Врубеле или Серове.

Что касается живописи, то китайцы в этом плане консервативны. Если у нас принято «ценить» оригинальность, необычность, непредсказуемость, вычурность, то китайские художники из века в век, следуя наставлениям Конфуция, воспроизводят образцы прошлого. Ученик пишет так же, как писал его учитель, не меняя сюжетов, сохраняя технику письма. Хотя иногда встречаются и шедевры современности – китайцы не хотят отставать от забежавшего в неизвестном направлении Запада и также развивают творческую инициативу. Новый лозунг Китая: «Мысли свободно, двигайся в ногу со временем».

* * *

Всего предстояло посетить семь городов. Прилетели в Харбин – город с еле-еле слышимым эхом русского языка. Я бы даже сказала, что это город с русским акцентом. Возложили цветы к памятнику русским солдатам-победителям, установленному в 1945 году и прекрасно сохранившемуся, посетили памятник Пушкину, напелись русских песен с харбинскими русистами. Вечером, гуляя по улицам, наткнулись на бронзовую скульптуру: русский мужик играет на гармошке, а девушка пританцовывает рядом. Мы назвали их Кузьмой и Дусей и ненадолго составили компанию, выпив рядом на лавочке китайской водки. И немного заскучили по дому, хотя впереди были Нанкин, Ханджоу, Шанхай...

В Харбине есть православные храмы. Конечно, недействующие. К сожалению, православие в Китае является официально неразрешенной религией. Не запрещена, но и не разрешена. Существующие религии – даосизм, конфуцианство, буддизм. Разрешенные – мусульманство, католичество, протестантство.

Конфуцианство – религия, основанная на идее «небесного мандата», который дарует Небо мудрым правителям. Зародилось при династии Чжоу. Представление о небесной природе власти, когда Император считается Сыном Неба, было живо в Китае вплоть до смерти Мао Цзедуна. Теперь это представление потеряно за отсутствием Сына Неба. Так же, как у нас, с потерей Царя русского, Помазанника Божия, мы остались с потерей.

Вообще, китайцы не вполне уверены, что они смертны. Этико-философская система Конфуция заложила в них эту неуверенность. Высшими ценностями считаются образование, предан-

ность семье и законопослушание. Многие китайцы полагают, что это учение безнадежно устарело, однако можно встретить активное обсуждение судебного решения, в котором чиновника или другого представителя власти привлекла к ответственности возмущенная простая сельянка. Многие считают, что основы учения Конфуция воспитали в народе такие качества, как вежливость, справедливость, терпение, честность, что помогло сохранить нацию и государство.

Учение – легизм – менее оптимистично смотрит на натуру человека и полагает, что человек изначально греховен и только строгий и беспощадный закон способен заставить его жить в обществе. В Китае предусмотрена и довольно часто применяется как мера наказания публичная смертная казнь, в том числе за взяточничество чиновников и за коррупцию в органах власти.

Некоторая часть китайцев исповедует даосизм (учение Лао-Цзы) – радостную и беспечную религию, согласно основным постулатам которой справедливость вытекает из гармонии с миром вокруг нас. Иными словами – измени себя, и мир вокруг тебя изменится.

Есть также и последователи маоистского марксизма. Сегодня деятельность Мао китайцами оценивается больше как хорошая, чем как плохая, а «культурную революцию» они считают ошибкой Мао. Как часть нашего народа – режим Сталина и террор Ленина. Но портрет Мао украшает вход в Запретный город, а забальзамированное его тело лежит в Пекине в Мавзолее на огромной площади Тяньаньмынь. Правда, у нас тоже, охраняя историческую память, на Красной площади лежат останки Ленина, не преданные земле. Но если китайцы тщательнее скрывают, что тело давно заменено восковой куклой, то мы махнули рукой.

* * *

Новый порядок в Китае стабилен, чувствуется радостное состояние народа, их гордость за страну. На улицах всех городов мы встречали танцующих среди бела дня людей. Можно подойти, взять веер, потанцевать с ними и идти себе дальше. На первый взгляд, все красиво. Но там, где красиво снаружи, обычные проблемы внутри.

Основная проблема Китая – густонаселенность. После провозглашения Китайской народной республики в 1921 году людей призвали рожать. «Чем больше китайцев, тем лучше». После смерти Мао Цзедунa внедрен лозунг «Одна семья – один ребенок». Этот лозунг государство поддерживает материально. Если рождается второй ребенок, семью

лишают многих льгот и выплат. В городе этот лозунг соблюдается населением, в селе – не всегда. При этом в Китае подрастает поколение «одиноких» детей, разбалованных вниманием родителей, не привыкших трудиться, пресыщенных высоким уровнем технологий, не знавших никаких проблем. Может быть, они станут золотым фондом счастливой нации? Но что-то настораживает в этом неестественном государственном контроле рождаемости. Когда ребенок один, он всегда говорит «дай» и ему некому сказать «на, возьми», не с кем делиться, из него вырастает эгоист и потребитель. Это опасно для китайской нации, и не только для нее. Поколение, не объединенное ни Великой Китайской стеной, ни великой идеей, ни национальной проблемой, ни единой религией, ни родственниками, ничем, кроме лозунга «Одна семья – один ребенок», уничтожит психологический корень великой клановой, семейственной нации, в которой порой жители целых деревень состояли в родстве и имели одну фамилию. Процесс разобщения людей разрушителен. Мы уже хорошо видим это и у себя по результатам уничтожения русской деревни.

* * *

Садимся в самолет. Мое место рядом с Валентином Распутиным. Напала тревога. Говорю ему: «Китайские летчики приземляются грубо, как мешки с картошкой. А наши – как ласточки». Самолет набирает скорость, я вцепляюсь пальцами в спинку соседнего кресла. Вообще-то, люблю летать, а тут нашло непонятно что. «Лена, не бойтесь, мы не разобьемся». – «Мне кажется, разобьемся...» – «Столько писателей сразу не может погибнуть. Только по одному. Большая делегация. И вообще, не относитесь серьезно к перелетам».

Великая Китайская стена. Говорят, что это единственное рукотворное сооружение на Земле, которое видно с Луны. Сама Стена достаточно узкая – метров 5, и по сравнению с нашими русскими кремлями – невысокая. Она ползет змейкой по гребешкам горных хребтов, обросших темно-зеленым лесом. Сложенная из белых камней и кирпича, во многих местах искусственно подсвеченная, она очень контрастна по отношению к окружающему фону. Но и без подсветки, представьте себе, как солнце и луна озаряют тонкую белую ниточку, проведенную по краю мощной череды горных хребтов, и тянется эта ниточка с запада на восток Китая 5000 километров!

Мы с писателем Александром Сегенем и нашим переводчиком Андреем отважились взобраться на вершину горы по Китайской стене. Оказалось, что

это непросто. Остальные члены делегации ждали нас внизу, считая героями. Ступени очень крутые, и это удивительно, будто построили их для длинноногих европейцев. Но по краю ступени стерты ногами многочисленных туристов, поэтому, держась за поручень, можно потихоньку подниматься. Необычны ощущения подъема: идешь, идешь и не чувствуешь усталости. Когда останавливаешься на площадке, то вдруг начинаешь тяжело дышать, сердце выпрыгивает, а ноги подкашиваются от слабости. А вокруг – необыкновенная красота! Далекие дали, горы, леса, облака, еле различимые вдаль участки Китайской стены... Улетаешь сердцем куда-то далеко за эти облака и горы, потом возвращаешься от какого-нибудь постороннего звука и вдруг понимаешь, что усталость исчезла.

Подняться-то мы поднялись, хоть и трудно далась гора, а вот спускаться было намного тяжелее. Такая восточная философия – подъем тяжел, но это путь вверх, к вершине, и если, останавливаясь, смотреть в небо, а не вниз, то усталость проходит и даются новые силы. Это радостно, это захватывает. А вот назад, вниз – это утомительно и неинтересно. И гораздо страшнее, чем вверх. Думается, зря мы говорим «катиться по наклонной». Думается, что это тяжелее и мучительнее, чем вверх, и нам только кажется, что катиться, падать – легко...

Внизу нас ждут свои. Мы с Сегенем стали героями дня, как будто покорили Эверест. Валентин Григорьевич вместе со всеми ожидавшими нас внизу – улыбается по-отечески, слушая наши восторженные речи. Он-то уже не раз «покорял» Стену, а мы чувствуем, что не зря родились на свет.

* * *

У китайцев совсем другой менталитет. Но у китайцев-русистов менталитет больше русский, чем китайский. У них очень тонкое чувство юмора и очень чуткий ум. Такое ощущение, что к каждому русскому слову они мгновенно выстраивают армию в 50000 иероглифов, с которыми производят необыкновенное взаимодействие. Однако китайский легкий как ветер юмор посажен в банку условностей, обычаев и традиций. У нас он более раскованный, если порой не распушенный.

Китаец никогда не будет шутить с женщиной так, как не хотел бы, чтобы шутили с его женой, не посмеет «подколоть» начальника, не станет «подтрунивать» над старшим. Некоторые вещи, которые нам кажутся смешными, их приводят в полное замешательство. Один русист рассказал мне, что как-то переводил длинную, замысловатую шутку гостя, а в конце перевода его вдруг осенило, что наружу может выскочить

второй и третий нехороший смысл этой шутки, а для гостя это будет нежелательным. Он мучился и так и сяк, а потом вынужден был сказать, спасая деловые отношения между фирмами, следующее: «Наш уважаемый гость пошутил. Это очень смешная шутка. Прощу вас, посмейтесь, пожалуйста».

Конечно, подобный перевод недопустим на официальных встречах и приемах, поэтому наш гениальный переводчик Андрей как губка впитывает каждое наше слово и всегда наблюдает за нами, словно снимая на камеру все наши движения. И это, кажется, помогает ему в работе. Он поочередно становится то тенью В.Г. Распутина, то отражением Л.И. Бородина, и я ловлю в его исполнении то медлительный поворот головы Валерия Николаевича Ганичева, то открытую улыбку Владимира Бондаренко, то он пригладит волосы, совсем как писатель Николай Лугинов, то ходит за Николаем Дорошенко молчаливым двойником...

Чтобы перевести слово человека на свой язык, надо стать немного этим человеком, а чем сложнее человек, тем тяжелее стать им хотя бы на время. Как удалось Андрею стать всеми нами – непостижимо! Я всегда наблюдала за ним, познавая через него его страну и народ. Вот Андрей разговаривает с Леонидом Бородиным – разговор, видимо, серьезный, судя по всему, философский, и со стороны это два одинаковых философа. Через несколько минут подходит с организационными вопросами Лариса Соловьева, и от Андрея-философа не осталось и следа. Он уже летит по холлу гостиницы к портье, видоизменяется на глазах, как поток воды, приобретая форму данного волей случая сосуда.

Мы так переключаться не умеем. Вернее, если постараться, то можно попробовать, но после третьего переключения может последовать взрыв, от которого не останется ни того, ни другого сосуда.

Китайцы очень терпеливая и доброжелательная нация, они вежливы и не мстительны, но память у них хорошая. Это нация со стальным стержнем внутри. Сталь умеет двигаться, гнуться и не ломаться. Ртутная, резиновая какая-то сталь внутри них. Они по-детски открыты, имеют обостренное чувство несправедливости. Но обидчивы, а если их обидеть – злы.

Русские и китайцы – две имперские, государствообразующие нации, на данном этапе жизни отличающиеся друг от друга как день и ночь, небо и земля, черное и белое, как две энергии – инь и янь – две очень взаимозависимые нации.

По вере китайцев, все мироздание состоит из двух противоположных, хотя и дополняющих друг

друга начал – инь и ян. Эти две полярные силы, достигнув своего максимума, могут переходить в свою противоположность, образуя бесконечный цикл. Инь соотносится с землей, луной, женщиной, холодом, темнотой. Ян – с небом, солнцем, мужчиной, теплом, светом.

Воплощением ян является один из символов Китая – дракон.

Инь и ян чередуются, день сменяется ночью, зима – летом. Эта двойственность мира изображается как круг, в который вписаны две фигуры, напоминающие запятые или головастики – черная и белая. В голове у головастика – точки противоположного цвета – в чистом виде ни мужское, ни женское начало не существует – каждое должно содержать в себе свою противоположность.

Так неприятна ночь без звезд, без светящихся окошек, день без теней, холод без очага, зной без освежающей воды, так неприятен мужчина, которому не присущи нежность и доброта, несовершенна женщина, которая в суровую минуту не может стать мужественной и решительной. «Глазки» в запятых маленькие. И в этом указание – смотри, не переборщи. Слишком женственный мужчина или слишком мужественная женщина не вписываются в фигуры гармоничного круга жизни, выпадают из очереди за счастьем.

Я попробовала к этому фундаменту приложить для постройки камушки. Если Китай / дракон, солнце, небо / – мужчина, то Россия / земля, холод, темнота / – женщина. В определенные времена – так, а потом – наоборот. Хотя вполне может быть и такое: Россия и Китай – два представителя мужской энергии, а старушка Европа и Америка – это два женских начала.

Интересно, что в двух наших странах по две столицы: в России – Москва / женщина, исходя из кольцевой, кругообразной пышной застройки и других факторов / и Санкт-Петербург – мужчина строгих, сдержанных форм и правил, молчаливый атлант, непобедимый воин.

В Китае – Пекин – чиновник, деловой, респектабельный человек, немного самовольный, горделивый, но без излишеств, и – Шанхай – умная, расчетливая женщина, взявшая в руки власть, не особо заглядывающая в прошлое и будущее, довольная собой, и вместо глаз у нее – две монетки... В соответствии с переменами, происходящими в странах, наступают то день страны, то ночь, то жар, то холод. Столица переезжает то из Москвы в Санкт-Петербург, то обратно. В чистом виде ни мужское, ни женское начало не существуют ни в малом, ни в большом.

Философствуем об этом с нашим переводчиком Андреем. Он любит вести со мной беседы,

когда мы ходим по музеям, едем в автобусе, притягивается, как железка к магниту. К середине поездки, сдружившись, начинаем брать щепетильные темы, спорим громко, заставляя всех членов делегации осторожно прислушиваться. Андрей после спора и ссоры садится в другой конец автобуса, потом потихоньку возвращается.

Гуляем по городу.

– Почему у вас драконы накрывают сверху лапой планету? Так и расплющить ее недолго.

– Потому что мы возьмем вот так, – показывая, растопырив пальцы, – и накроем, – с задиром отвечает он.

– А у нас Богородица держит планету на ладошке – бережно. Знаешь, что такое – держава?

– Знаю. А мы – накроем.

– Больно шустрые – накрывать... Не накрылись бы сами...

– На-до-е-ла...

– Потерпишь, твоя работа такая.

Мне тоже интересно знать, до какой степени можно его злить.

– Ты меня достала! За-дра-ла... у-па-хала... па-ра-зит-ка...

– А ты маленький и некрасивый... Где набрался таких слов?! У Донцовой?

– У Сорокина. Я умный.

– Умный, уважающий себя переводчик не должен употреблять дурные слова.

– Почему они дурные?! – искренне удивляется Андрей, забыв про то, что осерчал.

Валентин Григорьевич, идущий впереди, приостанавливается, улыбается:

– Андрей, вы просили меня вчера пояснить, чем грозит процесс маргинализации русской литературы. Вот вам конкретный пример, какие плоды приносит труд маргиналов. Вы почти что сквернословите.

Андрей вытягивается в струнку – он боготворит Распутина и не дыша идет рядом с ним, внимательно впитывая каждое слово.

Слышу:

– У вас есть замечательный шанс: поймете Лену – поймете и Россию.

* * *

Совершаем очередной перелет, проходим таможенный контроль. По ошибке не сдали в багаж несколько бутылок русской водки, которые везли вместе с черным русским хлебушком из Москвы в наше посольство. Оставили эти злополучные бутылки в ручной клади. Подходя к контролю, поняли, что их отберут. Складываем в сум-

ку Валентину Григорьевичу: «Вас знают, у вас не отнимут». Проходим контроль – водку, конечно, изъяли, несмотря на все наши уговоры на английском. Бутылки таможенники поставили на столик в углу помещения, вдали от пассажиров.

Валентин Григорьевич снял ботинки, ремень, все сложил на конвейер, прошел контроль, стал обуваться на той стороне. Мы еще на этой. Смотрим: он берет с конвейера свою полупустую дерматиновую сумку, подходит к столику с бутылками и прямо под носом у китайских контролеров начинает медленно и уверенно складывать эти бутылки обратно в сумку. Один китаец что-то воскликнул, второй замер, третий вовсе онемел. Так они и простояли в почетном карауле рядом с нашим гением, почему-то не посмев помешать ему. Мы тоже, кстати, оторопели. Пройдя контроль, догнали его, волокущего тяжеленную водочную поклажу на плече. Все галдят: «Как смело! Как же вы так не побоялись забрать водку, ведь она была конфискована!» Я позади еле иду, согнулась от хохота, пытаюсь сдержаться, чтобы расслышать ответ, но смех разобрал такой, что услышала только самый хвостик: «А разве нельзя было забрать?» Ведь Валентин Григорьевич не слушал разговор с таможенниками на английском.

* * *

В музее современной китайской литературы мы рассматривали настенную мозаику с изображениями персонажей героев литературных произведений китайских авторов. Экскурсовод искренне поясняет нам, мол, это такой-то герой такого-то автора, похожий на вашего Павла Корчагина, а этот – на таких-то героев М.Горького, а вот те персонажи похожи на героев таких-то русских авторов.

Теперь китайцы несколько растеряны по поводу положения дел в современной русской литературе. Они, кстати, не называют ее «российской», как у нас нынче принято. Однако понятие «современная русская литература» изменилось в их чутком восприятии, и героя, на которого можно было равняться при написании своего идеологически выстроенного литературного произведения, им теперь найти трудно. Им трудно, и нам трудно. В бурном, мутном потоке современной русскоязычной книгопродукции чего только нет, кроме героев.

Китайцы более 20 лет переводят В.Г. Распутина. На встрече со студентами Шанхайского университета студенты-русисты устроили настоящий праздничный концерт с русскими песнями и танцами, читали на русском и китайском стихи классиков, отрывки из прозы В.Г. Распутина.

Валентин Григорьевич – удивительный человек. Он почти всегда молчит, а когда выступает, говорит сложно, но очень мудро, красиво. Предложения его похожи на тонкие деревца с пышными кронами, в которых трудно пересчитать и перечислить все веточки и листики нашему переводчику Андрею. Смуглые щеки Андрея становятся пунцовыми, он переводит эмоционально, старательно, и картина получается необыкновенная: сдержанный, немного равнодушный голос Распутина и восторженный, энергичный, заряженный открывшимися с ходу неслыханными истинами перевод Андрея. Андрей отражает то, что скрывает за своим мудрым спокойствием Валентин Григорьевич.

* * *

Едем с Русского кладбища в Харбине. Нас обещали завезти на шелковую фабрику. Все под впечатлением посещения: русские имена и фамилии, человеческие судьбы – счастливые и несчастные, встреча с потомками русских (одну из могил убирали две старушки, мы долго разговаривали с ними на русском языке), закрытая православная часовня... На сердце и светло и очень тяжело одновременно...

Садимся в автобус. Все молчат. Трудно. Единственным лекарством может стать покупка шелковых кофточек и шарфов. Женщины никогда не отходят далеко от своего природного начала.

– Теперь мы едем на шелковую фабрику? – спрашиваю я одновременно всех и слышу от Валентина Григорьевича:

– Нет. Ни в коем случае.

Он сидит впереди меня. Я заглядываю через его плечо:

– Не едем?

– Нет, конечно. После кладбища как можно думать о мирском, о покупках и развлечениях?

– Почему же о мирском? – забеспокоилась я. Находясь в центре Великого Шелкового пути, по которому тысячи лет бесчисленные караваны верблюдов везли тоннами шелка в Европу, ездить по кладбищам мимо шелковой фабрики – не в шелках... – Эта поездка была запланирована!

– Не положено, – не соглашается Валентин Григорьевич. – Обычай у нас такой, Лена.

Никто не спорит. Распутин – классик. Я с 8-го класса писала сочинения по его произведениям. Начинаю доказывать, но Валентин Григорьевич неумолим. Нет, и все.

– А тогда не пойдём и на банкет! Зачем мы будем на банкетах думать о мирском? – И слезы навернулись все же на глаза.

Валентин Григорьевич понял, что я ослабла духом в этой трудной поездке, оборачивается через плечо и шепчет заговорщицки:

– Лена, я валяю дурака...

* * *

Китайцы ищут героя. Они не могут жить без героев. У них в крови – бороться и искать, найти и не сдаваться. А когда все достигнуто, все сыты-одеты-обуты, все спокойно и хорошо – их это тревожит. Пресыщенные и довольные собой люди в герои не годятся. Здесь нужен человек-боец, побеждающий трудности не для своего кармана, а для народа, созидатель, строящий вопреки чему-то, во имя страны, а не для себя лично. Китайцы – доверчивые идеалисты. Поиск героев продолжается. Это замечательно.

А мы эти поиски, кажется, приостановили, потому что у нас каждый выживший, сумевший сохранить свою честь современник – уже герой. И героизм его – в победе над собой, над своими собственными соблазнами и грехами. Чтобы победить врага, надо хорошо его знать. Как может знать своих врагов атеист? Мы учимся героизму у Христа и всех святых, ищем отражение этих качеств в людях на земле, и если находим, то считаем этих людей героями. Другое дело – писать о них или не писать?

Если не писать о героях, то другие будут писать о грешниках.

В Небесном Китае тоже есть герои. Их семь. Православная церковь канонизировала 7 мучеников-китайцев, среди которых есть маленький мальчик.

Китайцы ищут героя на земле. Ищут идею. Да ведь и мы тоже ищем то, что давно нашли.

P.S.

Конечно же, мы говорили с ним и о важном.

Последняя наша встреча была мимолетной – в здании Союза писателей на Комсомольском проспекте в Москве. Я дала ему газету «День литературы» с моей публицистической статьей, он сказал, что уже читал, но взял и положил в ту самую дерматиновую сумку, что путешествовала на его плече по Китаю.

– Я все ваше читаю, что попадается на глаза, Лена.

– И как вам – в целом?

– Время покажет. Избегайте этих тусовок. Раз в год появилась и – бегом домой.

– Жестко...

– По-другому еще жестче. Я-то уж домучаюсь здесь, дотерплю. Недолго осталось терпеть...

– Рано, может, еще...

– Не рано.

□

Елена Алексеевна РОДЧЕНКОВА –
поэт, прозаик, публицист.

Родилась в г. Новоржеве Псковской обл.

Публиковалась в журналах «Наш современник», «Нева», «Москва», «Дальний Восток», «Енисейский литератор», «Всерусский собор», «Невский альманах» и мн. др.

Автор 21 книги, среди которых сборники стихов «Стихия» (1997), «Росы» (1999), «Славянские ключи» (2000), «Молчание – золото» (2011), сборники рассказов «Святой колодец» (2000), «Живые души» (2011), «Когда вырастет на камушке цветочек голубой» (2012), сборники стихов для детей «Кто поможет двум шмелям?» (2011), «Улыбнись немножко» (2011), «Мне уже почти пять лет» (2011).

Лауреат многочисленных литературных премий.

Автор гимнов г. Валдая и г. Новоржева.

Ее произведения переведены на китайский, арабский, немецкий языки.

Член Союза писателей России с 1997 г.

Живет в Санкт-Петербурге.

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился в 1964 году в г. Петрозаводске.

Окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище.

Подполковник внутренней службы — в отставке.

Продолжает трудиться в одном из подразделений МЧС.

Публиковался в журналах «Север», «Карелия», «Урал»,

«Уральский следопыт», «День и Ночь»,

«Юность», «Наш современник», «Огни Кузбасса»,

интернет-журнале «Пролог»,

еженедельнике «Литературная Россия».

Автор трех книг стихов и книги прозы.

Член Союза писателей России.

**Олег
МОШНИКОВ**

г. Петрозаводск

«Сокровенное слово

ищу...»

ПАМЯТНИК

Зацепились за солнечный маятник
Сокровенные думки отца:
Я не дачу построил, а памятник! —
Говорил, и смеялись глаза.

И морщинок улыбчивых борозды
Щедро застила счастья вода...
Как отчаянно были мы молоды!
И, казалось, оно навсегда —

Дачный сад, и тропинка до озера
Через лес, и кустистый туман,
И вольготное — с мая до осени —
Детство внука, и старый диван,

И чудные бабулины ходики,
Потерявшие живость на миг,
До сих пор и не сдвинулись вроде бы...
Раскачавшийся маховик

Не удержишь, вставая на цыпочки,
Сколько взглядом его ни лови,
Не отмаялось солнце на ниточке,
Истончившейся в лучик любви.

На рисунке — из черточек каменных —
Тронут влагой отцовский прищур:
Я смотрю на кладбищенский памятник,
Сокровенное слово ищу...

* * *

Дорога дальняя на Гирвас...
Среди обугленных боров
Уже рябой подлесок вырос.
На месте яростных боёв
Прошёл пожар лесной, недавний...
Горельник вздыбила скала.
Подёрнутые дымкой плавни
Забилла мыльная зола.
И сосны — чёрная пехота —
Глядят на гати с вышины
На бор за клюквенным болотом,
До сердцевин обнажены:
Кора — в рубцах, макушки сбиты,
А не легли к ногам врага!..

И ни приказа, ни молитвы —
Кругом бескрайняя тайга,
Где человека чувят волки
И, не таясь, выходит лось.
Немало в круглые воронки
Грибов и ягод забралось.
Заезжим место не известно...

В кольце заржавленных болот
Из-под огня из перелеска
Не вышел безымянный взвод.

* * *

Стеной вдоль берега —
Трава покосная...
Деревня Леликово
На малом острове

Крестьянской памятью,
Рыбалкой славится,
Грядую каменной
Соединяется

С водой великою...
С ватагой местною
Ходили в детстве мы
За земляникою.

Вручив корзиночки,
Твердили взрослые:
Гряда — что ниточка,
Держитесь острова.

Горстями времечко
В корзину брошено...
Приспело летечко,
Да все не кошена

Трава духмяная,
Чадит до осени.
Встречают знаменье
Зари на озере

Избушек дюжина
Да церковь старая —
К приделу дюжие
Кресты приставлены.

Старуха крестится
На главки голые:
«Уходят, крестница,
Века тесовые.

Все тише Истина —
До звона росного:
Чтоб обрести ее,
Держитесь острова...»

ПОМЕТКИ НА ПОЛЯХ

В глубь распахнувшихся страниц —
Не зарастающей тропой...
Доколе, память, нам с тобой
Считать до ночи книжных птиц?

Ах, эти клики над строфой! —
Штрихи небесной ячеи —
Мы восторгаемся строкой
И сожалеем — без причин —

Что журавлиный перелет
Сольется с кромкою полей:
К началу строчки приведет
След отрывных календарей.

* * *

Узорье церкви деревянной —
Намоленная старина:
Осенний воздух осиянный
Вдыхай — не выберешь до дна,

Вплетенной в храмовый орнамент,
Волны — под берегом баским
Онежских скал... Что было с нами,
Быть может, важно и другим? —

Сердечный свет, дела и мысли,
Колодезное бытиё...
И говорит о вечной жизни —
Неисчерпаемость ее.

МОРЯК

со «Стрелителного»

Павел
КРЕНЕВ
г. Москва

Сколько лет я себя помню, в море, на траверзе нашей деревни всегда ходило много разных военных кораблей. Вероятно, Белое море являлось для них родным водоемом, где они резвились как дети малые, хвастались друг перед другом своими пушками, радарными, красотою боевых форм.

Иногда корабли крепко хулиганили. Однажды сын нашего председателя сельского совета Герасим Петров шел по берегу пешком из соседней деревни Летний Наволок в родную деревню Лопшеньгу. Где-то на полпути его обстреляли орудия военного судна, что ходило в море километрах в трех от берега. Конечно, с судна никто Герасима не видел, конечно, стреляли военные по какой-то там мишени, устроенной на берегу, и, конечно, снаряды были холостые. Но, как всегда, наши доблестные краснофлотцы понадеялись на авось и на то, что берега наши пустынные, боевого охранения не выставили, и хороший парень Герасим попал в серьезную заваруху. Снаряды со страшным гулом пронеслись у него над головой, некоторые падали довольно близко. Наш Герасим в такой боевой обстановке еще не бывал, он спрятался за огромный песчаный бугор и крепко перепугался.

Некоторые злые языки что-то рассказывали о содержимом его штанов в тот непростой момент, но я не знаю точно той ситуации и не буду наговаривать на замечательного человека и славного земляка Герасима Петрова.

Знаю только, что его отец Степан Матвеевич, ветеран войны и председатель сельсовета, поднял по этому поводу страшную бучу, кому-то из военных, вероятно, крепко всыпали и орудийные обстрелы наших берегов раз и навсегда прекратились.

Еще с довоенных времен в городе Молотовске (ныне – Северодвинск), что в ста километрах от нашей деревни, началось строительство дизельных подводных лодок. Вновь построенные субмарины проходили обкатку прямо напротив нашей деревни. Ох и шумные эти создания были – дизельные подлодки. В надводном положении стук их дизелей был слышен на добрый десяток километров.

Выйдешь, бывало, в белую ночь на берег, сядешь на бревно и слышишь, как где-то далеко-далеко над морем разносится гул работающих моторов. Ну где же она – подводная лодка? И только с трудом увидишь, как на самом краешке сизого горизонта, над еле видимой линией морс-

кой дали чуть-чуть возвышается маленький носик и маленькая рубка гуляющей по горизонту таинственной субмарины.

Я был совсем несмышленный тогда, но эти картинки помню до мелочей.

Когда мне было лет семь или восемь, Северодвинск начал строить атомные подводные лодки. Для их производства потребовался большой приток рабочей силы, и множество ребят с Белого моря, окончивших восьмилетку, стало уезжать в северодвинские ПТУ – профтехучилища, готовившие слесарей, фрезеровщиков, электриков, сварщиков и специалистов всех других необходимых для судостроения специальностей.

И вот время от времени мимо нашей деревни стали проплывать огромные китообразные черные чудовища с задранной мордой и торчащими из воды хвостами.

Я украдкой разглядывал их в бинокль, а мой отец – бывший краснофлотец-североморец – меня увещевал и потихоньку шептал:

– Ты, Паша, будь поаккуратней, оттуда люди тоже на тебя смотрят. Это же секретные атомные корабли. Знаешь, какие у них приборы наблюдения? Они наверняка каждую пуговицу на тебе разглядывают.

Осознание этого несомненного факта рождало одновременно и чувство гордости за нашу военную технику, и очевидную жутковатость: а ну если эти их приборы тебя и в бане разглядывают. Создавалось ощущение полной подконтрольности хитроумной военной технике. Мы, деревенская ребятня, откровенно побаивались этих вездесущих глаз военных кораблей. Хотя теперь я понимаю, что все такие легенды создавались нашими родителями с благороднейшей целью обуздать нашу шкодливость.

То, что они секретные – эти самые атомные подводки, – было понятно и так. Приезжавшие в отпуск из Северодвинска земляки загадочно закатывали глаза, когда их спрашивали, чем это они занимаются на работе, и мычали что-то вроде:

– Эт-то, брат, большой секрет.

На высоких местах берега стали возводиться маяки. Их обслуживали местные жители, которых стали называть маячниками.

И когда в августовские и сентябрьские вечера мы с отцом ходили на моторной лодке вдоль берега, кругом – то там, то тут вспыхивали яркие огоньки маяков. И я считал, через сколько секунд зажигается вон этот маяк, через сколько – вон тот и тот, третий.

Темнота северной ночи не казалась от этого та-

кой уже темной, и огоньки на берегу вели нас к цели, к дому.

Однажды я совершил воинское преступление, я погасил маяк. Дело было летом, в жаркие июльские денечки. Мы с мамой и сестрой Лидой гребли сено на склоне пологого угора, распластанного напротив морского простора. К полудню все мы маленько притомились от работы и от жаркого солнышка, и мама дала заветную команду:

– Давай-ко, ребятки, пообедаем.

Эх, посреди летнего разнотравья, разогретого летним теплом, свежего дурмана высушенной травы да рядом с костерком, на котором шкворчит кипящий чайник, да с видом на белесо-синее море, в котором на горизонте купаются белые-белые облака, так бесконечно отрадн поесть привезенной с собой свежешареной селедочки, попить холоденького молочка из-под своей коровушки... А молочко холодное, потому что оно в бутылке, положенной в струи ручья, бегущего прямо по нашей пожне...

После плотного перекуса мы лежим в тенечке под густым ивовым кустом, слушаем сердитое гудение летающих где-то рядом вечных тружеников шмелей и маленько дремлем.

Впрочем, безмятежно дремлют лишь мама да сестра Лида. Меня же тайно теревит, не дает авантюрной душе моей успокоения крепкая забота-заботушка. Я весь уже там – у маяка, высящегося на самой вершине угора, считай прямо над нашей пожней. Уже много раз проплывал я вместе с отцом вдоль морского берега мимо него, разглядывал снизу. В дневное время мигающего огонька не было видно, но во время вечернее там, в вышине, над черной громадой холма через равномерные промежутки времени вспыхивала стеклянная бочка. Северная вечерняя темнота скрывала очертания деревянного маячного строения, и эта бочка словно висела, ничем не поддерживаемая в черноте неба.

Все равно был перекур, и я спросил дремлющую маму:

– Можно мне к маяку сбегать?

Мама, утомленная домашними и сенокосными работами, разогретая солнышком, лежа на теплой травке, закрыв полусогнутой рукой глаза, проморгала опасный момент. Она мне ничего не ответила, только приподняла в размороженном движении и опустила обратно на траву загорелую свою другую руку. Дураку ясно, что это движение означало полное ее согласие с поставленным мною коварным вопросом. Так люди принимают опрометчивые решения. Мама продолжила дремать, вероятно, не особенно-то и разобрав, чего

же такое спросил у нее бедовый ее сыночек. Мать моя поступила легкомысленно.

Спустя совсем немного времени я был уже в зоне недосягаемости маминого оклика, если бы такой вдруг последовал. Еще через несколько минут я продрался через последние кусты и взобрался на вершину угора.

Передо мной возвысилась четырехсторонняя маячная громада. Доски, выкрашенные в белый цвет, уходили вверх, сужаясь там, в далекой выси. На всю высоту снизу доверху, посреди каждой белой стороны пролегла широкая черная полоса.

Понятно каждому непонятливому гражданину, что самой первой мыслью, залетевшей в мою авантюрную мальчишечью голову, было не восторженное созерцание деревянного шедевра, а вполне конкретное изучение таинственного маячного устройства, спрятанного где-то в его чреве. Больше всего на свете хотелось мне разобраться: как же, с помощью какой неведомой силы мигает на самом верху этой хламины ровно через каждые шесть секунд яркий огонь? Насолько яркий, что виден в каждой точке нашего бескрайнего моря.

Первым делом я проник на площадку первого этажа. Благо, деревянная дверь была совсем даже не заперта. Говоря точнее, замка на двери не было, а вместо него в металлическую дугу была воткнута простая обструганная палочка. Ну, а если замка нет, значит, люди доверяют мне войти в эту дверь. Что я и сделал.

В углу на деревянном настиле стояла сколоченная из досок будка. На ней-то и висел огромный замочик. Рядом с ней лежали несколько, наверно, пустых и огромных – с мой рост – баллонов, на каждом из которых красными аккуратными буквами было написано: «Газ ацетилен. Руками не трогать! Пожароопасно!» Надпись была пугающая, и я в самом деле не притронулся к этим жутковатым баллонам. Долбанет еще в самом деле... Да и потом, не внизу же, не здесь, вспыхивает маячный огонь. Надо забираться наверх. Все интересные дела там.

Путь к маячной вершине пролегал через четыре высоченных лестницы (как я узнал потом, каждая высотой по пять метров), после лестницы идет площадка. Переходишь площадку – опять лестница. Вниз и по сторонам старался не глядеть: после третьей лестницы глянул вбок и захотелось быстро-быстро вернуться назад: кусты и деревья оказались где-то внизу, и еще бросился в глаза край обрыва и уходящее вниз пространство...

Но я же готовился поступать в Суворовское училище. Мне нельзя было малодушничать.

Я постоял с закрытыми глазами на третьей площадке и крепко взялся за поручень последней лестницы...

В конце ее, перед самым окончанием подъема, дорогу преградил закрытый люк.

Вдруг и на нем висит какой-нибудь замок? Попытался приподнять его руками, но сил не хватило, и я навалился спиной. Тяжелая крышка поднялась, обернулась на шарнирах и отвалилась набок. Путь к таинственному маячному свету был открыт!

Какое-то время я сидел на последней площадке и боялся открыть глаза.

Первое, что я увидел, когда со страхом приподнял веки, – это бесконечное синее пространство распахнувшегося моря. То, что оно совсем близко, маленько меня успокоило. На море стоял штиль, и далеко от берега плыл в нем маленький кит – белуха. Она поднималась к поверхности из морских глубин, глотала порцию воздуха и опять уходила в придонные места, чтобы гоняться за любимым своим лакомством – селедкой. Отсюда, с большой высоты, странно было видеть, что силуэт белухи, уходящей вглубь, не пропадает сразу, а ломающийся и тающий, в толще воды виден еще долго.

Но надо было осваиваться на этой жутковатой высоте. Я стал оглядываться.

Сначала нашел глазами маму и сестру Лиду. Вон они далеко от меня между морем и краем холма на серо-золотистой площадке скошенной пожни. Уже поднялись от дремы, ходят по травяной стерне и что-то там делают. Мама, скорее всего, меня уже поругивает, спрашивает Лиду, куда же я пропал? Да ладно уж, скоро я прибегу, совсем скоро.

Передо мной на толстом красном металлическом постаменте висит огромная прозрачная бочка, вероятно, сделанная из толстого стекла. Вот это и есть объект давнего-давнего моего интереса. Что же это за штуковина такая? Что в ней спрятано такое, что светит на все море? Как же устроена эта чудесная вещь?

Очень не хотелось мне подниматься на ноги. Страшно было сделать любое движение на такой лютой высоте. Тем более явно ощущалось, что маячное это строение – не такая уж и надежная штука: всем телом я чувствовал, что вершина маяка покачивается на ветру. Да и перила, опоясывающие верхнюю площадку, казались мне хлипкими, совершенно ненадежными. Казалось мне: обопрись на них и полетишь вниз вместе с дощечками и столбиками, из которых они сварганены.

Но подниматься надо было, и я поднялся. И вцепился руками в стеклянную бочку.

Прямо передо мной оказалось чрево этой стеклянной громадины. Показалось мне, что в нем, этом чреве, расположено множество линз, линзочек, стеклянных уголков, других искусно сделанных прозрачных предметов. А посреди них, в самой сердцевине стеклянно-хрустальных чудес, бьется яркое, крохотное сердечко: там время от времени вспыхивает тонкий, слегка удлинённый огонек. Огонек этот отражается во всех изгибах цветного хрустала, во всех линзах и линзочках, и яркое пламя дивных огней заполняет все пространство стеклянной бочки.

Ничего подобного я никогда не видел. Это огненное волшебство было настоящим чудом!

И уж выше всяких моих сил было глуже стремление заглянуть туда, вовнутрь, проникнуть в сказочный хрустальный мир, заполненный волшебным светом.

Все сущее на земле имеет к себе какой-нибудь доступ. Маяк не исключение. Дверца, ведущая к таинственному огоньку, нашлась скоро. Сбоку, на стеклянной бочке, обнаружил я стальной крючок. Откинул его вверх – дверца и открылась.

Там, в глубине, посередине бочки что-то слегка регулярно хлопало. Да это и есть тот самый огонек! Только не огромный, во всю ширину стеклянных чудес, а совсем маленький, как пламя свечки. Он трепыхался во чреве стеклянного изобилия, его окружавшего, словно крохотное сердечко в чем-то большом теле. Как же он светит на все море? – подумалось мне. В своем далеком детстве я совсем не знал законов физики, так разительно меняющих мир.

Не знал я и того, что мне ни в коем случае нельзя было открывать ту стеклянную дверцу. В ту же самую секунду дунул порыв ветра, и огонек вдруг погас.

Я не знал, что мне делать. Несколько раз распахнул и опять закрыл дверцу – результата не было, огонь не горел.

Вот тогда я и понял, что совершил воинское преступление.

Мне хорошо было известно, что маяк служит для ориентации кораблей в море. Нет маяка – и корабли как слепые котятка, могут сойти с курса, заблудиться, потеряться и не выполнить боевую задачу. А еще хуже, если, потерявшись в штормах и туманах, в отсутствии видимости они начнут ударяться друг о друга... Тут и до гибели людей недалеко.

Мысли у меня были прескверные. Вот уж натворил так натворил!

Дома не удержался и задал отцу вопрос: что

сделают с человеком, если он погасит маяк? Все же отец служил на флоте и много чего повидал. Он ответил коротко и определенно: если на войне, то расстреляют. Потом он оторвался от газеты и уставился на меня подозрительно:

– А зачем это тебе, Паша?

– Да так, чтобы знать. Мало ли какие придурки бывают.

Вот тебе и перспектива. Ну до расстрела, может, и не дойдет, все же не военное время, но в детскую колонию отправят точно. Нашего брата-хулигана этим пугали постоянно.

Ареста и отправки в колонию ждал два дня. Картина мерещилась ужасная: ведут меня по всей деревенской улице промеж толпящихся односельчан два милиционера. Оба со здоровеными наганами наперевес, а люди говорят мне горькую правду:

– Эх, Паша, Паша, ты с виду парень неплохой. И поспеваешь в школе хорошо, и в клубе песни поешь славно, а на самом деле такой ты бандюган оказался! Это ж надо: весь Северный флот подвел. Вот теперь в колонию-то посиди лет двадцать. Может, там ума тебе добавят.

Мысли мои были печальны.

Через два дня к нам в дом явился уважаемый в деревне человек Тюков Ким Иванович, начальник всего маячного хозяйства, и сел передо мной на лавку. Откуда он узнал, что это именно я натворил столько бед, до сих пор не могу себе представить. Отец и мать почему-то оказались в тот момент не на работе, а тоже дома. Теперь-то я понимаю, что они сговорились, а тогда все было как назло.

Ким Иванович какое-то время сидел молча и сердито сопел. Я думал: сейчас как даст по затылку! Лучше было бы, если бы и дал. Но он сидел, молчал и только медленно переваливался с боку на бок.

– Ну что, Павел, будешь еще так делать? – спросил он наконец тихим, но очень твердым голосом.

И тут меня прорвало. Сказались дни реальных переживаний: я ведь совсем не хотел вредить ни маячной службе, ни военным кораблям. Я был обычным деревенским шалопаем, сующим свой нос куда не следует. Я зашелся в слезах и завыл совершенно искренно и честно.

Не знаю, почему простил меня хороший человек Ким Иванович? Может, потому, что понял меня, любопытного мальчишку, и догадался, что я никогда больше не принесу вреда его хозяйству.

Доверие его я оправдал, и мы продолжили добрые отношения с его сыном Сашкой Тюковым, моим одноклассником.

Как далеко теперь все это – и фосфорный шорох воды, и темные силуэты холмов над блеском

воды, и доброе лицо отца, освещенное блеклым светлячком вечной папиросы, и эти мерцающие огоньки маяков – путеводных звездочек плывущих в море кораблей.

Все это – картинки моего уплывающего за далекий горизонт детства.

И вот однажды напротив нашей деревни стал на якорь военный корабль.

Стояло лето, не помню какого года, мне было тогда десять или одиннадцать лет, и я был вполне сформировавшимся молодым человеком, способным на дерзкие поступки.

По какой-то мальчишеской надобности я вышел в тот день на морской берег и увидел форменное чудо.

В солнечной дорожке, длинным-предлинным треугольником разбросанной в колыхании мелких синих волн, на дальнем ее конце я увидел очертания боевого корабля.

Какая картина может быть милее и желаннее для любого мальчика, чем вид корабельных надстроек военного судна? Эти строгие и точные линии хищного морского охотника, эти пушки и пулеметы, эти рубки и флаги!

Корабль стоял совсем недалеко, может быть, в километре от берега, торжественный и надменный, натянутый в линию южным ветром, и блики солнечной дорожки, казалось мне, плясали по его неотразимым серо-голубым формам.

Не знаю, какая сила толкнула меня на этот шаг, но я подошел к заплестку, где стоял слегка затянутый носом на песок и лениво булькался кормой в мелкой волне карбасок соседа – Николая Семеновича. Добрейший сосед никогда не бранил меня за то, что я пользовался его карбаском, потому что всегда возвращал его на место. А еще по-такал мне сосед за то, что я каждый день, увидев его около дома, кричал на всю деревню:

– Здравствуй-ко, дядя Коля!

А жене его кричал:

– Здравствуй-ко, тетушка Афия!

Они шутейно кланялись мне и отвечали:

– Здравствуй-ко, Павлушко!

И радостны были мне эти незатейливые соседские величания.

Я поднял с берега якорь-кошку, смотал цепь и аккуратно уложил их в нос карбаса. Затем веслом оттолкнулся от берега, закрепил кочетья и на веслах пошел к кораблю.

Плыл я долго. Карбас шел медленно, так как слабых моих силенок не хватало для упругих гребков. И, похоже, на корабле мою лодку никто не заметил. Я часто оглядывался, чтобы плыть точно.

И вот передо мной свинцово-стальная грома-

да. Я сложил весла и уцепился за толстый канат, висящий вдоль борта.

– Эй, на судне! – крикнул я громко.

Сверху на меня никто не смотрел.

– Эй-е-ей, – прокричал погромче. Ответа не было. На меня не обращали внимания. Пустой какой-то корабль.

Тогда я поднял со дна карбаса плицу, которой вычерпывают воду, и стал стучать ею о железный борт. Через некоторое время наверху показалось заспанное молодое веснушчатое лицо в бескозырке.

– Ты кто? – спросило меня лицо вполне серьезно. Я замялся, чего тут скажешь.

– Да я вот из деревни, – сказал я.

Тот в бескозырке замахал руками и шепотом прокричал:

– Дуй обратно в свою деревню. А то мне влетит сейчас из-за тебя. Как же это я тебя проморгал-то?

Не ждал я такого приема. Я ведь с дружбой, с миром.

Я понял, что этот краснофлотец меня сейчас точно прогонит, потому что он часовой, а меня вместе с карбасом он прозевал и сейчас хочет скрыть следы своего разгильдяйского отношения к боевой службе.

– Давай-давай отчаливай, – стал вполголоса стращать меня матрос. – А то сейчас багром оттолкну. Разъездились тут. Это тебе, парень, военный корабль, а не пассажирское корыто.

Мне терять было нечего. Плыть домой не солоно хлебавши не хотелось.

– Вот что, – сказал я громко и твердо, – давай мне командира, с ним и буду разговаривать. А с тобой только время теряю.

Матрос прямо захлебнулся от возмущения.

– Чего ты орешь, – зашептал он сипло, – сейчас я тебе дам командира, такого командира я тебе сейчас дам. Отчаливай немедленно!

Он стал зыркать по сторонам, ища какой-нибудь тяжелый предмет на палубе.

– Я сейчас ведро на твою башку сброшу, – пообещал он вполне свирепо!

Вдруг на палубе послышалось какое-то шебуршание, а потом голос:

– Коробицын, что там у тебя?

– Из деревни какой-то дурак приплыл на лодке. Я его гоню, а он не отчаливает. Может, в него ведро швырнуть, а, товарищ старший лейтенант?

– Ну и где этот дурак? – спросил голос. И тут же показалась вторая голова в морской офицерской фуражке. Вполне симпатичная голова.

– Ты чего тут делаешь, мальчик? – поинтересовался старший лейтенант.

– Военный корабль хочу посмотреть. Вот и пришел к вам.

– А на флоте служить хочешь?

– Хочу, – твердо ответил я. Честное слово, я совсем не врал.

– Ну, тогда подожди, сейчас тебя поднимем, – заулыбался офицер и приказал мне:

– Сдвинься по ходу вдоль борта на пять метров.

Не понял я, для чего это, но команду выполнил, протащил карбас вперед, держась за канат. Там меня уже ждал Коробицын, который спустил ко мне веревочную лестницу с деревянными ступеньками. Старший лейтенант дал команду:

– Закрепи лодку и поднимайся.

Ну, насчет лодки я и без него знал. Крепко привязал конец к канату и полез наверх. Неустойчивая лестница качалась, и я маленько струхнул: все же борт довольно высокий. На самом верху Коробицын и офицер подхватили меня за шиворот, и в их сильных руках я перелетел через край борта и оказался на палубе.

Старший лейтенант приказал мне стоять на месте, поправил повязку дежурного и пошел на доклад к начальству.

А Коробицын у меня спросил:

– У вас все в деревне такие придурки? Надрать бы тебе сейчас задницу.

Я не стал огрызаться. Я понимал, что матрос, в общем-то, прав. Да и вообще следует себя культурно вести на чужой территории.

Старший лейтенант вернулся не один. С ним пришел какой-то важный офицер. К тому времени отец уже научил меня различать погоны, и я понял: передо мной капитан третьего ранга.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Я ответил. Потом старший поинтересовался:

– Ну что, правда хочешь служить на флоте?

– Так точно, товарищ капитан третьего ранга.

Ответ мой, вероятно, ошеломил офицера. Он заулыбался, посмотрел на старшего лейтенанта.

– Да парень уже к службе готов. Даже звания знает. Давай, Михалыч, показывай матросу корабль.

И старший лейтенант повел меня в долгий поход по палубе, по отсекам, каютам и кубрикам боевого корабля. Впервые в жизни я потрогал руками холодную и волнующую сталь корабельных пушек, пулеметов, снарядов, в первый раз так близко соприкоснулся с людьми, которые несут реальную военно-морскую службу.

Везде на пути стояли матросы, все они улыбались, тормошили меня, о чем-то спрашивали. Честно говоря, от множества впечатлений, от обилия увиденного я, деревенский мальчишка, крепко волновался.

Потом меня отвели на камбуз – так называлась корабельная кухня, и розовощекий белобрысый повар накормил меня соленой селедкой, макаронами по-флотски и напоил чаем.

Чего-чего, а селедку я едал изрядно, но вот макароны, фаршированные мясом, произвели такое впечатление, что я до сих пор обожаю это блюдо. Чай тоже оказался необычайно вкусным.

Затем я попал в большое помещение, где был посажен за огромный стол. Помещение, как мне сказали, называлось кают-компанией. Оно вмиг оказалось набитым целой толпой матросов. Многие уселись за стол, многие стояли вокруг. Все смотрели на меня вытаращив глаза, и от этого я нервничал. Соскучились, наверно, по гражданскому населению.

Посыпались вопросы: кто я, откуда, как меня зовут, сколько человек в семье, кто родители, как я учусь?

Ну, на этот вопрос отвечать было приятно. Третий класс я окончил даже без четверок, на одни пятерки.

Много вопросов было о нашей деревне: сколько людей живет, сколько домов, чем занимается население, богатый ли у нас колхоз?

Но больше всего вопросов было о наших девушках: сколько их? Какие они? Как выглядят? Есть ли длинноногие?

– А рыжие имеются? – громко интересовался матрос с одной лычкой на погоне.

– Была одна, да в город уехала учиться, – сказал я с сожалением.

– Эх, жалко, а то я бы с тобой вместе на берег поехал.

– Я тебе поеду, размечтался тут, – возразил матрос с двумя лычками – видно, его командир.

– А грудастые девушки есть в наличии? – Это был вопрос от маленького, худенького и лысоватого матросика, у которого совсем не было лычек.

Честно говоря, я мало тогда что понимал в женской красоте и крепко путался в ответах на такие вопросы, но грудастую от негрудастой, в самом деле, различить уже мог.

– Клавка есть Федотова, груди уже огромные, – восхищенно сказал я.

Лысоватый вытаращил глаза, запричмокивал и стал просить:

– А какие у нее груди? Размер какой? Покажи, а, Паша!

Я выставил вперед треугольниками локти:

– Во такие!

Матросик вытянул и без того длинноватое лицо и прошептал:

– То, что надо. А рост у нее какой?

Мне не с чем было сравнить рост Клавки, и я попросил:

– А ты встань, и я скажу.

Худенький матросик под общие смешки поднялся. Рост у него был невелик.

– Ты ей примерно до носа будешь.

Под общий хохот матрос схватился за сердце и воскликнул:

– Клава Федотова – это мой идеал. Это любовь на всю жизнь. Ребята, дайте бумагу, я буду писать ей письмо.

Он и впрямь двинулся на выход.

А потом я набрался храбрости и тоже задал вопрос, который очень хотел задать:

– Я бы тоже хотел на флоте служить. Как к вам на службу попасть? – сказал я и крепко смутился.

– К вам, наверно, только отличников учебы берут.

Кто-то захихикал, но матрос с тремя лычками шикнул на него и, сделав серьезное лицо, сказал мне и всем:

– А как ты думал, Павел? Конечно, на флот призывают только отличников, причем круглых. Здесь, к примеру, одни отличники сидят. Круглые.

Кают-компания грохнула и зашлась в безудержном смехе.

Я понял: матросы шутят. Наверно, среди них есть и те, кто имел по одной-две четверки в школе. Но моего отношения к советскому флоту и конкретно к эскадренному кораблю «Стремительный» это совсем не испортило. Я понимал: шутки шутками, а боевую технику в самом деле могут обслуживать только очень грамотные люди.

Тот, с тремя лычками, мне так и сказал:

– Ты, Павел, учись на пятерки и тогда тебя возьмут.

Потом началось самое волнующее и приятное. Кто-то спросил:

– Ну, какое желание у тебя есть?

Эх, в самую точку попал! Самым страстным, настоящим желанием моим, как и всей деревенской детворы, было носить военно-морскую форму. Я давно уже износил, истрепал, а потом и потерял бескозырку моего отца, служившего на Северном флоте. Теперь ничего не осталось.

Но как спросить? Вообще, просить чего-нибудь у чужих у нас в деревне было не принято. Но и упускать такую возможность было бы глупо.

Я отважился:

– Бескозырку бы мне поносить...

Корабельная команда вытаращила глаза, и кто-то звонким голосом крикнул:

– Правильная постановка вопроса – парня надо одеть в форму советского матроса! Где у нас каптенармус, где Клычко?

Все загалдели: где Клычко? Где Клычко? Давай сюда Клычко. Кто-то за ним побежал, и вскоре появился старший матрос Клычко – крепкий парень в ладно сидевшей форменке, со спокойными и нахальными глазами (уже потом, будучи взрослым, я узнал, что все военные, связанные с имуществом, имеют такие спокойные и нахальные глаза. Мимо таких муха бесплатно не пролетит).

– Ну, чего тут галдите? – почти с сонным выражением спросил каптенармус.

– Парня одеть надо, видишь, гость у нас, – сказал с тремя лычками.

Клычко глянул на меня оторопелым и сонным взглядом здорового кобеля, которого ненароком разбудила неосторожно пискнувшая мышь.

– Вы чего, обалдели, у нас же размера на него нет. Он же маленький. Да и лишнего нет, все учтено.

Команда засвистела на него, заулюлюкала:

– Не позорь корабль перед населением.

– Перестань кочевряжиться, все найдешь, если захочешь.

Да и офицер его попросил:

– Найди чего-нибудь. Надо бы одеть молодца.

Клычко скуксил свирепую физиономию, развел руками, для порядка покрутил пальцем у виска, глядя на команду, и определил всю ситуацию следующим образом:

– Дети вы малые, а не доблестные краснофлотцы, едри вашу мамку.

И вышел.

На него никто не обиделся, и кто-то сказал с нескрываемым к нему уважением:

– Найдет, если Клычко сказал, значит, найдет.

Я, правда, понял, что Клычко выразил совсем обратное, но, видимо, матросы лучше понимали друг друга.

И впрямь, совсем немного прошло времени, как дверь кают-компании открылась и в ней появились руки, несущие стопку глаженной военно-морской одежды, затем вполне уже проснувшееся озабоченное лицо старшего матроса Клычко. Он обратился к офицеру:

– Вот собрал кое-что из неучтенки, товарищ капитан третьего ранга. Конечно, ничего не подойдет, но ...

Все заулыбались, сказали слова, приятные Клычко, и меня стали одевать.

Конечно, мне ничего не подошло. Тельняшка была до колен, фланелевка свисала с плеч, брюки надо было застегивать где-то в районе груди, а бескозырка крутилась на голове словно карусель. От всего этого пахло нафталином и чем-то казенно-мужским, и у меня от новых ощущений и от огромного счастья кружилась голова. Будоражило

кровь само необычайно яркое и свежее понимание, что я примеряю военно-морскую форму.

Вокруг меня крутились матросы. Они то ставили меня на табуретку, то снимали с нее. С нитками и иглками они что-то загибали, подшивали, зауживали, отрезали, при этом все сильно были возбуждены, волновались и все время друг другу что-то кричали. Я почти оглох от волнения, от переизбытка новых ощущений совершенно обалдел. Что матросы сделали с бескозыркой, я не знаю, но она мне стала вдруг подходить после многократного примерочного нахлобучивания и стаскивания с головы.

Потом кто-то крикнул:

– Ну, как будто все!

И все вдруг отпрыгнули от меня и стали меня разглядывать. Все чокают языками, головами крутят, то набок наклонят, то назад.

– Вроде ничего, – оценил кто-то.

– Не-е, не пойдет, – махнул рукой парень с тремя лычками. – Значков не хватает. Какой хороший матрос без значков домой явится. Если нет – значит, плохо служил.

Народ его поддержал, и несколько человек куда-то убежали. Вскоре вернулись с невесть где собранными значками.

И вот два матроса прикручивают и прикалывают мне значки – один по правой стороне груди, другой – по левой. Штуки по четыре с каждой стороны. Я искоса глядел на них и чуть не терял сознание от великой удачи. Ведь каждый из них в деревне – это целое состояние. Любой можно поменять на самую лучшую рогатку, на железный обруч с крючком из проволоки, чтобы гонять с криком по деревне, или на самолучший пугач, да мало ли что еще может украсить боевое времяпровождение деревенского гопника.

Удача просто обрушилась на меня с неба и крепко придавила.

– Вот теперь все, – подытожил матрос с тремя лычками. – Ребята, несите зеркало.

Когда зеркало принесли, я совершенно себя не узнал. На меня тарашился худенький, маленький матросик и шмыгал веснушчатым носом. Форма сидела на нем балахонисто и несуразно. Руки у него были по швам. Зато грудь была украшена разноцветными блестящими военно-морских заслуг.

– Тебя надо научить честь отдавать, – сказали мне матросы. – Это первое дело для любого военного.

Этому я быстро научился.

– Руку, руку не сгибай, подбородок повыше, – подсказывали мне.

– Так точно! Никак нет! – восклицал я и вскидывал к виску руку.

Это были минуты моего счастья.

Потом меня, разодетого в форму военного моряка, усадили пить компот.

Надо было прощаться.

Уже за компотом меня спросили:

– А чего ты, Паша, больше всего любишь?

Тут особо думать было нечего:

– Я люблю на удочку рыбачить и ходить в кино, – обозначил я свои любимые дела.

– А кино ведь денег стоит. Деньги-то есть на кино? – поинтересовался матрос, сидящий напротив.

Он попал в самую точку. Это была у меня бедовая проблема. В семье у нас было пятеро детей. Всех надо было одевать, кормить, учить. Денег у родителей все время не хватало...

А кино я любил. Столько в нем было всего, чего не было и не могло быть в нашей деревне! Интересные, захватывающие истории, сильные мужчины, красивые женщины. Другая жизнь...

Особенно нравились фильмы про войну – Гражданскую, потом с немцами. Мы с ребятами в своих играх повторяли подвиги наших солдат – устраивали битвы, ходили в атаку, ложились на пулеметы... Кино было окошком в другой, яркий, необычный мир. Я очень любил кино. Но денег на сеансы не было. Чего оставалось делать? Некоторые ребята за какое-то время до сеанса под разными предлогами проникали в зал, прятались под скамейки. Когда начиналось кино, гас свет, они вылезали и сидели как ни в чем не бывало среди взрослых. Те всегда помалкивали, не выдавали безбилетников. Потом эта удача закончилась, когда киномеханик (она же и кассир) Нина Владимировна раскусила аферистов, и перед каждым сеансом стала с позором выгонять нас, деревенскую шпану, из-под лавок.

Мне приглянулся другой вариант, которым я частенько пользовался. В противоположном углу от экрана стояла печка голландка. Передней своей частью она согревала зал, а тыльная сторона находилась вне зала – в коридоре, откуда она и топилась. Стенка печки и угол коридора образовывали закуток, в который можно было спрятаться и вскарабкаться на саму печку, то есть оказаться в зале. На печке обычно устраивалось по 2–3 человека. И хотя зимой, когда печку сильно топили, наверху стояла жуткая жара, все равно сам просмотр фильма был дороже всего. Сидишь – перед тобой раскручивается какая-то история. А под тобой – зрители – деревенские мужики да женщины.

Нина Владимировна, конечно, знала о наших проделках и пыталась прекратить их. Как коршун налетала она к печке с тыльной стороны и кричала нам наверх:

– А ну слезай, хулиганье! Сейчас председателя сельсовета вызову.

На печку самой ей было не залезть. Мы знали, что председатель Степан Матвеевич – человек солидный и такой ерундой заниматься не будет. Поэтому мы и не боялись. Как тетеревята прячутся от хищной птицы в кроне дерева, мы прижимались друг к другу и сидели на печке тихо-тихо.

Об этих проблемах я и рассказал экипажу эсминца. Матросы задумались. Потом один сказал:

– Надо писать письмо Нине Владимировне.

Быстро нашли бумагу, авторучку, выбрали, у кого самый лучший почерк, и стали пишущему вразной диктовать. После множества дополнений и исправлений текст письма получился следующий:

«Уважаемая Нина Владимировна!

Экипаж эскадренного миноносца «Стремительный» обращается к Вам с нижеследующей просьбой.

Мы имели большое счастье познакомиться с жителем деревни Лопшеньга Павлом Поздеевым и при этом выяснили, что это лучший пионер деревни, отличник боевой и политической подготовки. Учась в школе, Павел участвует в Тимуровском движении, хорошо владеет рыбацкой лодкой, по характеру обязателен и чрезвычайно общителен, тянется к знаниям. Это настоящий гражданин Союза Советских Социалистических Республик. Награжден многими знаками отличия Военно-морского флота.

Павел Поздеев, будучи патриотом любимой Социалистической Родины, выражает желание в дальнейшем проходить службу в Военно-морских силах СССР. Вы, Нина Владимировна, конечно знаете, что в ВМФ проходят службу только лучшие сыны советского народа. Павел Поздеев без всякого на то сомнения тоже может стать таким же. Однако для этого ему необходимо повысить свой морально-политический уровень, чтобы достойно представлять деревню Лопшеньгу на полях военно-морских сражений.

Зная Вас, уважаемая Нина Владимировна, как горячую патриотку нашей страны и проверенную сторонницу советской власти, убедительно просим Вас принять участие в формировании будущего защитника Родины пионера-тимуровца Павла Григорьевича Поздеева. Ведь, как утверждают нам классики марксизма-ленинизма, задача воспитания бойца нашей родной партии является самой боевой задачей из всех, которые стоят.

С этой целью просим Вас беспрепятственно и бесплатно пропускать вышеозначенного пионера на все сеансы кино.

Выражаем твердую уверенность, что с этой поставленной задачей Вы, дорогая Нина Владимировна, справитесь надежно и успешно, как это Вы делаете всегда в Вашей нелегкой, но достойной и славной трудовой биографии и в Вашей так нужной советским людям работе.

Как сказал товарищ Ленин, именно кино формирует достойные кадры. Будем же следовать его большевистским заветам!

С искренним уважением, экипаж гвардейского орденоносного эскадренного миноносца «Стремительный».

В составлении письма участвовали даже офицеры. Хохот при этом стоял такой, что вахтенный матрос Коробицын несколько раз протискивался в кают-компанию, но его безжалостно выгоняли обратно на дежурство.

– Но мы же не гвардейские и не орденосцы, – сомневался кто-то.

Но матрос с тремя лычками настоял:

– Так будет солиднее.

Меня провожали до самого борта, у которого качался мой карбас.

Конверт с письмом я бережно уложил в широкий брючный карман. Перед самой моей посадкой прибежал лысенький морячок небольшого роста и протянул еще один конверт.

– Передай его Клаве Федотовой, – попросил он. – Только обязательно передай.

Я обещал.

Не зная, как надо прощаться с военными моряками, я очень смущался. Но меня похлопали по плечам, потрепали шевелюру и весело сказали:

– Прощай, брат. Спасибо, что приехал.

Уже отплыл от корабля метров на пятьдесят, я встал с банки и помахал рукой. Мне тоже помахали.

Я был счастлив.

А по берегу нервно расхаживали моя мама и старшая сестра Лида.

Конечно, в другой раз мне бы крепко перепаало от той и другой. Мама точно стукнула бы чем-нибудь пару раз по заднице. Ведь меня не было столько времени и я болтался где-то в море один.

Но тут на берег навстречу им из лодки вышел бравый морячок, весь в наградах и в бескозырке. Прижал руку к виску и весело крикнул:

– Есть, так точно, никак нет!

Это было что-то!

Мама моя стояла с расширенными глазами и всплескивала руками, а сестра Лида сказала:

– Змееватик.

Она всегда называла меня так в минуты гнева или восторга.

Я поставил на якорь карбасок и, звеня значками, вместе с мамой и сестрой пошел к дому.

Стоял теплый и ясный вечер светлого северного лета, и мне казалось, что сквозь этот прозрачный воздух меня с удивлением разглядывает вся деревня: что за моряк такой выискался?

На крыльце сидел отец, только что пришедший с работы, и курил любимую папиросу «Красная звезда». Он увидел меня, и папиросу чуть не выпала у него изо рта, чудом зацепившись за краешек губ. Вероятно, он, старый военмор, отслуживший всю войну на Северном флоте, в жизни не видел столько значков на морской форме. Отец встал, вытянул руки по швам и, улыбаясь, доложил:

– Товарищ адмирал, за время вашего отсутствия в нашем доме ничего плохого не случилось. – Потом добавил: – Хорошего тоже.

Вся семья слушала мой рассказ о корабле, о пушках, о военных морях, о компоте. А отец по этому поводу выпил две рюмки водки, и, когда мама унесла бутылку и куда-то спрятала, он сходил на поветь и пришел оттуда с кружкой браги. На повети стоял деревянный ушат с недавно поставленным на брожение суслом, и хотя оно до конца не выбродило, отец бражку выпил с удовольствием.

Потом мы долго с ним сидели на крыльце, и отец с мокрыми глазами долго рассказывал о войне, о походах, о морских боях, о своих товарищах. Он впервые разговаривал со мной как со взрослым, как с равным.

Наутро я прямо в форме пошел искать Клавку Федотову. Нашел ее на речке, где та полоскала белье. Протянул ей конверт, на котором было написано: «Клаве Федотовой от матроса Николая Кислицына».

Клава вытерла руки о подол, недоверчиво взяла конверт и, вытаращив на меня свои голубые глазки в светлых ресницах, спросила с зарождающимся интересом:

– Кто эт такой Николай Кислицын, что эт за чувырла такая?

– Сама ты чувырла, Клавка. Кислицын – это лучший матрос на боевом корабле.

– Наверно, лучший болтун. Такой же, как ты. Ишь вырядился, – ехидно ухмыльнулась Клавка. – Прямо варяг какой-то.

Обиделся я на Клавку за Кислицына и за себя и ушел в деревню.

Странно, но Клава нашла меня уже часа через два на краю деревни, около рыбзавода. Она пришла переодетая в нарядное платье. Глаза ее горели глубоким голубым светом.

Она взяла меня за руку, отвела в сторонку, усадила на бревнышко и, глядя мне в глаза, стала расспрашивать:

– Какой он, этот моряк? Как он выглядит? Какой у него возраст? Женат ли он? Пользуется ли уважением в коллективе?

Голос у Клавки был при этом тревожный и ласковый одновременно. Видно, письмо замечательного матроса Кислицына крепко взволновало ее девичью душу. Высокая грудь ее от дыхания поднималась еще выше.

Не знаю почему, но я стал Клавке бессовестно врать. Я преподнес этого маленького, лысоватого, худенького матросика статным красавцем с густой шевелюрой. Вероятно, произвольно я желал Клавке большого женского счастья.

– А какой у него рост? – с волнением в голосе поинтересовалась она.

– А ты встань, и я сравню.

Клава поднялась, задрала подбородок.

– Ты ему примерно до носа будешь, – успокоил я ее.

– Это нормально, – Клава махнула рукой и опять села.

Она какое-то время молчала, глядела на воду, потом сказала будто бы самой себе:

– Он такой красивый, Николай Кислицын, а я такая деревенская... Наверно, я ему не понравлюсь.

Такой подход меня возмутил. Федотова была настоящей красавицей, мне самому она нравилась, и я сказал вполне честно:

– Клава, ты очень красивая, правда, очень.

И, совсем обнаглев, я шарахнул:

– И сам бы на тебе женился, когда подрасту.

Клава вскочила, звонко засмеялась, наклонилась и погладила легкой своей ладонью меня по щеке.

– А ты ничего, матросик, славенький. Только маленький совсем, а мне замуж надо, понимаешь?

Она отвернулась и пошла по морскому берегу, босиком, в новом нарядном платье. От меня. К матросу Николаю Кислицыну.

Наверно, они потом долго переписывались, верещали друг дружке всякие телячьи нежности, сю-сю там, ма-сю.

После службы Николай и в самом деле приехал к нам в деревню. Приехал за своей невестой Клавдией Федотовой.

Они долго гуляли по морскому берегу, по полям и все время звонко над чем-то хохотали. Им было хорошо вдвоем. И лысая голова Николая Кислицына отсвечивала красные лучики закатно-

го солнышка, падающего за темный лес. И из маревой дали засыпающего моря кричали им протяжные песни полусонные чайки, качающиеся на серо-бирюзовых гладко-покатых волнах.

И худенькая фигурка Николая Кислицына все касалась и касалась плотного поморского тела Клавдии Федотовой.

А потом они уехали. Наверно, из них получилась прекрасная пара.

Больше Клавку я никогда не видел. Есть такое свойство в природе: женщины покидают свой дом, уходят за своим избранником и никогда больше не возвращаются к родному порогу. Такова суть женщины. Мужчины так не могут. Мужчине всегда нужно умереть там, где он родился.

А в тот день вечером был сеанс фильма про Фантомаса.

Я подошел к киномеханику Нине Владимировне и отдал ей письмо от экипажа эскадренного миноносца «Стремительный».

Она долго его читала и почему-то все время посматривала на меня с большим удивлением, как на странную вещь, неожиданно перед ней появившуюся. Кончив читать, она остолбенело на меня уставилась, сделала глотательное движение и только смогла сказать:

– Ну-ну, проходи, тимуровец.

Никогда я не получал такого удовольствия от кино, как в тот раз. Но надо сказать и горькую правду: этот праздник продолжался недолго. Уже в следующий раз Нина Владимировна как ни в чем не бывало потребовала от меня денежки за билет, и опять пришлось мне лезть на печку. А

письмо моряков сгнуло где-то в глубине билетной сумки Нины Владимировны. Может быть, лежит до сих пор там.

А значки с моей груди тоже быстро исчезли. Какие-то на что-то обменял, другие кто-то попросил поносить и не вернул потом, какие-то просто потерял. Форма тоже быстро истрепалась.

Давно это было. Как давно... Но до сих пор в душе живет ощущение праздника, которое я испытал в тот летний солнечный день.

Я благодарен этому дню, благодарен военным морякам, согрешившим, может быть и мимоходом, мою мальчишескую душу, благодарен Летнему берегу Белого моря, ласкавшему босые мои ноги.

Не знаю, зачем к нашему берегу приходил тот корабль? Может быть, для того, чтобы память о нем сохранилась на всю жизнь.

□

Павел Григорьевич КРЕНЕВ (ПОЗДЕЕВ)

родился и провел детство в деревне Лопшеньга на Летнем берегу Белого моря.

Окончил Ленинградское Суворовское военное училище, факультет журналистики Ленинградского государственного университета, аспирантуру Академии безопасности России.

Кандидат юридических наук, член Союза писателей России.

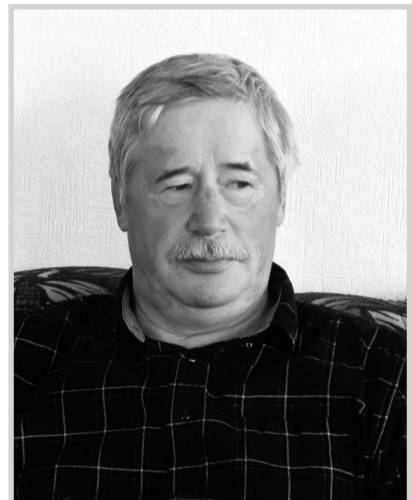
Служил в Советской армии, работал журналистом в ленинградской прессе.

Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях,

являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был полномочным представителем Президента России в Архангельской области.

Лауреат всероссийских литературных премий.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

Выпьём за тех...

**Повествование о некоторых годах жизни моего отца,
ветерана Беломорско-Балтийского канала
и фронтовика Великой Отечественной войны
Василия Ивановича ГНЕТНЕВА**

*Многочисленны и огромны были
грехи русского народа, но в годы голода,
страданий и смерти народ искупил их,
заплатив сполна за все свои прегрешения.*

Питирим Сорокин

1

Тосковать отец начинал за несколько дней до военных праздников. В первые день-два еще приходили друзья, гомонили за столом – дым коромыслом. Потом он оставался один, ставил перед собой большую бутылку темного вина, которую почему-то называл «монахом», молча смотрел на лес за окном и долго-долго о чём-то думал, тяжело опершись на ладонь здоровой руки.

Бывало и так, что к вечеру, отяжелев, вдруг принимался рассказывать о войне и иногда петь. Ни из рассказов, ни из пения ничего не получалось, он начинал плакать и ругаться. Но именно в эти минуты слышал я от него песню, которую редко исполняли прежде и почти не исполняют теперь:

*Выпьём за тех,
Кто командовал ротами,*

*Кто замерзал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался
болотами,*

Горло ломая врагу...

От него я узнал названия неведомых прежде мест: Мга, Назия, Синявинские болота, и что стволки у ППШ делали из плохой стали и после нескольких очередей автомат начинал «плевать-ся» пулями на 15–20 метров. И пружина в дискемагazine была слабой и не досылала патрон, если ты набил его с вечера*.

Тогда же в детстве услышал я от него, очень к тому времени нетрезвого, про ранение осколком гранаты в ногу и про другое ранение, другим осколком, который срезал локтевой сустав правой руки. Точнее, успел услышать, прежде чем он начал ругаться и плакать.

* Много позже я выяснил, что претензии отца относились не к ППШ (пистолет-пулемёт Г. С. Шагина), а к ППД (пистолет-пулемёт В. А. Дегтярёва), с которым, видимо, ему также пришлось иметь дело на фронте в течение некоторого времени. Как отмечают современные эксперты, в условиях боя исправление недостатков, о которых говорил отец, «делает владельца ППД потенциальным мертвецом» (Благовестов А. И. То, из чего стреляют в СНГ: Справочник стрелкового оружия. – Мн.: Харвест, 1999, с. 194).

Из сохранившихся с детства обрывков отцовских воспоминаний, которые, как я понимаю теперь, давались ему мучительным напряжением воли, выходило, что война совсем не такая, как о ней написано в книжках и показывают в кино. Теперь же, пережившему отцу на десять лет, мне хочется написать о некоторых важных этапах его непростой жизни – так, как они представляются мне из сохранившихся документов, свидетельств очевидцев и работ историков. Я вполне отдаю себе отчёт, что в итоге получится не описание, не краткий очерк, а конспект нескольких лет жизни. Да разве может кто-либо всерьёз утверждать, что сумел описать жизнь человека в её сложной и перепутанной полноте?

Много позже я узнал, что песня, которую так любил отец, называется «Волховская застольная». Написана она на слова поэта, военного корреспондента Павла Шубина – весёлого и талантливого парня, прожившего до обидного короткую жизнь. В восприятии фронтовиков песня стала гимном Волховского фронта, обросла мифами и вариантами так, что не разберёшь теперь, что в ней от Шубина, а что от иных стихотворцев. Так бывает только с насущными талантливыми произведениями.

На Волховском фронте воевал мой отец, прорывая блокаду Ленинграда.

Очень хочется начать рассказ именно с военной истории. Но я понимаю, что сделать это не удастся. Сразу возникают вопросы, на которые невозможно дать коротких ответов. Первый вопрос такой: почему здоровый 27-летний мужчина не был мобилизован на фронт с объявлением войны, как тысячи и тысячи других, то есть в июне-июле-августе 1941 года? Вопрос второй: почему в конце 1941 года он оказался в глубоком тылу, в Коми АССР, попав в эвакуацию как какой-нибудь старик или обременённая малолетними детьми женщина?

В чём тут дело?

Поэтому я вынужден начать не с 1941-го, а с 1933 года.

2

Описывать биографии – скучнейшее занятие для литератора. Да и читать их не самый большой подарок. Однако бывает, что деться некуда, и сегодня как раз такой случай.

Мой отец, Гнетнев Василий Иванович, родился в ЦЧО – так в 30-е годы обозначали в документах Центральную Чернозёмную область России. В разные годы село Грызлово Долгоруковского района территориально принадлежало Курской, Воронежской и Орловской областям, а теперь приписано к Липецкой. Ближайший город нахо-

дится в сорока километрах – это знаменитый Елец, а до Москвы всего 300 километров прекрасной федеральной трассы.

В самом начале 1990-х годов я посадил в машину сыновей и поехал в родную деревню отца, чтоб глазами северянина посмотреть самому и показать детям исконную Россию, вдохнуть воздух несостоявшейся малой родины. Никого в Грызлово не знал, кроме имени двоюродной сестры, никаких адресов не имел, а полностью положился на свой опыт. Смешно вспомнить теперь, как этот опыт меня подвёл...

В магазинах тогда не было ничего, что можно было взять в качестве подарка для никогда не виденной мною сестры Раисы Семёновны. Но изловчился и купил большую коробку индийского чая «со слонем» – невероятный дефицит. Какая же русская хозяйка не порадует на селе такому подарку, наивно размышлял я.

Заканчивался сентябрь, и за автомобильным окном на многие километры было сыро, сумеречно, промозгло. Измотанный дальней дорогой, я мечтал поскорее добраться и отдохнуть.

«Сегодня воскресенье, а баню, как водится, они топили вчера, – думал я, глядя, как «дворники» размазывают на лобовом стекле струи дождя. – Но попрошу, пусть подтопят и сегодня. После такого пути мне без бани никак нельзя...»

Мечты о жаркой бане и крепком чае долго согрели меня душу. И как же удивительно было услышать в первые минуты, что бани в Грызлово... нет. Ни одной!

– А как же вы моетесь? – растерянно спросил я мужа сестры Александра Кузьмича Рязузова. Осанистый и веселый мужчина, владелец «Жигулей» шестой модели, а потому вольный и хозяйственный, он ответил просто:

– Я езжу в соседний Стрелец, а Раиса моется здесь.

Где «здесь», я так и не понял. В доме места для мытья не было, да и во дворе тоже. Там я увидел помещения для скота, амбар, огорода, а дальше – сад...

Не лучше обернулось и с чаепитием.

– Это что, чай? – недоумённо спросила Раиса, вертя в руках коробку с дефицитным «слоном».

– Индийский, – подтвердил я. – Вещь! Особенно если с дороги...

– Так мы чай не пьём. Что пустую воду хлебать. Пить хочешь, молока налей – хоть парного, хоть утешного. А молока не хочешь, взвар вот стоит, аж цельная кастрюля. А воду, что её пить...

Так я познакомился с бытом исконно русской крестьянской деревни. И прямо скажу, был сражен...

Вечером с прогулки пришли сыновья. Взволнованно, перебивая друг друга, рассказывают:

– Нас один пьяный дяденька остановил и спрашивает: «Чи вы?» Мы говорим: «Гнетневы». Он стал ругаться матом и кричать, что здесь все Гнетневы. Папа, а что, тут точно все Гнетневы?

Не все теперь в Грызлове Гнетневы. На памятнике не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны я насчитал лишь 15 однофамильцев. А всего там несколько десятков имён.

Село стоит на чернозёмах. Растёт тут всё, что только ни сунешь в землю. Громадные открытые пространства вокруг и сады, сады, сады...

– Эх, не в тот год приехали! – сокрушается хозяин Рягузов. – Нет нынче ни яблок, ни слив – ничего...

Мы смотрим вокруг и не понимаем горькой хозяйской печали: вот яблони – ветки гнутся от яблок; вот слива – вся в спелых плодах... Александр Кузьмич подходит к ближайшему дереву, трясёт, и яблоки дождём гулко тукают о землю.

– Разве же это яблоки?! – говорит он презрительно. – Это не яблоки. Вот в прошлом году приехали бы с прицепом, мы бы вам насыпали до краёв. А это – что...

Выяснилось, что в жизни на чернозёмах есть и недостатки. Один из них – непролазная грязь, которая образуется в дождь. Грызловская земля – это чернозёмный слой 40-60 сантиметров, а под ним мощный пласт глины. Вода не уходит, а напитывает верхний слой. День-два прольёт, чернозём, будто губка, напитается, и пиши пропало: проедешь только на танке.

– Покойников в воду хороним, – грустно говорят в Грызлове. – Всё глина, будь она неладна...

Крестьянская жизнь здесь была, есть и будет. И никакой другой не надо – при такой-то земле, при таком целебном климате и воздухе, которым дышишь, дышишь и не надышишься...

И дед наш Гнетнев Иван Степанович всегда был крестьянином. Он сходил на Гражданскую войну и честно отвоевал за большевиков с 1919 по 1922 год. Потом с супругой Степанидой Николаевной, моей бабкой, они народили семерых сыновей и двух дочерей. В селе сохранился их дом красного кирпича, в нём жил один из сыновей, Николай. На войне немецкая пуля попала ему точно в грудь и вышла из спины, оставив шрам в форме звёздочки. Рана не очень помешала Николаю после войны ни в работе, а работал он много, ни в осуществлении вредных мужских излишеств, в которых, как говорят, он себе не отказывал.

Мы Николая немного не застали – он умер меньше года назад. Но на крыльце дома поговорили с его вдовой, в прошлом учительницей

Клавдией Михайловной, и посмотрели могучие старые яблони, посаженные руками деда.

Мне рассказывали, что семеро здоровенных, исполненных гонора, рукастых и головастых сыновей Ивана Степановича могли всё: и работали с утра до ночи, и гуляли широко. Построили «вечный» дом отцу из редкого в ту пору и дорогого кирпича. Иван придумал мельницу-крупорушку, и её быстро построили во дворе. Лошадь ходила по кругу и при помощи трансмиссии вращала жернова. Крестьяне со всей округи приезжали молотъ просо...

Сыновья вырастали, женились, ставили свои дома, разводили скот, огороды и сады. Семья Ивана Степановича и Степаниды Николаевны Гнетневых никогда и ни в чём не испытывала нужды.

...В конце 1960-х, когда впервые и очень робко заговорили о раскулачивании, я, не представляющий в то время ничего об этой странице отечественной истории, спросил отца. Ответ поставил меня в недоумение.

– Если бы всё вернулось, – ответил отец угрюмо, – нас бы снова раскулачили...

Видно, на моём лице было написано полное непонимание политики ВКП(б) в переживаемый исторический отрезок. Отец, как мог, попытался объяснить:

– Ты вырос, женился, поставили дом, семья у тебя, лошадь, корова; потом Вовка вырос, потом Валерка, потом Витюк... Считай, сколько домов, лошадей, коров и петухов с курами? Вот и всё. Кулаки, твою мать...

До октябрьского переворота 1917 года в Грызлове насчитывалось 450 дворов и более 900 лошадей, и никто не голодал. Не могу сказать, что такие семьи, как у Ивана Степановича, были во всех дворах. Знаю другое: на них, как на прочном фундаменте, во многом держался сельский мир.

Потом настало время этот исконно русский, крестьянский мир разрушать и создавать колхозы. Большевики-партийцы начали излюбленную практику – одних натравливать на других. Однофамилец, встреченный мной в начале 80-х годов прошлого столетия в городе карельских бумажников Сегеже, Андрей Аверьянович Гнетнев до войны жил в Грызлове и вспоминал, как большевистскую политику проводил учитель сельской семилетки Лавров Василий Иванович. На большой шоме он громко объявлял:

– Дети колхозников идут шамать, а дети единоличников идут домой...

Особенно лютовал Лавров во время раскулачивания. Андрей Аверьянович вспоминал излюбленный приём Лаврова: врывался в дом, забирал всё, что попадалось на глаза, и, если в этот момент дети на-

чинали плакать, открывал окно и выбрасывал детей на улицу. Мороз – не мороз... Так он поступил даже со своим соседом: выворотил амбары, вынес всё, а потом выбросил рахитичного ребёнка из окна...

Славный ленинец Лавров В.И. до такой степени осточертел в селе Грызлово, что в 1934 году, когда всех кулаков и подкулачников уже вычистили и они валили лес в Северном краю, здешняя земля носить его отказалась. Односельчане его попросту убили. На похоронах члены местной ячейки говорили речи о «славной жизни, отданной за счастливое будущее» неизвестно кому, и только один мужик по кличке Мамай, в прошлом красный партизан, произнёс нечто странное для торжественного момента:

– Спи, дорогой Лавров. И не такие, как ты, погибали. А уж тебе-то...

Каждый из присутствующих добавил про себя то, что недосказал партизан: «...только там и место».

Раскулачивание в Грызлово не было чем-то неожиданным для крестьян. О нём знали и по-своему готовились. В начале 1930-х годов дед работал заведующим хлебофуражным пунктом при железнодорожной станции Долгоруково, что неподалёку от села. Работа предполагала поездки по всей округе. И он много ездил, в каждом селе, в каждой деревне и на хуторах имел знакомых и подолгу жил у них. Вообще, по рассказам, Иван Степанович был уважаемым человеком, обожал застолья, имел неплохой голос, любил и умел петь. Злые языки приписывают ему и повышенное внимание к женщинам, часто взаимное.

Так вот Иван Степанович знал о готовящейся высылке и потому уехал и долго переезжал из одного села в другое, оттягивая страшный момент. А его ждали... По договорённости с отцом двое старших сыновей, Иван и Тихон, незаметно исчезли из села навсегда; они убежали с друзьями от высылки на юг, в Россошь и Ростов-на-Дону. В специальной литературе это бегство называется самораскулачиванием. Учёные подсчитали, что таким образом убежали из родных деревень, бросив своё хозяйство, владельцы почти 250 тысяч хозяйств. Сколько в этих хозяйствах оказалось беглых крестьянских душ, никто не знает. Но это можно прикинуть, умножив на состав семьи моего деда. В те времена в русской деревне большая семья Ивана Степановича вовсе не была редкостью.

С началом Великой Отечественной войны Иван оказался в оккупации и умер от болезни лёгких, а Тихон прошёл всю войну в десантных войсках и вернулся из Берлина целёхонек, с трофейным аккордеоном и большой шишкой на голове – след от пули, ударившей на излёте. Носить каску у фронтовиков считалось западло. Я был знаком с

Тихоном Ивановичем, в 1965 году по поручению отца ездил погостить в Россошь.

Сюжет требует назвать детей Ивана Степановича, расставив их по старшинству. Однако сделать это трудно. Данные о рождении у меня из архивов МВД, а верить им нет никакой возможности. Могу поручиться только за отца, родившегося не в 1913-м, как пишут архивисты, а в 1914 году, его младшего брата Владимира (1916 год, а не 1917) и сестру Екатерину (1911 год). А вот, скажем, годы рождения Александра, Ивана, Семёна и Тихона я точно не знаю, а у сестры Прасковьи он 1908-й, а не 1898-й, как утверждает справка МВД.

Однако вернёмся в Грызлово, где идёт зачистка-раскулачивание...

Сколько бы дед ни бегал по Долгоруковскому району Центрально-Чернозёмной области, ссылаясь на дела службы, финиш приближался неумолимо. 21 ноября 1933 года райисполком получил списки, составленные комитетом бедноты (Лавровым и его поделниками из местного комбеда), утвердил собственным постановлением и передал местному отделу НКВД для исполнения. С этого момента Гнетнев Иван Степанович, 1875 года рождения (не проверено!), малограмотный, социальное происхождение – из крестьян-кулаков, социальное положение – кулак-лишенец, специальность общая – хлебороб, специальность узкая – плотник (стаж 6 лет), судимость – нет*, превратился в злого врага молодого большевистского государства.

Так дорого обошлись его семье «вечный» дом красного кирпича, мельница-крупорушка и наполненная трудом достойная жизнь.

21 ноября 1933 года врагами государства стали также жена Степанида Николаевна и два их сына, Василий Иванович и Владимир Иванович. И как враги они подлежали высылке на Север. Их посадили в вагоны для перевозки скота – «телятники» и с сотнями других эшелоном отправили в Карелию.

Исправляться...

Вслед за ними отправили старшую дочь деда Прасковью. Она отправилась в ссылку вместе с семьёй, в которой было уже трое детей.

Любопытно, что муж Прасковьи, сосланный вместе с ней, Григорий Васильевич, знаменитый в округе столяр, в эти дни ремонтировал здание... местного НКВД. Рассказывают, что он был не только знаком, но очень даже авторитетен среди защитников революции, с горячим сердцем и очень холодной головой.

* Из семейной карточки, хранящейся в архиве МВД РК.

Григорий Васильевич Малютин был мастер-краснодеревщик, каких поискать. Я жил в его доме в Медвежьегорске на улице Северной в 1957–1958 учебном году, когда учился в 4 классе на Вичке, в маленькой сельской школке, которой руководила его дочь Валентина, моя двоюродная сестра. Он владел собственной комнатой, где главным предметом мебели был верстак, заставленный и завешанный самым различным столярным инструментом. Однажды за этим грубым верстаком Григорий Васильевич сделал мне летающую модель планера из тончайших, ювелирно выструганных и подогнанных деталей...

Всего за первую декаду декабря 1933 года в Карелию, в распоряжение Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ прибыли 7325 кулаков (2245 мужчин, 2032 женщины и 3048 детей). Центрально-Чернозёмная область освободилась от 388 кулацких семей, которые очень мешали ей «плыть в революцию дальше». О том, как их везли на Север, я уже рассказывал в одной из своих книг.* В эшелоне оказался с семьёй и В.Е.Москвин, ровесник и давний знакомый моего отца. В феврале 1991 года мы встретились, и он рассказал мне, как это было.

«...В телятники нас посадили, двери закрыли. Из окна – только маленькое окошко за решеткой, отдушина; металлические печки поставили – ни согреть, ни сварить ничего, всё дрожит, трясётся, проволочкой кастрюльку за трубу привяжут...

Объявили, что едем на лесозаготовки, а топоры и пилы от нас собрали и где-то в вагоне заперли. Дров для печурок не давали, изредка кинут уголька в ведёрко на вагон, так мы ножами под нарами досок настругаем...

Целый месяц так ехали, целый месяц...

Нары в два-три этажа, набиты до предела. Вагончики были старые, 16,5 тонны, 50 человек семейных, надо всем покушать. Туалет – дыра в полу пробита да тряпкой занавешена, одеяло старое...»

Как ехали Гнетневы, вместе ли, в одном «телятнике», либо по отдельности, чем занимались и что думали весь этот путь в неизвестность, мне неизвестно. Ни отец, ни кто другой из родни никогда не рассказывали об этом. Думаю, что отец с младшим братом не очень-то страдали, разве только страшно хотели есть. Здоровым и сильным парням в таком возрасте хочется только действовать и есть, есть и действовать. В то время отцу исполнилось 19, а брату Володе 16 лет. Наверное, мамой Степанидой Николаевной приставлены были помогать старшей сестре Прасковье. С Прасковьей и Григорием ехали в ссылку 13-летняя дочь Валентина, 11-летний сын

Иван и 5-летняя дочь Александра. Им было гораздо труднее.

О самой высылке и долгом пути на Север удалось узнать только один печальный факт. В.Е.Москвин вспомнил, что Иван Степанович «вроде немного тронулся умом». И по этой причине всю дорогу... пел.

– Пел он здорово, – рассказал Василий Евдокимович. – Мы все его слушали и очень жалели...

В. Е. Москвин продолжает свой рассказ:

«В Званке нас помыли в бане – все обовшивели. Званка между Чудовом и Волховстроем. А потом Сорока. Выгрузили и пёхом отправили в Шижню, там лагерь разгрузили, и нас в освободившиеся бараки под охрану. Вот здесь началась дифтерия, и дети дошкольного возраста все наповал поумирали. Из ребят остались только те, кто к нам на посёлок Верхняя Идель приехал...

В Шижне сразу собрали мужиков и парней и отправили в Верхнюю Идель строить посёлок. Вернее, достраивать, так как там уже были бараки, построенные заключёнными, и недостроенные здания, строить которые начали канадские финны. Было несколько бригад на строительстве, в том числе и бригады малолеток... За все эти дома с нас потом высчитали из зарплаты, заставили вроде выкупить...»

... Вспоминаю: когда отец хотел меня, подростка, в чём-то упрекнуть, говорил:

– Я в твои годы уже плотницкой бригадой командовал. А ты с удочкой только берега околачиваешь...

Я думал, сочиняет в воспитательных целях: когда это он успел бригадой поруководить? Но, видно, бригада всё-таки была, хоть из малолеток; а что-то, но командовать отец умел...

Кулаки выстроили в Верхней Идели около сотни домов. Были здесь детский сад, клуб, овощехранилище, конюшня, комендатура, столовая с пекарней и магазином, а позже и собственный колбасный цех. Лес за озёрным заливом свели, землю разделали и выращивали всё, что хотели, – картофель, капусту, свеклу. Овощехранилище, вспоминает Москвин, на зиму забивали под крышу...

За построенные своими руками дома пришлось самим же заплатить. Квартира в двухквартирном доме обошлась семье в 2600 рублей. Много это или мало? Судите сами. При работе в лесу по 10–12 часов, без выходных, праздников и отгулов, за день ударной работы удавалось заработать до трёх рублей, а в месяц до сотни...

* Беломорканал: времена и люди. – Петрозаводск. Острова, 2008, С.148-195.

Цинизм власти проявлялся ещё и в том, что у бывших кулаков до 25% крохотной зарплаты отбирали... в кассу НКВД. Таким образом, их заставляли оплачивать охрану, содержание комендатур и прочие расходы по собственному «управлению и обслуживанию».

Следует отметить здесь, что и Москвиным, и Гнетневым, и остальным кулакам крупно повезло. В Верхней Идели ни мох, ни собак не ели. Вот что, к примеру, сообщали о положении дел на местах автору катастрофы российского крестьянства ещё за полгода до гризловской высылки:

О ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА СЕВЕРЕ

*11 мая 1933 г. Совершенно секретно
Дорогой тов. Сталин.*

К настоящему времени в ведении трестов лесной промышленности края находится 34827 семейств спецпереселенцев (120170 человек), из которых 18650 человек взрослых нетрудоспособных и 41610 детей до 16 лет.

Прибывшие в текущем году семьи спецпереселенцев в большинстве своём состоят из нетрудоспособных (большинство глав семейств изолированы в особом порядке и в спецпосёлки не пошли).

Все спецпереселенцы размещены в 201 спецпосёлке, вновь выстроенном в лесной глуши, в необжитых местах, с расчётом преимущественного использования рабсилы переселенцев на лесозаготовках.

Ряд спецпосёлков уже стал на ноги, создана своя хозяйственная база: сельское хозяйство, кустарные промыслы, охота, сбор ягод и др. В таких спецпосёлках почти нет текучести, выход на работу полнее, производительность выше, люди осели и к хозяйству прирастают.

Однако в значительной части посёлков картина иная. В этих посёлках отмечается голодовка, высокая смертность (особенно детей). В пищу идут всевозможные суррогаты, к хлебу примешиваются опилки, мох, кора, иногда употребляют павших животных. Отмечены даже отдельные случаи людоедства (так, например, Черевковский район).

*Полномочный представитель ОГПУ
по Северному краю Аустрин
Начальник секретно-политического
отдела полномочного представителя ОГПУ Саенко
(ГАОПДФАО.Ф.290, оп. 1, д. 1437, л. 134.)*

3

Кулаки-трудпереселенцы, или колонисты, как мягко называли ссыльных в гражданских ведомствах Карелии, в зиму 1933–1934 годов строили посёлки и расселялись в районе железнодорожных станций Надвоицы и Шавань, вдоль рек Летней, Идели, Тунгуды, Сегежи и Верхнего Выга (Данилово). Их пригнали так много, что только в декабре 1933 года по направлению на север от Медвежьегорска до Сороки вынуждены были заложить сразу 15 посёлков.

Кулакам предстояло осваивать природные богатства в зоне ББК...

Беломорско-Балтийский канал уже отработал свою первую судоходную навигацию, и правительство поставило перед НКВД новые масштабные задачи. Вот как писал о них один из руководителей Главного управления лагерей ОГПУ Рапопорт:

ПРИКАЗ ПО ББК ОГПУ О ПОСТАВЛЕННЫХ ЗАДАЧАХ

10 сентября 1933 г.

Постановлением Правительства организован Беломорско-Балтийский комбинат ОГПУ. На Беломорско-Балтийский комбинат Правительством и Коллегией ОГПУ возложены задачи огромной государственной важности.

...Одной из важнейших задач, возложенных на Беломорско-Балтийский комбинат, имеющей исключительно важное значение для каждого заключённого, является заселение больших пространств на всём протяжении канала и тяготеющих к нему районов.

Эта задача будет осуществляться как путём организации специальных посёлков, населяемых трудпоселенцами, так и путём оставления в качестве вольнонаёмных рабочих, служащих предприятий комбината, всех освобождающихся и пожелавших остаться лагерников. Кроме того, на положение колонистов будут переводиться и те заключённые, которые систематической ударной работой, образцовым поведением в быту и сознательным отношением к делу докажут, что они действительно перековались и могут поэтому получить право на досрочное освобождение...

*Зам. начальника ГУЛАГа ОГПУ
и начальник Белбалткомбината Рапопорт
НА РК, Ф. 865, оп. 1, д. 51, л. 190-191.*

Пусть вас не смущает обращение к «лагерникам». Кулаки почти ничем от них не отличались.

Проживая в лесных посёлках, они, тем не менее, понимали, что находятся в ведении громадного исправительно-трудового лагеря, пусть и называемого «комбинатом». По закону, они считались репрессированными и лишались гражданского избирательного права и свободы передвижения. Они не могли быть членами профсоюза и не призывались в армию; при регистрации брака или развода, при рождении или смерти никаких документальных свидетельств им не выдавали...

Обычный рабочий скот...

Василий Евдокимович Москвин вспоминал:

– Рабочие табеля, пайки, как заключённым, нам давали на пятидневку. Это были карточки. Мы отрезали талончики и шли с ними в столовую. За пятидневку подсчитывали процент выполнения плана – кто 500, кто 600, так и определяли пайку. Если кто не вышел на работу, докладывают, приходит стрелок и ведёт в камеру – сиди сколько дадут – сутки, трое...

Зимой на лесозаготовке не заработаешься, день короткий, тут хочешь не хочешь, а завершай, а летом – от зари до зари. Все стирки, помывки и всякие домашние дела – это когда хочешь, тогда и делай, а на работу попробуй не пойти...

Было трудно в Верхней Идели. Много работали, тяжело выживали, но разве испугаешь крестьянина работой? Как я понимаю сейчас, они вообще мало чего боялись. Тот же Василий Москвин категорически отказался выходить на лесозаготовки.

– Я им говорю: я этот лес не сеял и пилить его не буду, что хотите, то и делайте. А за то, что мои родители – кулаки, не отвечаю...

Крутили-вертели в третьей части, совещались: давать десять лет за агитацию или погодить, а потом отпустили...

Молодые ребята после рабочих смен ходили на танцы в клуб, знакомились с девушками, женились...

...Вероятно, в середине 1980-х годов моя двоюродная сестра Валентина Григорьевна предложила съездить в Верхнюю Идель, куда попала девчонкой. В то время там еще не было дачного кооператива «Металлург» с его узкими улочками и сплошными заборами. Мы ходили по пустырю, по бывшим улицам и дворам, и Валентина Григорьевна вспоминала: «Вот тут была улица Челюскинцев, направо – Трудовая, там клуб с пекарней и столовой под одной крышей, рядом стоял наш дом...»

Вышли на берег озера и побродили по песчаному пляжу, пытаюсь отыскать сережку, которую потеряла летом 1935 года Валентинина подруга Ирина. Сестра показала: «Вон тот небольшой островок назывался «островом любви...»

1935 год оказался по-своему знаменательным для семейства Гнетневых.

Глава семьи так и не оправился от потрясения, пережитого при раскулачивании и высылке. Он и не болел ничем, но и работать не мог, а просто жил дома, копошась по хозяйству. Рассказывают, что к своим 60 годам он вообще никогда и ничем не болел.

Однажды в конце февраля 1935 года тёмным зимним вечером мой отец с братом вернулись с делянки. В окнах дома свет не горел. На крыльце отряхнули снег с валенок, вошли. В квартире было нетоплено и стыло, а в закутке за печью, подперев голову кулаками, сидел в любимой меховой безрукавке неживой отец...

23 февраля местная комендатура сообщила о смерти Ивана Степановича Гнетнева в колонизационную часть лагерного отделения в Майгубу. Похоронили его на своём кладбище. Место это называлось «за заливом». В конце 1990-х годов я еще находил там едва заметные могильные холмики, сплошь поросшие брусничником. Теперь расплахан до самого берега, и никто о бывшем кулацком кладбище не знает.

В этом же году, а может, чуть раньше, братья Василий и Владимир нашли себе по жене. Владимир женился на одногодке Анне Зыковой из трудпосёлка Каменка.

Посёлок этот до сих пор располагается на северном берегу озера Идель. Он удивительным образом пережил войну, благополучно избежал кампаний по переносам и укрупнениям. Эти кампании, призванные сделать жизнь советских людей ещё более счастливой, с удручающей безысходностью её только загаживали. И сегодня всякий, кто имеет желание взглянуть на кулацкий трудпосёлок образца 1933 года, сможет это сделать без особого труда. Большая часть домов, превращённых в дачные или просто покинутые хозяевами, стоят в Каменке всё в том же виде и порядке, в котором поставили их рачительные российские мужики и подростки 80 лет назад. Они оставили между домами значительные пространства, на которых можно было разбивать не только грядки, но целые огороды.

Мне рассказывали, что спасло Каменку особое внимание местной власти. Место отличное, дома добротные, отдалённость... И послевоенные начальники облюбовали посёлок под дачи. Ведь никто, кроме них, имеющих служебные машины, сюда добираться не мог. Адрес Каменки простой: 22-й километр дороги Кочкома – Ругозеро, поворот направо и ещё пять километров по красивой лесной дорожке.

Жизнь молодой семьи Гнетневых сложилась более чем трагично. В 1935 году Володю с Анной

перевели из трудпосёлка на Беломорско-Балтийский канал, в Шавань. До войны они трудились на шлюзе №11, быстро выдвинувшись в ударники-стахановцы. С началом войны в 1941 году их эвакуировали в Республику Коми, откуда Володю мобилизовали на фронт. Он отлично воевал, видимо, прямо у стен Ленинграда, быстро стал младшим сержантом, а потом...

Потом Анна получила извещение из сортировочного эвакогоспиталя №2222 под номером 1/68. В нём говорилось, что её муж «...в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен и умер от ран 25 марта 1943 года. Похоронен на Пискарёвском кладбище в г. Ленинграде».

С Анной остались две дочери – 6-летняя Валентина и годовалая Людмила. После войны, летом 1945 года, Анна с детьми приехала из Коми в Беломорск. Почему-то все они старались поселиться возле канала: сёстры отца Прасковья с Катериной, захватив маму Степаниду Николаевну, приехали в Медвежье-горск, Анна с детьми в Беломорск... Как я жалею теперь, что не хватало ума расспросить о родных гнездах. Почему же в Россию-то не подались, где так всё знакомо и обжито жизнями многих поколений?

В Беломорске старшая дочь Анны Дмитриевны Валентина окончила школу, переехала в Краснодар, получила высшее экономическое образование и на 34 году... умерла на руках матери от рака желудка. Младшую Людмилу, киномеханика поселкового клуба в Вирандозере Беломорского района Карелии, убил пьяный вербованный лесоруб, гулявший с компанией в соседней комнате барака. Трагедия случилась 3 марта 1963 года. В этот день умной, красивой и энергичной девушке исполнился 21 год...

Анне Дмитриевне Гнетневой (Зыковой) выпало, может быть, самое большое горе, которое может выпадать женщине, – оплакать не только мужа, но и всех своих детей. Второй раз эта глубоко православная и строгая до известной суровости женщина замуж не вышла. Мы похоронили её у деревни Выгостров в одной оградке с дочерьми 14 февраля 1995 года.

Иная судьба ждала моего отца...

Он также женился и на ББК поехал с молодой женой. Анна Васильевна была на семь лет моложе (1921 г.р.). Какую девичью фамилию она носила, была ли сослана с родителями и откуда, я не знаю. Знаю только, что в 60-е годы прошлого века она жила в Ульяновске и писалась Понаморёвой.

Жить молодые стали возле деревни Надвоицы, на шлюзе №10. А первый рабочий день отца на канале выпал на 20 марта 1935 года.

В нашем повествовании намечается очередной сюжетный поворот. И, чтобы не возникало недоуменных вопросов, прежде следует дать некоторые пояснения. Думаю, у внимательного читателя они уже возникли. Автор только что сообщил, что кулаки-спецпереселенцы почти не отличались от заключённых, жили под охраной, не имели не только документов, но и гражданских прав.

Всё это правда.

Такая же правда и то, что Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина не простое, но абсолютно закрытое (режимное) предприятие, которое охраняет полк НКВД с гарнизонами солдат на каждом гидроузле. Ведь по каналу проводят суда с важными народнохозяйственными грузами и военные корабли. Что-то тут не так, не правда ли? Как можно врагов государства подпускать к особо охраняемым объектам?

Всё верно. Не в первый раз жизнь заставляла большевиков поступить вопреки ими же предложенной логике. И не в последний.

Василий Евдокимович Москвин убеждён, что чекист Лацис, предложивший кулаков из трудпосёлков переводить на работу на канал, занимал должность начальника управления. Но это не так. Не было еще никакого управления. Эксплуатация гидросооружений ББК находилась в ведении Отдела пути ББК-бината НКВД. Как бы там ни было, предложение оказалось настолько невероятным, что Лациса немедленно из лагеря убрали.

– Но делать что-то надо, – вспоминал Москвин. – Работать на ББК некому. Заключённые уже в Дмитрове строят новый канал. И пришли к необходимости брать кулаков, мол, люди акклиматизировались, с семьями и т. д. Дали разнарядку в посёлки – отобрать семьи, в которых больше трудоспособных, больше рабочих рук. Вот и вашу семью взяли – там все трудоспособные, большую семью Дятловых, Серегиных тоже. И наша семья могла попасть на канал, но из-за меня не взяли, на меня комендатура настолько была злая, что оставила в посёлке...

Так мой отец Василий Гнетнев с молодой женой Анной да его товарищ по Верхней Идели Роман Дятлов с Анастасией оказались на шлюзе №10.

...Я много доброго слышал о Романе Николаевиче, но ни разу его не видел. Летом 1982 года поехал на 10-й шлюз специально для того, чтобы познакомиться и расспросить об эшелоне 33-го года и жизни в трудпосёлке. Мне не повезло. Оказалось, Дятлов ушел на дальний сенокос, куда-то за Дуброву дамбу. Меня отправили к его

супруге Анастасии Николаевне. Вот как это было (я описал эту сцену в одной из своих книг):

«В шлюзовом поселке было тихо и безлюдно. К своим 35 годам я никогда здесь не был и, разумеется, никого не знал. Свернув к ближайшему дому, постучал в дверь и на ответный возглас вошел. В глубине просторной комнаты, наполненной тихим летним зноем, две аккуратные старушки степенно пили чай за маленьким столом. Мое приветствие они вроде бы не услышали.

– Васильев сын, что ли? – спросила у товарки та, что сидела у окна.

– Да, – утвердительно ответила другая, едва взглянув на меня. – Это ж Гнетнев.

Я был потрясен! Как они узнали мое имя?! Откуда вообще знают о моем существовании? Я же здесь в первый раз...

Старушки встреपнулись, захлопотали, усадили меня за стол, налили чаю и наперебой стали рассказывать, как они бегали с моим отцом на танцы в 37 или 38 году и какие это были «знаменитые» на канале парни, Василий Гнетнев и до сих пор неведомый мне Коля Фуныгин...»

Старушки и рассказали про тогдашнюю жену моего отца Анну Васильевну, о существовании которой я прежде не догадывался. Причём говорили аккуратно, тщательно подбирая слова. Из рассказов выходило, что женой Анна оказалась неважной, прослыла чрезвычайно ленивой грязнулей, любительницей «на кровати поваляться». Старушки говорили о ней с усмешкой, жалея отца...

Так это было или нет, неведомо. Между тем в Национальном архиве Карелии мне попал в руки документ 1940 года, в котором отец, его брат Володя и Володина жена Анна отмечены как ударники труда – стахановцы. А вот жены старшего надзорщика* 10-го шлюза Василия Гнетнева Анны в том списке нет.

К списку приложен документ «Лучшие люди нашего бассейна» с краткими характеристиками на каждого. Про отца сказано, что он «один из лучших работников гидросооружений, хорошо освоил знание механизмов, чем обеспечивает бесперебойную работу шлюза. Свои знания и опыт передаёт молодым работникам шлюза».

Любопытно, что в 1940 году список лучших работников ББК состоял из двух разделов: в первом значилось 18 имён, а второй содержал 11 имён и был оснащён подзаголовком – «трудпереселенцы». Их труд также был отмечен, но как бы отдельно, вторым «сортом». Да что вспоминать предвоенное время, когда до 90-х годов прошлого века руководители канала вынуждены были подавать куда надо списки так называемых неблагонадёжных. В них включали

бывших заключённых, оставшихся со времён строительства, бывших кулаков, вербованных из оккупированных областей и других прочих. Мне говорили, что их количество в разное время составляло примерно половину всех работающих на ББК. Е. И. Волков рассказывал, что во время работы начальником Сосновецкого района гидросооружений регулярно подписывал отчёт, в котором до 400 человек попадали в одну графу и ещё столько же в другую.

Советская власть боялась бывших российских крестьян, с их изломанными судьбами, с вырубленными под корень родами, лишенных родных домов и могил; боялась настолько, что не спускала с них глаз до своего падения.

«Неблагонадёжные» – вот причина, по которой мой отец и его товарищи с началом Великой Отечественной войны оказались не на фронте, а в эвакуации в Коми АССР.

Эвакуация для них стала обычным возвращением в трудпосёлок. И в Верхней Иделе, и на ББК, и в Коми у них был один хозяин – НКВД СССР. И хозяин жестокий. Фуражки, белые полушубки и кожаные туфли, портупеи, рык и мат по утрам, холоднущие бараки, в которых утром волосы примерзают к нам, железная бочка-печь посерединке, не успевающая просыхать сырая одежда, и работа, работа, работа... И ещё усилившиеся с началом войны подозрительность и репрессии. Мама рассказывала:

– Вечером сели в бараке за большой стол ужинать. Один мужчина помешал в котле поварёшкой и грустно пошутил: «Крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой». Рано утром собираемся на работу в лес, а мужчины нет...

У меня хранятся две пожелтевшие справки, подписанные одним и тем же знакомым мне человеком – Иваном Николаевичем Захаровым. В ту пору он руководил Сосновецким техническим участком канала, в его ведении находились шлюзы с 10-го по 19-й. В первой справке значится, что Гнетнев Василий Иванович находился в эвакуации с 26 ноября 1941 года. Во второй – что он же «...действительно работал на шлюзе № 10 в должности старшего надзорщика и имел средний заработок за... декабрь м-ц 1941 года 744.29 руб.».

Одна справка противоречит другой. Такое у

* «Надзорщик, старший надзорщик» – так назывались на шлюзе должности бригадира рабочей вахты-смены. При круглосуточной работе таких смен было четыре. Позже должность стала именоваться «начальник вахты». ББК всегда входил в структуру морского и речного транспорта, где, как известно, существует своя форма и собственная терминология. В настоящее время должность надзорщика сохранилась только на Хижозерском водохранилище.

нас бывает. Когда, как и по каким путям эвакуировали кулаков из Надвоиц в Коми, мне неизвестно. Однако из других документов известно, что уже 16 декабря 1941 года отец трудился десятником (бригадиром) на лесосплаве Палевецкого леспромхоза в Коми. С ним вместе жили супруга Анна Васильевна, двухгодовалый сын Константин (1939 г.р.) и дочь Серафима (1941 г.р.).

...Где-то очень далеко немецкие танковые орды неудержимо катят к Москве и Ленинграду, а здесь, в далёкой лесной глуши, кулаки гонят и гонят вниз по рекам – «на оборону» – тысячи кубометров северной древесины...

5

За 11 дней до начала войны отцу исполнилось 27 лет. Рослый, физически крепкий, хваткий и решительный в слове и деле – не случайно сразу и везде – бригадир, он, по существу, готовый солдат, защитник Отечества. Но таких воевать не берут, а если и берут, то в пропорции: один в кадровую часть, десять в спецстройбатальон. Призывников из трудпереселенцев возраста отца до середины октября 1941 года из Коми призвано всего 18 человек. А сами они не очень-то и рвутся. К началу 1942 года по многочисленным трудпосёлкам громадной Коми АССР заявлений с просьбой отправить на фронт от кулаков подано всего... 35.

Можно понять их настроение. Кого защищать? Кремль, официально объявивший им всем, включая стариков и детей, войну на уничтожение? Сытых толстозадых охранников из НКВД? Активистов лавровых из комбедов, захвативших дома в родных сёлах и убивавших их детей?

Уже знакомый читателю однофамилец Андрей Аверьянович Гнетнев рассказал историю и вовсе чудовищную на фоне мифов, навеянных пропагандой. Это свидетельство того, как государственная политика в отношении деревни вообще, и раскулачивание в частности, отразились на патриотических настроениях жителей сел и деревень, вовсе не бывших кулаками:

– Летом 1941 года всех парней села Грызлово, которым исполнилось по 18 лет, и меня в том числе, собрали в колонну и погнали на войну. Сопровождали нас верховые офицеры из военкомата. Шли двое суток. Прогнали Елец, подошли к Дону и на берегу, возле села Водопьяново, сели отдохнуть. Тут ребята стали судить и рядить. Мысль явилась такая: нахрена нам воевать за Сталина? Что мы от него доброго видели? Поговорили да и повернули домой. Военкоматовские сопровождаю-

щие помахали-помахали наганями, но что они сделают? Не вернулся один я. Потопал дальше и попал в артиллерийское училище, а из него на фронт...

Война набирает обороты. Большая часть кадровой армии полегла в первые недели и месяцы немецкого наступления. Сотни тысяч солдат фактически сданы в позорный плен. Но есть ещё громадные людские ресурсы в городах. И идут, идут, идут к фронту эшелоны с необученными, как попало вооруженными, наспех одетыми и стабуненными в подразделения российскими мужиками...

Потери гигантские, людские ресурсы в основном подобраны... Нужда всерьёз постучалась в высшие кабинеты власти СССР только в марте 1942 года. Вспомнили о кулаках, находящих в ссылке. И тут вдруг выяснилось, что их много, очень много! Только в Северном крае почти 300 тысяч ссыльных мужчин! Подсчитали, что хватит на шесть стрелковых корпусов по штатам 1941 года...

С самого верха распорядились, чтобы НКВД доложил правительству, каким образом врагов советского строя превратить в его же защитников. Решением непростой задачи занялось Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ). И тут неожиданно выявился чрезвычайно интересный факт: юридически кулаки почти свободны! Правда, сами об этом не догадываются...

Выяснилось, что восстановление в гражданских правах высланных началось ещё в 1932 году. Ударники производства, в первую очередь из числа молодёжи, уже девять лет назад могли получить равные гражданские права. Могли-то могли, только паспортов им не выдавали, и поэтому реально выехать из трудпосёлков они не могли.

По «сталинской» Конституции 1936 года кулаки вообще якобы освобождались и им возвращались все гражданские права. Да, но кроме сущего пустяка – права свободного выбора места жительства. Иными словами, совершенно свободные, они продолжали свободно валить лес, правда, под присмотром комендатур...

22 октября 1938 года Совет Народных Комиссаров (СНК) принял секретное постановление «О порядке выдачи паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных, достигшим 16-летнего возраста». Подростки также объявлялись свободными. Однако на самом деле их не освобождали, а просто переводили на персональный учёт...

Эти и другие попытки освобождения из ссылки бывших кулаков и членов их семей оказались малоэффективными и не решали, а только имитировали решение проблемы. Об этих постановлениях и дру-

гих юридических актов с грифами «секретно», «для служебного пользования» сами кулаки ничего не ведали. Отгадка тайны всей этой правовой государственной возни очень проста. Властям вроде и надо было вернуть кулаков в правовое состояние обычных граждан, только кто в лесной северной глуши работать станет? Сотни тысяч рабочих рук, фактически бесплатно горбатившихся на государство, да ещё содержащих машину НКВД, – халява-то какая...

В качестве иллюстрации трогательной заботы чекистов о детях приведу документ, относящийся не к зонам Коми Республики, а к Карелии и Беломорско-Балтийскому комбинату НКВД.

ПРИКАЗ ПО БЕЛБАЛТКОМБИНАТУ НКВД СССР
О ПОМЕЩЕНИИ ДЕТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В БЛАГе,
В ДЕТСКИЕ ДОМА И КОЛОНИИ

4 января 1936 г.

В Беломорско-Балтийском лагере совместно с родителями, отбывающими срок изоляции, а также не имеющих таковых содержатся свыше 100 чел. детей разного возраста, которые, вращаясь в лагере среди контрреволюционного элемента, отрицательно влияют на учащихся в школах детей вольного населения, внося в ряды учащихся дезорганизацию и антисоветские настроения.

Приказываю:

В 48-часовой срок, под персональную ответственность начальников отделений и ОЛП*, всех детей от 8-летнего возраста и выше, проживающих в лагере при родителях, отбывающих срок наказания, а также не имеющих таковых, из лагеря изъять и передать в распоряжение начальника ТКМ** Надвоицы для дальнейшего содержания в колонии. Детей до 8-летнего возраста передать в детские дома АКССР***.

Начальнику КВО**** тов. Захарову проследить за точным и своевременным исполнением приказа и доложить мне.

*Пом. начальника ГУЛАГа НКВД
и начальник Белбалткомбината Алмазов
НА РК. Ф. 865, оп. 2, д. 11, л. 5*

Чекисты выполнили распоряжение правительства и разобрались наконец, кто государству настоящий враг и как следует посмотреть на кулаков в свете продолжающейся тяжёлой войны. 16 марта 1942 года начальник Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа направил своему начальнику докладную записку. В ней, в частности, говорилось:

«...Вопрос о призыве в Красную армию категорий

трудпереселенцев, которые к моменту выселения не были главами семей, приобретает сейчас двоякое значение. Во-первых, речь идёт более чем о 100 тыс. человек призывного возраста. Во-вторых, будучи почти во всех правах уравнианы, все трудпоселенцы оказались как бы забронированными от мобилизации... (выделено мной. – К. Г.). Насколько мне известно, постановления Правительства, запрещающего привлечение к отбыванию воинской обязанности трудпереселенцев, нет...»

Вот, оказывается, как...

Страна напрягает все силы на фронтах в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, а бывшие кулаки, почти такие же в правах, как нормальные граждане, отсиживаются по тылам, забронированные от мобилизации.

Хорошо устроились...

Теперь уже начальник ГУЛАГа пишет вверх по инстанции в НКВД:

«В трудпосёлках НКВД из общего количества 272473 трудпереселенцев мужчин 174596 человек составляют мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Проверкой установлено, что из общего количества мужчин призывного возраста только 37861 человек являются бывшими кулаками, которые в период ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации были главами семей. Остальные 136735 человек выселены в качестве членов кулацких семей, причём 31869 человек составляет молодёжь, достигшая 16 лет во время нахождения в трудпосёлках и которая на основании постановления СНК СССР №1143-280с от 22.10.1938 года подлежит освобождению из трудпосёлка с последующим взятием их на учёт военведа.

...Исходя из вышеизложенного, ГУЛАГ НКВД полагает, что в настоящее время целесообразно трудпоселенцев, которые к моменту выселения не были главами семей, призвать в Красную армию на общих основаниях...»

Оказывается, только главы семей были настоящими кулаками. Именно они подлежали политическим репрессиям! Почему же ссылали всех, включая стариков и детей? Ведь эти 272 тысячи человек – не все высланные, а только малая часть, сумевшая выжить за более чем десять лет жизни в нечеловеческих условиях. Кто и когда ответит за это?

Умилительно читать и другое – на чём строилось объяснение причин запрета на мобилизацию кулаков с началом войны. В ГУЛАГе всерьёз опасались

* ОЛП – отдельный лагерный пункт.

** ТКМ – трудовая колония малолетних (молодёжи).

*** АКССР – Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика.

**** КВО – культурно-воспитательный отдел.

негативной реакции «остального» населения, призванного на фронт. Иными словами, чекисты боялись, что рядовые солдаты будут возмущены тем, что им под вражеским огнём придётся делить окоп с «врагами» советского строя.

Подумать только...

Только в воспалённом комиссарском мозгу могла возникнуть такая идея. Солдат несокрушимой Красной армии под руководством коммунистической партии выполняет благородную миссию по защите социалистического отечества. А рядом с ним, плечом к плечу, находится враг этого самого отечества. Это оскорбительно! Это снижает высоту ратного подвига! Так же в 1941-м и потом думали о положении солдата-окопника полководцы из тюремно-лагерного ведомства.

После того как лагерное ведомство разобралось само, а затем убедило правительство, что кулаки, собственно говоря, давно свободны и запросто могут быть посланы умирать, как обычные граждане страны, по многочисленным баракам трудпосёлков Северного края пошли сотрудники военкоматов и почтальоны с повестками. Согласно постановлению ГКО (Государственный комитет обороны) СССР №1575сс от 11 апреля 1942 года призыву подлежало сразу 35 тысяч человек. В Коми АССР в апреле-мае 1942 года поставили под ружьё 935 человек, в августе-сентябре 1942 года ещё 1489 человек...

Однако отец в это число не попал. По окончании второго (сентябрьского) призыва бывших кулаков в действующую армию военкоматам даже пришлось давать объяснения. «Невыполнение наряда» составило 1000 человек. Причины состояли в крайне слабом здоровье призывников и отсрочках, связанных со сплавными работами. И они имели под собой реальное основание. Откуда здоровью взяться при каторжной работе, скверном питании, при котором «крупинка за крупинкой...» и полном отсутствии медицинского и иного социально-бытового обеспечения? Например, в октябре 1942 года только по одному Сыктывдинскому району Коми АССР комиссия отсеяла из-за крайне неудовлетворительного здоровья... половину призывников.

И сплав не мог быть остановлен ничем, пока несёт свои быстрые воды река и лес не заперт боновыми заграждениями в затонах перерабатывающих предприятий. Осенью 1942 года до окончания сплавных работ на реках «Комилес» забронировал от призыва на фронт 381 сплавщика. Среди них был мой отец, бригадир лесосплава Палевецкого леспромхоза Василий Иванович Гнетнев.

На фронте он оказался только 1 октября 1942 года.

К сожалению, у меня нет данных, каким образом, в составе какого войскового соединения и в каком месте Волховского фронта оказался мой отец в первые для него военные дни. Готовясь к работе над этой главой, я перечитал много документов, мемуаров военачальников и воспоминаний рядовых участников боёв под Ленинградом. Мне хотелось, насколько это возможно, представить картину событий с осени 1942 по август 1943 года и хотя бы в очень малой степени прочувствовать то, что чувствовал и видел он. Оказалось, что в этом мемуары генералов и политработников подспорье неважное. Вот их привычный стиль:

«...Количество бойцов в подразделениях под ударами врага всё уменьшалось, а число коммунистов росло. В той тяжелейшей обстановке сотни воинов дивизии считали для себя великой честью идти в бой коммунистами».

И ещё.

«На исходе дня 26 сентября поступила радиogramма прямо от командующего фронтом. Приказывалось стойкой обороной... не дать врагу распространиться на север. В заключении говорилось, что Родина нас не забудет».

А вот что вспоминал простой пулемётчик (пулемётчик 33-й бригады С.С. Сейтенов): «На двоих-троих солдат одна винтовка, на пулемётную роту – один пулемёт «максим», да и у того ленты старые, рваные, поэтому он без запинки не стрелял...»

Вот что помнил рядовой солдат (боец 286-й стрелковой дивизии К.Д. Григорьев): «Из нашей роты в том бою семеро живых осталось. Если книгу писать об этом, то каждую страницу надо слезами омыть...»

И что-то не встречается в этих бесхитростных воспоминаниях ложной патетики и пустых заклинаний про Родину, которая не забудет.

В ряду солдатских воспоминаний отдельно стоит небольшая книга питерского искусствоведа, всю жизнь работавшего в Эрмитаже, Николая Николаевича Никулина «Воспоминания о войне». Застенчивым, слабым, интеллигентным городским юношей он попал на фронт, чтобы защитить любимый город. Ежедневно ожидая гибели, он, тем не менее, выстоял, закалился и опытным солдатом прошёл всю войну, чтобы многократно израненным вернуться в любимый Эрмитаж.

Никулин написал воспоминания вовсе не ради самоутверждения, мол, и мы пахали... Нет. Книга стала для него возможностью избавиться от навязчивых воспоминаний, днём и ночью преследующих его всю жизнь. Написанная не для читателя, а для себя, она

стала «внутренней эмиграцией, протестом против господствовавшего тогда и сформировавшегося теперь ура-патриотического изображения войны».

Книга Н. Никулина пролежала в столе 30 лет...

Кроме невероятно обнажённой правды, правды, которая не укладывается в сложившиеся стереотипы и зачастую возмущает душу, книга солдата Никулина интересна для меня ещё и тем, что в ней описываются те же места и события, известные мне из рассказов отца. Иногда складывается впечатление, что и воевали они плечом к плечу. Хотя это не так. Просто оба были обычными солдатами. Я познакомлю читателей с тем, что видел боец Николай Никулин на своей войне.

Мне думается, что отец сразу попал в 256-ю стрелковую дивизию 8-й армии Волховского фронта, в которой воевал и потом, до середины августа 1943 года. Эта дивизия участвовала в третьей попытке прорыва блокадного кольца и 22 июля 1942 года «понесла большие потери и отведена на пополнение и укомплектование». Так писали в официальных текстах. На самом деле была наголову разгромлена (остались только штабы и боевые знамёна) и заново сформирована в Череповце, чтобы 21 сентября 1942 года снова оказаться на Волховском фронте.

На самом деле отцу отчаянно повезло...

Начиная с 30 августа 1941 года, когда немцы замкнули кольцо вокруг Ленинграда, и до 1 октября 1942 года советское командование осуществило несколько попыток освободить город. В 1941 году предприняты две Синявинские операции, летом 1942 ещё Любанская и третья Синявинская (их называют иногда Мгинские операции).

Пережить их рядовому солдату не было никакой возможности...

Даже по меркам Ленинградской области, бои велись за крошечную территорию. Войска Ленинградского фронта изнутри и Волховского фронта снаружи должны были прорвать «синявинско-шлиссельбургский выступ» и соединиться. Расстояние прорыва 12-16 километров. Для жителей любого областного города – это городская черта. Но уже к осени 1942 года подступы к этому выступу оказались покрыты трупами и залиты солдатской кровью...

Только в 3-й Синявинской операции со стороны Волховского фронта участвовало 156 927 солдат и офицеров. С 19 августа по 10 октября 1942 года потери фронта составили 114 000 бойцов. А всего за шесть месяцев Любанской операции мы потеряли 400 000 солдат и офицеров.

Любанская операция, как мы отмечали, была

только одной из попыток прорыва блокады...

Поразительна по своей циничности ложь тогдашней официальной пропаганды. Немецкий полковник, в то время командир 284-го полка 18-й дивизии, противостоящей нашим фронтам под Ленинградом, Хартвиг Польшман в своих мемуарах вспоминал: «Когда немецкое радио сообщило о победе, русская глушилка на немецком языке известила: «Всё это враньё! Никакого сражения под Гайтоловом вообще не было!»

Привычная большевистская позиция: ничего не было. Ни проигранных сражений, ни тупого самодурства верховной власти, ни чудовищного равнодушия и дури генералов, а главное – не было сотен тысяч павших солдат, брошенных и забытых.

Солдат К.Д. Григорьев вспоминал: «Моему товарищу миной голову оторвало. Оборачиваюсь, а он стоит, но без головы. Шинель зацепилась за срубленный ствол берёзки и держит... Потом написали – мол, пропал без вести. Такими «пропавшими без вести» все болота от Войбокало до Синявино выложены...»

Где-то там же лежит и мой дед, которого я никогда не видел, – «пропавший без вести» красноармеец, раскулаченный донской казак Дмитрий Иванович Марютин, отец моей матери...

Бывший фронтовик, воевавший на Волховском, Ленинградском и 2-м Белорусском фронтах, Г.А.Шигин попытался систематизировать сведения о потерях и разделил битву за Ленинград на три периода*:

– с 10 июля по 30 сентября 1941 года потери наших войск составили 344 900 человек;

– с 1 октября 1941, весь 1942-й и по 11 января 1944 года потери достигли 1 млн 048 000 человек или 1 млн 061 000 человек;

– с 12 января 1944 по 31 июля 1944 года потери превысили полмиллиона – 527 500 человек.

Википедия лукаво сообщает, что за время битвы за Ленинград СССР потерял бойцов больше, «чем Англия и США за всё время войны...». Больше – это сколько? Кровавую цену заплатили Сталин и отцы-командиры за «синявинско-шлиссельбургский выступ».

Не поспешили...

Я не пишу историю военных действий Волховского фронта...

В данном случае мне безразлично, что Верховный Главнокомандующий окончил лишь семинарию, а получивший под Ленинградом звание

* Г. А. Шигин. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. – СПб, 2004.

маршала Советского Союза Жуков только три класса церковно-приходской школы да два класса городского училища по вечерам.

Я пишу историю отца. А потому предельно субъективен и уже слышал упрёк, что легко сейчас судить и что войну «всё равно» выиграли. Как бы там ни было, победителей, мол, не судят...

Да, можно прорыть канал экскаваторами и тракторами, а можно лопатой и киркой. Всё равно канал будет построен, таков приказ. Правда, во втором случае мы не досчитаемся многих тысяч граждан Отечества и ещё три раза по столько станут инвалидами.

Так же и с войной...

Проблема в первом и втором случае состоит в иной плоскости. Она в отношении власти к гражданину собственной страны. Если гражданин – по определению расходный материал, то тогда павших можно считать на сотни тысяч, можно бросать непогребёнными целые полки и дивизии, можно записывать в «пропавшие без вести» и не вооружать, бросая в атаку, и тем более не кормить и не одевать.

Всё сходит с рук.

Ответственности никакой.

Можно всё!

Если бы всё было иначе, другой был бы итог войны, другой была бы сегодня страна. Солдат 311-й стрелковой дивизии ленинградец Николай Никулин пишет об этом так:

«На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работающих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме...»

И добавляет:

«Если бы немцы заполнили наши штабы шпионами, а войска диверсантами, если бы было массовое предательство и враги разработали бы детальный план развала нашей армии, они не достигли бы того эффекта, который был результатом идиотизма, тупости, безответственности начальства и беспомощной покорности солдат...»

В конце 1941 года прибыл в Ленинград Г.К.Жуков. На фронтах был известен девиз «маршала победы»:

«Солдат не жалеть! Бабы ещё нарожают».

Отношение некоторых советских полководцев к собственным солдатам поражало не только союзников, но даже противника. Подобное средневековое варварство у них привело бы к немедленному краху любой военной карьеры. У нас давали звания и звёзды.

Николай Никулин вспоминает:

«Однажды, в дни тяжелых зимних боев 1942 года под Погостьем, нашего майора отправили в 311-ю, чтобы согласовать планы артиллерийской поддержки пехоты, выслушать соображения и пожелания комдива по поводу организации боя. Я с винтовкой за плечами сопровождал майора.

На лесной просеке мы нашли охраняемую землянку, укрытую многоярусным накатом. Снаряд такую не прошибёт! Когда майор сунулся внутрь, из землянки вырвались клубы пара (был сильный мороз) и послышалась басовитая начальственная матерщина...

Я заглянул в щель сквозь приоткрытую обмерзшую плащ-палатку, заменявшую дверь, и увидел при свете коптилки пьяного генерала, распаренного, в расстегнутой гимнастерке. На столе стояла бутылка с водкой, лежала всякая снедь: сало, колбасы, консервы, хлеб. Рядом высились кучки пряников, баранок, банки с медом – подарки из Татарии «доблестным и героическим советским воинам, сражающимся на фронте», полученные накануне. У стола сидела полуголая и тоже пьяная баба.

– Убирайся к... матери и закрой дверь!!! – орал генерал нашему майору.

А 311-я тем временем гибла и гибла у железнодорожного полотна станции Погостье. Кто был этот генерал, я не знаю. За провал боев генералов тогда часто снимали, но вскоре назначали в другую дивизию, иногда с повышением. А дивизии гибли и гибли...»

И ещё:

– Атаковать! – звонит Хозяин из Кремля.

– Атаковать! – телефонирует генерал из тепло-го кабинета.

– Атаковать! – приказывает полковник из прочной землянки.

И встает сотня иванов, и бредет по глубокому снегу под перекрестные трассы немецких пулеметов. А немцы в теплых дзотах, сытые и пьяные, наглые, всё предусмотрели, всё рассчитали, всё пристреляли и бьют, бьют, как в тире.

Однако и вражеским солдатам было не так легко. Недавно один немецкий ветеран рассказал мне о том, что среди пулеметчиков их полка были случаи помешательства: не так просто убивать людей ряд за рядом, – а они все идут и идут, и нет им конца.

...А людей все время не хватало! Оперативная карта Погостья усыпана номерами частей, а солдат в них нет. Но полковник выполняет приказ и гонит людей в атаку. Если у него болит душа и есть совесть, он сам участвует в бою и гибнет. Происходит своеобразный естественный отбор. Слабонервные и чувствительные не выживают.

Остаются жестокие, сильные личности, способные воевать в сложившихся условиях. Им известен один только способ войны – давить массой тел. Кто-нибудь да убьет немца. И медленно, но верно кадровые немецкие дивизии тают...

Горько читать это...

Да, немецкие дивизии тают, но как медленно! Чтобы понять это нереальное несоответствие, необходимо сравнение. Вот оно, из мемуаров Верховный Главнокомандующий Сталин звонит командующему 54-й армией маршалу Кулику и требует бросить войска в бой и немедленно прорвать кольцо блокады у станции Мга. Кулик докладывает, что это невозможно: «За четыре дня боёв у нас убыло 10 тысяч человек убитыми и ранеными...» Мол, нужно пополнение. Кулика вскоре снимают...

Историк Ю.А. Сяков подсчитал, что за те же четыре дня боёв в полосе обороны 54-й армии потери немцев составили:

убито офицеров – 2, рядовых солдат – 130;
ранено офицеров – 13, рядовых солдат – 554.

Красноармеец Василий Гнетнев попал на фронт, когда блокада ещё прорвана не была, но днями завершилась третья Синявинская операция. На фронте образовалось тревожное затишье. Вероятно, это его и спасло. Немало повидавший мужчина, он успел в эти дни осмотреться и понять, как себя вести на передовой. Многие фронтовики утверждали, что если уцелел в первые дни, если быстро соображаешь, у тебя появляется шанс выжить...

Отец воевал где-то в Синявинских болотах. Причём для тогдашней обстановки нереально долго оставался даже нераненым. Пять с половиной месяцев он прожил в этом пекле до первой крови...

Из случайно услышанных мальчишкой разговоров о войне, обычно за столом, с товарищами, промеж стопками (любимый тост: «Будем живы, Богу милы, а людям сам чёрт не угодит»), помню бурное неудовольствие оружием. Автомат ППШ он любил, хорошо помнил и даже называл номер последнего, но ругал за слабую сталь стволика и пружину круглого магазина-диска:

– Если магазин набил с вечера, то один-два выстрела даст, и всё. Ударишь о бруствер, еще один-два выстрела даст. Так и стучишь. А чтоб не связываться, вечером пустишь весь диск в угол дома, а утром набьёшь снова...

Ругал гранату РГД, как мне говорили специалисты, не напрасно. Чтобы поставить её на боевой взвод, нужно было повернуть и оттянуть в бо-

евое положение рукоятку. Только тогда брошенная в цель граната взрывалась. Но чтобы проделать всё это, нужно, чтобы обе руки были свободными. Но ведь солдат воюет, бежит в атаку или обороняется. Куда ему девать оружие? А если зима, мороз, всё облеплено снегом, и граната – тоже? Гранату РГД солдаты очень не любили и часто в боевой обстановке, в скоротечных и внезапных атаках она их подводила.

Отец рассказывал:

– Ночью приказали выдвинуться по какому-то болоту, найти наши танки и дать знать танкистам, что подошли. Знак – взорванная на броне граната. Ходили, ходили, мокрые все, обледенели и замёрзли. Нашли танки. Бросаю гранату – не взрывается. Ищу её в болоте и снова бросаю, и снова не взрывается. Да мать твою так! Бью прикладом по крышке люка...

– Особенно лютовали снайпера. Головы не поднять! Чуть зевнул, и каска не выручит. Да и где она, эта каска? Но и шевелиться ведь надо. Как узнать, пристрелян окоп или нет? Делали что. Приклеишь окурочку на приклад и начинаешь поднимать из окопа. Хлоп, и окурочка нет...

И, конечно, редко и очень коротко отец говорил о том, с чем никакая человеческая натура смириться не может. О смерти близких товарищей.

– Сидим кружком в воронке. Тихо вокруг, только поели, курим. Вдруг мина – бац! И тот, с кем только что ел из одного котелка и разговаривал, уже неживой. Самокрутка ещё дымится, а его уже нет. Думаешь, ну, в следующий раз очередь моя...

Так же неожиданно ранило в первый раз и его самого. Хотя словосочетание «неожиданно ранило» глупое по своей сути. Отец вспоминал, было холодно – 18 марта 1943 года:

– Сидим в окопе, собрались потеснее, травим байки. А наружу никто не смотрит. Вдруг кто-то выглянул и кричит:

– Мать вашу... Немцы!

Вскочили, смотрим, а немецкая цепь уже совсем рядом, рукой подать. Впереди во весь рост спокойно идёт офицер, судя по всему, пьяный.

Проспали...

На бруствере стволом по направлению в сторону офицера лежит наше противотанковое ружьё ПТР. Мой «первый номер» прыгает к ружью и бронбойным бьёт офицеру прямо в грудь... Потом у него маленький такой пистолетик нашли, дамский. Мужики мне его в госпиталь с собой отдали, мол, бабам в подарок...

В том скоротечном бою немецкая граната перелетела окоп бронбойщиков и взорвалась позади. Один или два осколка ударили отца в правую голень.

«Эвакогоспиталь №1148. 25 марта 1943 г. Справка. Выдана кр-цу Гнетневу Василию Ивановичу, бронбойщику (?..) соб. л. бр. в том, что он находился на излечении в эвакогоспитале №1148 с 18 марта 1943 г. по 25 марта 1943 г. по поводу слепое осколочное ранение с/з правой голени м/... Годен к строевой службе. Выписан для направления в батальон выздоравливающих на 5 дней...»

...Однажды, пребывая в хорошем расположении духа, отец вдруг стал рассказывать, как пронесли в госпиталь оружие. Я был мал и плохо понимал, зачем он мне это говорит. Оказывается, при поступлении в госпиталь у раненых отбирали всё – документы, одежду и, разумеется, оружие, если кто-то ухитрялся его с собой приволочь с передовой.

– Берёшь толстую книгу, страниц сотни три, откроешь, кладёшь пистолет, бритвой вырежешь по контуру, и готов кобур, – радостно завершил он своё инструктирование. Почему-то кобуру пистолета отец всегда называл «кобур», а револьвер «ревнаганом».

Мне было жалко испорченной книги.

– А зачем тебе в госпитале пистолет?

– Подарок, – ответил он туманно.

Наслушавшись и начитавшись рассказов фронтовиков, я теперь знаю, что с помощью таких сувениров легче было растопить окаменевшее от круглосуточного горя сердце какой-нибудь медсестрички. А доброе расположение женщины на фронте стоит любой испорченной книги.

26 марта 1943 года, то есть на следующий день после выхода отца из госпиталя, командиру 256-й стрелковой дивизии Фетисову Фёдору Кузьмичу присвоили воинское звание генерал-майора. А 1 апреля 1943 года красноармеец Василий Гнетнев снова оказался на передовой, в 937-м стрелковом полку стрелковой дивизии вновь испечённого генерала.

Разумеется, два этих события никак не связаны между собой.

Отец провоюет еще пять с половиной месяцев. Я теперь знаю, что это невероятно большой срок для рядового солдата на том участке фронта, на котором ему выпала судьба оказаться. Что представляла собой жизнь солдата на войне? Послушаем солдата Н. Никулина:

«И все же жизнь в землянках... была роскошью и привилегией, так как большинство солдат, прежде всего пехотинцы, ночевали прямо на снегу. Костер не всегда можно было зажечь из-за авиации, и множество людей обмораживали носы, пальцы на руках и ногах, а иногда замерзали совсем.

Солдаты имели страшный вид: почерневшие, с

красными воспаленными глазами, в прожженных шинелях и валенках. Особенно трудно было убе-речь от мороза раненых. Их обычно волокли по снегу на специальных легких деревянных лодочках, а для сохранения тепла обкладывали химическими грелками...»

И ещё:

«Легко писать это, когда прошли годы, когда зата-нулись воронки в Погостье, когда почти все забыли эту маленькую станцию. И уже притупились тоска и отчаяние, которые пришлось тогда пережить. Представить это отчаяние невозможно, и поймет его лишь тот, кто сам на себе испытал необходи-мость просто встать и идти умирать.

Не кто-нибудь другой, а именно ты, и не когда-ни-будь, а сейчас, сию минуту, ты должен идти в огонь, где в лучшем случае тебя легко ранит, а в худшем – либо оторвет челюсть, либо разворотит живот, либо выбьет глаза, либо снесет череп.

Именно тебе, хотя тебе так хочется жить! Тебе, у которого было столько надежд. Тебе, который еще и не жил, еще ничего не видел. Тебе, у которого все впереди, когда тебе всего семнадцать!

Ты должен быть готов умереть не только сейчас, но и постоянно.

Сегодня тебе повезло, смерть прошла мимо. Но завтра опять надо атаковать. Опять надо уми-рять, и не геройски, а без помпы, без оркестра и речей, в грязи, в смраде. И смерти твоей никто не заметит: ляжешь в большой штабель трупов у же-лезной дороги и сгниешь, забытый всеми, в лип-кой жиже погостыньских болот.

Бедные, бедные русские мужики! Они оказа-лись между жерновами исторической мельницы, между двумя геноцидами. С одной стороны, их уничтожал Сталин, загоня пулями в социализм, а теперь, в 1941–1945, Гитлер убивал мириады ни в чем не повинных людей.

Так ковалась Победа, так уничтожалась русская нация, прежде всего душа её. Смогут ли жить потом-ки тех, кто остался? И вообще, что будет с Россией?»

«Хорошего солдата хватает на две атаки и одну рукопашную», – это из опыта другого пехотинца Волховского фронта С.В. Смирнова, может быть, соседа отца по окопу...

Как выглядели атаки? Не игрушечные, кинош-ные, к которым мы так привыкли за 70 лет тоталь-ного вранья о Великой Отечественной войне, а на самом деле? Мифы и ложь так закрепились в на-шем сознании, что всякая попытка хотя бы чуть-чуть, пусть скороговоркой, сказать правду приво-дит к жесткому неприятию. Признаемся себе: нам, сегодняшним, правда о той страшной войне непривычна и некомфортна.

Снова обратимся к тому, кто ходил в атаки не на диване перед телевизором или за письменным столом, а на самой войне под Ленинградом, – солдату Н. Н. Никулину:

«Выйдя на нейтральную полосу, вовсе не кричали «За Родину! За Сталина!», как пишут в романах. Над передовой слышен был хриплый вой и густая матерная брань, пока пули и осколки не затыкали оружие глотки. До Сталина ли было, когда смерть рядом. Откуда же сейчас, в шестидесятые годы, опять возник миф, что победили только благодаря Сталину, под знаменем Сталина?»

У меня на этот счет нет сомнений.

Те, кто победил, либо полегли на поле боя, либо спились, подавленные послевоенными тяготами. Ведь не только война, но и восстановление страны прошло за их счет. Те же из них, кто еще жив, молчат, сломленные.

Остались у власти и сохранили силы другие – те, кто загонял людей в лагеря, те, кто гнал в бессмысленные кровавые атаки на войне. Они действовали именем Сталина, они и сейчас кричат об этом. Не было на передовой: «За Сталина!» Комиссары пытались вбить это в наши головы, но в атаках комиссаров не было. Все это накипь...»

К слову сказать, отец не выносил фильмов о войне, хотя и пытался их смотреть. В соседней деревне Выгостров был клуб, и, помню, он взял меня маленького с собой на какой-то военный фильм. Едва на экране началось самое интересное, отец стал ёрзать и браниться. Потом громко выругался:

– Да кто так стреляет? Долбо...! Что же ты делаешь?!!

И со словами: «Костюк, пойдём отсюда!» вытащил меня за руку из зала. Почему-то он всегда звал меня Костюком. Сам же он стрелял превосходно, чему не раз я был свидетелем.

22 июля 1943 года началась очередная Мгинская наступательная операция. Ровно месяц работала эта мясорубка, перемоловшая 79 937 наших солдат и офицеров. Такой ценой оплачена жиденькая и скорее условная победа. Взяли две высоты «Огурец» и «Лесная», а также небольшой населённый пункт Поречье, как писали в генеральских донесениях, – «мощный узел сопротивления». Так можно было написать про любой хутор. Немощных у немцев не было.

256-я стрелковая дивизия действовала в первом эшелоне. Какие потери понесла она, сумевшая захватить только первую линию немецких траншей, мне неизвестно, но 311-я Кировская, в которой воевал Н. Н. Никулин, «растаяла в три

дня», а в 165-й из 9000 бойцов «почти ничего не осталось».

Не думаю, что в 256-й положение было лучше...

Отца тяжело ранило 15 августа 1943 года. Произошло это у моста через реку Мга, на самом берегу. Вот как он об этом рассказывал:

– Мне дали в помощники легкораненого старшину и велели доставить в медсанбат тяжелораненого офицера. Спрашиваю, куда вести? «Туда!» – махнули рукой. Идём еле-еле, офицер стонет, старшина без конца выдыхается и просит остановиться. Ему тяжело. Жара, вонь, бьёт артиллерия, где-то позади и вообще вокруг идёт бой.

Дошли до реки Мга и неподалёку от моста сели на пригорке покурить. Офицер лежит, мы со старшиной присели. Отдохнули немного, поднимаемся. Я встал и только забросил правой рукой автомат за спину, как – ах!!! Снаряд рядом ударил...

Офицера убило сразу, старшину ранило ещё раз, теперь уже тяжело, а я стою, и мне хоть бы хны. Старшина с земли кричит: «Васька, у тебя руки нету!!!» Я плечами качнул, а из-за спины моя рука вываливается и висит как плеть. Твою мать!!! Смотрю, а пальцы скрючены и в них зажат ремень ППШ. Осколок срезал мне локоть и перебил шейку приклада автомата. А я ничего не чувствую, и даже кровь не течёт! Автомат под мост бросил. Наверное, до сих пор там лежит...

Потом долго куда-то шли, потом брели, потом, кажется, ползли – медсанбат искали. Всё время пить хотелось, очень хотелось. Свалимся в воронку, а там грязно-бурая вонючая жижа, рукой сверху смахнёшь и пьёшь, пьёшь. Всё боялся сознание потерять. Потерял бы – там и остался...

Я уже говорил, что воспоминания отца и Н.Н. Никулина очень похожи, они словно ходили по одним местам и в одно и то же время. Вот эти совпадения:

Н. Н. Никулин:

«...Где-то здесь, у мостика через Мгу, долго валялась оторванная кисть руки, белая, словно искусственная, а там подальше, метрах в пятидесяти, на обрубленном снарядом стволе дерева висел изуродованный мертвец, заброшенный туда взрывной волной...»

«...Нас трое: пожилой солдат посередине, по бокам я и молодой, недавно прибывший из тыла паренек. Он еще не привык и не может скрыть страха... Вдруг неожиданный рёв, какой-то шлепок. Лицо и грудь забрызгало чем-то теплым и мокрым. Инстинктивно падаю. Все тихо. Протираю глаза – руки и гимнастерка в крови. На земле лежит наш старичок. Череп его начисто срезан болванкой. Кругом разбрызганы мозг и кровь. Молодой стоит и отупело

смотрит вниз, машинально стряхивая серо-желтую массу с рукава. Потом начинает икать... Беру документы убитого и веду паренька под руку дальше. Наверное, у него припадок...»

«...Путь до санчасти был долог, а до госпиталя измерялся многими часами. Достигнув госпитальных палаток, нужно было ждать, так как врачи, несмотря на самоотверженную, круглосуточную работу в течение долгих недель, не успевали обработать всех. Длинная очередь окровавленных носилок со стонущими, мечущимися в лихорадке или застывшими в шоке людьми ждала их. Раненные в живот не выдерживали такого ожидания. Умиряли и многие другие. Правда, в последующие годы положение намного улучшилось...»

«...Хочется пить, и болит живот: ночью два раза пробирался за водой к недалекой воронке. С наслаждением пил густую, коричневую, как кофе, пахнущую толом и еще чем-то воду. Когда же утром решил напиться, увидел черную, скрюченную руку, торчащую из воронки...»

Отец до медсанбата добрался...

В «свидетельстве о ранении», выданном 20 ноября 1943 года в эвакогоспитале № 5801 города Аргаяш Челябинской области, аккуратно перечислен весь длинный путь, проделанный им, начиная с мостика через Мгу: медсанбат (МСБ) – полковой медицинский пункт (ПМП) – снова медсанбат (МСБ-404) – передвижной походный госпиталь (ППГ-1787) – эвакогоспиталь №1855 – эвакогоспиталь №1103 – эвакогоспиталь № 1988 – эвакогоспиталь № 5801...

Спустя три месяца и пять дней непрерывных переездов и лечения госпитальная комиссия признала красноармейца Гнетнева Василия Ивановича «негодным с исключением с учёта» по причине проникающего сквозного осколочного ранения правого локтевого сустава. Он признан инвалидом Отечественной войны второй группы. Правая рука висела только на коже и на нескольких чудом сохранившихся сухожилиях, а пальцы чуть-чуть шевелились. Отец вспоминал, что отрезать руку не дал, мол, всё не пустой рукав будет. Таких, с пустым рукавом, в то время по Отчизне было пруд-пруди...

Очередное медицинское переосвидетельствование бывшему красноармейцу назначили через полгода. Видимо, комиссия еще надеялась, что локоть у него вырастет новый.

На этом война для моего отца закончилась.

За воротами эвакогоспиталя № 5801 бывший красноармеец Василий Гнетнев приобрёл новый социальный статус. Теперь он стал инвалидом Отечественной войны (замечу, что в документах военной и послевоенной поры писали именно так – Отечественной войны, а вовсе не Великой Отечественной, как привыкли мы). В день выписки 20 ноября 1943 года в Аргаяшском райсобесе ему выписали аттестат о назначении пенсии в размере 120 рублей и выдали её вперёд на месяц. Видимо, с этими деньгами он и отправился в Коми, к своим.

...Чуть не написал – домой. Но дома у него больше не было...

Нужно напомнить здесь, что на войну отец уходил семейным человеком. Где-то в Коми АССР жили его жена Анна Васильевна с сыном Константином и дочерью Серафимой. Однако с семьёй вышла катастрофа. Отцу писали на фронт, что супруга его безобразно ведёт хозяйство, не ухаживает за детьми и, мол, всё ей трын-трава. В результате недоедания и постоянных болезней сын Константин умер, а дочь Серафима фактически превратилась в инвалида. И отец к жене не вернулся. На содержание дочери Серафимы до самого завершения земной жизни он выплачивал алименты.

Через четыре года имя умершего сына он передал мне, изо всех сил стараясь, чтобы ненароком не умер и я. Мама рассказывала:

– Комнатка у нас была маленькая, и когда я купала тебя в жестяном корыте у печки, отец становился у двери и широко в стороны распахивал полы полушубка. Если вдруг кто-то входил, клубы холодного воздуха не сразу доставали до корыта...

Правда, это не помешало мне в ноябре 1947 года получить двухстороннее крупозное воспаление лёгких. Случилось это в долгом и трудном переезде из Коми в Карелию. Но, стараниями отца и матери, я как-то выкарабкался, сохранив на всю оставшуюся жизнь тёмные пятна в лёгких. Я давно привык к тому, что всякий раз при медосмотре рентгенологи бурно реагируют на них, и всегда предупреждаю, чтоб не волновались.

Вернувшись в Коми, отец получил пенсионное удостоверение инвалида Отечественной войны за №324. При заработке до мобилизации в 308 руб. 13 коп. пенсию ему назначили 231 руб. 09 коп.

Разумеется, с одной рукой ни о каком лесоповале, лесосплаве или бригадирстве и речи быть не могло. А что там, в лесных временных посёлках, можно было делать ещё? Его приняли в леспромхоз то ли

снабженцем, то ли завхозом. По крайней мере, в отцовских бумагах я нашёл доверенность от 1 августа 1944 года, по которой ему поручалось получить от Челябинской конторы Главснаблеса напильники для точки пил «согласно приказу Наркома Лесной Промышленности т. Салтыкова 6000 штук...».

Видимо, распределением напильников между леспромхозами нарком Салтыков занимался лично.

Думаю, отцу сразу стало понятно, что следует поскорее возвращаться в Карелию. На ББК его знали. И что самое главное – здесь он мог получить достойную работу даже с одной рукой. Однако, судя по всему, делом это оказалось непростым. Да, освобождён из ссылки, и фронтовик, и инвалид войны, но разве забыли где надо о кулацком прошлом? Чтобы выехать из трудпосёлка, нужны веские основания*. И вот в справке с очередного медицинского освидетельствования члены ВТЭК при Сыктывдинском райсобесе 14 сентября 1944 года, явно со слов отца, заключают: «...К физическому труду не способен, может работать надзорщиком шлюза».

Откуда им там, в Республике Коми, знать, кто такой надзорщик шлюза?

Члены ВТЭК в Сыктывкаре подписывают справку, в которой уже прямо говорится, что бывший красноармеец, а теперь инвалид второй группы «нуждается в переезде на старое место жительства работать по старой специальности надзорщиком шлюза». Указан и мотив: «Ввиду такого ранения и образования выяснилось, что в крайнем случае он нуждается возврату на свою специальность. В чём и дана настоящая справка».

Так или иначе, но в другом документе увольнение и выезд из Коми прямо связаны с неким постановлением Совета Министров СССР.

Проходит 1944 год, страна встречает Победу, течёт год 1945-й, а отец всё ещё в Коми. Что-то держит его здесь? Вероятно, в победном 1945-м он встречает мою маму.

...У меня есть серое, плохо различимое фото. На лавочке возле дощатой стены сидят два голубка – мой отец в пиджаке и кепке, из-под которой выбивается шикарный чуб, и мама, в сапогах, тоже в пиджаке поверх платья и с часами на правой руке. Часы явно мужские – с громадным циферблатом, окантованным светлой никелевой полосой. Теперь такие снова в моде у женщин. На обороте карточки рукой мамы написано: «1945 год. Август 16-го дня. г. Сыктывкар Коми АССР. Гнетнев Василий Иванович, Марютина Ал-дра Дм. Час дня. Дом колхозников».

Сидят они так, как чужие не сядут – слишком тесно. Поэтому, думаю, фото сделано не в честь знакомства пять минут назад. Это я к тому, что мне неведомо, когда они познакомились и при каких

обстоятельствах; даже когда поженились – не знаю. Никогда в семье об этом не говорили.

Сюжет требует представить здесь маму. Рассказ долгий, а знаю я о её жизни ещё меньше, чем об отцовской, поэтому обойдусь справкой. Даст бог, расскажу как-нибудь о матери подробнее.

Не будет большой новостью сказать, что и мама, Марютина Александра Дмитриевна, 1922 года рождения, оказалась в далёкой северной республике не по комсомольской путёвке. Решение о поездке принимал, как известно, Друг и Учитель, а везли её туда весёлые ребята в фуражках с голубыми околышами.

Отец мамы и мой дед, Марютин Дмитрий Иванович, 1903 года рождения, донской казак, высланный по постановлению Ново-Анненского райисполкома Сталинградской области от 15 апреля 1931 года. Рассказывают, что в 50 километрах от Сыктывкара был целый посёлок высланных казаков. По рассказам матери, дед имел большой рост и силу – любое дерево на лесосеке мог поднять за комель, и одежду для него подобрать всегда было делом непростым.

Вместе с дедом в Коми были высланы его дочери: Александра Дмитриевна – моя мама, Таисия (1925 г.р.), Анна (1930 г.р.), а младшая Валентина родилась в Коми (1939 г.р.).

Кто была его супруга и моя бабушка, неизвестно. МВД Коми почему-то назначило женой деда его старшую дочь, мою маму Александру. Сама же она рассказывала, что у её матери были роскошные волосы и умерла она от голода перед высылкой. По другим данным, супругой деда была Гринёва Ефросинья Александровна, 1915 г.р. Тогда почему же у неё другая фамилия? Может, стала женой уже в Коми? Или каким-то непостижимым образом высылки избежала? Но мы знаем, что на самом деле выбор у раскулаченных, не желающих ехать в ссылку, был невелик: умереть или убежать. А женщины, как правило, не бегали. Тем более казачки.

8 мая 1942 года деда призвали на фронт. Дочери уже давно были в детском доме в селе Вильгорт, и он поспешил в эшелон. Как лучшую ученицу мою маму из детдома перевели продолжать образование в педучилище в Сыктывкар, а после окончания (или до окончания – мама об этом никогда не говорила) направили на работу в леспромхоз в должности кассира.

К тому времени маме исполнилось 22 года, она пребывала под надзором и потому находилась в полном государственном распоряжении. Да и

* В справке о сроках пребывания под надзором с ограничением прав и свобод, выданной 31.10.1996 года МВД Республики Коми, говорится, что отец снят с учёта 22 октября 1942 года.

**Фото
из семейного альбома**

*Дед Д. И. Марютин
на поселении в Коми
до войны*

*Гнетевы. Василий Иванович,
Александра Дмитриевна,
Константин.
Начало 50-х гг.*

*С. Н. Гнетева,
бабушка.
Село Грызлово
Долгоруковского района
Липецкой обл.
Фото 20-х гг.*

*Василий Гнетев,
Александра Марютина,
г. Сыктывкар.
16 августа 1945 года*

представить себе в доброй советской школе ссыльную в роли учителя очень затруднительно. Мама работала в Шиладорском лесопункте, потом в Кочееге и снова в Шиладоре...

После войны вернувшийся в поселок сосед, которого вместе с дедом взяли на фронт, рассказывал, что в воинской части никак не могли подобрать деду обычную для рядового бойца форму и в конце концов выдали офицерскую шинель светлого сукна. Сосед рассказывал матери, что в последний раз видел деда идущим в атаку якобы в Мясном Бору. Он торчал над атакующим воинством в своей шинели как очень заманчивая мишень... Вскоре пришло известие, что дед пропал без вести. Однако, по рассказам двоюродной сестры Валентины, он похоронен на Пискаревском кладбище...

Как бы там ни было, но сразу после войны отец и мать нашли друг друга. Так пишут в толстых романах. Ещё бы неторопливым романским слогом описать их дорогу в Карелию...

21 сентября 1947 года родился я, 6 октября они

зарегистрировали моё существование в поселковом совете, а 8 октября выехали из Коми на Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина.

Обстоятельства моего рождения дают основания иногда шутить, что я родился в ссылке матери, а жизнь прожил в ссылке отца. Смешно, конечно, но с какой стороны ни глянь, всё получается политссылный...

8

«Приказ. По Сосновецкому техническому участку Упр. пути №133 от 25 ноября 1947 года.

Содержание: По личному составу.

Назначается: 1. Гнетев Василий Иванович с 1/XII 1947 г. старшим надзорщиком 17 шл. с окладом содержания 503 руб. в месяцц...»

Вторым назначением в приказе на должность судопропускницы значилась младшая мамина сестра Таисия. Вероятно, отец привёз с собой на канал и всех маминых сестёр. Таисия работала на 16-м

шлюзе, что на северном склоне ББК, Анна на местном флоте в Повенце, то есть на южном склоне.

Это сейчас для стороннего глаза жизнь на ББК представляется тихим зелёным раем. Тогда было иначе. Две лебёдки с двумя съёмными ручками на голом бетонном устое каждой шлюзовой головы, маленькая деревянная будочка поодаль. В будочке грубые брезентовые плащи на стенах, в углу в деревянном коробе телефонный аппарат с ручкой и несколько керосиновых фонарей. За будочкой, прислонённые к стене, полдесятка багров.

Эту картину я хорошо помню и сегодня...

Между домами в посёлке голо, ни деревца, ни кустика, только битый камень да поляны щебня кругом, едва покрытые робкой травкой, не знающей, к чему прикрепиться корнями.

Зелёный рай нужно было создавать самим, причём в свободное от рабочих смен время...

Зиму 1947 на 1948 год канал готовился ко второй полноценной послевоенной навигации. В середине лета 1946 года завершилось восстановление разрушенных с началом войны шлюзов, водоспусков и плотин Повенчанской лестницы. Судходство по каналу вновь стало сквозным – от Онежского озера до Белого моря. Работы для эксплуатационников накопилось много. Я читал в архиве тревожные докладные начальника Управления пути И. Н. Захарова, что боевые действия в зоне канала не дают обслуживать гидросооружения и значительная часть из них вызывает угрозу безопасности.

Навёрстывать упущенное за три с лишним военных года, строить, модернизировать, переводить лебёдки затворов и ворот с ручной механической тяги на электрическую, осваивать автоматику – всё это выпало на плечи послевоенного поколения работников ББК, не очень грамотных, неприветливых, с большими семьями и никогда не евших досыта...

Но была ещё и обычная жизнь. Основой более-менее сносного существования при маленькой зарплате оставались огороды, корова с телятами и курами да ещё лес и рыба. Без них здесь вряд ли бы кто-нибудь выжил в то время.

Как и прежде, отец регулярно ходит на ВТЭК. Врачебно-трудовая экспертная комиссия Беломорского городского совета два раза в год внимательно изучает, не растёт ли у него новый локоть...

Хорошо помню, как злили его эти регулярные унижения. Всякий раз, возвращаясь из райцентра, из длинных многочасовых коридорных очередей, в которых томилась израненные и изувеченные фронтовики, отец напивался и пьяный плакал и ругался. Помню, вспоминал какого-то Ваню без ноги:

– Ладно, у меня локоть. А у него-то что, новая нога появится?

И пьяно зло матерился...

Инвалидов в 50-е годы оказалось так много, что с ними никто не церемонился. Как понимаю теперь, задача перед собесами и ВТЭКа была поставлена прямо – как можно жестче переводить инвалидов войны в статус обычных граждан, чтоб работали, работали и ничего особого для себя от государства не ждали...

В полной мере государственная политика коснулась и отца. Вот передо мной несколько справок, выданных ВТЭК: 10 августа 1949 года – признан инвалидом второй группы; 10 февраля 1950 года – признан инвалидом второй группы; 10 августа 1950 года – признан инвалидом... третьей группы.

И как только это произошло, в пенсии ему отказали...

Совсем.

Почему? Что произошло с бывшим красноармейцем за семь лет, прошедших после второго ранения на фронте? Он стал здоровее и крепче?

Неизвестно, что увидели в нём врачи-эксперты, но мы-то знали, что у отца появились две новые и вовсе не лёгкие болезни – язва желудка и начальная стадия туберкулёза. Тем не менее на пенсию он рассчитывать больше не мог.

Не добившись справедливости в Беломорске, отец пишет бывшему командиру, командующему Волховским фронтом К.А.Мерецкову. Маршал Советского Союза Мерецков теперь командует Беломорским военным округом, его штаб поблизости, в Петрозаводске. К тому же он депутат Верховного Совета СССР. Отец, видимо, рассчитывает на понимание, мол, на одном фронте воевали, хоть и в разных местах. Вместе, как говорится, ковали победу...

Ах, какая сентиментальная история вышла бы для телевидения! Обиженный, израненный на фронте солдат как к последней инстанции взывает к состраданию своего полководца. И увенчанный наградами и властью полководец милостиво награждает старого солдата вниманием. Какое благородство! Слёзы рекой...

Но 17 ноября 1950 года вместо маршала солдату ответил начальник финотдела округа полковник-интендант Видасов. Ответ по-интендантски сух:

«... с пенсии Вы сняты закононо, так как согласно инструкции Министерства Социального обеспечения, утверждённой Постановлением Совета Министров Союза ССР от 10 октября 1948 года №3772, инвалиды III группы, работающие и проживающие в сельской местности, связанные с сельским хозяйством, обложенные сельхозналогом, права на пенсию не имеют...»

За каждой строкой звучит менторский голос интенданта: куда ты лезешь за своей крохотной

правдой, солдат? На что жалуешься? Был бы генералом, не таскал раненых товарищей по берегу Мги, а сидел бы в 100 километрах от передовой, в Малой Вишере, да дырки сверлил для орденов. 1943 год: орден Ленина и орден Суворова; 1944 год: орден Ленина, орден Суворова, орден Кутузова и орден Красного Знамени вдобавок; 1945 год: орден Ленина и орден Победы...

А после войны книжку мемуаров бы написал, в которой нет ни слова о немислимо чудовищных потерях ни 256-й дивизии, ни 311-й, ни других дивизий фронта, которым так блистательно руководил. Правда, книжка названа неточно – «На службе народу». Нужно – «На службе Сталину».

К слову, о том, что маршал сидел в лагере, мне известно...

Любопытно, что постановление Совмина, которым отменили пенсии инвалидам войны III группы, живущим на селе и «обложенным сельхозналогом», датировано 1948 годом. Вероятно, это не случайно. Известно, что именно в 1948 году все-народный праздник День Победы был фактически отменён и стал обычным рабочим днём. Вновь общегосударственным праздником его назначили только в 1965 году.

О причинах можно только догадываться. Однако некоторые историки полагают, что Сталин вовсе не считал 9 мая 1945 года победой. Его лично не устраивал результат войны, при котором он получил только половину Германии и пол-Берлина. Он хотел значительно большего.

Странно воспринимали День Победы мой отец и его товарищи, рядовые солдаты той страшной войны. Они совсем не гордились и не дорожили орденами и медалями, теряя или выделявая из

них блёсны, много пили и плакали. Солдат Волховского фронта Николай Никулин ещё в середине 60-х размышлял, почему могло родиться в России такое пренебрежительное отношение к человеку – и ныне живущему, и павшему на полях сражений? Вот его нехитрый вывод:

«Равнодушие к памяти погибших – результат общего озверения нации. Политические аресты многих лет, лагеря, коллективизация, голод уничтожили не только миллионы людей, но и убили веру в добро, справедливость и милосердие. Жестокость к своему народу на войне, миллионные жертвы, с легкостью принесенные на полях сражений, – явления того же порядка...»

Мне представляется справедливым печальный прогноз чудовищной селекции русского народа. Подобные явления с неизбежностью накладывают отпечаток на формирование генной памяти. Н. Никулин называет это бомбой замедленного действия, которая непременно взорвётся в XXI или XXII веке, породив поколения россиян, чуждых по духу тем, кто некогда создал и отстоял великую державу.

Отец трудился на Беломорско-Балтийском канале пока хватало сил. В мае 1968 года он оставил работу и меньше чем через два года умер, трёх месяцев не дожив до 57 лет. Он так исхудал, что бедная фельдшерница с 16-го шлюза Валя Бородина страдала, что не может найти для очередной инъекции подходящих вен. Стояли сильные морозы последних дней февраля. «Мне бы только до весны дотянуть, – бодрился он, когда после укола болезнь немного отпускала. – А уж там заживём...»

□

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

родился в 1947 году,

окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета

и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии.

Член Союза писателей России,

автор очерковых и публицистических книг,

заслуженный журналист Республики Карелия,

лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы 2008 и 2014 года.

**Наталья
КРАСАВЦЕВА**
г. Петрозаводск

С^тояли погожие дни конца мая. Уже совсем тепло, но и не жарко, нежная, пока еще незапыленная зелень источала запахи грядущего лета, а впереди намечалось много-много погожих дней. Дочка к тому времени уже подросла, теперь Алке можно было оставить ее на несколько дней с любящим папой, а самой отправиться в Сибирь за Владиком. Она знала, что учился он только на «отлично», и если в Москве дело пойдет с таким же успехом, то можно будет со временем определить сына в какую-нибудь престижную школу с преподаванием, скажем, на английском. Затягивать не стоило, иначе ребенок отстал бы от остальных. Нина Алексеевна никак не могла или не хотела понять этих простых истин, она уже зимой, сразу после отъезда, начала устраивать дочери настоящие допросы по поводу школы, пресловутой продленки и разных мелочей, которые обязательно должны были отразиться на Владике самым негативным образом. И как он будет жить «в этом углу», когда привык к отдельной комнате, и кто положит ему яблоко в школьную сумку, кто через дорогу к школе проводит, у них ведь такой проблемы нет, школа на той же стороне, где дом, а «Владик такой рассеянный, того и гляди...». «Мама, ну это уж слишком!» — кипятилась Алка.

Она часто бросала трубку, потом перезванивала в Сибирь, и все начиналось сначала. Тем не менее стычки с матерью не мешали пребывать в прекрасном расположении духа и в ожидании перемен. Ну что делать? Мама когда-нибудь успокоится, а потом можно будет потихоньку склонять родителей к переезду. Сами рассказывают: то один из друзей тяжело заболел, то другого в последний путь проводили. В конце концов, они просто вынуждены будут принять ее условия, кто-то ведь должен на старости лет быть опорой старикам.

Алка научилась не обращать особого внимания на мелкие мамины обиды, была как никогда деятельна и уже начала подумывать о билетах, которые следовало приобрести заранее... Но однажды, придя домой после работы, няня ей со-

общила, что сосед не выходил сегодня из своей комнаты. Алка давно просила Николая Петровича не закрываться изнутри, но он по привычке не всегда выполнял ее просьбы, хорошо, догадался отдать ей второй ключ. Поковырявшись с замком, Алка попала к нему в комнату и была поражена, насколько человек может измениться всего за одну ночь. Лицо осунулось, кожа как-то потемнела, глаза были полузакрыты. Алка вызвала скорую, и его увезли в больницу.

В течение последующих двух недель Юрий через день навещал Николая Петровича. Оказалось, у соседа произошел тяжелый гипертонический криз. Он привык сам справляться с повышением давления, а тут все случилось под утро, старик постеснялся будить соседей, вот и лежал почти бездыханный до обеда один.

Когда Николая Петровича выписали домой, Алка сводила его на прием к участковому терапевту. Та, осмотрев его, вызвала в кабинет Алку.

— Вы можете подойти ко мне за рецептами, скажем, завтра или в другой удобный для вас день? — спросила доктор, пристально глядя на Алку.

— Приду завтра, — с готовностью пообещала та.

Как и раньше, врач была немногословна, к тому же торопилась идти по вызовам. Алка понимала, что теперь нужно напомнить то, о чем говорили в прошлом году. Начала Алка с ненавещающих соседа родственников, добавив, что, вот если бы жилплощадь можно было бы получить по наследству или продать, как частный дом, тогда...

— Бываем мы и в частных домах, — устало отозвалась врач, складывая в стопку медицинские карты. Стало понятно, что она прекрасно помнила, к чему ведет Алка. — Плохо, конечно, что нельзя продать комнату или квартиру. Но, поверьте мне, если и разрешат это делать, то семейных драм меньше не станет. А может, даже больше будет. Есть, конечно, и порядочные родственники, но здесь не тот случай. И потом — мы с вами, насколько я помню, принципиально все уже решили. Поэтому сразу скажу — для госпитализации вашего соседа оснований уже нет. Мы не можем безнадежных больных до конца держать в больнице. Если вы передумали ухаживать за ним, так и скажите. Тогда решать вопрос будут соцслужбы.

— Что вы! Мы готовы, — с энтузиазмом ответила Алка.

— Тогда возьмите рецепты. — Доктор протянула Алке ворох листочков.

Алка попыталась сбивчиво оправдываться, что у нее дочь, сына поселить негде. Ей не хотелось показаться слишком расчетливой в глазах участковой, но врач перебила.

— Скажите, как у вас с деньгами на лекарства, продукты? — спросила она.

— Деньги у нас есть, — с готовностью ответила Алка. — Ну... — протянула Алка, не понимая, что от нее требуется. — И я в долгу перед вами не останусь в случае чего...

— Ну что ж, — врач встала из-за стола, собираясь идти на вызовы. — Как бы то ни было, вы делаете хорошее дело. Что касается долгов передо мной... Меня учило государство бесплатно, поэтому и я никакой mzды за свою работу не беру, зарплату получаю. Рецепты вам оставлены, вызывайте, если что, — сказала она и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Едва Алка переступила порог дома, как Николай Петрович попросил ее зайти к нему.

— Алла Владимировна, — неуверенно начал он, — я в больнице все передумал, кое-что понял из отрывочных фраз врачей... Да и вчера рецепты эти... Вы ведь у врача были?

— Была, — ответила Алка, попутно оглядывая комнату, не надо ли чего сделать. — Рецепты забрала, не волнуйтесь.

— Да я и не волнуюсь. — Николай Петрович, тяжело дыша, попытался приподняться в кресле, но у него не получилось. — Можно сказать, повезло с вами. Спасибо за все. Но есть одна просьба. Вы не будете против, если я оформлю на вас доверенность на получение пенсии? Вам это не обременительно?

— Совсем нет, — завершила Алка. — Хорошо, пусть ваши деньги будут у нас, а вы всегда можете взять, сколько вам нужно. Я буду вести учет расходов.

— Не надо никакого учета, — Николаю Петровичу говорить было трудно. — Пенсия у меня небольшая, но на лекарства хватит. А ем я теперь совсем мало, что-то не хочется.

Глаза старика наполнились слезами. Алка тоже расчувствовалась, она помогла ему поу-

добнее устроиться в кресле и прикрыла ноги одеялом.

— Извините, Николай Петрович, — осторожно начала Алка, — вы говорили, у вас есть сын... Где он?

— Не знаю, — ответил сосед. — Связи никакой уже много лет. Да вы не волнуйтесь на этот счет, кроме меня в комнате никто не прописан. И в ордере тоже один, я ведь понимаю.

— Да что вы, — смутилась Алка и даже покраснела. — Я совсем не об этом...

— А хоть бы и об этом. Дело-то житейское. Девчушка растет, сына надо сюда привезти... Я понимаю...

Алка и в самом деле искренне сочувствовала соседу, но свой интерес, конечно, тоже соблюдала, понимая, что им с Юрием предстоит. Хорошо, что замужем, Юрию придется в скором времени и в туалет соседа водить, и мыть его в ванной, и делать прочие неприятные вещи. Сама она начала с некоторых пор прибираться у старика более основательно, вплоть до мытья полов. Ее раздражала мысль, что за стенкой ее комнаты, в которой она живет, грязь и беспорядок. Да и что вообще оставалось делать, когда у человека так сложился остаток жизни... Сказывалось также ее детство, проведенное на общей кухне. В те далекие послевоенные годы, когда народ жил бедно и радовался наступившей мирной жизни, помощь соседям по коммуналке считалась делом обыкновенным и даже обязательным. Отдельные квартиры были редкостью, жизнь большинства проходила на виду, преимущественно на общей кухне, где обсуждались семейные и политические новости, разыгрывались любовные драмы и ссоры «на всю жизнь». Общая кухня становилась ареной нешуточных баталий и безвозмездной помощи ближнему. Здесь нередко сообща справляли праздники, дни рождения и поминки. В огороженном высоким забором дворе тоже шла своя, отличная от соседнего двора, жизнь, только в более широких масштабах, чем в кухне. Кто знает, думала иногда Алка, живи она с Андреем в таких условиях, может, и развода никакого не было бы?... Тут и соседи вмешались бы, и весь двор. Глядишь, ненавистное общественное мнение и сыграло бы свою положительную роль. Но, как ни крути, сейчас незапланированные хлопоты по уходу за

Николаем Петровичем во многом осложняли Алкину жизнь и путали ее планы. Во всяком случае, пока не стоит узнавать об авиабилетах, тем более покупать их. Алка позвонила матери и рассказала о ситуации с Николаем Петровичем.

— Ваша участковая права, — ответила Нина Алексеевна. — Что-то предсказать тут невозможно. Я имею в виду не годы, конечно... Разве что месяцы. Давай поговорим о наших делах. Вот ты оставишь Дашеньку, а в это время... Или привезешь Влада, и как раз перед школой случится сама знаешь что. Думаю, придется тебе в этот раз отложить свой приезд к нам, — увещевала мать Алку. — Мы с отцом предполагали такой поворот, поэтому я договорилась с сестрой, снимем домик в деревне на месяц...

— Я так и знала! — вспыхнула и без того расстроенная Алка.

— Мы тоже знали, — спокойно отреагировала Нина Алексеевна. — И не кричи, пожалуйста. Занимайся Дашенькой, еще года нет ребенку, а ты одна на всех там. Пусть и Владик подрастет. Сама видела, не очень-то у вас получилось с совместным с ним проживанием...

Как Алке ни хотелось, но она понимала, что тут Нина Алексеевна права. Выбора у нее не было.

* * *

Начало лета ушло на обивание порогов различных инстанций. Алка выясняла, каким образом можно заполучить вторую комнату в коммуналке, когда она освободится. Самый простой вариант состоял в следующем: развод с Юрием, регистрация брака с больным стариком и прописка в его комнате. Алка всерьез раздумывала какое-то время над таким способом заполнения комнаты, даже решила рассказать о нем Юрию. Муж был категоричен.

— Неужели ты думаешь, что я способен на такую аферу! — возмущался покладистый супруг. Алка и не ожидала такой реакции. — А потом что? Снова в загс идти? С какими глазами? Ведь все белыми нитками шито!

— Подумаешь, какой совестливый! — Алке наконец удалось прервать поток нравоучений рассерженного супруга. — Да они там в своих контрактах живых готовы закопать, только закона и боятся! Пусть нитками, пусть все понятно! Ну и

что? А как комнату не давать людям с двумя детьми? Это по закону?!

— Это по закону, — кипятился Юрий. — Но у нас-то прописан пока один ребенок! А комната большая, позволяет, так сказать... В общем, что бы там ни было, разводиться я не согласен, — категорично заявил он. — Этот позор не для меня.

— Ладно, позор так позор, — нехотя согласилась Алка. — Придется искать другие пути.

Когда наступили совсем теплые дни, Юрий по настоянию Алки укрепил во дворе бельевую веревку. Теперь и соседи знать будут, кто ухаживает за Николаем Петровичем. Именно во дворах шли разного рода пересуды, соседи зорко наблюдали за событиями, происходящими в разных квартирах. Алка не раз слышала обрывки фраз, отдельные слова, и всегда звучало недоверие, неприкрытое недоброежелательство по отношению к их семье. Можно было подумать, что «порядочные» соседи упустили бы свой шанс, будь они на ее месте. Алка уже многое узнала относительно «в случае чего», многое предусмотрела, а главное — в процессе хождений по инстанциям познакомилась с человеком, который твердо обещал оказать помощь и содействие. И вот тот самый «нужный человек» предложил Алке деловую встречу в ресторане. Алка долго думала, соглашаться или нет. Двух мужей и неудавшегося районного воздыхателя было вполне достаточно для удовлетворения женского тщеславия и любопытства. Пожалуй, других чувств она к мужчинам и не испытывала. «Наверное, увлечения и любовь не в моем характере, — думалось ей иногда. — Вспомнить есть о чем, посмеяться тоже. Но здесь-то обычная необходимость, и какая разница, муж или нет...» Понимая, что грех терять поддержку в лице нового знакомого, она почти согласилась, но разными путями откладывала встречу. Кавалер, надо признать, поначалу особенно и не настаивал — от дам у него отбоя не было. Он знал себе цену не только как могущественный помощник в решении жилищных проблем, но и как обаятельный, еще не старый и в меру образованный мужчина. Что-то читал, что-то смотрел, анекдоты любил приличные и прекрасно их рассказывал. Пока его отношения с симпатичной и умненькой Алкой складывались вполне в рамках, ей можно было до определенного часа ни о чем не думать.

Когда Алка вроде бы успокоилась и вновь стала раздумывать, не забрать ли ей Влада в Москву, последний месяц лета шел к концу. Она прикинула, что определиться со школой можно было бы за короткий срок. Но вдруг случилось то, чего ждали. Однажды днем Николай Петрович как-то затих, черты лица его заострились — он стал не похож на себя, но еще едва дышал. Алка вызвала врача. Участковая посоветовала сегодня не оставлять соседа одного — он угасал. Свой последний день Николай Петрович прожил тихо. Алка с нетерпением ждала Юрия с работы, то и дело поглядывая в окно, и облегченно вздохнула, когда он переступил порог квартиры.

— Похоже, сегодня все закончится, — испуганно сказала она. — Я не могу... Ты мужчина, посиди с ним...

Похоронили Николая Петровича скромно, но все сделали как положено. Деньги, оставшиеся у Алки от его пенсии, оказались очень кстати. Дома в кухне с соседкой немного помянули Николая Петровича. Алка позвала ее не просто так, а чтобы мимоходом намекнуть, что освободившаяся комната долго пустовать не будет. Соседка сухо заметила, что и так давно поняла, к чему дело идет, и что у нее таких возможностей, как у Аллы Владимировны, нет и быть не может, иначе она тоже могла бы досматривать Николая Петровича. На этом воспоминания о Николае Петровиче закончились, все разошлись по своим комнатам.

Наступало время борьбы за квадратные метры. Впереди ожидала изнурительная война с представителями различных ведомств, которые имели право отклонять или разрешать проблемы расширения жилого пространства. Для начала Алка попросила мать прислать справку о месте проживания сына, так легче отбивать удары «противников» — дети разнополые, и семья не может объединиться лишь потому, что в одной комнате с двумя детьми жить невозможно. Несмотря на то что некоторая часть документов была подготовлена заранее, хождение по инстанциям в общей сложности длилось почти до зимы. Предусмотрительная Алка вымеряла каждый шаг, прежде чем приступить к очередному этапу в неравной схватке за жилье. Без доброежелателя не обошлось — пришлось и в ресторан с ним схо-

дять, и наведаться в его шикарную квартиру, пока благоверная была в санатории... Там и решился окончательно главный щекотливый вопрос... После этого Алка дала понять кавалеру, что развлеклись и хватит, а их супругам знать об истории на стороне нет необходимости. Джентльмен все понял, но, как человек воспитанный, помогал Алке до победного конца. Былого рвения, однако, не проявлял, но и не настаивал на продолжении связи. «Хоть с этим повезло, — радовалась Алка, — все же не такой идиот, как поселковый дыхатель!» Юрий о чем-то подозревал, так как Алка была неласкова и раздражительна. «Устает», — решил он и стал благоразумно дожидаться развязки квартирных баталий. «Стоит ли такой беготни и отсутствия интимной жизни эта комната! Будь она неладна», — выходил иногда из терпения Юрий, однако понимал, что обратного пути нет и что надо довести начатое до победы.

Наконец измученная Алка получила долгожданный ордер на две комнаты. В документе теперь значились трое: Юрий, она и Дашенька. Все, кроме Влада, который пока не имел московской прописки.

— Вот что значит Москва! — ликовала счастливая Алка. — Не провинция! Это у нас каждый сантиметр просчитан, никакие связи не помогут. В Москве не так. За каких-то полгода здесь можно многого добиться, если не останавливаться на полпути и руки не опускать!

— Ты это про какие связи упомянула? — настоятельно полюбопытствовал Юрий.

— Да так, к слову пришлось, — не моргнув глазом, отмахнулась Алка. — Просто знаю, что говорю, не маленькая, разные истории рассказывают о квартирах. И ничего-то люди не добиваются. Если в квартире метраж позволяет ютиться вместе с родителями, то для обыкновенного смертного пути закрыты. В Москве все-таки проще. Давай отметим завершение эпопеи в ресторане.

Вечером в ресторане к хорошенькой Алке было приковано внимание и мужчин, и женщин. Она мало изменилась с тех пор, как они с Юрием поженились. Кто бы мог подумать, что эта миниатюрная моложавая блондинка мать двоих детей! Казалось, что очень даже неплохо выгля-

девший Юрий рядом с женой и не муж вовсе, а поклонник, старший по возрасту. И когда она успела соорудить прическу, подобрать какие-то украшения к модному костюму?.. Он и не заметил, когда она сшила этот костюм, туго облегавший ее стройную фигурку. Юрий немного опьянел и наслаждался вниманием окружающих, направленным на законную супругу, такую желанную и привлекательную.

— Надеюсь, сегодня ночью ты придешь не к Дашутке, а ко мне, — прошептал он после тоста «за любовь».

— Ну, хорошо, — смиростивилась Алка. — Приду. Только в форме будь, не увлекайся, — она метнула упреждающий взгляд на бутылку с коньяком.

— Да что ты! — счастливо засмеялся Юрий. — Ради такого случая не прикоснусь больше!

* * *

Понятно, что и во второй класс Влад пошел за руку с бабушкой. Нина Алексеевна снова согласилась привезти его на зимние каникулы в Москву. Поскольку комната теперь уже бывшего соседа находилась пока в полном беспорядке, всем, как и в прошедшем году, предстояло жить впятером в одном помещении. Зато Нина Алексеевна могла оценить по достоинству усилия напористой дочери, порадоваться ее победе в боях за жилплощадь. Но тут же она напомнила Алке, что слишком часто оставляет отца одного, лучше бы дочь приезжала к ним, потому что Дашеньке пошел второй год и Юрий вполне мог бы справиться с ребенком один.

— Ну вот, — огорченно заметила Алка, — внука, которому уже девятый год, ни на шаг от себя. А с маленькой Дашкой и Юрий справится!

— Не обижайся, — спохватилась Нина Алексеевна, — твой муж молодой, а нам, старикам, одного ребенка на двоих хватает.

— Так оставляй его! Как отремонтирую комнату, будет один в ней, как король!

— Что ты! — испугалась любящая бабушка. — В середине учебного года? Дай хоть второй класс окончить спокойно. А насчет дальнейшего еще поговорить надо...

Алка предполагала, о чем пойдет речь, но виду не подавала.

— Не совсем понимаю, — пожалала плечиками она.

— Что же здесь не понимать? — покачала головой мать. — Ты устала, а комната Николая Петровича в каком виде? Сколько десятилетий не ремонтировалась? Там ведь надо стены и потолок штукатурить заново, пол менять... Ты хоть представляешь, что это такое?! Даже после окончания второго класса не пушу Владика в этот хаос, — уверенно заявила Нина Алексеевна. — Вам на год возни хватит с комнатой этой, да плюс работа, да еще ребенок маленький. Снова за занавеской вместе с Дашенькой будет мой мальчик жить? И здесь же уроки готовить? А ведь он очень способный. Ему условия для учебы необходимы! Так что мое решение на этот раз твердое, обсуждать нет смысла.

Возмущенная Алка изо всех сил сдерживала себя, чтобы не сорваться:

— Мама, но ребенок-то мой... — возразила она.

— Нам с тобой трудно сказать, чей Влад, — слова Нины Алексеевны больно резанули по сердцу. — Но если у него спросить, он ответит, сама знаешь что...

— Знаю, — отозвалась дочь. Не выдавая своих чувств, добавила примирительно: — Ладно, посмотрим. Может, мы к осени и справимся с ремонтом.

Не справились. Алке хотелось сделать хороший ремонт в комнате, чтобы в ближайшие годы переделывать ничего не пришлось. Покупались дорогие материалы, нанимались рабочие, требовавшие приличную оплату, что-то Алка с Юрием сами делали. Мебель новая понадобилась, а это тоже непросто — ее необходимо было или доставать через знакомых, или записываться на улице у мебельного магазина, желательно с пяти часов утра, а потом отмечаться еженедельно. Конечно, можно было приобрести небольшой гарнитур отечественного производства и попроще, но не то это, не по Алке.

* * *

Как и в прошлый год, Нина Алексеевна привезла Владика на зимние каникулы в Москву. Комната к их приезду была всё еще не готова, поэтому снова гнездились впятером в одной.

Когда проводили сына с бабушкой домой, Юрий, видимо, давно размышлявший на этот счет, за ужином в тесном закутке неожиданно для Алки предложил:

— А если нам поменять наши две комнаты на отдельную квартиру где-нибудь подальше от центра?

— Ни в коем случае! — утомившаяся от очередных проводов Алка мигом всполошилась, забыв о еде. — Это почему же ты, коренной москвич, вместе с законной женой и детьми должен жить где-то на задворках, в то время как приезжие без мужей и специальности останутся в центре?

— Ну... зато прекратятся наши хождения по инстанциям, — умиротворенно пояснил Юрий, позвякивая вилкой, — и я наконец смогу спокойно отдохнуть после работы. И у нас будет кухня — целая кухня!

— А дети? Они растут. Кто с нами, а кто и без нас, — Алка испытующе взглянула на Юрия. — Не успеешь оглянуться, как Дашенька в садик пойдет, а Владу вообще в скором времени отдельная комната понадобится!

Юрий замолчал. Он почему-то именно сейчас вспомнил, как несколько лет назад договаривался с друзьями отправиться побродяжничать куда-нибудь на Алтай, где никто из них еще не был. Юрий представил себе палатку человек на пять-шесть, запахи алтайских трав... Даже вилку выронил.

— Что с тобой? — жена недовольно смотрела на него. — Ты где витаешь?

— Да я так, извини, — спохватился Юрий, поднимая с полу вилку. — Просто задумался.

Он нехотя ковырялся в тарелке, уже не чувствуя вкуса еды. В голове поселился Алтай! Лето, горы... Да мало ли в стране незнакомых таинственных уголков! Только на этих неизведанных тропях и можно отдохнуть душой, а вечером вытянуть усталое тело на надувном матрасе, закутаться во что-нибудь теплое и уснуть, не просыпаясь, до самого утра. Вокруг друзья, шорохи леса, горное эхо, убаюкивающее дыхание воды, а может, и шум дождя... Юрий представил, как крупные капли стучат по крыше палатки или зимовья... Вилка снова упала на стол.

— Что же это такое в самом-то деле?! — Алка уже сердилась.

— Нет, ничего, я наелся уже...

— Так клади вилку как следует! — вспылила Алка. — И так звону разного хватает. Дочка спит. Вымой, пожалуйста, посуду, я к Дашке пойду.

Натирая до блеска тарелки, Юрий, вернувшись к действительности, вдруг осознал, что за прошедшие три года ситуация в его жизни изменилась в корне. Как он мог размечтаться! Никуда он не поедет, ни в следующее, ни в какое другое ближайшее лето, потому что есть Дашка. Ремонт в разгаре, во время отпуска придется потрудиться. Алла не сможет без него одна, она наверняка что-то еще придумает, ей надо будет куда-нибудь ходить, а возможно, и ехать, что-нибудь выбивать, требовать, доставать. Юрий улыбнулся, представив милое личико Дашки. Хорошо, что она есть на этом свете, такой ослепительный тонкий лучик, пробившийся сквозь пространство двух комнат и многих стен, за которыми сидят разные важные люди и от которых зависит очень-очень многое, только не то, что составляет едва ли не самое главное в его судьбе, — возможность ощутить легкое дыхание Дашки или почувствовать нежное тепло ее ладошек.

* * *

Вот и третий класс сын заканчивает. Похоже, что и ремонт к концу идет. Дашку можно в садик определить — осенью три года исполнится. Зимой Алка сама навестила сына и родителей. А вернувшись в Москву, сразу же стала искать «хороший» садик. С помощью знакомых такой садик найти удалось, то есть вписаться в так называемый «ведомственный». Ведомство приплачивало воспитателям небольшие деньги к заработной плате «за посещаемость». Проще говоря, чем меньше болели дети простудными заболеваниями, тем выше становилась доплата. Именно поэтому в Дашкином детсаду зимой не проветривали спальни перед самым тихим часом и дети не ложились спать в холодные кровати. После прогулки воспитатели и няни передевали вспотевших ребятешек в сухие кофточки так же в заранее проветренном помещении, а не закрывали форточки непосредственно перед приходом детей, как это практиковалось повсюду. Поэтому простудные заболевания были здесь

не часты, если не считать детей, особо расположенных к ним. Общительная Дашка с удовольствием посещала садик и в этом случае тоже совсем не походила на маленького Влада, который долго не мог найти себе друзей, дичился воспитателей и только с бабушкой был спокоен и общителен.

Разговор о переезде Влада в Москву стал почти семейной традицией, которой, похоже, приходил конец. Ремонт остался позади, и Алка совершенно определенно договорилась с матерью — Влад пойдет учиться в четвертый класс в Москве. Нина Алексеевна согласилась привезти его и заодно самой пожить весь август и начало сентября у дочери, «чтобы ребенку было легче привыкнуть к новой обстановке».

Все складывалось совсем неплохо, но мечта о всей квартире не оставляла Алку. Уж теперь-то совершенно необходимо прописать Влада в Москве, тем более что щекотливые вопросы с Андреем с помощью Нины Алексеевны принципиально были решены. Не очень получалось одно — отношения с соседкой никак не выстраивались. Времена менялись, во всяком случае в Москве. Люди какими-то окольными путями, а то и вполне по закону умудрялись приобретать если и не квартиры, то комнаты в дополнение к своей жилплощади. На четверых членов семьи у Алки квадратных метров хватало. Но вот если учесть то, что дети разнополые, то хоть какая-то возможность для расширения жилплощади должна все-таки существовать?.. Пока Влад еще оставался с бабушкой, необходимо было заранее переговорить с соседкой, узнать, как она настроена.

Алка в милом стеганом халатике хлопотала над ужином, в комнате витал аромат вкусной домашней стряпни. Когда в кухонный закуток заглянул Юрий, Алка кратко поделилась с ним некоторыми размышлениями по завоеванию всей квартиры. Он протянул неуверенно:

— Ну, не знаю. Мне кажется, соседка вполне ничего. Нескандальная, ведут себя с дочкой тихо. Что еще надо для нормального соседства?

Алка, сосредоточенно нарежая овощи для салата, нахмурилась:

— Ты правильно говоришь: тихая, нескандальная. Дочка растет, тоже девочка неплохая. Но

ведь они абсолютно ничего не делают по уходу за общей жилплощадью.

— По-моему, у нас все более или менее ничего... — попытался возразить Юрий.

Алка тут же вспыхнула, отложив в сторону нож:

— Это по-твоему! Ведь ты видишь всегда убранную кухню, чистый туалет, ванную. А кто это делает?! В их представлении убрать общие места — это повозить пять минут грязной шваброй по полу и все. А плита?! Люди понятия не имеют, что плита не печка, что ее надо чистить после каждой жарки мяса или чего-то там еще! Да и печку в деревне белят время от времени. В общем, надоело все это, — к концу тирады пылу у Алки чуть поубавилось.

— Я понимаю, — примирительно согласился Юрий. — Только опасаясь, как бы эти бои за всю квартиру не превратились в навязчивую идею...

Алка снова закипятилась:

— А чем плоха такая цель? Вот скажи! И вообще, что главное в жизни? В первую очередь — жилье!

— А я думал, работа по душе, семья... Ну и жилье, конечно, только вот без жертвоприношений, — добродушно улыбнулся Юрий, пытаясь снизить накал страстей.

— Да, ты прав! Все это верно. Но согласись, какой может быть мир в семье и удовлетворенность работой, если нет нормального жилья! — Тут Алка театрально развела руками, будто жизнь без целой квартиры вот-вот рухнет.

— Хорошо, хорошо, пусть будет так, — кивнул Юрий. — Раз не можешь без борьбы, я готов помогать тебе в уборке общих мест, а там видно будет.

— Давно бы так, — заметила Алка, добившись своего. — Куда ты теперь денешься... Хочешь или нет, а помогать придется. Кстати, давно тебя спросить хотела, ты имеешь представление, как и где питаются твои друзья? Они так хвалят меня за мои застолья, что порой даже неловко становится.

— Имею, конечно. В столовой обедают, а в гастрономе покупают на ужин что-нибудь.

— Я так и знала, — торжествующе отозвалась Алка, укладывая резаные овощи в красивый салатник. — У тебя на столе всегда домашние котлеты, салат, выпечка — и всё я сама. Но ты не ценишь! Не понимаешь в отличие от сослуживцев своих!

— И в самом деле, я как-то не подумал, — снова торопливо согласился Юрий. — Давай действуй, я всегда «за». А все приготовленное тобой и в самом деле не идет ни в какое сравнение даже с рестораном, — польстил он жене.

— Вот если бы еще и кухня моей была... — мечтательно протянула Алка. — Сколько времени освободилось бы у меня!..

— И ты за это свободное время еще что-нибудь придумала бы! — Юрий довольно рассмеялся, но тут же и замолчал, поймав на себе обиженный Алкин взгляд.

— Не буду, не буду, — он обнял ее.

После ужина, заручившись поддержкой мужа, Алка стала искать подходы к соседке. Улучив удобный момент, она задержала ее на общей кухне.

— У меня есть кое-какие сбережения, — начала Алка издали. — Если бы ты согласилась, я помогла бы тебе перебраться в другую, хорошо отремонтированную комнату в другой коммунальной квартире.

— И как вы думаете это сделать? — соседка была крайне удивлена, еще не совсем понимая Алкин замысел.

— Пока не знаю, — уклончиво ответила Алка, многозначительно улыбнувшись, — но выход всегда найдется.

— Для вас найдется, — ответила соседка с явной издевкой, — а для меня нет.

Она наотрез отказалась от каких-либо переселений. Покупать и продавать жилье не разрешалось, а на противоправные действия женщина ни в какую не соглашалась. Алка убеждала ее, что знакомые сделают все честь по чести, но напрасно.

— Я не понимаю, — удивилась в конце беседы соседка, — зачем мне это? Чтобы потерять то, что есть? У меня ведь уже и другая работа, не такая грязная, как я начинала, дочь подросла. Вы хотите, Алла Владимировна, чтобы я добровольно лишилась всего?

— А почему ты вообще здесь оказалась? Почему дома не жилось? — впервые поинтересовалась Алка.

Поколебавшись, женщина призналась:

— Муж бросил. Все в одном селе, не так далеко от Москвы. Пересуды, сочувствие... А здесь меня

никто не знал. В большом городе легче устроиться и затеряться. Там я на ферме работала. К тяжелому труду не привыкать, поэтому и закрепились.

— Не поверю, что так просто все у тебя вышло. Наверняка помогал кто-то, ты ведь привлечательная.

— Я не из таких. Когда соглашаешься убирать общественные туалеты, помощники не нужны.

— Понятно, — с сочувствием вздохнула Алка, но тут же строго добавила: — И все-таки нам надо решать проблему с чистотой в квартире, я устала от вас обеих. Дочь такая же неряха, как ты!

— Я стараюсь, — спокойно отозвалась женщина. — И потом — вам очень хочется быть здесь полной хозяйкой. Вы ведь этого и не скрываете... Почему именно я должна куда-то уходить? Из-за того, что вам тесно? Так мне с выросшей дочкой тоже хотелось бы вторую комнату иметь. Но этого не будет никогда. А закон пока на моей стороне!

Алка нервничала.

— У тебя ведь есть родня в деревне, дом, наверное. Придет время, и ты вернешься туда, дочка-то растет, мужа в вашу комнатушку приведет...

— И какую пенсию я получу в деревне? Нет уж! Пусть ищет мужа с жильем. Как вы, Алла Владимировна. В общем, не о чем больше нам с вами говорить. Сытый, как говорится, голодному не товарищ.

Терпение у Алки быстро иссякло, мимолетная жалость тоже:

— Хорошо, вернемся к общему порядку. Ты, наверное, видишь, какой должна быть плита, на которой мы готовим, унитаз и раковины положено мыть ежедневно...

Соседка уже возилась с кастрюлями и стояла к Алке спиной. Не поворачиваясь, она хмуро заявила:

— Меня устраивает так, как делаю я. Пусть каждый поступает по-своему.

Алка поняла, что этот номер не проходит. На комнату в другом районе никто согласие не даст. А как хорошо бы вышло! Она сумела бы добыть гораздо большую комнату для соседки в каком-нибудь хорошем общежитии, отремонтировала бы ее... Не получается. Однако выход какой-то все равно должен быть. Но какой? Неплохо бы с Ларисой посоветоваться.

* * *

Тем временем в стране веяло чем-то новым... Наблюдательная Алка не заметила этого не могла, но и не могла понять, что же именно меняется. Это новое совсем не напоминало времена ее молодости, студенческие шестидесятые, когда в университетской библиотеке стояли в очередь, чтобы прочитать в журнале солженицынский «Один день Ивана Денисовича». Нет-нет, надвигалось что-то совсем другое, гораздо более интересное, заманчивое, это что-то будоражило, вселяя неясные надежды в сердца добропорядочных обывателей.

Когда в очередной раз Алка встретила в кафе с подругой, Лариса подтвердила — да, какие-то изменения грядут, на кухнях всюду об этом толкуют. А вот что касается самой Алки, то Лариса сказала, что совершенно точно в столице растет спрос на репетиторов по русскому языку, увеличивается количество студентов-иностранцев, да и разных специалистов, приезжающих из-за границы, тоже прибавляется. Учебников по этой теме практически нет, то есть даже и не учебников, а пособий, помогающих освоить русский язык тем, кто начинает его изучение. Поэтому ей, Ларисе, и некоторым другим заинтересованным педагогам, знающим практическую сторону дела, предлагают принять участие в издании небольших методических пособий, за что обещают неплохо платить. А еще Лариса пообещала порекомендовать для этой работы и Алку.

Алка была польщена такой перспективой, но тут же призналась:

— Я бы с удовольствием — ты знаешь. Но мне нужны не просто деньги... Соседке хочу купить квартиру. Нужны большие деньги, — и неуверенно спросила: — Может, знаешь, как попасть на работу за границей?

Лариса внимательно посмотрела на Алку, понимая кивнула и ненадолго задумалась.

— Есть у меня кое-какие связи... — произнесла наконец она. — Хотя знаешь, ведь можно и без них. Я в свое время через военкомат спокойно устроилась на работу в Германию. Не по специальности работала, но знание языка помогло здорово. И деньги на жилье появились, хотя лишь на начальный взнос на кооператив. Потом

уже в Москве зарабатывали, да я тебе всю эту историю рассказывала уже.

— Помню, — с готовностью подтвердила Алка, глаза ее загорелись. — И про военкомат знаю, но на это время уйдет. Может, поинтересуешься, как бы побыстрее устроиться куда-нибудь. Пока Влад еще маленький, хотелось бы его хотя бы в четвертый класс здесь оформить. Мама его привезет. Думаю, согласится пожить у нас с годик, раз на пару месяцев уже договорились.

Через несколько дней Лариса позвонила подруге и рассказала, что по своим связям узнала о работе за границей. На ближайшее время для Алки складывалась не совсем благоприятная ситуация, так как в Европе найти что-то денежное, да еще в короткий срок, оказалось довольно сложно. На данном этапе хорошие предложения шли мимо «простых смертных». Но можно подыскать и другие варианты, Индия, к примеру. Платят неплохо, страна интересная, сплошная экзотика, но не без трудностей местного быта. Это, естественно, придется преодолевать и терпеть. Алка, не медля ни минуты, сразу же согласилась. Тут же обговорили вопросы отъезда, визы и прочего. Счастливая, она летела домой как на крыльях. И здесь случилось непредвиденное — совершенно неожиданно воспротивился Юрий.

— Я остаюсь, — заявил он. — Поезжай одна, я согласен.

— Но ведь я замужем, пойми! — взмолилась Алка. — Это огромный плюс для начинающего работать за границей, — Алка пыталась уломать мужа пока что мирным путем. — И потом подумай, сколько я заработаю одна и сколько мы вместе! Столько сил на все потратила, сына вижу от случая к случаю, и все это ради семьи! Ты прекрасно знаешь, что без тебя устроиться гораздо сложнее. Мне что, развестись с тобой? — сообразила вдруг она. — Может, и возьмут разведенную, но жену без мужа — очень проблематично. И потом — разве ты не хочешь заработать? Или тебе достаточно твоих копеек на столь распрекрасной работе? Без труда найдешь потом такую же!

— Не найду, — упрямылся Юрий. — Я к коллективу привык, и работа нравится. А что денег касается, так знала, за кого выходила!

— Ах вот как мы заговорили!.. — Алка еле сдерживала себя. — И это после стольких лет совмест-

ной жизни! — по щеке поползла предательская слеза. — У тебя дочь, наконец, растет! Нужна ей комната или нет? Или она с Владом, который намного старше ее, будет расти, как в коммуналке. Не успеешь оглянуться, как к нему одноклассники приходиться начнут, а Дашке куда деваться?

— Знаешь, чем взять меня! — не сдавался муж. — Ну и что? Я уж говорил тебе — сколько детей выросло и не в таких условиях! И ничего, люди стали!

— Ты еще бараки послевоенные вспомни, — съязвила Алка, быстро смахнув непрошенные слезы. — Без заграницы у тебя остается перспектива существовать в одной комнате с Дашкой, а в другой в таком случае буду жить я с Владом. В общем, думай, — Алка молча занялась домашними делами.

Юрий помрачнел. Такая перспектива его совсем не радовала. Наблюдая за бурной деятельностью жены, он нимало не сомневался в том, что ее угрозы не окажутся пустыми словами. Хотя... Был в этом всем и плюс. Будучи еще не женатым на Алке, с рюкзаком за плечами Юрий прошагал немало дорог. Позже он не раз рассказывал жене о разных приключениях в походах «по неизведанным тропам». Алка слушала внимательно, но при первой возможности выразила свое категорическое мнение — она никогда и ни при каких условиях в его скитаниях участия принимать не будет. Когда дочка подросла, пару раз Алка разрешила Юрию с его закадычными друзьями посетить какие-то озера и болота, откуда они, совершенно измотанные, еле выбирались. Но когда дурные воспоминания теряли силу, Юрия вновь тянуло «к необжитым местам», посетить которые пока не пришлось. Но Алка была непреклонна: «Больше никуда не поедешь и не пойдешь, не хочу раньше времени остаться вдовой». И вот — Индия. Другой мир, океан, джунгли!.. Может быть, и стоит?..

— А как с детьми?.. — уже неуверенно спросил Юрий у молчавшей Алки.

— Это моя забота, — Алка приободрилась, почувствовав, что он в раздумье. — Ты пока с начальством поговори. Возможно, они по возвращении примут тебя обратно.

— А как же твоя работа? — сомневающийся Юрий постепенно сдавал позиции.

— Разве она много дает мне? Я просто уволюсь,

— как будто бы беззаботно отозвалась Алка. Ответ был приготовлен заранее. — Не волнуйся, кое-какие соображения относительно другой работы у меня есть.

Юрий обреченно вздохнул. Что тут скажешь, все предусмотрено. Алке оставалось преодолеть основной рубеж — договориться с Ниной Алексеевной относительно детей. Без ее согласия планы не реализуются. Она исподволь начала настраивать мать на возможные перемены. В конце концов, Нина Алексеевна попросила дочь прямо сказать, без намеков, что она задумала. Алка отметила про себя, что зародила в душе матери некоторые сомнения, теперь легче к делу перейти. Выслушав Алкину историю о работе в Индии, мать, как и следовало ожидать, сначала категорически отказалась. Алка не стала спорить, тактика была продумана. Она стала почти каждый день звонить матери и как бы между прочим напоминать, что время проходит, а ничего толком не решено, и главное препятствие во всем мероприятии — Юрий. Такой поворот темы сработал. Нина Алексеевна заинтересовалась, почему это зять, который мало зарабатывает, не соглашается на выгодное для семьи предложение. И почему бы ему не поехать вместе с женой? Почувствовав слабину, Алка в подробностях и терпеливо объяснила Нине Алексеевне, в чем суть совместной поездки.

— Не люблю я твою Москву, — вдруг тихо прервала ее мать. — Целый год пробыть у тебя... И народу у вас тьма, и вода невкусная...

— Мама, ну при чем здесь вода? — удивилась Алка. — Можно подумать, что твоя ангарская вода единственный повод, чтобы не пойти мне навстречу!

— Да нет, не единственный, — помолчав, отозвалась мать. — Как же мне отца оставить одного? Я уж говорила, что прихварывать начал, а год, сама понимаешь, в нашем возрасте срок немалый...

— Так пусть наконец на пенсию выходит! — не дослушав мать, с энтузиазмом предложила Алка. — Сколько можно работать! И потом, если уж что-то серьезное случится, то разорвем еще не оформленные контракты и ты улетишь к нему. Вам же тяжело с Владиком. Вот и побудет он здесь с тобой не месяц-два, а целый год, скорее привыкнет к столице, к новой школе. Ему же

лучше будет. У меня уже есть нужные знакомства, будет хорошую школу посещать...

Алка почувствовала, что мать давно колеблется, и необходимые аргументы наконец-то найдены, остается дать время, чтобы Нина Алексеевна вроде бы как сама приняла верное решение.

Кропотливая работа с Ниной Алексеевной постепенно давала свои результаты. Алка чувствовала, что под ее убедительными доводами мамины позиции постепенно ослабевали. В срочном порядке она принялась оформлять необходимые документы. И вот Нина Алексеевна уже в Москве. Владик устроен в хорошую школу, всего в нескольких автобусных остановках от дома, Дашенька посещает садик, в помощь Нине Алексеевне нанята молодая женщина. Наконец Алка с Юрием, проводив сына в четвертый класс, улетели в Индию.

* * *

Через полгода, выбив всего на несколько дней отпуск, Алка откровенничала с подругой, приехавшей в Москву по делам.

— Знаешь, Надя, вроде бы читали об Индии, фильмов разных насмотрелись... Но пока не увидишь своими глазами чужую страну, лучше о ней не судить совсем, — делилась впечатлениями загорелая Алка. — Здорово, что мой отпуск совпал с твоим приездом! Но как подумаю, что еще столько же в этой Индии торчать... Хотя интересного немало, даже Юрий доволен. А впрочем, что ему? Он и в палатке на сырой земле превосходно себя чувствует, лишь бы другие края увидеть.

— Он с тобой? Тоже в отпуске? — отхлебнув настоящего индийского чая, спросила Надя.

— Естественно. Ну, как тебе у меня? — сменила тему Алка. — Есть изменения?

Надежда уже успела оценить, сколько диковинных вещей привезла Алка.

— Экзотика, а не квартира. Ты вообще-то писала, что на заработки поедешь... Но, послушай, зачем эти слоники с собаку величистой? Столько места занимают!

— Просто нравятся. А места в скором времени будет больше, иначе зачем вся эта поездка... — намекнула Алка, ни на секунду не забывавшая о

главной своей цели. — И потом разве одни слоники? А маски? А зеркала?

— Это уж точно! Красиво у тебя стало. Одни зеркала в прихожей чего стоят, — с неподдельным восторгом продолжала Надежда. — Никогда не видела таких огромных! Это модно так, да? Гляжу, и ремонт свежий? И когда успеваешь, неужели за время отпуска?

— Конечно. Наняла людей, и все, — деловито пояснила довольная похвалой Алка. — При наличии денег можно многое быстро сделать. Надеюсь, в мое отсутствие все останется целым и невредимым. Теперь, думаю, соседи не станут упираться, отдельную квартиру-то только от меня и могут получить. Я говорила, зачем еду. Так вот в этом случае соседка не спорила — законно, незаконно. Кто не согласится на такую халяву!

— Ладно, не ругай ее, она ведь не настаивала. Я-то поняла из твоих рассказов, что действительно заработать в Индии можно неплохо.

Алка согласно кивнула.

— Конечно, иначе зачем ездить в такую даль. Кстати, я и на продажу кое-что привезла, — она многозначительно помолчала. — Правда, уже почти всё раскупили, но тебе подарок оставила! А давай попробуем и тебя устроить! — осенило вдруг Алку. — Заработаешь, квартиру купишь.

Надежда покачала головой:

— Не получится. Или квартира, или диссертация, которая уже готова. Защита скоро, волнуясь. Вот такие дела. Ну, расскажи лучше, как там, в Индии... Я ведь ненадолго, завтра уезжаю.

— Всего хватает, — начала Алка. — Воду, к примеру, кипятим по нескольку раз, прежде чем чай пить, — она кивнула на изящную расписную чашку. — Так советуют сами индийцы. Кастовая система сильна, кажется, живешь в древние времена. Нищета. Много поражает, всего не рассказать. А дворцы, а библиотеки с древними манускриптами! Обалдеть можно! Давай так, — спохватилась Алка, — я буду ужин готовить и по ходу рассказывать, дам маме передышку. После ужина еще вдвоем посидим, у меня и открытки есть, и кое-что из литературы. Мы даже в Бомбее были. Ой, скоро Влад из школы придет, увидишь, какой стал! — Алка надела фартук. — Начальную школу оканчивает. Осенью уже в пятый пойдет.

— А как он сейчас? Раньше ему не нравилась Москва...

— Теперь другое дело. Большой уже. Понял, что к чему. Вот мама только... Ждет нашего окончательного возвращения, устала она. И ждет, и боится с Владом расставаться. Все-таки надо родителям сюда перебраться, они уж и сами понимают, что в старости жить одним плохо. Брат, правда, к себе зовет, он давно в Красноярске с семьей. Родителям Сибирь больше по душе, но мама очень к Владу привязана, в общем, пока не знаю, что из всего этого получится.

— А что отец? — спросила Надя.

— Он говорит, где родился, там и пригодился. Не хочет никуда. Еще говорит, здесь, мол, все близкие похоронены, здесь и я останусь, в общем, «не нужен нам берег турецкий»!

— А что, — задумчиво отозвалась Надежда, — может, он и прав. Я вот тоже не представляю себя в другом месте. Путешествовать — пожалуйста, а жить — только у себя дома.

— Ну, каждому свое, — примиряюще заметила Алка.

За разговорами время летело быстро, и через полчаса в квартире витали ароматы блюд, одобренные индийскими пряностями. Тем временем бабушка привела из садика внучку.

— А вот и Дашенька! — воскликнула Алка. — Как я скучаю по тебе, радость моя!

Она нежно прижала малышку к себе. Девочка, похожая на обворожительных младенцев, которых изображали на старинных открытках, не сопротивлялась. Потом из спортивной школы явился Влад. Подросший, деловитый, ершистый. В столичной школе он, как и дома у бабушки, учился на «отлично», успевал спортом заниматься и рисовать в студии при Дворце пионеров.

Алка позвала всех к столу. Владик устроился рядом с бабушкой и, казалось, Юрия не замечал совсем. Но это заметила лишь наблюдательная Алка, в остальном же вечер прошел в дружелюбной обстановке. За вопросами и рассказами о далекой Индии время пронеслось совершенно незаметно.

* * *

К концу контракта на работу в Индии Алка поняла, что до самой заветной цели одной поездки недостаточно. Может быть, даже и потому, что ей не хотелось весь заработок пустить на

кооператив для соседки. Слишком много соблазнов оказалось. Тут и одежда, и посуда, и даже небольшие предметы интерьера, в которых отказать себе не было никакой возможности. Так, Алка купила дорогущее легкое кресло-качалку в восточном стиле с отделкой ручной работы. Вроде все необходимое дома имелось, но теперь, даже при небольших деньгах, хотелось большего. Вот если бы еще одна поездка, тогда денег и на скромный кооператив хватит, и на разные разности останется!.. Ну что ж, не привыкать. Зато квартира практически в центре столицы будет ее!

Вот только родители... Даже не загадывая на годы вперед, без мамы на время еще одного года работы за границей снова не обойтись. Алку несколько беспокоило, что она сразу по возвращении дочери и зятя из Индии уехала домой, какие-то предчувствия не позволяли ей задержаться хотя бы на пару недель. Алке хотелось поговорить с матерью, да и проводить по-человечески, без спешки. Но что поделаешь с беспокойными пожилыми людьми, когда своих забот хватало!.. Алка уже знала, как следует договариваться о работе за границей. Знала, когда и куда пойти, с кем и как разговаривать. Остается лишь решить вопрос с мамой. И все. Но вот дети? Не отправлять же Дашеньку в далекую Сибирь! Достаточно истории с Владом. Временами казалось, что он просто ненавидит Юрия, уже отчаявшегося когда-нибудь завоевать привязанность пасынка. Рождение дочери лишь усугубило их и без того не простые взаимоотношения. Алка вспоминала, как она раньше, когда Влад впервые очутился в Москве перед самой школой, не раз находила его, плачущего где-нибудь в укромном углу, он тогда все скучал по бабушке с дедушкой. Но теперь он вырос, освоился в столице и уже провожал бабушку как взрослый мужчина. Казалось бы, все хорошо. Но разве так бывает? Теперь отношения с отчимом, особенно после отъезда бабушки, приняли почти враждебный характер. Однако всерьез заниматься этой проблемой никакого времени не хватало. «Все уляжется само собой», — мысленно успокаивала себя Алка.

Вот Юрию легче, он как будто бы и не замечал настроения Влада, его полностью поглотили самые нежные чувства к дочери. Алка старалась разделять свои заботы о детях поровну, но получалось

плохо, дочка в силу своего нежного возраста требовала больше внимания. К тому же необходимо было зарабатывать на жизнь, чтобы не тратить попусту отложенные на кооператив деньги. Юрий вернулся на прежнее место работы, куда, к удивлению Алки, его с удовольствием приняли, но с условием, что он больше никогда не покинет «родного коллектива».

У Алки еще до отъезда за границу появились связи с одним из многочисленных московских научно-исследовательских институтов, или НИИ. Там ожидали вакансию, причем обещали ее Алке, если ее приезд совпадет или почти совпадет с появлением новой должности. Платили здесь значительно больше, а работы было значительно меньше. «Значит, и свободного времени будет предостаточно с моей-то работоспособностью», — прикидывала Алка. Возьму на репетиторство клиентов побогаче, останется время на походы по инстанциям. Вопрос с кооперативом тоже не простой, времени потребует...

Приятные новости, связанные с более перспективным трудоустройством, последовали практически сразу после ее приезда, и вскоре Алла Владимировна приступила к новой работе. Отделом заведовала жена министра той отрасли, вопросами развития которой и занимался институт. Однако не прошло и полгода, как женщины стали непримиримыми врагами. Способная и привлекательная Алка по понятным причинам не могла в плане официальной должности противостоять жеманной и глуповатой начальнице, имевшей и статус, и власть благодаря своему семейному положению. Можно было, конечно, вернуться в вуз, возобновить связи с теми, кто предлагал не так давно аспирантуру, и все-таки попробовать себя на научной стезе. Может быть, зря время упустила? Но стоит ли теперь?..

К тому же Алка все более остро ощущала: в стране, в головах людей зреют какие-то изменения. Но какими они будут?.. И произойдут ли вообще?.. Сказать сложно. Ну а вдруг? И почему бы не случиться каким-то переменам, ведь не вечно страной будут управлять эти немолодые, а главное, не очень здоровые вожди с неумелой и надоевшей пропагандой единственно верной идеологии? Но в то же время сколько в стране действительно талантливых людей, благодаря которым государство дви-

жется вперед и его достижениями можно гордиться. Опять же — так ли востребованы эти люди? Разве они получают от страны достойное внимание и вознаграждение?

Тесно общаясь с иностранцами, Алка подспудно чувствовала, как в ее душе постепенно нарастает неприязнь к ним, особенно к тем, кто из Западной Европы. Почему у них жизнь совсем другая?.. Почему она должна радоваться их подачкам за ее труд? Почему в ее большой стране люди вроде нее посвящают свою жизнь битве за квартиру, дом, вообще жилье? Ведь есть в великой державе все необходимое для работающего человека!

Как-то в очередной приезд Надежды та спросила у Алки, отчего она так ненавидит иностранцев. Алка ответила:

— Меня просто бесит, почему мы так живем? Ведь мы талантливее, честнее наконец, если уж на высокие темы переходить. Да взять и меня! Почему я должна столько порогов обить, прежде чем организовать себе нормальное существование? У них-то нет таких проблем!

— Но ведь они и дают тебе возможность зарабатывать! — сердилась Надежда.

— Вот именно. А попробуй у нас?! Как будто работы не хватает. И то нельзя, и это не по закону. А я что — закон преступить хочу? Вот и приходится опять же за границей деньги искать, в то время как моя начальница, будучи сама женой начальника, этих проблем не знает. Все для них наготово!

Семейная жизнь Алки шла своим чередом. Наконец-то не надо было ехать в Сибирь, не то что раньше — почти каждые полгода предстояло упаковывать чемоданы и мчаться в аэропорт или встречать маму с сыном в Москве. Влад, прожив в столице год с бабушкой, освоился, привык к новой школе и уже не томился, как раньше, в ожидании заветного телефонного звонка.

По сути, Алка не знала сына, а теперь началась новая фаза в ее семейной жизни, едва ли не самая трудная, хотя у сына и дочери была своя комната. Влад готовил уроки, пока Дашка была в детском саду, и получалось, что он в основном в комнате был один, места хватало. Но сын уже не раз напоминал: у бабушки было лучше, сестра мешает спать, то пить ей подай,

то в туалет проводи — одна боится. В конце концов, Дашу пришлось снова определить за занавеской в комнате родителей или брать под утро на широкую тахту к себе. А к зиме Юрий предложил поменяться местами с Дашкой окончательно, ребенок уже большой, тесно втроем на одной тахте, да и неловко. Приобрели еще один диван для него, и теперь Алка могла приходить к супругу в гости, не опасаясь неудобств общения на узенькой кровати.

На новом месте работы, кроме нескладывающихся отношений с начальством, тоже были свои трудности. Здесь, в отличие от вуза, не приветствовали отлучки с рабочего места без необходимости. Выигрыш касался лишь зарплаты. Алка начала подумывать, не вернуться ли обратно, но потом решила — если и возвращаться, то поставить вопрос о деньгах, естественно, когда сами предложат.

За всей суетой Алка как-то реже вспоминала о родителях. Она забеспокоилась, лишь когда Нина Алексеевна вдруг перестала писать письма, к тому же по телефону теперь говорила непривычно сухо. Когда Алка наконец всерьез обратила внимание на странные перемены и спросила мать об их причинах, та не сразу откликнулась.

— Ну, долго ждала, пока ты поинтересуешься... Самой не хотелось, — Алка приготовилась выслушать длинную нотацию о невнимании детей к родителям, как в трубке вдруг замолчали, потом раздались рыдания.

Случилось нечто непредвиденное и ужасное — Нина Алексеевна приехала от Алки к больному мужу. Пока Нина Алексеевна смотрела в Москве за внуками, он ничего не писал и не говорил по телефону о своей болезни, «не хотел беспокоить». Да, это было в его характере, и поэтому главной в семье всегда была мама, что, впрочем, всех устраивало. Но почему он, сам врач, не обследовался до приезда жены?.. Что с ним? Или списал свое плохое самочувствие на возраст?

Несколько успокоившись, Нина Алексеевна заговорила более вразумительно:

— Да, он считал, что старость пришла. Но это он так только говорит мне. Не знаю... не знаю, почему тянул... Ведь знаком с врачами, связи остались...

— Мама, не томи, — волновалась Алка. — Теперь-то обследовался! Что с ним?

После довольно продолжительного молчания мать ответила глухим незнакомым голосом:

— Алла, нет никакой надежды. Онкология. Заболевание запущено.

Алка не знала, какие слова следует говорить в таком случае. Она молчала, осмысливая сказанное. Но как-то не вмещалась в голове мысль о том, что уже поздно, что теперь остается только ждать...

— Мама... Я буду звонить каждый день... — наконец с трудом ответила она. — Постарайся брать трубку и отвечать мне. Я приеду, как только улажу здесь самые необходимые дела.

Но вовремя приехать не успела, и даже похороны отца прошли без присутствия дочери. О чем он думал в последние дни и часы своей жизни? Наверное, сказал бы что-то важное, такое, о чем молчат обычно. А может быть, и не сказал бы ничего, может быть, уже не мог говорить, только смотрел бы на нее?.. Нет, лучше об этом не думать. Разве виновата она в том, что не получилось в одночасье разорвать договоренности с клиентами-иностранцами?.. Это могло бы самым печальным образом отразиться не только на ней, но и на Ларисе, отвечавшей за нее перед знакомыми, которые лишь ждали момента, чтобы заявить о себе на официальном уровне. Практически их небольшой коллектив был готов работать открыто, но на частной основе. К тому же, когда у Алки в руках была уже телеграмма, заверенная поликлиникой, не нашлось замены на новой работе. Недавно организованный отдел пока не располагал необходимым штатом сотрудников, заменить Алку было некем. В конце концов, ей разрешили отлучиться на несколько дней. Но тут погода подвела в день вылета. Промаявшись сутки в аэропорту, Алка поняла, что куда не успеет, предыдущие два дня, потраченные на переговоры с начальницей, сыграли свою роль. Пришлось ограничиться денежным переводом матери. Потом Нина Алексеевна сообщила, что похоронить отца помог приехавший брат, давние знакомые, бывшие сотрудники по работе, соседи.

Мама тяжело переживала смерть мужа, впала в депрессию, и, как всегда это бывает, причину

несчастья она искала в себе, не могла простить долгих отлучек в Москву. Спустя несколько месяцев, уже к лету, Алка робко спросила мать, не собирается ли она в Москву хотя бы для того, чтобы просто отвлечься от печальных мыслей.

— Нет-нет, — ответила та, — кто же на кладбище пойдет? Кто там цветы поливать будет? Уж в первый год после его смерти никуда не поеду.

— Хорошо, мама, тогда я постараюсь приехать, но ненадолго, ты ведь знаешь. У меня договоренности. Надо как-то решать с квартирой.

— Так ведь все вроде бы и решено, — сказала Нина Алексеевна, — теперь у вас две комнаты.

— Ну что ты, — мягко возразила Алка, — дети-то растут. Владу осенью уже двенадцать будет, а Дашенька перейдет в старшую группу в садике. Еще пару лет — и она уже первоклассницей станет! Думаю, к этому времени ты будешь с нами.

— Не будем загадывать, — Алка почувствовала, что матери стало труднее говорить. — Видишь, как выходит. Планируем одно, а получается другое. Знаешь, о чем я...

— Хорошо, хорошо, не будем... Ты права. Держись, я скоро приеду.

Влад, как всегда, окончил учебный год с одними пятерками. Сначала решили, что он поедет с Алкой к бабушке, но позже удалось достать для него путевку в очень хороший летний спортивный лагерь, где была возможность заниматься плаванием. Из всех своих увлечений Влад выбрал спорт. Юрий оставался на хозяйстве с дочерью. В отсутствие Влада дома воцарилась спокойная обстановка, и Алка не спеша собиралась к матери. За несколько дней до отъезда позвонила Таня, ее давняя подруга детства, оказавшаяся в столице в командировке.

— Ты надолго? — поинтересовалась Алка.

— Дня на три-четыре, как управлюсь с делами, — ответила Таня.

— Замечательно. Полетим вместе, я как раз за билетом в аэропорт собиралась завтра. К маме еду, ты знаешь, наверное.

— Знаю, — отозвалась Таня, — я и на похоронах была, и маме твоей звоню иногда.

— Спасибо. Ты приезжай ко мне, жду, — в трубке повисла пауза, и Алка добавила: — Пожить у меня не предлагаю, извини. Много хлопот перед отъездом, да надо к Владу съездить. Он

в хорошем лагере, но хочу навестить, посмотреть, как он там.

— Не волнуйся, я в гостинице обосновалась!

Когда встретились, разговоров хватило до позднего вечера.

— Ну что там у тебя с твоей скандальной любовью, где работаешь? — интересовалась Алка, радушно угощая гостью чаем в своей импровизированной кухне.

— Да все как и у всех в таких случаях, — безразлично посетовала Таня. — Никуда от жены не ушел, родные отвернулись от меня. Ты ведь помнишь, семейство у меня строгих правил, не то что твои. Одна я осталась, дома никто со мной не разговаривал. Пришлось на квартиру уйти. Тяжело было.

— Надо было родить, — рассудила Алка, раскладывая в вазочке печенье, — помню, ты что-то писала по этому поводу.

— Надо было, — вздохнула Таня, глаза ее увлажнились. — Только аборт я сделала тогда... Жила-то уже на квартире, а мать сказала, выкручивайся, мол, сама. Они тогда в двухкомнатной жили с сестрой, ее мужем, ребенком да братом вдобавок. Вот я и «выкрутилась». Срок большой был...

— Почти убийство, — безжалостно подытожила Алка. — Жаль мне тебя, жаль...

— Я расплатилась... — продолжала Таня, то и дело пряча взгляд. — После всего этого тяжело заболела. Думала, умру, но вот попался человек, сын хозяйки, у которой я угол снимала. Самый настоящий угол, за печкой обитала, на большее денег не хватало. Он меня выходил. Потом жить с ним стали. Потом поженились. Но детей у меня не будет никогда. — Она помолчала. — Работаю в автохозяйстве.

— А он?

— Он с высшим образованием, но не пробивной, — лицо Тани посветлело. — Достаток у нас небольшой, хотя не жалуясь. На жизнь хватает.

— Ты любишь его? — бесцеремонно допрашивала Алка, подливая подруге чаю.

Татьяна усмехнулась:

— А ты своего Юрия любишь?

— Ладно, ну их, — Алка тихонько рассмеялась.

— Что в Москве-то делаешь, что купила?

— Командировали, чтобы поторопить поставщиков по запчастям для наших машин. Сама понимаешь, дело хлопотное. Вроде получается.

Думала купить что-нибудь из тряпок... Походила тут по магазинам... Вижу, моих денег не хватит. Видно, не получится из этой затеи ничего, — Таня попыталась перевести разговор на Алкины дела: — А ты, я вижу, процветаешь, в хоромах живешь. Молодец!

— Я бы тебе отдала что-нибудь из своего, мне не жалко, — посочувствовала Алка, — но размеры наши не совпадают. Хотя... Пришла мне в голову одна мысль. Вот говоришь, живу я в хоромах. Ну, пока не все мое, отсюда масса неудобств. А соседка — просто кошмар, неряха. От нее все проблемы. Предлагаю тебе помочь мне, не «за спасибо», хорошо заплачу. На обновы хватит. Идет?

— Как это? — опешила Таня. Потом добавила неуверенно: — Я вообще-то хотела куда-нибудь сходить, а тебе и так могу помочь...

— Сходим вместе, обещаю, — деловито прервала ее Алка. — Ты чистюля, умеешь быстро работать. Решай: или бродить где-то будешь вечерами одна, а вечеров у тебя раз-два и обчелся, или один раз выберешься в театр, к примеру, а два вечера проведешь у меня. На сапоги заработаешь и еще останется! Сапоги достану, импортные. Сама ты прстоишь за ними полдня. Если хватит на всю очередь и если найдешь такую очередь в огромной Москве!..

Подумав, Таня согласилась. Алка и в самом деле предлагала такие деньги, которые Таня вряд ли решилась взять в займы. Таня понимала, что она в круг новых Алкиных знакомых не вписывается. Юность закончилась, а с нею ушло все, что объединяло когда-то близких подруг. Они заранее взяли билеты на самолет. В счет зарплаты Алка достала такие сапоги, какие Тане и не снились. Остальное истратили быстро и с толком в магазинах, которые знала Алка, но не знали многочисленные гости Москвы. Обе остались довольны. Но со временем их связи прервались, и больше подруги не встречались.

* * *

С матерью встретились тепло, ни споров, ни привычных выяснений отношений или опрометчиво сказанных слов... Неужели человеку нужна жертва, чтобы понять главное? Алка отогнала от себя непрошенные мысли. Все проходит, время лечит, как ни банально это звучит. Целый

вечер они предавались воспоминаниям, плакали, смотрели старые фотографии, говорили об отце. На следующий день отправились на кладбище. Могила оказалась далеко от основной кладбищенской дороги, и как Нина Алексеевна добиралась до нее зимой, по сугробам, Алка не представляла.

— Мама, почему не заплатили никому, чтобы поближе похоронили? — окликнула мать Алка, следуя за ней по плохо утрамбованной дорожке.

— А так разве можно? — растерянно обернулась мать и остановилась.

— Ой, мама, ну ведь все так делают, неужели не знаешь?

— Да мне как-то все равно, — тихо послышалось в ответ. — Куда торопиться теперь? Ни мужа, ни детей, ни внуков... А сюда поеду, пройду эту трудную дорогу пешком, так и время как-то быстрее бежит. Поговорю вот с ним, легче маленько на душе... А дома опять... тоска...

Уже четвертый день Алка гостила у матери. А в голове-то все время была Москва: как Юрий с Дашенькой справляется, как Влад. Наконец Алка решила.

— Мама, — осторожно начала она, — нам надо как-то поговорить о будущем. Ты извини меня, но я ведь человек подневольный, лететь назад надо. Как ты настроена?

— Я поняла тебя, доченька, — кивнула Нина Алексеевна и опустила глаза. — Спасибо, что заботишься. Но, я говорила, памятник надо поставить... Год уже прошел...

— Мама, но ведь год еще не прошел, — уточнила Алка. — Давай до лета отложим. Так даже лучше будет. И грунт уляжется. Надеюсь, в следующее лето приеду за тобой, тогда и памятник поставим. Ты ведь не собираешься одна жить? Какие вообще планы?

— Да нет планов никаких... — обронила мать.

— Тогда давай так. Я, как вернусь в Москву, сразу подам документы на обмен. Предварительно я узнавала, нашу двухкомнатную можно обменять лишь на комнату...

— Что же, ты меня в коммуналку определить хочешь? — глаза Нины Алексеевны быстро наполнились слезами.

— Да что ты, мама! — Алка обняла ее за плечи и мягко объясняла: — Когда приедешь, мы

отправимся еще всего-то на один год на заработки. Помнишь, был с тобой разговор до папиной смерти? А ты останешься, как и в тот раз, с детьми и няней в двух больших комнатах. Ну а вернемся — сразу переселим соседку в квартиру, которую я куплю ей на заработанные деньги. И у тебя будет отдельная комната. Думала, первой поездки хватит на ее переезд, но не получилось. Не хочется себе во всем отказывать, детей жалко. Поэтому надо бы еще подзаработать. А когда ты будешь с нами жить, я готова уступить тебе лучшую комнату, с балконом, а свою сможешь сдавать. Ну а если ничего тебя не устроит, будем думать и как-нибудь определимся с отдельным жильем и для тебя.

— Может быть, мне лучше вообще здесь остаться? — вслух подумала мать и добавила. — Или к сыну уехать? Как-то быстро ты решаешь все...

— Мама, ну где же быстро? Ты ведь уже согласна была еще на годик к нам приехать! И если бы не папа... — Алка запнулась, помолчала. — И потом — неужели с невесткой лучше, чем с родной дочерью?

— Не лучше, — вздохнула мать, — но зато в Красноярске... Поближе к нему...

— Господи, сядем на самолет и навестим могилу. В чем проблема-то? Какая тебе разница, откуда лететь? Влад скучает по тебе! — напомнила Алка и испытующе посмотрела на мать.

— Правда? — лицо матери посветлело. — Такой большой, а все по бабушке скучает?

— Ну конечно! — Алка облегченно вздохнула. Вот с чего начинать надо было! — Давай соглашайся. Время быстро бежит. На разные хлопоты не меньше года уйдет. Я уж по опыту знаю.

— Ладно, — едва кивнула мать, — делай как решила, только дай мне возможность в случае чего отказаться. Чтоб обид не было потом.

* * *

Дни и месяцы летели незаметно. Вернувшись в столицу, Алка сразу начала прикидывать, на какое жилье в Москве можно обменять сибирскую двушку. Наконец-то, почти через год, найден был подходящий вариант. Естественно, на «выселках», зато не в очень старом доме. На оформление документов для загранпоездки времени оставалось мало, по-

тому что надо было успеть до отъезда забрать мать, ну и разные дела утрясти.

И вот — еще одна гора с плеч! И памятник поставлен, и мама в Москве! Пусть пока обжигается, в то время как переговоры о поездке за границу идут полным ходом. А пока — работать и работать. У Алки еще оставались нереализованными планы на приобретение крупных вещей. Так в доме появилось пианино, хотя ни на каких инструментах в семье никто не играл. Потом коллекция эксклюзивных кукол. Вот уже и стены комнат украшают приятные глазу картины с изображением сельских наряженных детишек у околицы или богатых букетов цветов. Гости ахали, лицезрея такую красоту, и пели дифирамбы тонкому вкусу хозяйки. Но вот кухня и прочие места общего пользования оставались пока общими и коммуналками пока было всего две...

Сын вроде как изменился в лучшую сторону. Стал намного спокойнее, почти перестал грубить. Тем не менее Алка не могла забыть весьма неприятный инцидент, когда в присутствии Ларисы Влад рывком выдернул из розетки шнур от телевизора, когда Юрий смотрел футбол.

— Надоел этот телек, — невозмутимо ответил Влад на немой вопрос в глазах взрослых. — Хочу спокойно поужинать.

— Так в кухне поужинай, — с деланным спокойствием возразила Алка.

— Я хочу здесь!

— Пошли в кухню, — обратилась к Алке Лариса. — Заодно чаю попьем.

Когда женщины остались вдвоем, Лариса, видя смущение Алки, все-таки не удержалась:

— Почему ты позволяешь ему так вести себя? Что плохого сделал ему Юрий? Да и я здесь, в конце-то концов!

— Ладно, взрослеет, возраст переходный у него, — Алкино лицо пылало.

— Не знаю, не знаю... Впрочем, не мне судить, у меня нет детей. — Лариса смягчилась. — Давай по рюмке чаю! Как там с документами? Готовишь?

— Да почти все готово, — оживилась Алка. — Считаю два года ушло с тех пор, как собралась во второй раз за границу. Влад уж в восьмой пойдет, а Дашка в подготовительной группе, как раз в школу отправим.

— Я понимаю, — кивнула Лариса. — Мамин переезд да обмена эти. Все не так просто.

— Так ведь еще пришлось летом организовать приезд брата в Сибирь, чтобы они вместе с мамой могилу отца навестили... А теперь вот Юрий уперся, не хочет за границу, не знаю, что и делать!

— Ну, это не проблема, — рассмеялась Лариса. — Уломаем. Его хваленая контора все равно лопнет, такие времена надвигаются...

— Но вообще-то он нужным делом занимается, — внутренне насторожившись, ответила Алка.

— Это мы так думаем.

— Почему только мы? Есть статистика. Показатели разные...

— Увидишь, что я, к великому сожалению, окажусь права, — Лариса многозначительно улыбнулась. — Но, возможно, то, что окажется несчастьем для одних, другим послужит на благо. Нам с тобой, например.

— Будем выкручиваться! — Лариса стояла в прихожей уже одетая. — В общем, собирайтесь потихоньку. Думаю, через пару месяцев сможете отбыть в какой-нибудь Вьетнам. Много не зарабатываете, но последнюю комнату отвоюешь.

Теперь Нина Алексеевна поселилась окончательно вместе с любимым внуком в отдельной комнате. Когда затеяли еще одну поездку за границу, решено было поменять местами Влада и первоклассницу Дашу. Влад оказался один в комнате, а бабушка разместилась вместе с Дашей. Сын безо всяких уговоров делил свое жилье с Ниной Алексеевной, но с сестрой отказался наотрез. Он любил покладистую Дашеньку, как и она его, но, когда дело дошло до совместного проживания, согласился только на бабушку.

В первый класс провожали дочку всей семьей. Это был один из счастливых дней для всех. Влад отправился один, как взрослый, но в школьном дворе подошел к Даше вместе с другом и похвастался, какая у него большая и хорошенькая сестренка. Дома школьников ожидали красиво накрытый стол и дорогие подарки. А спустя месяц Алка и Юрий отправились в очередной вояж. Деньги от сдаваемой комнаты Нина Алексеевна решила откладывать «на всякий случай», а на самом деле предназначала их внуку. Алке с большим скрипом удалось отвоевать год на работе без

увольнения «в связи с семейными обстоятельствами», у Юрия дела обстояли похуже. Им дорожили, но гарантий дать не могли, потому что с его увольнением пропадала ставка. Договорились, что подыщут кого-нибудь на год. Хорошо, если согласится кто-то из бывших сотрудников-пенсионеров. Такие люди обычно соблюдают правила игры и увольняются в срок, хотя бывает всякое и с такими. Пенсионера нашла Алка, надеялись, что он не нарушит устный договор.

* * *

Вьетнам оставил у Алки наихудшие воспоминания. Но главное получилось. Заработанных денег вместе с теми, что привезли из Индии, на кооператив хватило. Алка вспоминала, как после первых месяцев пребывания в чужой стране она уже готова была разорвать все договоренности и уехать домой. Совершенно неожиданно для нее воспротивился Юрий.

— Раз уж за деньгами поехали, то давай не думать ни о чем, кроме них, — решительно заявил он, отдыхая после жаркого дня в плетеном кресле. — Я ведь работу считай оставил. Поэтому даже никаких отпусков! Иначе сюда не вернемся. Если бы знал заранее, как здесь, и сам не поехал бы. Но раз решились, значит, надо терпеть. Но это в последний раз. Я уж точно никуда с места не двинусь больше.

— А в леса, а на реки и озера? — напомнила Алка.

— При чем здесь это? Это мое, родное. — Юрий, несколько расслабленный после трудового дня, мечтательно добавил:

— Домик бы небольшой подальше от города — вот что я купил бы. Где-нибудь в Подмосковье. А можно и вообще совсем подальше от Москвы, под Дубной, на Волге например...

«Что за человек, — думала Алка, глядя на разомлевшего от ужина супруга. — Ничего-то ему не надо! Спасибо, что хоть покладистый. И что делать в этом домике? Огород копать или траву косить? Вспотеть, а потом в постель упасть?! Или Волга? Ну, возьми путевку, сядь, как нормальный турист, на пароход да и любуйся красотою прибрежных пейзажей!»

— А представляешь, — продолжал тем временем Юрий, — покопался бы я в земле. Потом

взял бы удочку или корзину и в лес пошел бы за грибами или на речку. А потом один или с тобой в своем домике отдыхал. Ни соседей тебе, никого! А из окошка видны посаженные тобой цветы, кошка на дровах сидит...

— Юра, вот удочка, кошка, речка — это все прекрасно, но без меня. Приедем, подумаем над твоим предложением. А пока помоги мне постель расстелить и проверь, нет ли где этих ужасных насекомых, боюсь до смерти! Горничная ничего как будто и не видит!

— Ну вот, — разочарованно отозвался Юрий, — как что хорошее, так без тебя. Ладно, давай укладываться. А вот если бы в домике... у речки... Кстати, откажись ты от этой прислуги, если тебе не нравится.

— Не положено, — отозвалась Алка. — Мне-то грубиянка эта совсем не нужна. Где бы она работала, если б не мы! Даже этого не понимают. В общем, мои негативные впечатления об иностранцах еще раз тому подтверждение. Только из-за жилья и терплю всю эту заграницу...

— Так ведь есть жилье! — не унимался муж. — Давай уедем и поменяем наши две комнаты на квартиру, как я тебе и предлагал!

— Нет уж! — решительность жены прервала радужные мечты Юрия. — Приехали так приехали. Надо до конца дело довести, сам только что сказал.

Алка долго не могла заснуть. От доводов Юрия она мысленно отмахнулась, других забот хватало. Она все чаще думала о детях, о матери и уже не в первый раз пожалела, что организовала очередное путешествие. И здесь-то доводы мужа начинали снова стучать в голове, как маленькие надоедливые молоточки. Она постаралась самой себе еще раз доказать, что всего через несколько месяцев все мученья окупятся не только деньгами, но и достижением главной цели. Может быть, соседка на радостях и с документами помогать будет, не то от беготни по инстанциям заранее голова болеть начинает. В последующие дни Алка постаралась настроиться на боевой лад, освободиться от подавленного настроения, и время сразу же ускорило свой бег, приближая к заветной дате отъезда домой. Она стала чаще звонить в Москву, решила не экономить на общении, тем более что по характеру скрягой не была, просто конечная цель заставляла никогда

не забывать о накоплениях. Уже и по телефонным разговорам чувствовалось, как растет Дашенька, и Алка переживала, что такой интересный и важный период в жизни дочурки проходит без нее. Когда-то очень давно эти же мысли о Владике просто и в голову не приходили. «Может, возраст? — не в первый раз опасливо думала Алка, а потом успокаивала себя: — Нет же, нет, я просто скучаю!»

Влад тоже явно вырос, только, конечно, не так, как малышка. Говорил спокойнее, не спорил по каждому пустяку, даже привет отчиму однажды передал. Нина Алексеевна по секрету, шепотом как-то проговорила, что Влад получает письма от отца. «Я знаю, что они иногда переписываются», — стараясь быть равнодушной, отозвалась Алка. На самом деле ее неприятно кольнула эта весть. «Адрес откуда-то узнал, — подумала она. — Но с другой стороны, пускай переписываются. Отец все-таки». Вообще, связь сына с отцом вроде бы прекратилась уже несколько лет назад или ослабла с тех пор, как Влад насовсем уехал в Москву. Но вот возникла снова. «Видимо, существует какая-то кровная близость, — решила Алка. — Ну что ж, сын большой, теперь ему решать».

Когда, наконец, контракт завершился и счастливые супруги прибыли в Москву, они не могли наглядеться на подростковую дочку, на сына, считай уже старшеклассника. Даже уставшая мама показалась повеселевшей по сравнению с тем, когда Алка оставляла ее с детьми в прошлый раз. Нина Алексеевна, заботясь о детях целый год, стала разговорчивей, постоянная глубокая тоска сменилась перепадами настроений — уже лучше, а выступавшие на глазах слезы не лились рекой, как было сразу после смерти отца, теперь они сопровождали светлые воспоминания о нем. Нина Алексеевна каким-то образом сошлась с соседкой, и они к приезду Алки узнали почти все о кооперативном жилье, что оказалось очень кстати. Теперь соседка не сопротивлялась, все шло «по закону».

Начались трудовые будни. Юрию все же удалось занять прежнее место на работе. Заменявший его пенсионер не горел желанием работать там, где, по его словам, дела шли не лучшим образом. На прощанье он посоветовал Юрию по-

дыскать себе другое место, так как жизненный опыт подсказывал — грядущие перемены технарям радости не принесут. Юрий не очень-то поверил, пока был доволен, что оказался на старом месте работы.

У Алки картина была несколько иной. Независимая и уверенная в себе, она давно раздражала «госпожу министершу», как именовали в отделе ее начальницу. Ту злило буквально все, что касалось Алки. «Да кто она такая! — возмущалась «госпожа». — Приехала в столицу, не имея никаких связей, не ценит место, за которое другой вцепился бы мертвой хваткой!» Да и все остальное... Семейное положение? Муж — инженер какой-то, брак второй. От первого сколько лет ребенок где-то болтался! А коммуналка? Кого, спрашивается, из порядочных людей можно пригласить на общую кухню? И ведь находят такие женщины неплохие места благодаря доверчивости руководителей, не имеющих опыта общения с интриганками. И берут их, без роду, без племени, под свое крыло, а лучше сказать, себе на шею, а они... Куда мы катимся?!

И вот она снова здесь. Это благодаря таким, как она, пусть и напускное уважение коллектива к руководству, как это было раньше, стремительно летело вниз. Но ведь была надежда, что не вернется. Как-то удалось ей договориться, что место останется за ней после возвращения из-за границы. Но договор-то устный! «Министерша» ждала удобного момента, чтобы освободиться от ненавистной подчиненной, но неожиданно все решилось само собой. Снова выручила Лариса. Еще до приезда подруги подыскала Алке малооплачиваемое место в другом НИИ. На эту должность никто из квалифицированных специалистов особо не претендовал, но рабочий стаж сотрудникам шел, что, собственно, и требовалось Алке.

— Деньги у вас есть пока, — подытожила беседу Лариса после теплой встречи в полюбившемся подругам кафе, — а там жизнь покажет. В общем, смело увольняйся.

Практически еще один год ушел на приобретение кооперативной квартиры. Здесь тоже возникло немало сложностей. Но Алка с помощью хорошего юриста докопалась до разных поправок к законам, вникла, что отменяли и куда сно-

ва вносили эти поправки, в результате чего соседку с дочерью удалось сразу же прописать в новую однушку на окраине Москвы. На радостях помогли с переездом, правда, совместно новоселье не отмечали, и так вдоволь насмотрелись друг на друга, уже одно то, что расстались мирно, было хорошо.

И вот долгожданный день настал — ордер на всю жилплощадь получен! «Где-то полтора десятка лет ушло на все про все! Но не зря ведь!» — торжествовала счастливая Алка. Отмечали событие скромно, в кругу семьи, на что-то большее деньги решили не тратить, а близких друзей пригласить попозже, чтобы к их приходу можно было бы организовать приличный стол и привести в порядок третью и последнюю комнату, а самое главное — замызганную кухню и места общего пользования.

В мечтах, посещавших Алку в последние годы, момент празднования победы на жилищном фронте рисовался неким грандиозным событием, сопровождавшимся чуть ли не фейерверком. Как и всегда это бывает, ничего такого в действительности не произошло, зато семейное единение ощущалось не только на словах, но и чувствовалось по благодушным улыбкам, желанию услужить друг другу за столом, не обидеть неловким замечанием. Поскольку горячительные напитки появлялись в доме нечасто, Алка если уж и покупала что-то, то всегда дорогое. Вот и сейчас на столе стояла бутылка армянского коньяка и отличное сухое белое венгерское вино. Все хвалили Алкин стол, на котором красовались салаты, большие блюда с мясом и рыбой, украшенные зеленью и фруктами. Сегодня ей хотелось говорить только о приятном, интересном для всех и каждого.

— Владик, Дашенька, у нас этот год особенный не только из-за квартиры, — обратилась Алка к детям, — один уже паспорт вот-вот получит, другая второй класс оканчивает!

— Я, как Владик, — важно заметила дочка, — на одни пятерки!

Влад снизошел до своеобразной и странной шутки:

— Еще годика два пройдет, возьму да и приведу жену! Жить теперь есть где.

Все засмеялись.

— Ну, два года еще прожить надо, а что, кто-

то на примете уже имеется? — полюбопытствовала Алка.

— Имеется, имеется, — затараторила Даша, — я все видела! Они однажды по улице под ручку шли, а я как раз из школы возвращалась!

— Вот разведчица! — Влад шутливо дернул сестренку за густую прядь русых волос, выпавших из затянутой на затылке цветной резинки. — А будущая жена на примете и вправду есть, раз Дашка видела. Вместе спортом занимаемся. Классная девчонка! Про таких говорят: «палец в рот не клади!»

— А почему мы не знаем? — удивилась бабушка.

— Меня никто и не спрашивает, — спокойно ответил Влад. — И потом, — он снисходительно взглянул на нее, — ну кто бабушкам про девочек рассказывает?! Ладно, мне пора, пока! Поздравляю с очередным новосельем!

Влад быстро оделся и убежал. Алка растерянно взглянула на мужа. Юрий понял немой вопрос:

— А ты надеешься, что Влад в коммуналку вашу когда-нибудь пойдет?

— Но как же... — начала было Алка, однако Нина Алексеевна, тихонько взяв ее за руку, остановила начинающуюся дискуссию:

— Ну что вы портите хороший вечер! Влад еще маленький, мало ли что ребенок сболтнет! Давайте отдохнем от споров. Хочу попробовать Аллочкин торт. Жаль, Владик ускакал, хотя налегке тренироваться лучше!

— Да что ты, мама! — Алка разрешила торт, приготовленный по новому рецепту. — Я и не собираюсь размышлять над его словами, это детство еще. Лучше чай! С тортом.

— И то правда, — согласилась Нина Алексеевна. — Дашеньке поменьше кусочек. И так много съела.

Юрий, быстро расправившись с тортом, уже изучал телепрограмму, а затем, не отрываясь от газеты, как бы невзначай шутливо заметил:

— Аллочка, ты все-таки не расслабляйся. Помни про слова Владика. А я бы так в связи с этим выразился: «...и вновь продолжается бой!»

Все засмеялись. Алка нахмурилась:

— Хорошо тебе: жил здесь как гость, теперь вся квартира твоя, разве плохо?!

— Да что ты?! — Юрий обнял жену. — Давай помогу, обязуюсь вымыть всю посуду как следует, без единого пятнышка. Обязуюсь также высти-

рать скатерть и салфетки, затем их выгладить и убрать в платяной шкаф до следующего такого же прекрасного ужина.

— Вот и славно, — Алка устроилась в кресле. — Мама, Дашутка, давайте посмотрим по телевизору что-нибудь интересное для всех.

— «Спокойной ночи, малыши!» — Даша устраивалась на коленях у матери.

— Хорошо, — согласилась Алка. Помолчав, она добавила: — Как славно, что обошлись без денег от сдаваемой комнаты. Со временем все равно придется думать о дополнительном жилье. Дети-то растут помаленьку.

— Ну вот я и говорю — «...и вновь продолжается бой!» — Юрий вошел в комнату за очередной стопкой посуды. — Песню про революцию написали, а оказалось — на все случаи жизни!

— Вот именно, — согласилась Алка. — Кстати, до чего вы там договариваетесь на своих собраниях? Раньше ты только последние известия слушал, а теперь повадился на политические сходки бегать! Разве не так?

— Не дай-то бог! — добавила свое слово Нина Алексеевна. — Плохо все это кончится, уж поверьте. Кто по сходкам бегают, тот ни с чем и остается! Ну, спасибо за ужин. Дашеньке спать пора...

— Бабушка-а-а, — привычно затащила Даша, — еще чуть-чуть...

— Пошли, книжку новую папа принес, читаем...

Так удавшийся семейный вечер стал началом относительно спокойной полосы в жизни Алки. Наконец-то не надо было куда спешить, не надо было оформлять какие-то документы, в срочном порядке ездить на заработки за границу, думать об одиноко живущей маме. Этот период можно было даже назвать счастливым. По всей видимости, Алка настолько устала, что наступившее равновесие скучным не казалось, не поселило в душе чувства опустошенности, что нередко сопровождает момент достижения долгожданной цели. Она продолжала обустроить квартиру, наслаждаясь осознанием достигнутого, вновь стала читать перед сном, подумывала о полноценном отдыхе в какой-нибудь теплой стране, подальше от шумной Москвы.

— Не купить ли нам участок под дачу или сра-

зу недорогую дачу? — возвратился как-то Юрий к давнему разговору за границей.

— С ума сошел! — воскликнула Алка. — В земле я еще не копалась.

На досуге подумала — а почему бы и нет? Для Юрия, конечно. Пусть строит что-нибудь. От его работы в смысле заработка толку все меньше и меньше, одни общественные заботы остались. Так чем ходить на никому не нужные заседания, пусть и в самом деле займется той же дачей.

Через несколько месяцев приобрели небольшую, но вполне приличную дачу с земельным участком. Алка туда не ездила, зато Юрий был доволен. Иногда ей казалось, что муж молчит, не жалуется на пасынка, потому что наступило некое равновесие в семье. Но теперь поняла, что на самом деле в последние годы Юрий все больше удалялся от дома, и дача стала тем местом, где он мог отдохнуть от всех. Ведь общаться с Владом становилось все труднее, разве что бабушка находила с ним общий язык.

«Надо не спеша искать обмен, для чего необходимо привести в нормальный вид комнату», — решила Алка. Именно не спеша, ведь им уже за сорок, хоть и с небольшим, но все равно за сорок. Время становилось каким-то ненасытным, бежало куда-то все стремительней и стремительней, не успеешь отметить один день рождения, как наступает следующий... «Жизнь, что ли, проходит?» — не впервой подумалось Алке, но она, как всегда, постаралась отогнать неприятные мысли прочь. Зачем омрачать совсем даже неплохое существование, когда многое еще впереди, ведь не пенсионеры еще. Раньше и подумать-то о чем-либо некогда было. А вот теперь можно и подумать, и понаблюдать. Например, сравнить свою бурную деятельность, принесшую множество перемен в ее жизнь, с жизнью всей страны. Да, масштабы не те, но кто, собственно, представляет собою государство? Она, ее семья и есть малая часть большого. Об этом и многом другом теперь говорят с разных трибун, но что сделано за время так называемых перемен для отдельного человека? Да, конечно, гласность (хотя и без нее, и без «голосов» основная масса понимала, что к чему), да, за границу просто так можно съездить, посмотреть, как там живут, чем дышат. Но главная-то проблема, а таковой Алка считала жилье, так и не решается.

Лучше, конечно, люди жить стали, у некоторых даже квартирные вопросы как-то решаются, так ведь сколько лет после войны прошло, могли бы и побыстрее решать. А потому — все правильно она делала, заботясь в первую очередь о своей семье. Сама. Зато никому ничем не обязана.

А пресловутые изменения? К обывателю они обыкновенно никакого отношения не имели. Когда ушел из жизни лидер, руководивший огромной страной много лет, люди, естественно, ожидали каких-то перемен. Но ничего такого не произошло. Потом государством управляли пожилые лидеры и не всегда с хорошим здоровьем, что также не отражалось особым образом на жизни общества. Правда, какую-то часть населения обеспокоил приход к власти бывшего председателя Комитета госбезопасности. В этом случае причин для беспокойства было достаточно практически у всех, но и он у власти оказался недолго. Алка вспоминала, как в бюджетных организациях попрятали чашки и чайники, потому что теперь распивать чай в рабочее время запрещалось. Под запретом оказались и походы в магазины во время трудового дня. В случае поимки человека с кошелкой могли последовать санкции вплоть до увольнения. Естественно, о каких-то привычных застольях по случаю праздника или дня рождения и речи быть не могло, если даже это происходило в обеденный перерыв. Старшее поколение, приученное к дисциплине, радовалось, возможно и не зря, так как злоупотребления были, как там ни говори, налицо. Однако вряд ли жесткие административные меры могли бы повысить эффективность труда или модернизировать производство.

Одновременно в этот же период громче зазвучали «голоса» с запада, трубившие на различных радиоволнах о полном крахе демократии в СССР и ущемлении прав свободных людей. Как ни странно, значительная часть населения, лишившаяся возможности потолковать «за жисть» прямо на работе, соглашалась с «голосами». И вот в череде быстро меняющихся лидеров неожиданно для «простого» народа возникло совершенно иное лицо. Именно с приходом Михаила Горбачева Юрий и заинтересовался политической жизнью. Муж посещал какие-то собрания и при этом не мог объяснить толком, чему же они собственно посвящены, куда зовут людей? А

главное — что и как будут преобразовывать? Или только говорить? Алка по этому поводу иронизировала, а Нина Алексеевна гнула свое: «Как бы хуже не стало!» Впрочем, старшее поколение, пережившее не только войну, ко всему относилось с опаской. Всевозможные перемены непременно должны были закончиться чем-то дурным, потому что «живем сейчас неплохо, так зачем все менять?».

Алка тем временем потихоньку занималась обменом и в конце концов нашла вариант, тем более что многое упростилось. Маклеры никого теперь не боялись, на улицах появились невесты откуда взявшиеся торговцы, которых фактически не притесняли и не называли спекулянтами, а зарубежные политики, в общем и целом довольные начавшимися наконец преобразованиями в чужой стране, все громче и на разные «голоса» рассказывали о той незавидной роли, которую сыграл СССР на ниве международных свобод, равенства и братства. Народ поддавался на призывы, и Алку это бесконечно злило.

— Ты подумай, — говорила она Юрию, — считай, вчера рабами торговали и колонии грабили, а теперь учат нас жить!

— Но ведь и правду о нас тоже говорят! — не сдавался демократически настроенный муж.

— Да сами мы ее знаем, еще с двадцатого съезда, — не сдавалась Алка. — Уйду я с работы этой подпольной! Не хочу больше с иностранцами возиться!

— Не горячись, — урезонивал Юрий. — Посмотрим, что дальше будет.

— Надеюсь, на баррикады не пойдешь? — иронизировала Алка. — О семье подумай!

— А я и думаю, иначе пошел бы! Не смейся, мне, признаться, говорильня вся эта постепенно надоедает!

— А я тебе сразу выдала, помнишь? Ты послушай, что люди говорят! Где? Да везде! Хоть в магазине, хоть в трамвае. И про гласность, и про перемены.

— Поживем — увидим. Кстати, на работе дела пошли лучше, — с оптимизмом заявил Юрий. — Похоже, предприятие наше становится перспективным! Зарплату повышают.

— Это за что же? Вы что, производство модернизировали или работать лучше стали? — ехидничала Алка.

— Не то чтобы работать...— неуверенно начал Юрий.

— И не то чтобы модернизировать, — завершила разговор Алка. — И в самом деле, поживем, тогда и увидим, есть ли толк от всех этих повышений на пустом месте. А у твоего Михаила Сергеевича никакой путевой программы нет. Одни разговоры. Слушать устаешь!

— И не слушай, раз устаешь, — сердился Юрий.

— Я должна быть в курсе дел, раз репетитором работаю, или нет? — парировала Алка. — Меня спрашивают иностранцы, что и как у нас, какие, мол, изменения грядут? А я что должна отвечать: вот, смотрите, уже стали мы водку по талонам давать и от этого жизнь народа станет намного лучше! Так, что ли? Такая у нас программа?

— Алла, занимайся своими делами, — неуверенно возражал Юрий. — Зачем тебе программа? Подождать надо, он говорит... Вот увидишь, и крючоктворства станет меньше, а новое непременно облегчит нашу жизнь и поубавит домашних хлопот!

— Неужели?! — Алка снисходительно улыбнулась. — Что-то я не замечаю пока что ничего нового. Так... пустые разговоры, все по мелочам... А квартирный вопрос? Он решается хоть как-то? Ничего ровным счетом не изменилось! Взять нас. Чего стоило переселить соседку в мною же купленную квартиру. Как будто три комнаты для четверых, я уж тут и маму не считаю, раз она в другом месте прописана, огромная роскошь! Кое-что действительно изменилось, но ты посмотри, что делается на вокзалах! Столько всякой нечисти крутится! Откуда только берутся. В жизни такого не видела. А торговцы на тех же вокзалах, рынках? Протолкнуться невозможно! Увидишь, ничего хорошего не выйдет из твоей демократии.

Пока шел ремонт в освободившейся третьей комнате, Нину Алексеевну временно определили в одну из двух комнат вместе с Владом, Алка с мужем и Дашенькой, как и раньше, жили в другой. Влад, занимавший до приезда Алки и Юрия свободную комнату, был недоволен.

— Бабушка рано спать ложится. Ни книжку почитать, ни телевизор посмотреть! — заявил он как-то.

Было утро. Алка и Влад вставали раньше всех.

Алка готовила на всю семью завтрак, а Владу приходилось добираться до школы на автобусе. Хоть и не так далеко по московским меркам, но все же на общественном транспорте, к тому же выбранная Алкой школа стоила того.

— Подожди немного, — ответила она. — Примерно годик подожди, и, обещаю, бабушка будет одна, а ты снова с Дашенькой. Она подросла, уживется. Раньше нам не управиться, ты знаешь, бывшая наша соседка ни разу ремонта не делала. А я хочу сделать сразу и хорошо.

— Еще чего! — возмутился Влад, пропустив мимо ушей все, что касалось сроков и трудностей. — Быть в одной комнате с Дашкой! Я уже говорил — это даже похуже, чем с бабушкой. Вы, значит, одни будете жизнью наслаждаться, а я обязательно с кем-то?

Алка внимательно посмотрела на Влада. Недоволен. И это после всего, что сделано для него?! Однако ответить постаралась без раздражения:

— Когда окончишь школу, поступишь, сможешь жить самостоятельно. Теперь есть где.

— Бабушка говорила, что, может быть, сама со временем уйдет туда.

— И будет жить одна? В ее-то возрасте? — изумилась Алка, она не была готова к такому повороту.

Она обескураженно смотрела на Влада. Так вот о чем он мечтает! Кто бы мог подумать! Неужели мама так подробно излагала внуку разные сложности квартирных дел? Словно угадав ее мысли, Влад пояснил:

— Каждый раз, когда вы уезжали, я слушал ваши с бабушкой телефонные разговоры про квартиры. Не специально, конечно, а так уж получалось. Да и дома — только про это. — Влад довольно усмехнулся. — Вот и сам я начал прикидывать, какую пользу мне можно извлечь из всех этих манипуляций.

— Но ведь ты наследник...— Алка растерянно замолчала.

— Да, наследник, — внимательно глядя Алке в глаза, завершил тему Влад. — Так что из этого? Ты предлагаешь мне ждать, когда бабушка... Так, что ли? Мама, давай пока не будем. Я просто хочу сказать, что не намерен ни с кем делить свою комнату. Дашка все равно еще маленькая, выспаться толком не даст. Они с бабушкой мо-

гут в любое время отдохнуть, а у меня выпускные экзамены, спорт бросать ради них не собираюсь. В общем, режим нужен. Поэтому, когда наконец-то освободится последняя комната, бабушка уйдет туда, она тоже устала от нас. Ну а потом, когда я поступлю в институт, подумаем, что делать. Тем более что бабушка сказала мне — деньги от сдачи квартиры, которая на окраине города, она тратить не будет, бережет на всякий случай. — Влад улыбнулся при последних словах. Алке показалось, с торжествующим видом.

— Ты уверен, что поступишь без моей помощи?

— Абсолютно. Круглый отличник, общественник, да еще и спортсмен-перворазрядник. Ну какой вуз откажется от такого абитуриента?

— У тебя уже первый разряд?

— Давно, по гимнастике. Надо бы еще кое-что подтянуть, плавание, например. Два разряда не помешают.

Влад сложил в школьную сумку аккуратно завернутый бабушкой бутерброд, приготовленный на случай, если внук не сможет перед тренировкой зайти домой, взял деньги на проезд и обед в школьной столовой и ушел.

Алка устало взглянула в окно. День обещал быть солнечным, таким же, как будущее без хлопот о жилье. Она считала, что они позади, но... Вечером позвонила Ларисе.

— Что ты сейчас голову себе морочишь?! — успокоила подруга. — Придет время, тогда и будете решать. Сама подумай — он целый год провел с бабушкой и маленькой сестрой. Привык к самостоятельности, к отдельной комнате, вот и выступает!

— Мне кажется, он так и не полюбил Юрия, — Алкин голос дрожал.

— Так он и раньше его не любил! Сейчас взрослеет, думает, как бы сделать так, чтобы волки и овцы... Ну, понимаешь... Главное для молодых — не прилагать особых усилий. Таких примеров, дорогая, как у вас, пруд пруди. Чаще гораздо хуже. А он и денежки считает, что за квартиру идут, все мальчик твой продумал! Ждет своего часа. Ой, извини, не мое это дело, — спохватилась подруга. — В общем, так. Времени у тебя достаточно еще, а сейчас, пока Влад взрослеет, занимайся делами, и не только ремонтными. Будут хорошие заработки. А что Влада касается, скажи спасибо, что не согласен ждать, пока ба-

бушка... А то ведь, знаешь, приблизить естественный конец готовы иногда. Ну, ладно. И не расстраивайся. В чем-то твой Влад прав. Мама пожилой человек, ясно, что жить будет с вами. А он растет, женится когда-нибудь, а квартира уже есть! И даже денег на обустройство бабушка поднакопила!

— Хорошо сказано, — Алкина обида перерастала в раздражение. — Квартирка наготове! Мне бы так! А он!.. Видишь, и не очень-то доволен.

— Что делать, — вздохнула Лариса. — Но пока лучше не ссориться на общей кухне. Ведь права я?

— Права, права, как говорится, что воспитали, то и получили. Давай по работе. Откуда клиенты? Что хотят? Сколько платят?

— Ну, платят по прейскуранту, сама знаешь, а дополнительные услуги обговоришь, как и всегда...

* * *

В который раз Алка постаралась отодвинуть подальше неприятное чувство, оставшееся после разговора с сыном. Время еще есть, оно и покажет, как строить с ним отношения после окончания школы. Удивил и Юрий, воспротивившийся накоплению денег за сдачу квартиры.

— Сколько можно экономить! — воскликнул он, когда Алка передала ему свои разговоры с сыном и Ларисой. — Я думал хотя бы теперь полностью нанять на все рабочих. Ведь, кроме комнаты, есть еще и общие места. Одна ванная во что обойдется! Неужели снова самим придется возиться с очередным ремонтом?

— Вообще-то, это комната мамы, — возразила Алка. — Она помогала нам как могла. Влад, как выяснилось, надеется отделиться от нас в будущем, так почему бы и нам...

— Может быть, мне лучше со временем, когда Влад вырастет, а это не за горами, уйти к своей маме?... — огорошил Алку Юрий. — Мы с ней, живя в однокомнатной квартире, очень даже ладили. Есть еще вариант. Пусть эти деньги пойдут на обустройство дачи. Мне там не хуже, чем дома.

— Посмотри, — Алка сделала вид, что не слышала Юрия, — квартира твоей мамы впоследствии перейдет к Дашке, а моя мама готова свою отдать Владу. По-моему, все справедливо.

— Все-то вы рассчитали! Только надоело уже!
— Юрий нервно расхаживал по комнате, оглядывая уже заново оштукатуренные стены. — Хорошо дача есть. Место для тишины и отдыха. Вот организую там отопление, чтобы на электричестве было, — совсем уйду отсюда!

— Когда организуешь, тогда и решать будем. — Алка больше не могла сдержаться и упрекнула мужа: — А все потому, что не любишь ты Влада!

— А за что мне его любить? За то, что меня все эти годы ненавидит?! — парировал Юрий.

Алка расплакалась.

— Прости меня, не сдержался, — Юрий, как и всегда, обнял жену. — Я ведь тоже не железный. Все нормально у нас, сама посуди — работа есть, дети растут, мама твоя с нами.

«Боже мой, — подумала Алка, вытирая слезы, — что-то я несдержанна стала. Неужели годы? А может, нервы шалют после всех мытарств по границам да инстанциям? Как хорошо, что есть Юрий. Пожалуй, Андрей не выдержал бы моей бесконечной погони за квартирой...» Она улыбнулась сквозь слезы и отметила про себя, что впервые за последние годы подумала тепло, без осуждения о бывшем муже. Кто был прав, когда оба они были молоды и так легко расстались? Любила ли она его тогда и любит ли сейчас Юрия? Может быть, не всем дано это счастье — кого-то любить? А может быть, оно и лучше, спокойнее, когда человек лишен этого? Ведь не все хотят и даже избегают по возможности глубоких чувств и привязанностей.

Когда-то предусмотрительная Алка буквально заставила Влада начать переписку с девочкой из Норвегии. Переписка длилась долго, пока в поле зрения повзрослевшего Влада не попала другая девочка, спортсменка, которой, по его же словам, «палец в рот не клади». Это шло вразрез с Алкиными мечтами о том, что когда-нибудь выросший сын организует встречу с той норвежкой, увлечется ею и уедет в благополучную страну. Если его не устроит Скандинавия и она согласится жить в Москве, то родственники норвежки наверняка помогут с бытовыми трудностями. Похоже, не складывалось... И все из-за спортсменки, посвятившей, как предполагала Алка, целомудренного сына в тайны интимных отношений. Подозрения возникли, когда Алка,

подготавливая рубашки сына к стирке, обнаружила в нагрудном кармашке презерватив. Придя в себя от увиденного, Алка решила все рассказать Юрию.

— Ведь привяжется к ней, раз такое дело... И что тогда?.. К тому же она старше его, насколько мне известно.

— Но ведь ты не знаешь ее, — успокаивал Юрий. — Дело молодое, они здоровые, сильные, вот кровь и кипит. Поговорить надо с ними. Ну, а если что — женятся впоследствии.

— С ума сошел! — возмутилась расстроенная Алка. — Она же из неблагополучной семьи! После школы работает где-то продавщицей. Представь, какое воспитание получила, а ты — «пусть женятся». Про наследственность тоже подумать не мешает.

— Ну, подождут года два, а потом поступят так же, как и мы с тобой в свое время. Вообще-то, рано волнуешься. Насколько я знаю Влада, не женится он на своей первой женщине.

Но Алка негодовала:

— Лучше поговорил бы с ним, как мужчина... — Она помолчала и намекнула: — Ну, чтобы у него лишних проблем не было...

— Это можно, — согласился Юрий. — Мне с его потомством жить совсем не светит. Только захочет ли он слушать меня, он ведь письма от отца получает?

— Ну при чем здесь это? — в голосе жены Юрию послышалось раздражение. — Неужели в письмах можно объяснить такие тонкости? Я прошу тебя...

Как и предполагал Юрий, Влад внимательно выслушал его наставления, даже поблагодарил. Алка несколько успокоилась, и только в одном они с Юрием не сошлись. Муж был категорически не согласен с тем, что девушка не из их круга не может иметь серьезных отношений с Владом. Вполне возможно, что она не так уж и плоха. Сколько случаев, когда девушки из приличных семей оказываются и женами неверными, и матерями никудышными.

— Немало и других случаев, да и рано еще, — Алка волновалась. — Я могу и другие примеры привести. Заведут детей несовершеннолетние родители, а потом уже их родители алименты выплачивают за своих дурачков-сыновей.

— Не волнуйся, — успокоил Юрий. — Во-пер-

вых, она совершеннолетняя, а во-вторых, Влад не дурачок вовсе. В этом я убедился, когда на шекотливые темы говорили.

Когда Влад успешно окончил школу, Алка забеспокоилась из-за упорно распространяемых слухов об армии, да и Влада такая перспектива вовсе не радовала. Говорили, что иногда ребят «забривают» сразу после школы, не давая возможности сдать вступительные экзамены в вуз.

— Придется искать варианты, как оттянуть время, — вновь волновалась Алка. — Надо заранее позаботиться, пока повестку не принесли.

— Отслужил бы сразу, и дело с концом, — вмешался Юрий — Вот у меня служба получилась после вуза. Кругом дети, можно сказать, а я уже взрослый человек. Лучше бы сразу, был бы такой, как все.

— Зато к тебе не приставали «деды», — заметила Алка.

— Ну, этого тебе не понять, — нахмурился Юрий. — Все было. Вспоминать не хочу.

— Зато ты хочешь, чтобы Влад служил, время зря потерял! Уж нет. Найдем входы-выходы. Главное сейчас — поступить. Не забывай — даже за год службы легко перезабыть что знаешь! Потом и готовиться сложнее.

— А можно мне свое мнение выразить? — Влад с интересом наблюдал за матерью и отчимом, пока не надоело. — Конечно, в армию я не хочу. Но МГУ выбрал даже и не потому, что там военная кафедра есть, а потому, что хочу заниматься биохимией.

— Ты уверен, что поступишь? Знаешь, какой там конкурс? — обеспокоенно спросила Алка.

— Если ты устроишь меня в МГИМО, я не против, — безразлично отозвался Влад. — Но таких связей у тебя нет, поэтому пойду туда, куда решил еще в восьмом классе. На девяносто девять процентов уверен, что поступлю. Удивляться будем, если не получится. Ну а повестку надо постараться не брать. Это же просто! Могу вообще на даче отсидеться и ходить только на экзамены. А туда никого, кроме абитуриентов и преподавателей, не пускают!

— Он поступит, поступит! — Дашка, с обожанием глядевшая на старшего брата, запрыгала от волнения. — Он умный, все в школе так считают! Я гордюсь Владом!

— Горжусь, — поправила ее молчавшая до сей поры бабушка. — Пусть мальчик делает так, как считает нужным. Если что и не получится, так все мы были молоды, все делали ошибки.

— Однако не всем они прощались, — не удержалась Алка.

Нина Алексеевна предпочла не вступать в пререкания, лишь по привычке, как маленького, погладила Влада по голове.

Как Влад и предполагал, он без особых трудностей сдал на отлично вступительные экзамены и стал студентом МГУ. Даша, можно сказать, достигла к тому времени подросткового возраста. Любящая бабушка согласилась на совместное проживание с «егозой», а Влад вскоре занял отдельную отремонтированную комнату. Когда со всеми ремонтами было покончено, Алка с Ниной Алексеевной и Дашей отправились в Сибирь, навестили могилу отца, привели ее в порядок. Ради экономии жили не в гостинице, а разбрелись по знакомым. Нина Алексеевна жила у своих, Алка с дочкой — у Светланы, давней школьной подруги.

* * *

Школьные и университетские подруги не раз совершали наезды в столицу. Обычно они урывали день-другой после командировки или какого-нибудь семинара и оставались в Москве, чтобы успеть посетить театр или выставку и пробежаться по магазинам в поисках дефицитных товаров. Как правило, одну ночь они проводили у Алки, но за один вечер трудно было поговорить по душам, да и у Алки была вечная нехватка времени. Теперь Светлана была рада, что может принять Алку у себя и пригласить двух бывших одноклассниц в гости. Настроение у всех было прекрасное, как и накрытый с любовью стол. Поскольку Алка приехала без Юрия, мужей решили не приглашать, да и к чему слушать мужчинам женскую болтовню, когда столько времени подруги не виделись? Эта встреча своим почти юношеским настроением напоминала молодые годы, разве что далеко не студенческая закуска и бутылка дорогого вина свидетельствовали о неплохом достатке взрослых женщин. Было о чем поговорить, несмотря на то, что трое остались жить в родном городе, но, как это и случа-

ется чаще всего, встречались редко. Разные места работы да плюс семейные дела — как-то не до посиделок. Поэтому искренне радовались встрече, и Алка, как ни говори, оказалась связующим звеном. Разговорам не было конца, хотя каждая или знала, или слышала что-то о бывших одноклассниках. Но Светлане тем не менее удалось удивить дружную компанию. По образованию она была химиком, работала в одном из вузов и лет десять тому назад защитила кандидатскую. И вот выяснилось, что успешная Светлана не прочь была покинуть обжитые стены вуза, где много лет преподавала, и заняться совершенно другими делами.

— Но ведь ты докторскую готовишь! — Алка была изумлена.

— Готовила, — поправила со смехом Светлана. — Ну и что? Я тоже хочу, как ты, жить в большой квартире и только с мужем, дочь отделить. На все это денежки нужны, не мне тебе рассказывать! Разве в Москве своей не чувствуешь — меняются времена. Горбачев говорит...

— Ой, не хочу об этом, — перебила Алка, — и не вижу, чтобы что-то уж так менялось. Хотя...

— Вот именно, хотя... Прикинь: с жильем у тебя все получилось, имеешь «сталинку» в центре! Ну, нам и здесь неплохо, только тесновато, глядишь, скоро внуки появятся. А к внукам лучше в гости ходить, чем жить вместе!

— Света, не обижайся, тебе не понять, — Алка решила сказать не очень приятное. — Тебя родители в свое время обеспечили. А мне самой пришлось добиваться своего благополучия. Так что у нас с тобой по-разному складывалось. И уж не обессудь, поскольку тебе родители помогли, за все эти годы вы могли бы и поднакопить дочери на кооператив.

— Ну вот не получилось, не умеем, как ты, — нисколько не обиделась Светлана. — А сейчас, говорят, настанет наконец время, когда позорное слово «спекулянт» заменят нормальным, соответствующим действительности! Предприниматель, к примеру!

Женщины разволновались. Каждая что-то знала или что-то слышала.

— Ну да, — вмешалась Алка, — у нас уже есть какие-то лавочки, хлеб своей выпечки продают, еще там что-то делают... Точно не знаю, некогда.

— Некогда, потому что подпольным репетиторством занимаешься? — Светлана беззлобно засмеялась.

Алка тоже решила на колкости не реагировать:

— Да, живу этим. Но ведь это не спекуляция! Моя московская подруга утверждает — недалек час, когда и в самом деле возникнут частные конторы, и тогда...

— Вот видишь, Светка права, — вступила в разговор Надежда. — А что думает наш экономист, наша Елена прекрасная?

— Думаю, что-то изменится, и очень серьезно. — Лена помолчала. — А вообще, девчонки, знаете, где мой работает, поэтому больше не скажу ничего. Государственная тайна!

Разошлись поздно, и вот так, вчетвером, больше не виделись никогда, хотя в тот вечер никто не сомневался в том, что их встреча была далеко не последней.

* * *

Когда Алка приехала домой, то почувствовала сразу: волнение в обществе ощущается в столице гораздо сильнее, чем где-либо. Похоже, и в самом деле назревали события, по масштабности невиданные, во всяком случае на примере Алкиной жизни. Пожалуй, со времен хрущевского разоблачения культа личности такого оживления в обществе не наблюдалось. Кто-то, как Юрий, радовался намечающимся переменам, кто-то опасался их и не верил ни одному слову многочисленных новых политиков, лица которых возникли на экранах телевизоров и страницах газет, а кто-то призывал к немедленным действиям во славу нарождающейся демократизации общества и прочих благ грядущих преобразований. Красивое слово «гласность» звучало на каждом перекрестке, но какими-то конкретными действиями во благо народа пока что не подкреплялось.

На небольшой Алкиной семье новые времена отразились диаметрально противоположными сторонами, если говорить о супругах. Поборник новых идей Юрий, похоже, оставался не у дел. Его предприятие, так успешно продвигавшееся поначалу по стезе преобразований, довольно-таки быстро стало не соответствовать новым стандартам или чему-то там еще. Доказательства это-

му прискорбному вердикту звучали убедительно, тем более что экономисты подтверждали несостоятельность многих подобного рода производств, а на деле выяснялось, что большинству работников светило остаться без места и зарплаты, а также перспективы устроиться куда-либо по специальности. Юрий поутих. Алка, видя его упадническое настроение, не удержалась:

— Твое предприятие на ладан дышит? Так надо понимать?

— Меняются времена, — невесело констатировал Юрий. — Надо бы что-то искать... Но ты не волнуйся, я в любом случае сидеть без дела не буду. Инженеры не нужны, пойду разнорабочим, сил и здоровья пока хватает! Вот у кого с этим делом плохо, тем не завидую.

— Неужели все к тому идет?

— А ты как думаешь? Вот и Ларискин мужик, по-моему, не у дел. Тоже инженер. — Заметив Алкино беспокойство, добавил. — Ладно, в столице не пропадем!

Алку несколько озадачили предчувствия супруга:

— Юра, но в случае чего можно заняться той же куплей-продажей. Это тоже труд! Так теперь говорят! И кто ты такой, в конце концов? Рядовой инженер...

— Вот уж нет! Я рядовой — да, в этом ты права, но инженер, не забывай!

— Это что? Мы бедные, но гордые? Или лучше в дворники?

— Для меня даже и вопросов нет, конечно, в дворники. В случае чего, как ты говоришь, пойду куда угодно, только не перепродавать.

Алка задумалась. Надо же, какие сюрпризы не устает преподносить жизнь. Вот она, к примеру, в отличие от Юрия, совершенно и не думала ни о каких переменах и гласности. Но теперь оказалась в числе немногих, мечтавших расстаться с местом, где с сотрудниками расплачивались деньгами из бюджета. Неужели, как уверяла Лариса, когда-нибудь окончится работа «от» и «до», исчезнет ощущение ее ненужности, а возможно, и сам НИИ прекратит свое существование, а заодно и подобные ему структуры?

— Вот это дела! — воскликнула Алка, допивая кофе в давно облюбованном кафе, где они обычно встречались с Ларисой. — Тебя слушаешь,

так и не верится даже. Неужели вся эта говорульня закончится не только потерей работы Юрия? Неужели и что-то стоящее появится?! А как осточертела эта никому не нужная работа. Вначале иллюзии какие-то были, но сейчас... И за что у нас в НИИ деньги платят? Куча блатных бездельников! Не знают, куда себя девать с девяти утра до шести вечера!

— Да ладно, не кипятись, — успокоила Лариса, — ты ведь в школу не пошла, где отнюдь не бездельники работают. Не знаешь, что это такое — за копейки детей учить и еще отвечать за каждого. Зато хороший трамплин у тебя по части языков имеется. Думаю, даже уверена, перемены будут в нашу пользу. А инженеры... Этот институт разрушается. Потом пожалеют. Но ничего не сделаешь, пусть твой Юрий в дворники идет, пока места не заняты, — Лариса поняла удивленный Алкин взгляд. — Шучу, конечно. Пока шучу. Однако дело его незавидное. А тебя буду держать в курсе, ты нам нужна. Я вот тоже мечтаю со школой расстаться, поработать исключительно ради денег, но и не без интереса. Сколько можно эту учительскую лямку тянуть!

На прощанье Лариса рассказала, что по слухам из достоверных источников известно: недалек тот день, когда наконец-то дадут возможность создавать частные фирмы и агентства, работники которых смогут в новых структурах отрабатывать трудовой стаж, брать заслуженный и узаконенный отпуск и не держать, как сейчас, в полусекрете свой дополнительный заработок, боясь потерять бюджетное место.

* * *

Время двигалось и двигалось вперед. Даша, как и Влад, хорошо училась, вполне сносно вела себя, в общем, таких хлопот, как с Владом, не было. Но сын... Алка уже в течение нескольких дней не могла забыть последнего разговора с ним, потому что пришлось решать едва ли не самую сложную проблему в жизни. С таким трудом построенная крепость давала трещину, не подлежащую ремонту.

Все началось с того, что однажды Влад привел в дом свою новую девушку Юлю, с которой познакомился в студенческой компании. Весьма приятная внешне, она была модно и дорого оде-

та, держалась свободно, но вполне пристойно. В общем, располагала к себе. Прежняя пассия по настоящую Алки была давно покинута.

— Не хочешь переехать в отдельную квартиру? — после того как Влад проводил Юлю и вернулся домой, осторожно спросила Алка сына. — Срок договора с квартирантами заканчивается, а у тебя как раз девушка появилась.

— С чего бы мне туда перебираться? — невозмутимо ответил Влад, как будто ожидавший вопроса. — Учусь в центре, можно сказать, и вырос здесь, а теперь на выселки, что ли?

— Давайте я туда уйду, — тут же предложила Нина Алексеевна. Она всегда допоздна поджидала Влада и не ложилась спать до его прихода. — Пускай дети будут каждый в отдельной комнате. Дашенька большая уже, о ней тоже подумать надо.

— Подожди, мама, — прервала Алка. — В твоём возрасте жить одной не годится. А вот Владу в самый раз. Слава тебе, Господи, есть приличная девушка, наверное, станет женой Влада. Я просто не понимаю, как можно отказываться от отдельной квартиры?

— Очень просто, — сын обращался уже ко всем. — Сдавайте свою квартиру снова, мне и здесь хорошо. Может, Юрию хочется избавиться от меня поскорее? — Влад с усмешкой взглянул на отца, допивавшего вечерний чай. — Тогда знайте: я таких планов пока не имею. Кстати, не думаю, что Дашка, когда подрастет, захочет жить черт знает где...

— Ты что, говорил с ней на такие темы? — искренне удивилась Алка. — Она маленькая еще!

— Почему маленькая? — возразил Влад. — Подросток. Самое время подготовить родителей к своему вступлению во взрослую жизнь.

— Вы что — заодно с ней? — встрял в разговор Юрий. — Вот уж не думал. Впрочем, однокомнатная квартира моей мамы перейдет в свое время к Даше. Дочка, уверен, пока и не думает об этом, в отличие от некоторых...

— Почему же не думает? Слушая нас и учитывая мой детский опыт, когда я жил то здесь, то там, прикидывает, что к чему. Спасибо за чай. Пойду спать, завтра рано вставать. — Влад поднялся из-за стола. — А продавщица та, между прочим, вышла замуж. Случайно узнал, сейчас с Юлей встретили ее. Неплохо выглядит, и муж ничего.

Он ушел к себе, оставив семейство в растерянности.

— Ладно, — первой очнулась Алка, — время еще не пришло, позже обсудим и, я уверена, уговорим Влада жить отдельно.

— Но почему именно Влада? — с обидой возразила Нина Алексеевна.

— Мама, ведь говорили не раз об этом, не тебе же уходить от нас!

— А я и уйду, лишь бы ему хорошо было!

— Давай на «потом» отложим, — уже с раздражением отвечала Алка.

«Потом» не заставило себя долго ждать. Буквально через пару месяцев после неприятного разговора, когда все, казалось бы, утихло, Влад снова привел домой Юлю. На этот раз беседа проходила в ее присутствии. Алка предложила чашку чая, чувствуя, что Юля пришла не только для того, чтобы поговорить на общие темы. Как бы между прочим девушка в нескольких словах изложила свою нехитрую историю. Жила и училась в небольшом городе, родители вполне приличные люди, отдали сообразительную и хорошо подготовленную дочку в школу в шесть лет. Поэтому уже в шестнадцать Юля стала студенткой, сейчас готовится к преддипломной практике, а после окончания вуза намеревается остаться в Москве. Алка не могла не задать вопроса по поводу последнего замечания Юли.

— У вас есть где жить в столице? — осторожно спросила она.

— Будет, — светло улыбнулась Юля. — Влад, скажи теперь сам.

— Мы подали заявление о регистрации брака. — Он посмотрел на присутствующих и, заметив общую растерянность, добавил: — Свадьбы нам не надо, отпразднуем скромно и весело с друзьями в общаге, а жить хотели бы в моей комнате.

— Но ведь есть отдельная квартира!.. — Алка побледнела. — Мы тоже имеем право на свое мнение!

— Вы не совсем знаете законодательство, — Юлин голос звучал мягко и убедительно. — Влад имеет такое же право на эту жилплощадь, как и все остальные. Я не прочь уйти в отдельную квартиру, но он не хочет жить далеко от центра. Говорит, будет ребенок, а там детская

консультация очень далеко от дома, да и все остальное тоже.

— Но это просто невозможно! — Алка была вне себя.

— Мама, успокойся, — примирительно заметил Влад. — Ты в свое время не хотела менять коммуналку на отдельную квартиру вдалеке от центра? Вот и я не хочу. И потом не забывай, вся она досталась вам потому, что есть я и Дашка. Иначе не получилось бы у вас с Юрием ничего с этой жилплощадью.

— Вот именно, — подтвердила Юля. — Родители получают жилье в расчете и на детей, а потом говорят им: вы на эту жилплощадь не имеете права! Несправедливо как-то получается. Ведь квартира-то государственная, это не частный дом, откуда и выселить можно!

— Вы, Юля, не знаете, с какими трудностями нам пришлось столкнуться, когда мы получали и зарабатывали на все это! — Юрий не выдержал и тоже вступил в дискуссию.

— Почему же, я все рассказал Юле, она в курсе. — Влад был удивительно спокоен. — Но дело все в том, что мы так не умеем.

— Это как — так? — Алка боялась не сдержаться и наговорить колкостей.

Но по части колкостей Влад опередил:

— Да так — локтями расталкивать. Может, со временем научимся. — Он помолчал. — Думаю, когда научимся, тогда и освободим вас от нашего присутствия.

Спустя некоторое время Влад привел Юлю в свою комнату. Алке показалось, что девушка несколько изменилась. «Неужели беременна? — в ужасе подумала она. — Неужели это и есть кульминация всей истории завоевания жилья в столице?..»

* * *

Настала весна, с ветрами, холодными дождями и неестественно ярким солнцем. Алке становилось тяжело переносить это время года, зато Юрий на выходные, а позже и во время отпуска отправлялся за город на дачу, подальше от дома. Нина Алексеевна старалась во всем помогать внуку, убирала за ним и Юлей, варила им, готовила завтраки.

Алка, не зная, чего ждать, несколько месяцев

находилась в подавленном состоянии. Трудно жилось с новыми соседями. Но наступил момент, когда она почувствовала, что брожение в обществе достигло апогея — теперь это касалось и лично ее. Такого еще не бывало. Теперь и она хотела перемен, чего бы они ни принесли. Всё лучше, чем наблюдать, как рушится то, что так долго строила. Так пусть уж все ломается, меняется, не важно, к худшему или наоборот. Выступления политиков, пресса, споры на рабочих местах и кухне — все пришло в небывалое движение, закончившееся августом 1991-го.

«Первой ласточкой», принесшей весть о долгожданных переменах на бытовом уровне, оказалась Светлана, прибывшая в Москву зимой переломного года в небывало приподнятом состоянии.

— Наконец-то и наше время пришло! — воскликнула она, шумно приветствуя Алку и Юрия. — Сколько новостей... По телефону не расскажешь! Хотя что вам-то рассказывать? Вы тут в самом центре! Ну а я расскажу про нас. Знаю, все комнаты заняты, поэтому остановилась в гостинице, не пугайтесь.

— Опять семинар? — поинтересовалась Алка.

— На сей раз нет. Я свободная и небедная женщина. Плачу за гостиницу сама!

Затянувшийся ужин напоминал моноспектакль, где единственную роль исполняла Светлана.

Поскольку вся столица в последние месяцы являла собою бурлящий рынок с возникающими невесть откуда магазинами и магазинчиками, какими-то наспех оборудованными торговыми точками, многочисленными продавцами-одиночками, наводнившими вокзалы и прочие места скопления людей, удивить Алку чем-либо подобным на провинциальном уровне было трудно. Другое дело — сама Светлана, покинувшая, как она и мечтала, стены вуза и бросившая силы на ниву купли-продажи дефицита, за которым она и явилась в Москву.

— Работу ты оставила, а тряпки, глядишь, и у вас появятся когда-нибудь в изобилии, — Алка и подруга давно сидели на кухне вдвоем, Юрий и Нина Алексеевна разошлись по своим комнатам.

— Ну и что, — возразила Светлана, — пока появятся, приобрету такую же хату, как у тебя! Дочери свою оставлю, а работа... Кто теперь

займет мое место при нынешних-то возможностях? В случае чего обратно примут! Ведь не секрет, бывшие нищие специалисты разбегаются кто куда!

— Может быть, вас слишком много было? Только не подумай, что я тебя имею в виду, — спохватилась Алка.

— Да хоть и имеешь! — рассмеялась Светлана. — А ведь ты права, может, и много. Помнишь, как в колхозы отправляли помогать урожаем собирать? Были бы нужны, не отправляли бы!

— Ну, тут уж ты и не совсем права, — возразила Алка. — Просто народу в колхозах не хватало. А сейчас еще неизвестно, что с деревней станет.

— Ну вот! Давай не будем, не то разругаемся. Я вот что скажу — если бы ты сделала все сейчас, а не раньше, то твою квартиру при твоей жизни никто не делил бы и отправила бы ты своего Влада «на высылки», как он изволил выражаться. Ведь так?

— Конечно, — вздохнула Алка. — Ну, ты знаешь, внучка у меня теперь есть.

— Знаю. Думаю, со временем этот вопрос уляжется. Ну, не тебя учить. Главное, не упустить момент, когда примутся и за квартиры. А как Юрий?

— Пока без работы, — пожаловалась Алка. — Признаюсь, не думала, что так обернется, когда за новую власть голосовала. Думала, наоборот, помогут тем, кто в состоянии принять новые условия. Таких, как Юрий, много. Сейчас временно устроился.

— А ты?

— У меня все отлично. Распрошались с НИИ, работаю в частной фирме. Зарботок прекрасный, и скрывать ни от кого ничего не надо.

— Вот видишь! — Светлана поднялась из-за стола. — Не все так плохо. Ладно, завтра улетаю. Надо еще большой багаж оформить. Если так дело пойдет, магазин открою.

Алка действительно оказалась в числе пока еще немногих, кто без сожаления расстался с местом, где платили зарплату из бюджета. Они с Ларисой были в руководстве новой организации, где финансовые отношения с государством строились на совершенно иных принципах, чем это было раньше, практически всегда, если учитывать возраст обеих женщин.

Было интересно и трудно, а перспективы на будущее окрыляли вчерашних «подпольщиц». Дома пришлось смириться с присутствием еще одной семьи, хотя в быту отношения складывались плохо. Аккуратная и чистоплотная Алка, по мнению сына, придиралась к невестке, что закончилось покупкой молодыми электроплитки, на которой они готовили себе еду в своей комнате. Связующим звеном, как и следовало ожидать, стала Нина Алексеевна, пытавшаяся, и не всегда безуспешно, как-то сохранять хрупкое равновесие в семье, она же и помогала молодым с ребенком.

Алка полностью ушла в новую работу, приносившую неплохой доход, и снова размышляла о том, как бы поменять квартиру «на высылках» куда-нибудь поближе. В новых условиях многие барьеры в этом плане снимались, и теперь, говорили, можно будет производить обмена с доплатой на вполне законном основании. Если так, то сын согласится на переезд с выпиской из Алкиной квартиры. А пока выходило так, что и невестка, и ребенок — все не только жили, но и прописаны были у Алки по закону, которым молодежь и воспользовалась.

Когда на очередной семинар приехала Надежда, говорили и об этом. И о многом другом — тем теперь было предостаточно. О Светлане не то чтобы сплетничали, просто для Надежды оказался новостью ее уход из вуза. Она была крайне удивлена, хотя перемены в своей жизни Светлана уже давно прогнозировала сама, не скрывая ни от кого.

— Все-таки бросила институт! — воскликнула подруга, узнав о причинах последних приездов Светланы в Москву. — Жаль. Говорили в свое время, что хорошая защита у нее была.

Алка кивнула в знак согласия и вдруг заметила, что Надежда не так уж и плохо выглядит, во всяком случае получше, чем раньше, и одета вроде прилично. Какое-то неприятное чувство шевельнулось внутри, и Алка неожиданно для себя самой вспыхнула:

— А что толку от этой защиты? Я, например, побольше тебя зарабатываю, хотя учились мы на равных. Ты вот едешь в Москву на халяву, а мы на разные там поездки сами зарабатываем! Уж и в Европе побывали!

Надежда опешила.

— При чем здесь халява? — воскликнула она. — Ты очень устала от домашних неурядиц. Успокойся. Прямо не узнаю тебя. А на семинарах я работаю, отчитываюсь потом. А вот на нормальный отдых, который ты себе можешь позволить, у нас в семье денег действительно не хватает. Так что справедливость все-таки есть. Впрочем, каждому свое.

— Вот именно, — подтвердила Алка, успокоившись. — А с квартирой как?

— Где-то полтора десятка лет в очереди простояли, в числе последних что-то получим. Успеем, — подруга удовлетворенно улыбнулась, — теперь, говорят, и очередей никаких не будет. Пока стояли, сын вырос. Так что, когда получим, сына туда, тем более жениться собирается. А мы уж с родителями останемся, куда им теперь одним жить. Мама болеть стала, не оставаться же ей с пожилым отцом и внуком. Может, и хорошо, что так сложилось.

— В общем, в родной двушке остается, — уточнила Алка и добавила с плохо скрываемым сарказмом: — Действительно, хорошо, лучше уж и некуда, — увидев обиженное лицо подруги, спохватилась: — Прости, Надя, замоталась я совсем, располагайся как обычно, посидим еще. Расскажи, что за семинар.

— Да по общественной работе. Занялась вот...

— Ничего себе! Вот это новость! — Алка удивленно подняла бровь. — А кто это вас оплачивает, дорогу, гостиницы, кормежку в ресторане? Чем хоть занимаетесь?

— Проблемами женского движения, — пояснила Надя.

— Эмансипэ? — в голосе Алки послышалась неприкрытая усмешка.

— Не иронизируй. Мы ведем речь о равных возможностях с мужчинами в плане оплаты труда, приеме на работу, участии в государственных структурах...

— Рулить, значит, тоже хотите, но кто же все-таки платит?

— За всех не скажу. А вот наша организация получает деньги из иностранных фондов, — ответила Надя с гордостью.

— Тогда понятно, — развела руками Алка. — Если наши не дают на хорошее дело, так почему же не взять от чужих? Наверное, можно. Дело хозяйское, но я не взяла бы. Кстати, о свободах,

которых мы как бы лишены. — Заметив недовольство Надежды, Алка добавила: — Многих и в самом деле лишены. Согласна. Но не об этом речь. Так вот мне рассказывали, что во многих европейских странах мужчины в случае развода платят пожизненно бывшей жене алименты. Вот поэтому они долго не женятся, общаются «просто так», что и до нас постепенно доходит. И самое интересное — западные женщины, которые нас учат теперь, как быть свободными, я ведь тоже интересуюсь кое-чем, соглашаются с этими выплатами, несмотря на то, что могут себя обеспечивать сами.

— Ну, не все так уж однозначно, не буду сейчас рассказывать. Но общественников много, занимайся тем, что по душе, если женские инициативы не твое, — пожала плечами Надя.

— За то, что по душе, денег не дождешься, поэтому обойдусь я пока без общественных инициатив, — завершила тему Алка.

— Не узнаю тебя! Ты не рада нашей встрече?

— Ой, прости, — спохватилась Алка. — Трудно мне. Думаешь одно, стремишься к чему-то, а потом выясняется, что стремиться следует до гробовой доски. Давай располагайся в нашей комнате. Я ведь штору, которая делила нашу комнату, помнишь, снова восстановила. Когда кто-то приезжает, ночуют за занавеской, как и раньше. Так что отменяй гостиницу на сегодня, оставайся.

Надежда согласилась.

* * *

Какие-то мелкие недомогания возникли совершенно неожиданно и как будто незаметно. Поначалу Алка, будучи от природы человеком здоровым, не обращала на них внимания, просто однажды пожаловалась Юрию, но он тоже значения жалобам не придал. Возможно, потому, что оба все годы совместной жизни обходились без больниц и поликлиник. И хотя Нина Алексеевна настоятельно советовала показаться врачу, Алка не послушалась. Из-за чего идти? Из-за того, что нечаянно сорвала родинку на ноге ниже колена? Кровь сочилась поначалу сильно. А потом еще два дня в виде еле различимых пятен на коже. Разными домашними средствами и этот процесс удалось

остановить. Смущало только, что слишком долго он тянулся. А пришла бы в поликлинику, так и чистить малюсенькую ранку начали бы, обезболивающее, естественно, не дали бы, о чем Алка думала с содроганием. Когда совсем недавно пришлось впервые в жизни удалять зуб, так и не довела дело до конца. Никакой наркоз не действовал, хотя несколько уколов сделали. Отходил наркоз дома в течение целых суток. «Трусиха ты, — сделал вывод Юрий, — из-за этого и уколы не подействовали». Была еще причина не обращаться к медикам. В новых частных структурах не приветствовались больничные листки. Конечно, ее опыт и знания ценились, однако работавшая бок о бок с Алкой молодежь была перспективнее, у них все только начиналось, они не болели.

— Вы несколько затянули, — сказала врач, когда Алка решила все-таки показаться сначала терапевту. — Не обратились к нам вовремя. Смотрите сами — ранка как следует так и не зажила, а вы и душ принимаете, и на работу ходите... Разве можно так к собственному здоровью относиться? Я дам направление к специалисту.

— К какому? — взволнованно поинтересовалась Алка.

— Не пугайтесь. К онкологу. — Заметив полное замешательство пациентки, врач добавила: — Это я так считаю, но онколог может опровергнуть мое предположение. Сдавайте пока анализы.

— Неужели все настолько безысходно? — упавшим голосом произнесла Алка.

— Случай, думаю, не из легких.

Алка еле дождалась визита к специалисту. Выслушав ее и просмотрев результаты анализов, врач, средних лет мужчина, поинтересовался, чем болели Алкины родные.

— Это на предмет наследственности? — спросила Алка.

— Именно так.

— Мама жива, отец умер от онкологического заболевания.

— Я так и подумал, — удовлетворенно заметил врач, испытующе поглядев Алке в глаза.

— Что это значит?

— Значит, что в вашем возрасте даже когда ничего не болит, следует хотя бы раз в год пройти диспансеризацию. Вы когда у нас были до того, как пришли по поводу родинки?

— Не помню, — призналась Алка. — У меня даже карточки в поликлинике нет.

— Вот видите. Вы часто нервничаете?

— Этого хватает, — Алка задумалась. — Мне работать можно?

— Смотря какая работа. Лучше уволиться. И пусть ваш муж зайдет. Не волнуйтесь так. Будем советоваться со специалистами из больницы относительно вашего случая. Если мои предположения подтвердятся, то, скорее всего, предложим операцию

— Операцию? — ужаснулась Алка.

— К сожалению, миллионы людей проходят этот путь, — врач с участием посмотрел на нее. — Пока не расстраивайтесь. Операция — это если не удастся спасти вашу конечность. Но сначала попробуем другое, хотя... не так много времени осталось для раздумий.

Вернувшись домой, Алка без сил упала на кровать. Она долго рыдала, а в последующие дни заметила, что дома, после того как Юрий посетил ее лечащего врача, прекратились шум и споры. Оказывается, и так можно было существовать. Даже Влад перестал выяснять отношения с Юрием, невестка стала аккуратней, и Нине Алексеевне уже не приходилось постоянно мыть за молодыми посуду или стирать одежду ребенка.

«За что? — кому-то невидимому задавала вопрос Алка. — Что я такого сделала, отчего судьба настолько несправедлива ко мне?» Ответ дала одна мудрая старушка, с которой Алка познакомилась в очереди, когда сдавала анализы. Старушка сказала: «Никогда не ищи причину своих бед. Причина сама тебя найдет!»

Всего через пару месяцев все-таки пришлось согласиться на операцию. Онкология побеждала. После выписки из больницы, дома, появилось невероятно много тянувшегося до бесконечности времени, которое Алка старалась заполнить воспоминаниями или просмотром телепередач, от которых, как и от чтения, быстро уставала. В какой-то момент она поняла, как плохо знала мужа, как однозначно воспринимала его с помощью ею же придуманных клише. Впрочем, на близких вообще времени никогда не хватало. Взять даже совсем и не родственницу Юлию. Оказалось, без нажима она не так уж и плохо ведет домашнее

хозяйство и, если бы не Влад, с тем же успехом управлялась бы в отдельной квартире. Кстати, этой квартирой начала интересоваться Даша. Она заявила, что, как только станет совершеннолетней, уйдет туда, и не только потому, что надоело жить за занавеской.

– Ну, это когда бабушке нездоровится, ты ютишься за занавеской, – возразил Юрий. – Можно и потерпеть иногда.

Но Даша пояснила, что дело совсем не в занавеске. Она считала, что самостоятельность, да еще в приготовленной заранее квартире, – это просто здорово. И отдаленный район можно пережить, а если что, так в редких случаях папа поможет. Юрий не спорил, он стоически переносил все, что было связано с новой страницей в его жизни.

Последние два года Алка провела на скромной, построенной руками мужа даче, где и народу меньше, чем в квартире, и воздух чище, и колодезная вода вкуснее водопроводной. Юрий прикупил батареи для обогрева помещения электричеством и также сумел сам по специальным книгам соорудить вдобавок к ним хорошую печь. В их небольшом кооперативе многие проводили на дачах и зиму. Алке такая идея пришла по душе, однако частые визиты к врачам не позволяли находиться на природе постоянно. Но хорошая машина вы-

ручала, Алка могла наблюдать изменения в природе по сути дела весь год. Особенно восхищали чудные ароматы рано расцветающей сирени или настурций, которые теснились до самой осени на нехитрой клумбе перед входом в дом. Юрий сам организовал эту клумбу и высаживал на ней незатейливые цветы, не требующие большого ухода. Особенно умиляли Алку полупрозрачные дни уходящего лета с его шорохами листы под колесами Алкиного кресла-каталки и легким шумом верхушек рябин, тронутым слабыми порывами прохладного ветерка. Все это оставляло в душе не только чувство тихого умиротворения, но и заставляло искренне сожалеть о том, как мало было отдано времени этой музыке запахов и звуков, одной из важных составляющих того, что зовется объемным словом «счастье».

□

Наталья Григорьевна КРАСАВЦЕВА

родилась в Петрозаводске в 1945 г.

Окончила Иркутский госуниверситет, филолог.

Жила и работала на Украине.

В Карелии с 1991 года.

Профессия – журналист.

Печаталась в региональных, российских и зарубежных СМИ.

Автор трех книжек для детей:

«Старая лошадка» (2007), «Паккайне-Морозец» (2009),

«Дедушка, Skype и Outlook Express» (2012).

Член Союза писателей России.

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Сергей НИКУЛИН

родился 29 августа 1949 года.

Окончил факультет журналистики

Санкт-Петербургского государственного университета.

Работал в государственных и коммерческих телекомпаниях Карелии, снимал документальные фильмы и очерки о русском Севере, его истории, традициях и культуре.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Сергей
НИКУЛИН**
г. Петрозаводск

«И птицы пели над землей...»

СНЕГОПАД

Спящий город был сдан
без единого выстрела.
Был внезапный десант
на ночные дома:

с невысоких небес
неожиданно быстрая
снег обрушила весь
молодая зима.

Под пуховым чехлом
прессовались корпускулы.
Мы, объятые сном,
не слышали того,

как трещали стропил
узловатые мускулы —
не хватало им сил
против белых снегов...

* * *

Меня сирень обволокла
душистым запахом июня,
в котором юная певунья,
рассеянна, полуодета,
в окне не зажигая света,
меня до сумерек ждала
у запотевшего стекла.

ОТЦУ

Ты помнишь, не было печали?
Да, видно, черти накачали!
Ну как нам не грустить о том?
Мы сами этого не ждали:
вдруг опустел наш старый дом,
свиданья наши реже стали.

Забылись старые привычки —
потерян ключ. Свои отмычки
все вещи предлагают нам.
И зажигает память спички
по запыленному уголку.

Ты помнишь, не было печали,
когда мы яблони сажали?
Весь сад, что шелестит листвою,
в мешке мы принесли с тобой
и землю влажную копали,
и птицы пели над землей.

НА КОРАБЛЕ

На корабле был пьяный капитан,
и неудача путалась в снастях.
Мы без конца носились по волнам,
забыв о расстояниях и днях.

Пропали карты, потерялась цель,
на вахта люди выбились из сил,
а океан настраивал свирель
и молотом по борту колотил.

В оцепенении предштормовом,
сосредоточившись на мелочах,
мы что-то делаем, чего-то ждем,
лежим, жуем, живем впотьмах.

Дрожит бушпритом вспоротый туман
от страха перед встречным кораблем.
На мостике горланит капитан,
тщеславием и властью упоен.

Спускают шлюпку, и в последний раз
она в гудящий вздыбленный простор
неверящих уносит вас,
и пеной разлинован приговор.

А мы летим по водяным горам
навстречу гибельной земле.
Там, на руле, бормочет капитан...
Так было и на вашем корабле.

* * *

Мне холодно, холодно стало,
И нежность меня потеряла...
А чья-то случайная жалость
Как милостыня досталась.

* * *

Не покорись ему, княжна,
капризу дикого ордынца,
чей поцелуй горчит как брынза.
Останься снежно холодна.

Пусть крови жаркая волна
тебя ударит в грудь тугую,
пускай он молит и ревнует,
пусть рухнет мир, а ты одна

будь величава и тверда,
но зор не отводи глубокий.
Не Новгород твой пал далекий —
по жилам растеклась Орда.

Не покоряйся вдруг, княжна!
Из темноты на грани ада
твой белый лик светил лампадой,
и поднимались вы со дна.

* * *

Ты в озере умылась на рассвете,
раздвинув листья, льнущие к рукам.
Струится пар от вытянутой сети,
и звуки убегают к берегам.

Вдруг выстрелом с прибрежного куста
слетела птица от плесканья вёсел.
И сразу утро. Наступает осень.

Мы посреди воды. И наша сеть пуста.
И слово замирает на устах.

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

Книга Вторая
Лихие и святые
девятиности

Глава восьмая
ВОЗЬМИ ПОСТЕЛЬ СВОЮ И ИДИ

МОЛИТВА

Новый год встретили тихо.

Пришла соседка Наташа. Я прочитал только что написанный рассказ «Молитва».

Наташа слушала внимательно, но ничего не сказала, а когда ушла, через час позвонила Марине, спрашивая, зачем я написал про нее...

Почему про нее?

Другие тоже иногда молятся...

Легли спать, а когда встали, услышали из «Новостей», что в новогоднюю ночь начался штурм Грозного.

1 января 1995 года. Санкт-Петербург

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА

Днем писал очерк «Деревня у святого камня», а вечером пошел знакомиться со священником Алексеем Морозом.

Сам он – коренной петербуржец, сын профессора, окончил институт и аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, но вот душа проснулась, он поступил в Духовную семинарию и стал священником. Начинать служить на приходе в Мородкино. Это триста с лишним километров езды на автобусе и затем – пешком через болото пять километров.

Об этом приходе, где начинался его священнический путь, и читал нам Алексей Мороз свою повесть «Записки сельского священника».

(Окончание. Начало в № 1-2, 3-4, 5-6 за 2015 г.)

Я слушал, как, проваливаясь в трясины, бредет герой повести по утонувшей в болоте дороге, которую разрушили еще в войну и которую так и не чинили с тех пор, и полумесяц едва освещает тропинку, ведущую в болото, и зловеще ухает филин, и кажется, что это сам я вместе с героем повести повторял слова молитв...

«Пресвятая Богородица! Выручай! Покрой Своим Покровом, выведи на свет Божий! — вырвалась из сердца горячая молитва. И вдруг тихое и светлое чувство охватило душу. Мир, покой и уверенность, что всё будет хорошо, наполнили мое существо. Я встал и пошел, перепрыгивая с кочки на кочку, вперед, в глубь болота...»

Повесть, которую читал отец Алексей, была об узнавании героем повести России и самого себя. В заброшенном, споенном, обоганном и всё равно бесконечно любимом уголке русской земли герою повести и вместе с ним и нам открывались величественные народные характеры. Это и Клавдия, пронесшая в своем сердце огонек христианской веры через всю черноту, через все тяготы нелегкой жизни, это и жители деревни, спасавшие иконы во время гонений на церковь, это и те прихожане, которые помогали молодому священнику возродить приход.

Потом, когда завершилось чтение, мы говорили, что сейчас уже совершенно ясно, что целенаправленное разрушение экономики страны, ее оборонной мощи, культуры, демографического потенциала потому пока и не достигло конечного результата, что разрушительным реформам, которых не выдержала бы никакая другая страна, по-прежнему противостоят вера и молитва, продолжающие жить в душе русского человека.

Об этом и была услышанная повесть...

4 января 1995 года. Санкт-Петербург

ЗАКЛАДКА ХРАМА

Вчера закладывали в Москве храм Христа Спасителя.

В церемонии участвовали патриарх Алексий II, мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков и премьер-министр Виктор Степанович Черномырдин.

Я смотрел репортажи и вспоминал, что раньше здесь, на месте взорванного храма, был устроен открытый плавательный бассейн «Москва».

В бытность студентом Литературного института мне нередко случалось проезжать мимо и всегда становилось как-то не по себе, но зимой было особенно жутко. В морозы над открытой чашей бассейна клубился такой густой пар, что всегда охватывало ощущение развершейся преисподней.

Говорят, что вчера во время закладки храма в небе разошлись облака и над храмом засияло солнце.

8 января 1995 года. Санкт-Петербург

НОВОГОДНЕЕ ПОХМЕЛЬЕ

Еще в новогоднюю ночь начался штурм Грозного.

Лобовая танковая атака, предпринятая по приказу Павла Грачева, захлебнулась. Весь Грозный оказался заполненным нашими горящими танками.

Сотни русских солдат были захвачены дудаевцами в плен. Ну, а сколько погибло или покалечено, можно только догадываться.

Сегодня с восьми утра правительством России объявлен 48-часовой мораторий на ведение боевых действий, чтобы собрать раненых и погибших.

Как-то весьма точно подгадало к этой трагедии интервью маршала Евгения Шапошникова, прозвучавшее в программе «Вести». Оказывается, это министр обороны России Павел Грачев (шифровкой от 28 мая 1992 года) и передал дудаевцам вооружение!

Курс доллара в первые дни года поднялся до отметки 4000 рублей.

10 января 1995 года. Санкт-Петербург

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Генпрокуратура возбудила уголовное дело по статье «Вредительство» в связи с «черным вторником» 11 октября 1994 года...

В Чечне хоронят тяжело раненного в бою за Аргун сына Джохара Дудаева — Авлуря.

В Москве обострились отношения руководителя службы безопасности президента генерал-майора Александра Васильевича Коржакова и одного из самых богатых «москвичей» с израильским гражданством Владимира Александровича Гусинского.

Заголовок в газете: «Коржаков объявил, что открывает сезон охоты на гусей»...

Только вроде поздно вато уже для охоты на таких «гусей»...

14 января 1995 года. Санкт-Петербург

ПАМЯТЬ ИСПОВЕДНИКА ПРАВДЫ

Сегодня память о Филиппе (Колычеве), о котором собираюсь писать книжку.

С утра ходили в Тихвинскую церковь...

Как и перед поездкой в Оптину пустынь, перед очерком «Оптинская трагедия» отец Владимир как бы напутствовал меня на работу над книгой об исповеднике правды.

Вечером — отец Алексей Мороз.

Закончил редактуру его повести «Записки сельского священника».

Потом пили чай.

21 января 1995 года. Санкт-Петербург

ПЕРЕДЕЛКИНСКАЯ НОЧЬ

Так хорошо зимой в Переделкино!

Приехал из Москвы уже около полуночи. Шел по тропинке вдоль железнодорожной линии, потом повернул к кладбищу на шоссе и всё не мог налюбоваться звездами.

И пейзаж почти как в стихах Бориса Пастернака:

*Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе
И небо над кладбищем, полное звезд...*

Такая хорошая, почти рождественская ночь. Мороз. Тишина. И только громко-громко скрипит снег под ногами.

25 января 1995 года. Переделкино

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНЬЯ

Говорил сегодня вечером по телефону с Мариной.

Вроде пока все тихо, никаких тучек не собирается...

— Только...

— Что только?

— Наташу Карпову у нас убили...

— Как убили?! Почему?!!!

— Никто не знает... Она с литургии домой шла...

Я знал Наташу более двадцати лет, но виделись мы редко, и в последний раз — на литур-

гии в церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади, уже в этом году.

Здесь, в храме, она и подарила свою последнюю книгу «Над темной водою канала».

Надпись на книге очень простая: «Дорогим Коле и Марине с радостью новой встречи», но сейчас, после смерти Натальи, обретающая особый, сокровенный смысл. Как и сами стихи ее, в которых Наталья оглядывается на нас словно бы с высоты отлетающей к Господу души:

*Нет оправданья растленной душе,
Нет порицанья — смиренной.
Град, словно россыпи, горки драже,
Голос пожарной сирены...
Застит дорогу разверзшийся град,
Ветер свирепствует лютый.
Город Петра, мой немислимый град!
Здесь и дела, и маршруты.
Путь к покаянью сквозь годы потерь,
Опыт и крохи смиренья.
Только б войти через узкую дверь
К Господу, без преткновенья.*

Пока я молчал, пытаюсь свыкнуться с новостью, Марина сказала, что Наталью еще в воскресенье убили, 5 февраля 1995 года, как раз в день поминовения новомучеников и исповедников российских.

8 февраля 1995 года. Переделкино

ПОСЛЕ БАЛА

В Переделкино старые приятели — Борис Сиротин, Александр Сегень, Виктор Калугин, Надежда Мирошниченко, Николай Шипилов и его жена, Таня Дашкевич.

Еще здесь моя первая жена Таня Митрофанова со своим, кажется, уже четвертым мужем. Он, наверное, хороший мужик. Но какой-то заторможенный, совсем не богемный...

Играем с Александром Сегенем в бильярд и шахматы.

Иногда захожу к Шипиловым, слушаю, как они поют свои песни...

*Никого не пощадила эта осень,
Даже солнце не в ту сторону упало.
Вот и листья расплозаются, как гости
После бала, после бала, после бала.*

*Эти двое в темно-красном
Взялись за руки напрасно:
Ветер дунет посильней, и все пропало.
А этот в желтом одинокий
Всем бросается под ноги —
Ищет счастья после бала, после бала.
А один совсем зеленый,
Бурным танцем запаленный,
Не поймет, куда летит — куда попало...
И у самой двери рая
Не поймет, что умирает:
Как же можно после бала, после бала?*

Эта песня написана Николаем давно, еще при советской власти, но такое ощущение, что мы все, сегодняшние, вмещаемся в нее.

9 февраля 1995 года. Переделкино

СОН, КОТОРЫЙ НЕДОСМОТРЕЛ

Ночью проснулся от каких-то странных звуков...

Только прислушавшись, понял, что это бьет сердце, отдаваясь ударами по всему телу.

Пока прислушивался, начисто позабыл сон. Одно и осталось в памяти. Будто кто-то перелистывал наверху книгу судьбы. Моей судьбы...

Утром в столовой за завтраком рассказал свой сон соседу.

— Это не книгу судеб листали... — сказал он.

— Это из автомата ночью стреляли. Я тоже проснулся.

— А кто стрелял? В кого?!

Сосед пожал плечами.

— Мы же недосмотрели сон... — невесело пошутил он.

11 февраля 1995 года. Переделкино

РУБЦОВ, ЧЕЧНЯ И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Отправился я на Комсомольский проспект, где в «Горнице» должно было проходить обсуждение моего «Путника на краю поля».

Перед обсуждением сидел у Сергея Лыкошина, который рассказал о вчерашнем вечере в Академии имени Жуковского, где Павлу Сергеевичу Грачеву так понравился патриотизм наших писателей, особенно когда они провозглашали тосты за русскую армию, что он начал целоваться с ними.

Видимо, лицо у меня вытянулось, когда я услышал об этом успехе писателей-патриотов,

потому что Лыкошин поспешил рассказать, что уже был подготовлен президентский указ о борьбе с русским фашизмом и к нему — около ста страниц текста приложения, в котором расписывалось: кто в правительстве и за какой участок борьбы с фашизмом отвечает. И только Чеченская война помешала Борису Николаевичу Ельцину подписать этот указ.

В принципе, про указ говорили и раньше, я не знал только, что готово было и приложение к нему...

Но, услышав, сразу поверил. Очень точно по времени это совпало с переменами в моем приятеле из ФСБ. Как раз в эти дни он как-то резко прекратил наши приятельские отношения.

Впрочем, другой мой знакомый из ФСБ в свое время всерьез доказывал, что события 1993 года надо рассматривать в свете борьбы с чеченской мафией в Москве, и в это тоже вполне можно было поверить.

Разумеется, роль чеченцев в современной русской истории еще только предстоит оценить, но все равно целоваться с Павлом Сергеевичем, расстреливавшим Белый дом, наверное, не стоило, тем более, что Сергей Лыкошин не сам целовался с ним, а, так сказать, сразу за весь Союз писателей России.

Ну, а обсуждение моей повести — увы! — оказалось смятым, потому что едва оно началось, как все наши секретари спустились в ресторан — оказывается, приехал помощник Павла Сергеевича Грачева.

Тем не менее кое-кто остался, не польстившись на дармовую грачевскую выпивку. Станислав Золотцев очень хорошо говорил и насчет моего Рубцова, и насчет банкета, что уже всю шумел внизу.

— Не укладывается в голове! Вчера Грачев стрелял в нас из танков, а сегодня мы братаемся с ним!

Я тоже хотел сказать о Грачеве, но мое выступление — я говорил, как мне жалко, что погибшие в Чечне солдаты так и не успели прочитать стихи Николая Рубцова! — по-моему, так и не услышали.

То ли я говорил невнятно, то ли шум снизу, из ресторана, заглушил их.

24 февраля 1995 года. Москва

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ СМЕРТЬ

В подъезде собственного дома на Новокузнецкой улице убили генерального директора Акционерного общества «Общественное российское телевидение» Владислава Листьева.

Событие не веселое, но печаль приобрела сразу какой-то истерически визгливый характер. Одна телевизионная мадам договорилась до того, что у Листьева текла в жилах чистейшая телевизионная кровь.

Лягнула, конечно, но ведь как точно подошло!

Действительно, судя по тому шабашу, который поднялся на телевидении, оплакивают не человека, а некое особое, телекровное существо.

Вся телекровь вытекла, и помертвели запечатанные портретами Листьева телевизионные экраны...

1 марта 1995 года. Санкт-Петербург

«НЕ ИЩА ДРУГИХ БОГАТСТВ...»

Борис Ельцин пообещал найти убийц Владислава Листьева и для этого отстранил от должности начальника ГУВД Владимира Панкратова и прокурора Москвы Геннадия Пономарева.

Ну, а у нас в городе убийц Наташи Карповой, конечно, никто и не ищет, да и вообще смерти ее не заметили ни телевидение, ни газеты. Только в «Вечернем Санкт-Петербурге» появилась статья Михаила Чулаки, руководителя Союза писателей Санкт-Петербурга.

«Совсем недавно ранним воскресным утром убили у нас в городе прекрасную поэтессу, спешившую к заутрене, чтобы помолиться Ему. Невозможно не думать, что, останься она атеисткой, нежилась бы в постели, вместо того чтобы идти к заутрене, — была бы жива и сейчас».

Еще в своей статье Михаил Чулаки предостерег, что «вера во всемогущество Бога, который всё устроил по своей воле», совсем небезобидна, — но стоит ли говорить об этих достойных пера Емельяна Ярославского «откровениях», если статья так и называлась — «Неверие — счастье, которое всегда со мной»...

Сегодня, 2 марта, в Институте культуры (теперь, кажется, академии) состоялся вечер памяти Натальи Карповой.

Звучали стихи, молитвы, горела перед иконой свеча.

На сцене стоял большой портрет Натальи.

Я был знаком с ней больше двадцати лет, но

с таким светлым, простым и чистым лицом, как на этой фотографии, не помню ее. Может быть, виною моя невнимательность, а может быть, таким и должно было открыться ее лицо уже после смерти...

И горела, горела свеча перед иконой, все ниже опускался трепетный огонек...

А я смотрел на свечу, смотрел на одухотворенное и светлое лицо на фотографии и думал: ну что нам глупая газетная статья? В последнем стихотворении своего сборника Наталья Карпова сама, лучше любого из нас, ответила Михаилу Чулаки:

*Стоит человек,
словно полуразрушенный храм,
Душа не здорова,
отравой пропитано тело.
Строитель грядущего —
прошлый и нынешний хам,
Взращенный страной,
где, как птицы,
свистели расстрелы...*

И вот вспоминаешь последние стихи Натальи Карповой:

*...не ища других богатств.
Радость обретения и мука,
Покаяние, стяжанье духа —
Вот наш путь, другое —
Бог подаст...*

— сравниваешь эти стихи со статьей Михаила Чулаки и видишь, каким скудоумием обрачивается мысль человека, хулящего Бога, и каких высот достигает она, когда человек обращается к Православию.

2 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПРОДОЛЖЕНИЕ ШАБАША

Заключил с Александром Андреевым договор на книгу «Русская дуэль».

Ходим вместе с Мариной в библиотеку. Надо что-то делать для «Московского железнодорожника», надо отрабатывать жалованье.

Продолжается телевизионный шабаш по поводу убийства Влада Листьева.

Интересно, что и хоронили-то его в очках.

Так и лежал в гробу...

3 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПАТРИОТЫ

Был сегодня в гостях.

Хозяин — русский патриот, как он себя называет, на угощение не поспешил. Мы сидели у богатого стола, закусывали и внимали изрекаемым хозяином мудростям.

— Нет! — говорил он. — Что вы ни говорите, а у меня к священникам доверия нет. Не нравится мне, понимаете, что у них как в магазине всё. Крещение столько стоит, отпевание столько! На всё — своя цена. Нехорошо это... А вот в мусульманстве, там бескорыстие полное. Там некоторые муллы даже глаза себе выкалывают, чтобы от земных благ отрешиться. Это я понимаю. Это настоящая святость!

Лично я никогда мусульманством не интересовался, но сейчас, глядя на бутерброды с черной икрой, которыми так щедро был украшен стол, мне стало нестерпимо жалко ослепляющих себя проповедников Корана.

— Где же вам такое рассказали? — поинтересовался я. — В мечети? Или в Коране это написано?

— С какой стати я в мечеть буду ходить? — обиделся хозяин. — И Корана я не читал... У меня на работе коммерческий директор — азербайджанец, он и рассказал, когда мы о религии заговорили.

— Ага! — сказал я, хотя меня и дергали за рукав. — Значит, азербайджанец своих мулл вам расхваливал, а вы ему наших священников ругали?

— А чего мне этих тунеядцев хвалить? Они только и умеют народ обирать!

— Ну, вообще-то они служат, — сказал я. — Еще и требы исполняют...

— Что?! — сказал хозяин. — Служат? Требы? А толку-то? Какую они практическую пользу приносят?

И он самодовольно откинулся на спинку кресла, разглядывая меня и как бы приглашая возразить ему.

— Но позвольте... — воспользовался я его приглашением. — А спасение души? И вообще, что такое — практическая польза? Кусок колбасы? Кастрюлька? Какая практическая польза от того, что я пишу книжки? А вы? Вы приносите практическую пользу?

— Мы... — усмехнулся хозяин. — Сейчас, когда всю оборонку развалили, мы только выжить пытаемся. В этом и польза, чтобы кадры сохранить. А раньше да! Раньше мы на оборону

страны работали. На всех противоракетных комплексах наши изделия стоят. Ни у кого в мире таких нет!

— Это не на тех ли комплексах, которые наши буржуи теперь в США продают? — ехидно поинтересовался сидевший напротив меня мужчина.

— На тех самых! — ответил хозяин, и лицо его как-то сразу потемнело. — Вот ведь сволочи! Все государство на корню продали! Предатели!

Негодование его было неподдельным. Он даже встал, чтобы удобнее было жестиковать. И речь он сказал просто отличную. И о коррумпированности властей там было, и о предательстве национальных интересов России, и о маргинальных группах, что и довели страну до катастрофы.

Умно говорил хозяин и почти так же складно, как на митинге. И когда кончил говорить, все уже позабыли, из-за чего разгорелся спор. Очень хорошо всё было сказано хозяином, всё правильно сформулировано, да и закусить хотелось поскорее.

Единодушный порыв патриотизма сплотил всех, сидящих за столом. Зазвякали рюмки.

— Получается, значит, что эти маргиналы-предатели и сделали вашу работу ненужной? — попытался я вернуться к началу разговора.

— Да... — дружески улыбаясь мне, ответил хозяин. — Получается так. Предали Россию, сволочи!

Глаза его от выпитой водки, от полноты нахлынувшего чувства затуманились.

— Верушка... — попросил он жену. — Поставь-ка нашу.

Это означало, что серьезные разговоры закончены и наступило время песен.

Но я все-таки гнул свое.

— Предали... — сказал я. — А мы разве не предаем Россию, когда слушаем восхваления протестантизма, мусульманства, а сами при этом ругаем своё православие? Разве это не предательство России? Разве...

— Нет-нет! — не слушая, перебил меня хозяин. — Не этот диск, Верочка. — И только потом он повернулся ко мне. — Не будем больше об этой религии говорить... Что я могу сделать, если мне попы не нравятся?!

И он так мягко, так добродушно и обезоруживающе улыбнулся, что я почувствовал бесполез-

ность любых слов, любых аргументов. Тем более что никто уже и не слушал меня. Уже полился из колонок хрипловатый голос Окуджавы.

Когда запели про комиссаров в пыльных шлемах, я встал из-за стола. Разыскал в прихожей куртку и вышел из квартиры.

На улице морозило. Небо было чистым, и в нем робко помаргивали первые звездочки. Откуда-то сверху, должно быть из раскрытой форточки, неслось пение:

*Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья.
Чтоб не пропасть поодиночке...*

Я перекрестился и побрел в сторону метро.

Как-то некстати вспомнилось, что «широк русский человек, широк»... Нестерпимо, самоубийственно широк!

Это уж точно...

4 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ездили с Мариной в Спасо-Парголовскую церковь.

Ну, конечно, никого из наших, из Православного общества, нет. Даже отец Анатолий Трохин — у него с женой проблемы! — не пришел.

Но в храме — чин прощения вел отец Василий Лисняк! — тесно было.

Когда закончился чин прощения, с трудом выскользнул из толкотни на улицу. Ожидая заставшую в толпе Марину, присел на скамеечку.

Уже стемнело.

Но все равно вокруг весна — тает снег, народ расходится из церкви...

Действительно, Прощеное воскресенье¹.

5 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПОКАЯННЫЙ КАНОН

Что-то непостижимое происходит во время чтения покаянного канона Андрея Критского.

В бесконечном повторении: «Бог — Троица воспевается как Троица простая, нераздельная, единосущная, единая естеством, как свет и свет и — три святы и едино лицо свято; но, душе, воспой, прослави жизнь и жизни — Бога всех», — открывается что-то неуловимое и непознаваемое, и не можешь понять, и невозможно не понять это, и только, прислушавшись к себе, по-

нимаешь, что это понимание-непонимание происходит не в голове твоей, а в сердце.

Не рассудком постигаешь непостижимое, а ощущениями, чувствами...

И только огонек лампы перед иконами — свидетельство этого постижения.

7 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ

Вставать было трудно, но встал. Пришли в церковь, и ничего не могу понять, ничего не узнаю.

Даже испугался.

Но все в порядке. Оказывается, попали на Литургию Преждеосвященных Даров.

Исповедался. Покаялся и в прежних — до крещения — грехах.

Издательство «Андреев и сыновья». Получил 300 000 рублей.

Дома дописал железнодорожную эпопею. Вроде бы хорошо получилось, только название не придумывается.

Смотрел «Новости»...

Наконец-то Государственная дума освободила Сергея Ковалева от должности уполномоченного по правам человека. Сообразили, видимо, что одной русофобией права человека не ограничиваются.

Такой вот хороший — после исповеди, после причастия — день.

Вечером молились, и я поймал себя на ощущении, что смотрю на иконы святых как на дорогих и близких людей.

10 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ТАКОЕ ВРЕМЯ

Засиделся у приятеля в мастерской...

Всё казалось, немного времени прошло, но потом выяснилось, что часы стояли.

Вышли на улицу. У одного прохожего спросили, который час.

— Не знаю... — отвечает. — Часов нет.

С другим — такая же история, с третьим... Так и дошли до метро, не узнав времени.

Вообще-то, я и раньше замечал, что теперь: «Который час?» на улице чаще спрашивают, но чтобы уж такое полное «бесчасие»?!

Нет, не ожидал...

И ведь дело тут не только в том, что часами «пообносился» народ, что прежние полома-

¹ Это была наша последняя встреча с отцом Василием Лисняком. Через два месяца он ушел из земной жизни.

лись, а покупать новые или ремонтировать старые уже не по средствам.

Видимо, просто изменился самый ритм жизни.

Многим в наше время уже ни к чему торопиться, каждый в своём времени живет, где не надо никуда спешить, где невозможно опоздать на службу.

11 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ДЕМОКРАТИЯ

— Что такое демократия?

— Ну, как тебе объяснить... Это вообще-то, если не по ученому определению, а по сути, не вполне и уловимо... Сегодня демократия — одно, а завтра, может быть, — совершенно другое.

— А-а... Понимаю... Это как когда выгоднее тем, кто у власти?

— Ну, примерно так... Полная демократия, одним словом, с этой демократией.

12 марта 1995 года. Санкт-Петербург

РСИЯ

Дочка приятеля учится в лицее, и учится хорошо. Одни пятёрки в дневнике...

Но недавно, пожаловался приятель, четвёрку с минусом принесла.

— А что случилось, Маша? В чём дело?

— Слово трудное попалося...

— А почему четвёрка с минусом, если только в одном слове ошиблась?

— Так я в этом слове не одну, а три ошибки сделала...

— Три ошибки?! В одном слове?!

— Ага...

— Что же это за слово?

И Маша показала тетрадку...

«Я живу в Москве... — прочитал я. — Это столица Рсии. Я учусь в лицее. Я люблю смотреть телевизор и очень люблю марсы и сникерсы».

— Маша! — только и сказал я. — Как же ты умудрилась в таком слове ошибиться? Да еще три раза! Это же ужасно!

— Ага... — виновато сказала Маша. — Учительница тоже так считает. Она говорит, что никто из детей больше двух ошибок в этом слове не делает.

И она сокрушённо вздохнула...

Вздыхнул и я.

Бедная, бедная наша Рсия...

14 марта 1995 года. Москва

ТАКОЙ БОЛЬШОЙ, ТАКОЙ СОЛНЕЧНЫЙ СНЕГ

С утра получил в «Крыше» \$250 за очерк «Деревня у святого камня» и на командировку. Потом еще 100 000 рублей в «Северных просторах», тоже на командировку.

Потом помчался в «Мож», чтобы купить билеты, но ближайший поезд на Сыктывкар отправлялся только на следующий день.

Отдал Столярову подборку стихов Глеба Горбовского, очерк о начале строительства железных дорог, потом сидел в своем отделе культуры, обзванивал знакомых, писал вступление к очеркам Андрея Платонова, сокращал свой рассказ «Последний бой».

Ночевал у Андрея Поздняева.

Наконец поезд.

И вот уже Ярославль, Волга, на волжской протоке еще лед, там сидят рыбаки.

И всего-то ничего отъехали от Москвы, а уже за Ярославлем снега большие, сильные, совсем еще не тронутые весенними оттепелями. Необозримо лежат они, куда ни помотришь.

Такой большой, такой солнечный снег.

Но странно, именно здесь особенно остро чувствуется весна.

Гораздо сильнее, чем в Москве или Питере...

15 марта 1995 года. Поезд Москва—Сыктывкар

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ СВЕТ

Как свидетельствует Епифаний Премудрый, подъезжая в 1390 году к Москве, святитель Стефан Великопермский вспомнил, что верстах в десяти, в стороне от его дороги, остаётся Троицкий монастырь, где жил тогда преподобный Сергей Радонежский. Времени заехать уже не оставалось, и Стефан приказал остановиться. Сойдя с повозки, сотворил молитву, а потом благоговейно поклонился в сторону монастыря.

— Мир тебе, духовный брате! — сказал он.

Сергий Радонежский в это время находился в трапезной.

Прервав трапезу, на глазах у изумлённой братии он встал вдруг и, сотворив молитву, произнёс:

— Радуйся и ты, пастырь стада Христова, и мир Божий да пребывает с тобою.

Когда же братия приступила к нему, прося объяснить, что это значит, преподобный Сергий ответил:

— Это Стефан-епископ, спешащий в Москву, остановился на своём пути и поклонился Святой Троице и нас, грешных, благословил...

Вот подлинные слова четы миинеи об этом: ученики Сергия «уведаша истинно бывшую вещь и удивляхуся о прозорливом даре, отцу их от Бога данным».

Удивляемся и мы, видя, чего достиг креститель коми-зырян святитель Стефан своей праведной жизнью за двенадцать лет апостольского служения.

Он скончался вдалеке от своих крестников, в Москве и погребли его в Кремлёвском монастыре, Спаса на Бору... А дело Стефана — создание национальной Пермской Церкви — продолжили его последователи.

Двое из них — Герасим и Питирим — стали святыми.

Святой Питирим погиб в 1445 году во время набега вогуличей на Усть-Вымь.

Тогда, после литургии в Усть-Вымском соборе, епископ Питирим говорил проповедь под открытым небом, на мысу у реки, за чертой городских укреплений...

В это время поднялись по реке воины вогулического князя Асыки. Паства разбежалась, ища спасения в городе, но святой Питирим остался на молитве, чтобы встретить убийц словами увещевания.

Он был убит, но Усть-Вымь вогуличам взять не удалось.

И этот подвиг святого Питирима — продолжение торжества того света истинной веры, который принёс святитель Стефан на пермскую землю, того далекого света, отблески которого и в пору большевистского лихолетья различал я на лицах своей зырянской родни, приезжавшей в Питер, того света, который разгорается над северной землёю сейчас...

15 марта 1995 года. Поезд Москва—Сыктывкар

КОМЯЦКИЕ ЧАСОВНИ

Из рассказов отца и тети Пани помнил я, что леса по Выми и по Вычегде дремучие, темные, реки холодные и могучие, зимы морозные и снежные, жители редкие.

Без молитвы трудно человеку в таком краю.

И молитва здешняя не чета той, которую мы в городах читаем, в этой молитве не только слова,

а и леса дремучие и темные, реки холодные и могучие, зимы морозные и снежные...

«Шел однажды мужик по лесу, смотрит на пенёчке старичок белобородый сидит.

Поздоровался, сел рядом.

— Ты, дедушка, чей будешь?

— Нешто не признал? — старичок спрашивает.

— Дак обличье вроде знакомое... — почесал в затылке мужик. — А чего в лесу делаешь?

— Дак тебя сижу и жду ...

— Меня?!

— Тебя, тебя, добрый человек. Только ты долго чего-то шел...

— Байну рубил... — мужик отвечает. — Свояк попросил. К завтрашнему Николе, на именины, помыться хотел свояк в своей байне, дак задержался я, доделать хотел... А ты, дедушка, живешь-то где?

— А нигде не живу, сынок, негде мне жить... Срубил бы мне, мил человек, какую-нибудь часовенку...

— Ты погоди, дедушко... Ты это... Скажи прямо, кто ты...

— Дак праздник завтрешний я, вот кто... — ответил старичок белобородый и исчез, и только тут мужик и сообразил, что с самим Николой-угодником разговаривал...»

— Тут же и принялся мужик часовню рубить, благо топор с собой был, — завершала свое повествование тетя Паня. — Так и появилась у нас, Миколя, часовня Николы-чудотворца...

— Это та часовня, на берегу Вычегды, про которую ты рассказывала?

— Нет! Там другая... Ту поставили, когда святитель Стефан приходил... Наши-то мужики некрещеные были, дикие совсем... Ругаться стали, чего он пришел. А святитель встал на камень у берега да и поплыл встречу течения. Тут-то и дошло до лешаков наших, чего они с пьяных глаз натворили. Чтоб покаяться, и поставили часовню там!

— А еще часовни были у вас, тетушка?

— Дак ведь были, конечно... В лесу, на источнике, часовня Михаила-архангела стояла! Видная часовня была...

— И что, тоже, наверно, чудеса там происходили какие-нибудь?

— Ой, не знаю, Миколя... Вода-то, конечно, целебная там. Как на крыльях из-под земли шла! А чудеса? Не... Не слыхала! Люди-то ска-

звали, что Михаила-архангела там часто видели... Нешто он будет еще и чудеса показывать?

15 марта 1995 года. Поезд Москва—Сыктывкар

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Стоял в коридоре у окна.

Двери в соседнее купе были открыты.

Там семья ехала.

Он — плечистый мужчина в пятнистой форме с эмблемой пермского ОМОНа на рукаве, его молодая, красивая жена и их сынишка лет пяти...

Как я понял из разговора, омоновец из чеченской «командировки» возвращался, а семья его в Москве встретила.

— Странная какая-то жизнь теперь стала! — глядя в окно, сказал омоновец. — Помнишь, Маша, раньше на юг мы только купаться ездили, ну еще фруктов поесть, а теперь?

— Папа, — спросил у него сынишка, — а я, когда вырасту, тоже на юг поеду?

— А как же... — ответил омоновец. — Обязательно!

— Купаться?

— Не знаю, сынок... — вздохнул омоновец. — С купанием, пожалуй, ничего не получится, если и дальше так дело пойдет. Зато пострелять — постреляешь!

— Ну, для этого, может быть, и ехать никуда не придется... — сказала мать и погладила сынишку по голове. — Этого дела и дома хватит...

— Может, и так... — согласился омоновец. — Всё может у нас быть.

16 марта 1995 года. Поезд Москва—Сыктывкар

ВЕРА — ЭСКОМ

Одно из самых первых впечатлений от Сыктывкара — общение с редакцией газеты «Эском».

Эском — это вера на языке коми.

Работают в газете Игорь Иванов и Михаил Сизов. Игорь — редактор. Михаил — заместитель. Кроме этого, они — друзья.

Когда случились октябрьские события 1993 года, решили, что отмалчиваться нельзя, надо сказать, что думают.

Игорю тогда как раз по местному телевидению предложили выступить.

— Газету могут закрыть... — предупредил Михаил.

— Могут! — согласился Игорь. — Мы так сде-

лаем, если газету закроют, ты сразу перерегистрируешь ее под другим названием. Ты редактором будешь, а я — заместителем.

Пожали друг другу руки, и Игорь поехал на телевидение.

Слава богу, ничего страшного не случилось. Не закрыли газету. Не потребовалось ее перерегистрировать.

Но тут не только о газете речь. Тут самое важное — отношения, уверенность друг в друге. Это, пожалуй, самое ценное и самое православное в этой истории.

16 марта 1995 года. Сыктывкар

ЗАШТАТНЫЙ БАТЮШКА

В редакции газеты «Эском» и услышал я от Михаила Сизова об отце Сергии.

Восьмидесятичетырехлетний батюшка собирается на приход в далекое село Муёлдино, чтобы наладить там — в селе многие не понимают по-русски — церковную службу на языке коми.

Господи! Да ведь так же было и во времена святителя Стефана Великопермского, который возгорелся донести Слово Божие до людей, не знающих русской речи.

Желание благое, а дело великое.

Тяжкою непроницаемой преградой отделяет язык нерусских христиан от православия, и можно ли переоценить стремление отца Сергия, считающего, что коми язык сам должен засиять светом православия, как и во времена святителя Стефана?

Подобно своему великому предшественнику, много лет готовился отец Сергей к этому. Составлял и записывал на коми языке проповеди, доделывал перевод Божественной литургии.

— В детстве-то я, ой, смешной был, — рассказывал отец Сергей, бродя между узлами, сложенными на полу в городской квартире. — Знаете, как играть-то любил? Материн платок накину — вот и ряса мне. А жили как? Электричества не было, керосиновых ламп и тех не знали. Лучинами освещались. Дак я лучину возьму и бегаю, размахиваю, как кадилом... Мать увидит меня и заругает:

— Избу ведь спалишь.

— Не, мама, — отвечаю. — Бог даст, не спалю.

— А и то верно, — скажет мать. — Ничего против

Божией воли не делается. Только лучину-то положи, и без нее у тебя гораздо добро получается.

Я лучину положу и пою «Иже херувимы...».

— Они херувимьяс, они херувимьяс, — дребезжащим голосом затянул отец Сергей. — Троица водзын сулалоны. Троица водзын сулалоны...

Всё было в долгой жизни отца Сергия. И трудная, совсем не прямая дорога к церкви, и война, и ранения, и всевозможные лишения, и лишение регистрации в хрущевские времена... Только когда уполномоченный по делам религии попал на лечение в психиатрическую больницу, и вернулся отец Сергей к службе. Одиннадцать лет прослужил он в селе Иб, пока не уволился в заштат по старости...

Вот такая биография.

Обычная биография сельского батюшки.

Уйдя на пенсию, отец Сергей перебрался к дочери в Сыктывкар. Здесь схоронил жену, матушку Марию, и вот — ему уже перевалило на девятый десяток — было видение, что останется жить всего три года, и видение это истолковал отец Сергей как знак вернуться туда, где еще в детстве ангел трижды обвел его вокруг храма, и наладить в заброшенном храме церковную службу на коми языке.

И все, кажется, совпадало. И приход пустовал, и помощник хороший сыскался.

В общем, подал отец Сергей прошение и начал вязать узлы, не слушая уговоров дочери, боящейся отпускать от себя престарелого отца.

Но так было еще вчера, когда Михаил Сизов договаривался о встрече, а сегодня выяснилось, что благочинный отложил назначение.

— А причину не объяснили? — не скрывая своего расстройств, спросил Михаил.

— Такая уж это причина, обыкновенная, — вздохнул отец Сергей. — По старости, конечно... Бойтся, что пошлет и не знает чего будет!

Отец Сергей и не скрывал своего расстройства, огорчение сделало его совсем дряхленьким, и я, чтобы не смущать батюшку, взял альбом с фотографиями и проповедями и раскрыл его.

Раскрылся альбом на проповеди о женах мироносицах.

«Став муньясыс Пасха и Вознесение праздника костын торьялоны особой югид...» — прочитал я очень понятные слова о той светлой радос-

ти, что наполняет нас после праздника Пасхи...

Если бы поехал отец Сергей на приход, как собирался, наверное, к Пасхе и поспел бы начать службу, и, может быть, эта проповедь и стала бы первой его проповедью в Муёлдино.

Но не получилось поехать...

Слова этих проповедей произнесет в Муёлдино, должно быть, кто-то другой...

— А я ведь как решил... — словно услышав меня, сказал отец Сергей. — Господи, говорю, если угодно Тебе, чтобы я послужил, пошли мне знамение... Ноги у меня сильно болят... Сделай так, чтобы выздоровел я! А я, видишь вот, не выздоровел. — И улыбнулся тихо и смиренно. — Ноги как были опухшие, так и остались. Видно, негодно Господу мое решение. Что ж, всё в воле Господней...

И вместе с этой кроткой улыбкой пропала растерянность, и снова лицо отца Сергия не то чтобы помолодело, а как-то отвердело, стало похожим на то, которое я видел на фотографиях, где стоит отец Сергей во время совершения служб.

В Евангелии сказано: «Мои пути — не ваши пути...»

Слова эти для людей, замкнувшихся в своем своеволии, кажутся жестокими и не слишком приятными, но ведь не человеком и сказаны они...

А на улице по-прежнему сияло веселое весеннее солнце. Пробираясь через проходы в высоких сугробах скопившегося здесь за зиму снега, мы поплутали в снежном лабиринте, пока выбрались к остановке.

— Все-таки хорошо, что заглянули к батюшке, — сказал Михаил. — Хоть отвлекся он с нами.

Я кивнул. Не знаю, как для батюшки, но для меня неслучайной оказалась наша случайная встреча. Воочию увидел я не только дерзостный, ошеломляющий своей смелостью замысел, но и самую смиренную красоту неприметной, совершающейся в полной Божией воле жизни.

И что другое была наша встреча, как не проповедь?

Та проповедь, которую ежедневно и ежечасно осуществляют наши православные батюшки самой своей жизнью, независимо от места, занимаемого ими в иерархии.

17 марта 1995 года. Сыктывкар

ЖУТКАЯ МЕТАМОРФОЗА

Самая главная цель моих командировок — работа с архивными делами репрессированных родственников, что хранятся в здешнем архиве.

После встречи с отцом Сергием пришел в управление ФСК² по Республике Коми, и мне показали двадцать шесть пухлых томов, которые мне предстоит изучить.

Основную массу в этой библиотеке занимают приобщенные к делу сочинения деда Ивана Алексеевича Шергина, но и дела, впитавшие в себя кровь и жизни моих дядек, тоже достаточно объемны.

Дела эти никто не чистил, и в них сохранились даже оперативные разработки.

«Совершенно секретно. Уполномоченному оботдела ГПУ по Усть-Вымскому уезду.

В доме бывшего урядника-контрреволюционера, где и собирался кружок евангелистов, гражданина Гамской волости и села Коняева Максима Степановича живет уже около полутора месяцев какой-то тайный адвокат, старик с постриженной седой бородой. По слухам выясняется, будто бы из Серегово — Шергин Иван Алексеевич, который ведет какую-то тайную работу, разъезжая по волостям, собирает всякие сведения, критикуя власть, а особенно коммунистов.

Кроме того, замечается: устраиваются тайные совещания-сборища в доме гр-на Коняева Максима Степановича, которые посещают самые вредные и опасные элементы как для советской власти, так же для коммунистов...»

Читаешь этот донос, и замирает сердце, когда заглядываешь в тот мартовский день далекого двадцать пятого года...

Ведь «бывший урядник-контрреволюционер» — это мой дед, Коняев Максим Степанович; «старик с постриженной седой бородкой» — скрывающийся в бегах от ГПУ Иван Алексеевич Шергин. А где-то там, в доме, не удостоенный стукачом Матвеевым упоминания из-за юного — ему тогда было шестнадцать лет — возраста, мой отец.

И вот невольно ловишь себя на том, что испытываешь — как это ни кощунственно звучит! — даже некую признательность сотрудникам ГПУ! Ведь это благодаря их труду и удастся заглянуть в затянутое неразличимой тьмой беспамятства прошлое семьи. Читаю дела своей расстрелян-

ной, погибшей в лагерях родни и узнаю имена родственников, про которых никогда и ничего не слышал, различаю их голоса.

Но еще сильнее ощущение кромешной жути от этой метаморфозы палачей в летописцев, затянутых в форму сотрудников НКВД...

17 марта 1995 года. Сыктывкар

ОППОЗИЦИОНЕР

Надо было попасть в организацию, что размещалась, как мне объяснили, рядом с Домом правительства.

Выглядев подходящее здание, я остановил солидного мужчину и спросил:

— Извините... Это Дом правительства?

— Какого правительства?! — спросил в ответ мужчина.

— Как какого?! — удивился я. — Местного... Вашего правительства...

— Нет! — покачал головой мужчина. — У нас правительства нет. Нами одни бандиты теперь управляют.

Оно, конечно, приятно вот так, походя, выяснить, что оппозиция, оказывается, не только в Москве, но и здесь, в Сыктывкаре, имеется. Однако мне важнее было сориентироваться сейчас на местности, и поэтому я переделал свой вопрос:

— Ну, а бандиты ваши здесь сидят?

— Бандиты-то? — подозрительно посмотрев на меня, переспросил мужчина. — А кто вас знает, где вы теперь сидите...

17 марта 1995 года. Сыктывкар

УЛЬЯНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вместе со скаутами поехал на автобусе в Ульяновский монастырь.

Как и все дело святителя Стефана Великопермского, история Ульяновского монастыря, основанного им, сходна со светом возжигаемой свечи.

Монастырь назывался первоначально монастырем Спаса Нерукотворного Образа, но в 1445 году во время набега вогуличей на Усть-Вым князек Асыка захватил себе в жены Ульяну, дочь

² 21 декабря 1993 года указом Бориса Ельцина Агентство федеральной безопасности Российской Федерации было упразднено и на его месте создана Федеральная служба контрразведки Российской Федерации, которая 3 апреля 1995 года будет переименована в Федеральную службу безопасности РФ.

священника. Когда лодка с пленницей проплыла мимо монастыря Спаса Нерукотворного Образа, девушка бросилась в воду, но доплыть до берега не сумела — утонула в Вычегде. С тех пор и называется это место — «Ульяново плесо, а по нем и — Ульяновский монастырь».

Эту свечу, возженную святителем Стефаном, местные большевики и комиссары затаптывали в 1918 году с каким-то удивительным остервенением.

Мориц Мандельбаум, зверствовавший тогда на Верхней Вычегде и Печоре, закапывал монахов живьем в землю, выкалывал глаза, вырывал языки...

— Собирайт добровольц на тот свет! — говорил этот командир интернационального отряда.

Монастырь закрыли, храмы и монастырскую библиотеку разграбили. В самом монастыре устроили вначале тюрьму, а потом — психиатрическую лечебницу.

Страшное, гнетущее душу зрелище открывается и сейчас по мере приближения к обители, поднявшейся на высоком холме над Вычегдой. Монастырь со всеми своими храмами и строениями тоже напоминает изуродованного пытками человека.

Обломленные маковки...

Обрушившиеся кровли...

Морозное синее небо, что застыло в пустых проемах окон бескрышей монастырской гостиницы...

Но если днем залитые сияющим солнечным светом руины выглядели хотя бы живописно, то вечером, когда начало темнеть, стало понастоящему страшно.

Сразу резко похолодало. Морозной стужей потянуло от покрытой льдом Вычегды.

Разгорались на темном небе яркие и крупные звезды. Желтые огоньки окон церкви, редких обжитых помещений словно бы отступили в сгущающуюся темноту.

Смертной черной стужей запекалась темнота в проёмах дверей и окон.

И застревали в горле привычные — «Здесь не было войны...» — слова. Глядя на Ульяновский монастырь сейчас, как-то удивительно ясно и отчетливо осознавалось, что здесь и шла, быть может, еще более страшная, чем с фашистскими полчищами, война сатанизма с Православием, в которой Православие одержало победу.

И точно так же, как после оккупации возвращались на руины и пепелища жители, возвращаются и на эти руины их подлинные хозяева — иноки.

Воистину, со светом возжигаемой свечи сходна история Ульяновского монастыря. Неровное, помаргивающее пламя, кажется, и пропадает порою совсем, угасает, но нет — снова возникает огонечек, растет, пока ровным и ясным светом не рассеивает тьму в самых дальних закоулках...

18 марта 1995 года. Ульяновский монастырь

ТРУДНИКИ

Свет и чистота, которую несут с собою монахи, уже и сейчас теснят тьму, заставляют потёмки уползать в заросшие наростами льда развалины... Но тьма действовала подобно наркозу, обволакивая души людей сном безразличия. Сейчас страшный наркоз отходит, и корёжит, корёжит души людей, очнувшиеся от страшного сна...

Келья трудников, где меня поселили, находилась в ещё не до конца расселённом здании.

Здесь еще продолжали находиться здешние, не монастырские жители. В отличие от монахов, они обитали тут уже давно, и непонятно было, как эту жизнь они выдерживают.

Длинный, тускло освещенный лампочкой коридор...

Столбы, поставленные уже монахами, подпирают грозящий обрушиться потолок...

И, разумеется, ни водопровода, ни туалета в большом двухэтажном здании. Все удобства — в здании почты на другой стороне монастыря...

Человек, конечно, привыкает ко всему, но все равно непостижимо, как сумели люди привыкнуть жить так из года в год, тем более что и раньше не возбранялась другая жизнь — прямо под горой стояли аккуратные домики поселка — стройся там, места хватает.

Но нет...

Старились, дряхлели, спивались в не приспособленных для индивидуальной жизни монастырских зданиях.

Каждому, наверное, знакомо ощущение, когда, вырываясь из сонного кошмара, пытается проснуться человек...

В Ульяновском монастыре, в келье трудников, заставленной, как нарами, стоящими друг над другом кроватями, уже воочию, а не

во сне, наблюдал я за судорогами пытающихся очнуться от забытья душ.

Монастырские трудники — оленеводы и шофера, плотники и бывшие геологи — народ очень разный. У одних за плечами институты, у других — многочисленные отсидки. У третьих — и то, и другое...

Разные они и по жизни.

Парня из Сибири, к примеру, привела в монастырь злая безвыходность — подчистую пропился он и не на что было добраться домой. А в монастыре кормят, есть ночлег и, кроме того, платят, хотя и немного, но месяца за два можно скопить на обратную дорогу.

Другие пришли в монастырь сами, пытаются укрыться от мирских соблазнов, которые неминуемо — они сами чувствуют это — приведут их в зону.

Третьи действительно глубоко верующие люди, готовящиеся принять монашеский постриг и проходящие послушание...

Загнанный вечерним морозцем в эту келью, я сидел у жарко натопленной печи («Лучше маленький Ташкент, чем большой Сибирь...») — пошутил подкидывавший очередную порцию поленьев в печь шофер) и слушал здешние разговоры.

Келья больше напоминала рабочее общежитие, причем не заводское, благоустроенное, а то, в каких селятся сезонные, приехавшие на работы люди, где общежитие — не постоянное твоё жильё, а лишь место для сна.

В келье курили. За столом шофера дополняли великопостную монастырскую трапезу — хлеб, картошка, капуста — тушенкой.

Если бы еще добавить водочных бутылок да повесить на стену глянецовую картинку с изображением какой-нибудь красотки, ощущение сезонного общежития стало бы абсолютно полным.

Но водочных бутылок не было. Во-первых, как я понял, нет денег, во-вторых, за пьянку трудников сразу изгоняют из монастыря.

Не было и картинок на стенах. Вместо них в проходе между кроватями был оборудован маленький, с дешевыми бумажными иконками иконостас. И книжки, которые читали валяющиеся на койках рабочие, тоже были духовного содержания.

— Посмотрим, посмотрим, что тут про монастырь написано... — раскрывая книгу «Уль-

яновский монастырь у зырян», проговорил, устраиваясь на своей койке, мужчина, плававший в миру механиком на судне.

— Ты про загробную жизнь почитай, если хочешь, — сказал ему Виктор.

С Виктором мы не то чтобы познакомимся, но разговорились, и я знал и имя его, и то, что работает он в монастыре без жалованья, просто так, и что у него и дом есть свой, и семья, но уходить из монастыря он не хочет.

«Отец Питирим сказал, что все равно ты, Виктор, монахом будешь...» — сообщил он мне с какой-то непонятной интонацией. И гордость звучала в голосе, и вместе с тем и задумчивость. Виктор, повторив эти слова вслух, как бы еще раз вслушивался в них, пытаюсь постигнуть смысл.

— Нет! — отказался бывший механик. — Я эту почитаю...

— Зря... Про загробную жизнь легкая книжка, хорошо читается, — продолжал уговаривать Виктор.

— Зачем мне про загробную жизнь читать? — усмехнулся механик. — Что будет со мной в загробной жизни, я и так узнаю, когда время придет.

И он углубился в чтение.

Впрочем, ненадолго. Отложил «Ульяновский монастырь у зырян», потянулся. Потом сказал мечтательно:

— Радио бы послушать...

— А ты бритву не смотрел? — спросил Виктор.

— Не... — механик зевнул. — Интересно, чего хоть происходит сейчас там?

— Так я и говорю, чтобы ты бритву посмотрел. Может, из нее радио сделать можно, а мне бритва теперь уже не нужна, раз я в монастыре решил остаться...

Он провел по заросшему щетиной подбородку и не сразу и сообразил, почему мы с оставшимся судебным механиком уставились на него. Только потом объяснил, что, когда служил в армии, один парень сделал из бритвы приёмник.

— Перемотал там что-то... Какие-то проводки пересоединил, и работало. Одну программу, правда, брало, но слушать можно было.

— Так не бывает! — убежденно сказал механик.

— Как же не бывает, если я сам слушал этот приемник? Я и просил тебя посмотреть бритву, думал, может, ты переключишь там чего и будем вместе радио слушать.

Я смотрел на пляшущие в печи языки пламени и думал, что, в принципе, и не такое бывает в жизни.

Если появляются умельцы, которые из бензопилы могут соорудить вертолет, то отчего же электробритва не может заговорить как радио, если умеючи пересоединить проводки? Задумавшись, я даже рассказик начал придумывать про эту электробритву. Включаешь её в розетку, думаешь побриться, а она начинает говорить радиоголосами...

И характер героя, такого монастырского Левши, тоже придумался. Понятно было, что, поскольку в монастыре дело происходит, то и радиоголос, который должны были услышать герои рассказа, как бы и не совсем радиоголосом будет.

Но это герои поймут позже, к финалу, а вначале будут слушать радиоголос вполуха, как обычно слушают репродуктор.

Глядя на языки пламени в печи, придумывал я этот рассказ и едва не пропустил начала ссоры...

Виктор походил по келье, поправил что-то в иконостасе, потом полез в свою сумку, достал какую-то иконку оттуда.

— Кто это у тебя там? — спросил валяющийся на койке механик.

— Святитель...

— А по имени кто?

— Стефан... Великопермский... Он наши края крестил. Наш монастырь основал...

— Но он же в Москве помер, я читал... Значит, получается, покрестил здесь народ и отдыхать поехал в Москву.

Виктор внимательно посмотрел на развалившегося на кровати механика, но сдержался.

— Не кощунствуй... — сказал он, задумчиво глядя на разложенные вещи, сам у себя спросил. — Чего это я разложил всё? Может, поеду домой? Женюсь?..

Он говорил это с той же интонацией, как и про предсказание настоятеля монастыря отца Питирима. Сам говорил и сам вслушивался в слова, пытаясь постигнуть, услышать что-то, чего он не понимает и что очень нужно ему понять. И понятно было, что сейчас лучше не трогать Виктора, не для нас, сидящих в комнате, говорил он это, а сам для себя.

Но отставной судебной механик, похоже, не по-

нимал этого. А может, как раз и понимал... Просто есть такие с гнильцой люди, с внутренней похабностью натуры, которым только дай залезть в душу приоткрывшегося человека, и всё затопчут, всё испохабят, ради собственного, непонятно в чем заключающегося удовольствия.

Механик, похоже, принадлежал к их числу. Глумливо улыбнувшись, он сказал:

— Нет, Виктор... Тебе нельзя...

— Чего нельзя? — чужим голосом спросил Виктор, и механику нужно было насторожиться, нужно было уйти от этого опасного разговора, хотя бы о себе подумать... Но такие люди не способны и на это.

— Ты же сам знаешь... — беспечно и нагло улыбнувшись, сказал он. — Тебе жениться нельзя!

И достал, конечно, достал Виктора.

То, что произошло дальше, реалистическому описанию не поддается. Как-то без всякого перехода, всё еще держа в руках иконку святителя: «Я тебе хавало порву! Укроп! Рогожка задутая! Давно рога не ломали?» — ровным голосом заговорил Виктор, и сразу тихо стало в келье.

Никто не сдвинулся с места, но словно бы отодвинулись все, освобождая пространство между Виктором и механиком, и ко мне, к теплой печи, явственно потянуло знобким холодком зоны, где положено держать ответ за любой «базар».

И словно бы пропал, исчез неведомо куда монастырь, и в этой келье, обратившейся в тюремную камеру, никто и не двинулся бы, чтобы помочь, если бы Виктор набросился сейчас на обидчика.

Как, впрочем, и любому другому не стали бы помогать.

Каждый был тут сам за себя.

Говорил Виктор минуты три. Черная, густо замешенная на фене матерщина лилась из него с такой ровной и злой энергией, что малейшее слово, шорох — и она рванулась бы, сметая и корежа все на своем пути.

К счастью, механик явно струсил.

Я не смотрел на него — сам в эти минуты словно бы превратился во вжавшегося в себя обитателя зоны! — но почти физически ощущал страх, сковавший механика.

Драки не произошло. Виктор запнулся на полуслове, и побелевшие от ярости глаза сно-

ва наполнились густой синевой... Глядя на сжимаемую в руке иконку святителя Стефана Великопермского, Виктор потрянул головой, не понимая, что случилось.

— Ну вот... — растерянно сказал он. — Опять бес попутал.

И перекрестился.

Еще несколько мгновений длилась напряженная тишина.

Наконец механик чуть пошевелился.

— Почитаю, пожалуй... — сказал он, беря отложенную книгу «Ульяновский монастырь у зырян».

— Вот-вот... — сказал Виктор. — Правильно. Почитай лучше.

И, еще раз перекрестившись, поставил иконку святителя возле иконостаса.

Задвигались и другие трудники.

— Ну, что тут у нас делается? — спросил водитель, подходя к печке. — Пожалуй, и закрывать трубу надо... Как говорится, хватит жить как попало, будем жить как придётся.

— Но культурно... — засмеялся, поддерживая его шутку, второй водитель.

— Это уж точно...

Я слушал этот ничего не значащий и вместе с тем так много значащий разговор, смотрел на грязные подтеки — ремонт здесь еще не делался! — на стенах, на заросшие грязью двери, и готов был поклясться, что полчаса назад и стены, и потолок, и двери были чище. словно это рванувшаяся потоком душевная нечистота и запеклась на них, превратилась в грязные пятна, материализовалась в струпья пыли.

И как тут удержаться и не сравнить эту келью с отстойником...

Все черное, гадкое запекается грязью на полу, на стенах, а чистое остается в человеке... Чистый уходит он в мир или остается в монастыре.

Разумеется, сравнение грубое и неточное.

Порождено оно субъективными ощущениями, когда я стал нечаянным свидетелем борения света и тьмы в душе человека, того борения, о котором ежедневно вспоминаем мы, повторяя слова молитвы:

«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым да исчезнуть, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога, и знаменующихся крестным зна-

нием, и в веселии глаголющих: радуйся Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшего силу диаволю, и даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата...»

18 марта 1995 года. Ульяновский монастырь

ВОЗЬМИ ПОСТЕЛЬ СВОЮ И ИДИ

Помню, в далеком от Ульянова Шамординском монастыре Калужской области игумена Никона, рассказывая про трудности, жалуясь, как медленно идут восстановительные работы, вдруг, как-то мгновенно забывая о хозяйственной разрухе, проговорила, вздохнув:

— Но всё ведь по молитвам нашим. Молимся, видно, худо...

Трудно даётся современному человеку постижение монастырской, всецело посвященной Богу жизни. Не выводимый из души яд атеистического скепсиса и протестантской, такой созвучной нашей цивилизации практичности застят нам Свет, даже когда мы и пытаемся открыть глаза.

И вот, совершенно искренне влюбляясь в красоту церковной архитектуры, в высочайшую культуру духовной литературы, в созидательную мудрость православной жизни, главным в ней мы тяготимся. Ленимся совершать утром и вечером молитвенное правило, стремимся сократить чтение молитв, тяготимся церковной службой.

Эти невеселые мысли крутились в голове, когда стоял я на воскресной службе в монастыре. В шесть утра разбудил меня звон колокольчика из коридора. И сразу, не позавтракав, не покурив, пошёл в церковь. Там заутреня, а следом — долгая, на четыре часа, монастырская служба...

Кажется, всего-то дела — постоять несколько часов, прилежно внимая молитвам, и всё равно тягость, рассеяние и нелепые, почти судорожные порывы уйти — поговорить с кем-нибудь, покурить на улице, записать что-нибудь в блокноте, одним словом, заполнить время привычными, обыденными действиями.

Признаюсь, что подобная рассеянность находила на меня и прежде, но здесь, в Ульяновском монастыре, тягость от церковной службы ощущалась особенно сильно.

Но как-то отстранённо, удивляясь и стыдясь самого себя, я думал, что здесь мне идти некуда. На улице — мороз, в нетопленной келье, куда я перебрался из кельи трудников, — знобящий холод.

И нет, больше нигде нет мне места, кроме церкви...

И так ясно и очевидно открылось это, что и тягость прошла, теплом и неизъяснимой сладостью повеяло от знакомых молитв, и уже никакого усилия не нужно было совершать над собою, чтобы достоять до конца службы.

И достоял, и исповедался, и в рассеянности своей тоже покался...

И причастился, и послушал проповедь игумена Питирима, который, чуть приподняв голову и глядя куда-то вверх, говорил о расслабленном, которого положили к ногам Спасителя, и Он сказал ему: «Возьми постель свою и иди!», и сам себя я ощущал этим грешником — прощённым и восставшим на ноги...

А вышел из церкви — такой солнечный, такой радостный, такой светлый день вокруг...

19 марта 1995 года. Ульяновский монастырь

ИГУМЕН ПИТИРИМ

После монастырской трапезы игумен Питирим пригласил меня побеседовать.

Я подарил игумену свою книжку о святителе Стефане Великопермском, он рассказал о монастырских делах. Я говорил о святительском подвиге, о том, что возрождаемый монастырь — это продолжение дела святого Стефана.

Игумен Питирим больше рассказывал о братии, о коровах, которых держат на ферме, о предстоящих летом строительных работах, о паломнической поездке на Соловки, в которой монастырские монахи собираются сопровождать православных скаутов, об исправлении, пусть и медленном, местных нравов...

— Мало что изменилось... — вздохнул игумен. — Но теперь, слава богу, никто уже не забегает с топором в церковь, как вначале было...

Об истории тоже поговорили. О тех семи уцелевших монахах, что вернулись после закрытия монастыря в Ульяновово и сберегали — тайно и негласно! — монастырскую службу и устав, пока и их не посадили...

И хотя, отвечая на мои вопросы, говорил игумен Питирим о самых разных, зачастую

предельно заземленных проблемах монастыря, все время говорил он о главном, о том, что и составляет суть монастырской жизни...

Отец Варнава рассказывал, что мысль о восстановлении Ульяновского монастыря пришла отцу Питириму во время молитвы. Родившаяся в молитве мысль в молитве и обретает реальную жизнь, молитвою и живет...

Впрочем, могло ли быть иначе в основанном самим святителем Стефаном Великопермским монастыре...

Видеохроника, которую я смотрел вчера, сохранила первые слова отца Питирима, произнесенные на этой земле.

— Я рад вас приветствовать в монастыре, основанном первопроходцем Христовым Стефаном, освященном игуменами Герасимом, Питиримом и Ионой, а также многочисленными похороненными здесь монахами, — сказал он. — Я приехал с любовью ко всем...

19 марта 1995 года. Ульяновский монастырь

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

— Очень мне хотелось своего ангела-хранителя увидеть... — рассказывал пожилой священник. — Так хотелось, как в жажду воды напиться. И вот явился мне во сне человек. Ростом он как ребенок, но не ребенок, и красоты неимоверной! Я испугался. Даже — «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — перекрестился во сне.

А он говорит:

— Разве я боюсь креста? Ты же меня видеть хотел...

Тут и проснулся я.

Открыл глаза, а он рядом стоит.

— Ангеле Христов, — говорю ему. — Хранителю мой святой и покровителю души и тела моего, вся ми прости, что не признал тебя... Святой Ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешного, ниже отступи от меня за невоздержание мое...

И когда дочитал молитву, невидим стал ангел, но теперь все равно я твердо знаю, что он рядом стоит!

20 марта 1995 года. Сыктывкар

ГНИЮЩИЙ ДОМ НА БЕРЕГУ ВЫМИ

Переехал к двоюродной сестре Алле, чтобы вместе съездить в Усть-Вымь.

Живет Алла в трехкомнатной квартире с мужем Николаем Ильичом и дочерью, но кажется — так здесь все захлавлено! — что живет тут еще несколько семей.

Разваливается и дом тети Мани в Усть-Выми, который принадлежит сейчас Алле.

Надо бы его отремонтировать, но в семье Али больше споров о том, надо ли брать мастеров или сам Николай Ильич отремонтирует.

Отношения у Али с мужем непростые. Николай Ильич живет в квартире по-особому, в своей комнате. Часто пьет чай. Много спит и все время читает книги.

И все время он критикует Алю, что она не дает ему развернуться с ремонтом дома в Усть-Выми.

— Тут у меня гладиолус, не затопчи... — передразнивает ее. — Там тюльпаны... А подруб делать — место нужно. Тюльпаны, когда бревно тащишь, обходить не будут...

Но Аля упрямо стоит на своем.

И так и гниет окруженный тюльпанами и гладиолусами тети Манин дом на берегу Вычегды.

Сейчас зимой он засыпан снегом, и мы и заходить не стали, чтобы не нарушить контрольно-следовую чистоту наметенных сугробов...

22 марта 1995 года. Усть-Вымь

ТАЕЖНЫЕ БОЖКИ

— Тайга здесь. Край дикий. Кругом колдуны! Из православных я один в этом поселке охотников был. Ну уж они и поугадили меня! Лоси выше деревьев вокруг бродили! Идет, понимаешь, такой, грудью верхушки сосен ломает, рогами за облака задевает. Медведя-вампира на меня навели...

— А что это за медведь-вампир?!

— Ну, морда у него поврежденная была, не мог пасть открывать, вот и приладилась кровь пить. Хотя, конечно, хоть и дикий народ тут, а доверчивый... Урка у меня знакомый был, так он нашел место, где они божкам своим жертвы оставляют, и целый месяц как на курорте жил — крал с жертвенников мясо, водку. А знаешь как попался?

— Как?

— Он написал, чтобы курица принесли, положили на жертвенник... Тут его и взяли. Вот ведь дурак!

— Точно дурак... — согласился я. — Он что, сообразить не мог, что боги, хоть и божки они, не курят?

— А при чем тут это? Он на другом прокололся!

— На чем же?

— Ну как на чем? Он же по-русски записку написал. А божки ихние по-русски ни слова не понимают. Только по-коми...

23 марта 1995 года. Серёгово

УСТЬ-ВЫМСКИЕ РАЗГОВОРЫ

— Аля, ты меня послушай внимательно! У меня здесь, в сельсовете, как у Робинзона, глаз уже совсем круглый стал. Ты на полчаса приехала всего, а человеку из Ленинграда послушать меня не даёшь...

— А чего ему тебя слушать, если у тебя фингал под глазом, Лёней повешенный? Сам-то куда, опять на метеостанцию ушедши?

— Мне, Аля, синяк этот правду говорить не мешает. Я всё человеку расскажу. И про то, что на метеостанции тоже кушать надо, пускай знает...

Разговор этот завязался в коридоре Усть-Вымской администрации, куда моя двоюродная сестра Аля зашла за нужной ей справкой.

А разговаривала она со своей подругой Ритой, поселившейся в здешнем коридоре, поскольку в свой дом ей было страшно идти.

Там Риту брат Леня ждал.

Из разговора я понял, что Рита получает Ленинскую инвалидную пенсию, а он требует с Риты денег на выпивку.

— Денег-то много ему даешь? — спросила Аля, поджав губы.

— Да если от дома не убегаю, и миллиона не хватит! — вздохнула Рита. — А так в 30 тысяч укладываюсь. Совсем немного и надо к его пенсии докладывать...

— Ой, дура ты, Рита, дура... Чего ты его с больницы взяла? Пускай бы и жил там!

— Он один меня, Аля, Ритой зовет, другие душой! Поэтому и взяла. Не надо, Аля, не надо! А на Леню я не ругаюсь, что он на метеостанцию ходит! Раньше на метеостанции жалованье по безработице платили, а теперь ничего не стало. Чего Леня принесет, тем и бывают сыты!

Леня этот, как я понял из разговора, с виду весьма представительный мужчина — сто килограммов мяса, только голова совсем простая...

Со своей головой любил Леня, как всякий нормальный усть-вымский мужик, и про объеме шара поговорить в компании, и про преимущества и недостатки иномарок. Сидел, курил, плевал на пол и вел разные умные разговоры, а болезнь его обнаруживалась, только когда выпивать начинали.

Принесёт Лёня бутылку, мужики ее выпьют, а потом, когда они свою пьют, Лёне уже не наливают.

— Ты, — говорят, — иди, дурачок! Еще бутылку пока сообрази!

Лёня и шел тогда к Рите требовать денег.

— От чужих дураков я могу спрятаться, а от своего куда? — спрашивает Рита. — Только в сельсовет. Лёня сельсовета сильно боится... Дурак всё-таки!

— Это не он, Рита, дурак, а ты — дура... Ты шваброй к пенсии себе деньги зарабатываешь, а он и мужикам водку носит, да ещё этим на метеостанцию...

— А я, Аля, давно заметила, как меня дурой назовут, значит, я святую правду говорю. Нет, Аля! Леня — это брат мой, он меня шваброй не считает, он их на метеостанции швабрами держит, им швабрино жалование носит. А со мной у него братние отношения. Вы так и расскажите, Николай Михайлович, в Ленинграде, если спрашивать будут!

24 марта 1995 года. Усть-Вымь

ГОЛОС ИЗ СНА

— Не все ли равно тебе, из чего монтировка будет сделана, которой черти ребра ломать будут, из железа или из золота?

Такой вот странный вопрос я услышал из сна и, проснувшись, долго лежал и всё думал, как это верно сказано.

О тщите нашей и не скажешь лучше...

25 марта 1995 года. Сыктывкар

И БЫСТЬ БРАНЬ НА НЕБЕСАХ

Жена Михаила Сизова — Анна Сивкова — из удорских староверов.

Она показала мне семейную реликвию — книгу в деревянных обложках.

«Сия книга нарицаемая «Апокалипсис» пере-

писана прадедом Иваном Малахиевичем Матевым в 1856 году. Прочитав эту книгу, на странице 132 он заболел головой и спустя 2 часа скончался 11 ноября старого стиля, а по-новому будет 24 ноября 7 часов вечера 1886 году возрасте 70 лет».

Жил Иван Малахиевич Матев в селе Пучкома, где была тогда большая староверческая община рахмановского толка.

Семья Сивковых оттуда.

Пять поколений семьи много и тяжело работали, наживая своим трудом достаток, воспитывали и выучивали многочисленных детей, но главным делом для них оставалось хранение матевской библиотеки.

Книги все время надо было прятать от обысков. При царской власти книги увозили в тайгу, при временном правительстве прятали в навозе за хлебом, при большевиках зарывали на долгие годы в землю.

Последние обыски, когда пытались изъять матевские книги, были уже при Хрущеве, в шестидесятые годы. Эти обыски Анна Сивкова, рассказывавшая мне историю своей семьи, запомнила сама.

Сама Анна Сивкова ходит в обычную православную церковь.

— Старообрядчество, — говорит, — не столько религия, сколько образ жизни.

Сейчас в селе Пучкома, где жил Иван Малахиевич Матев, осталось всего несколько старушек, они начинают говорить на русском, но забывают и говорят дальше по-коми.

— Самое время святителю Стефану Великопермскому прийти... — шучу я.

— А он и не уходил никуда... К святителю Стефану удорские староверы очень хорошо относились... Это ведь он нас двуперстием крестил!

На странице 132 «Апокалипсиса», переписанного прадедом Иваном Малахиевичем Матевым в 1856 году, подчеркнуты слова: «И бысть брань на небесах...»

Это последние слова, которые прочитал он.

С этими словами и отошел ко Господу знаменитый удорский книжник...

С этими словами и уезжал я из Сыктывкара.

25 марта 1995 года. Сыктывкар

ЭКСКУРСИЯ

Начались весенние каникулы в школах, и основные пассажиры в вагоне — дети.

Они предвкушали эту поездку, они ждали, когда, простившись с родителями, останутся одни, как настоящие взрослые. И вот дождались. Но ничего удивительного не произошло, не случилось чуда, на которое они надеялись...

И видно было, что подростки не могли понять, почему так. Они ходили из купе в купе, говорили, ели бутерброды и печенье, пили пепси-колу и смеялись. И всё громче, возбужденней, нервознее.

Воспитатели пытались поначалу их унять, но потом — от греха подальше! — спрятались в своем купе и уже не выходили из него. А подростки сами себя возбуждали, словно бы торопя наступление того, чего они так ждали и что всё ещё так и не наступало в них.

И заводились, заводились, конечно... И шумели не в меру, и сами от этого шума возбуждались ещё сильнее, и только порой:

— А классная тусовка у нас получилась? — то ли хвалились они, то ли спрашивали друг у друга, то ли сами пытались убедить себя, что эта суета, этот крик и есть то, чего они ждали от поездки.

Потом всё стихло, и только в одном купе, где — об этом возбужденно шептался весь вагон — была водка, по-прежнему не спали. Пьяные детские голоса, матюги, которые в детском исполнении казались ещё грязнее и таже, неслись отсюда.

Потом стихло и в этом купе.

Когда я вставал ночью, в коридоре стоял совершенно пьяный мальчишка с побелевшим лицом и какими-то пустыми глазами. Я прошел мимо, но мальчишка, кажется, и не заметил меня.

Он смотрел так, словно ему удалось заглянуть в предстоящую жизнь, и он все ещё не мог оправиться от пережитого ужаса.

Что-то жутковатое было в его бессмысленном взгляде...

27 марта 1995 года.

Поезд Москва — Санкт-Петербург

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Поездка на родину отца оказалась чрезвычайно успешной — я привез-таки в Питер все сочинения Ивана Алексеевича Шергина, изъятые у него товарищами из ГПУ и НКВД.

Очень хотелось оказаться в своей квартире и сразу сесть за работу, но у нас гости: Маринин племянник Антон из Минска.

Антон — удивительный ребенок.

Приехав в Санкт-Петербург, он стонет, не спит по ночам, тяжело вздыхает. Как выяснилось, так он мечтает о «Денди».

Эта приставка для игр стоит 125 000 рублей, и это мечта Антона, за этой мечтой и приехал он, а не за здешними музеями и театрами.

У нас таких денег на игрушку, разумеется, нет, и в результате возникает очень мерзкое ощущение, как будто мы обманули ребенка.

Но с другой стороны, есть и положительный момент в этой истории.

Еще раз убедился, как легко моими глазами начинает смотреть Марина на происходящее. Рассказал, что я думаю про Антона, а она уже сама убеждена в этом.

Марина, разумеется, идеальная жена. Она приросла ко мне. Я прирос тоже, но, наверное, не так сильно. Марина же просто не сможет существовать без меня. Впрочем — это уж наверняка! — я тоже не смогу существовать без нее.

И слава богу, что так!

Но все же, все же...

Работа над очерком о поездке идет плохо.

30 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА

Пока работал в Сыктывкарском архиве, пока ездил по республике, пока жил в Ульяновском монастыре, как-то и недосуг было интересоваться новостями.

А новости, конечно, были.

И все одна другой стоят...

Оказывается, размер минимальной заработной платы повышен почти в два раза и минимальная зарплата стала аж 34 400 рублей.

Оказывается, Б.Н. Ельцин составил «Программу поэтапного урегулирования кризиса в Чеченской Республике».

Такие вот настоящие первоапрельские шутки...

31 марта 1995 года. Санкт-Петербург

ПОДАРОК ДЛЯ ВНУЧКИ

В московском издательстве «Эллис Лак» выпустили мою повесть о Николае Михайловиче Рубцове совместно с его стихами.

Меня попросили, как составителя, подписать договор с наследницей. Я позвонил, поговорил с ее мужем, он сказал, что Лена договор подпишет и обязательно перезвонит мне.

Лена Рубцова — это та самая девочка, о которой думал Николай Михайлович Рубцов, когда сложил свою «Прощальную песню»:

*Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.*

*Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.*

*Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.*

*Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...*

*Не грусти! На знобщем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.*

*Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...*

*Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настагающий топот
Все мне слышится, точно в бреду...*

*Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.*

*Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...*

Существует предание, что Рубцов вез эту

куклу в Ни́колу, не только в стихах, но и в реальной жизни, только его забрали с этой куклой в милицию и он так и не привез ее дочери...

Несколько дней я ждал звонка от Лены Рубцовой, но сегодня мне передали аванс для Лены за издание стихов Рубцова, и я позвонил сам.

Оказалось, что Лена в роддоме. Сегодня, на Благовещение, она родила внучку Николая Михайловича Рубцова.

И если аванс за его стихи можно уподобить подарку, то с этим подарком внучке Николаю Михайлович не опоздал...

И на улице сегодня такой чистый и солнечный день.

Значит, и на Пасху будет светло и солнечно!

7 апреля 1995 года. Санкт-Петербург

ВНУК СВЯТОГО

С утра встречался с Сергеем Алиповым и правнуком Философа Николаевича Орнатского. Ездили в мастерскую к Алипову.

К приезду правнука святого Сергей даже прибрался там.

Правнук — канадский юрист.

Все расспрашивал, во сколько обойдется мемориальная доска прадеду. Считал. Дорого. Очень дорого выходило, по его прикидкам.

Еще неприятно поразило, что взгляды у внука весьма прозападные.

— А разве есть альтернатива Собчаку? — спросил он, и как-то грустно стало.

Это внук человека, который во время революции 1905 года призывал рабочих Нарвского района, где особенно сильны были тогдашние Собчаки, к верности императору Николаю II.

Увы...

Хотя и работает правнук в России, но от России так далеко он, словно на другой планете.

9 апреля 1995 года. Санкт-Петербург

СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ СВЯТИТЕЛЯ

Святитель Игнатий (Брянчанинов) среди громадного своего литературного наследия оставил нам всего четыре стихотворных опыта. Он не был поэтом, но читаешь его стихотворение «К земному страннику», особенно последние строки:

*А в вечности вратах — ужасно пробужденье!
В последний жизни час...*

— и стихи эти поражают беспощадной и какой-то надмирной истиной, пронизывающей их. Читая эти строки — а последняя даже не зарифмована — и видишь самого святителя, его глаза, которым открыто всё и все...

Этими глазами смотрит святой Игнатий с икон, этими глазами смотрит на нас, земных страдников, и из своих стихов.

И естественно рождающиеся на губах слова: «Святой отче Игнатий, моли Бога о нас!» — сливаются с последней незарифмованной строкой, словно эти слова и должны завершать стихотворение святителя:

*В последний жизни час
Святой отче, Игнатий, моли Бога о нас!*

11 апреля 1995 года. Санкт-Петербург

НАШ ДОМ — РОССИЯ

Сегодня Виктор Степанович Черномырдин заявил о создании предвыборного объединения «Наш дом — Россия».

Задача объединения — «не дать шанса никаким экстремистам победить на выборах».

И как-то так посмотрел с телевизора, что я, хотя и не собираюсь, естественно, никуда баллотироваться, почувствовал, что это именно мне Виктор Степанович собирается не дать никакого шанса.

Не мне лично, конечно...
России.

25 апреля 1995 года. Санкт-Петербург

О СПАСЕНИИ

Начал писать «Семейную хронику». Пока все еще на подступе, но надежда появилась, что на этот раз удастся написать. Материала из Сыктывкара привезено немерено.

Ходили в Тихвинскую церковь.

Вечером за молитвой неожиданно подумалось, что я не то чтобы не верю, но боюсь поверить...

И это при том, что я ужасно боюсь смерти, а воскресший Христос даровал ведь нам победу над смертью, даровал жизнь вечную...

Значит, если поверить в Него, то избавишься и от страха смерти.

И все равно понимаешь это, а не веришь.

То есть, конечно, веришь, но как-то слабо веришь, в основном головою. А надо верить сердцем.

И каким же счастливым сразу станешь тогда!

И это ведь не только твое личное счастье, не только твое личное спасение, но и всей страны...

2 мая 1995 года. Санкт-Петербург

СМЕРТЬ БОРИСА ПРИМЕРОВА

Сегодня позвонил Андрей Поздняев: на даче в Перedelкино повесился Борис Примеров.

После того как в «Роман-газете» вышла моя повесть о Николае Рубцове, он часто подходил ко мне и, шамкая беззубым ртом, что-нибудь рассказывал о Рубцове.

Речь была путаной, неотчетливой, но смысл рассказов всегда оказывался глубоким, и чем я больше думал над ними, тем больше открывалось глубины.

Вообще, Борис был, конечно, очень талантливым.

*Как белые голуби,
Как белые голуби,
Найду ль высоту?
Стою я у проруби,
Стою я у проруби
На страстном посту.
И слышится колокол,
И слышится колокол
Из водных аркад.
Под сводом расколотым,
Под сводом расколотым
Не Китеж ли град?!*

Но в последние годы, особенно это стало заметно после осени 1993 года, он как-то растерялся. И не только в жизни, но и в своих стихах.

В его впадающей в богохульство «Молитве»:

*Боже, который Советской державе
Дал провестись в дивной силе и славе,
Боже, спасавший Советы от бед,
Боже, венчавший их громом побед.
Боже, помилуй нас в смутные дни,
Боже, Советскую власть нам верни!*

— растерянности больше, чем поэтического утверждения грядущей Победы.

Сходна с этой «Молитвой» и предсмертная записка Бориса: «Три дороги на Руси: я выбираю смерть. Меня позвала Юлия Владимировна».

на Друнина... Неохота жить с подонками: Лужковым и Ельциным... Опомнись, народ, и свергни клику... такого не было и не будет на белом свете...»

6 мая 1995 года. Санкт-Петербург

ПАСХА СОРОК ПЯТОГО ГОДА

Приближается пятидесятая годовщина нашей Победы...

Сколько прочитано книг о войне!

Воспоминания и романы, исторические исследования и сборники документов. И всё равно получается, что о самом главном так и не знаешь ещё.

Нет, многое из того, что написано, верно. Да, прямо с колёс, порою даже и не прикрывшись от дождя и снега, начинали работать эвакуированные заводы...

Да, насмерть стояли советские солдаты и в Бресте, и под Смоленском...

И причины наших неудач тоже известны — незавершенное перевооружение армии, война, заставшая нас врасплох... А с другой стороны — работающая на Германию промышленность всей Европы, накопленный немецкими солдатами и генералами боевой опыт.

1

Всё это понятно.

Но как понять, как объяснить, почему вышедшие на трамвайную остановку — и трамвай ведь шёл прямо в центр города! — немцы застряли на этой остановке на два года, да так и не сумели взять Ленинград?

Конечно, защитники города проявили чудеса мужества и героизма, но разве у бойцов, оборонявших Брест, Киев или Смоленск, не было мужества? Разве мало геройских подвигов было совершено солдатами разгромленных немцами по пути к Ленинграду дивизий и корпусов?

А под Москвой? Прорвав все линии обороны, танковые колонны немцев вырвались на Волоколамское шоссе, и только горстка панфиловцев прикрывала столицу, но эта рота и остановила немецкие полчища, всю ту фашистскую армаду, которую не могли остановить наши армии, полегшие на московских рубежах.

И уж совершенно непостижимо случившееся на Волге. Легко пройдя тысячи километров, гит-

леровцы не сумели пройти последних десятков метров до Волги в Сталинграде.

27 сентября, на Воздвиженье Креста Господня, ночью три бойца во главе с сержантом Яковом Федоровичем Павловым захватили в Сталинграде единственный уцелевший на площади четырехэтажный дом и в течение трех суток, пока не прибыло подкрепление, удерживали его, отбивая яростные атаки целой дивизии гитлеровцев.

Непостижимо...

Можно, разумеется, рассуждать, дескать, на первом этапе войны «перемальвалась» немецкая военная мощь. Но в этом рассуждении стремления создать хоть какое-то подобие объяснения, пожалуй, больше, чем здравого смысла.

Разумеется, немцы несли тяжелые потери.

Но разве можно сравнить их с первоначальными потерями, которые несла советская армия? И разница тут не в два, не в три раза, а на порядки...

Советскому Союзу, как объясняют некоторые историки, легче было восполнить свои потери? Ну а как же быть тогда с Ленинградским фронтом, где немецкие войска и снабжались нормально, и доукомплектовывались, а защитники города в это время гибли от голода, непрекращающихся бомбардировок и обстрелов?

А как же быть с осенью сорок второго года, когда, потеряв гигантские промышленные районы, по своему потенциалу Советский Союз начал уступать Германии, ставшей еще могущественнее, чем в начале войны?

Нет, ничегошеньки не объясняет теория «перемальвания» в столь непостижимо совершившемся переломе хода войны.

Но, быть может, и не нужно искать объяснений там, где их нет...

2

Попробуем понять, кто и с кем сражался на войне, которая по праву названа Великой Отечественной?

Германия и СССР? Фашизм и коммунистическая идеология?

Эти альтернативы не только не способны объяснить чудо, которое объективно содержится в нашей победе, но они не полностью отражают даже и саму реальность войны.

Попробуем же взглянуть на факты, не заж-

муривая глаз от того Небесного света, которым наполнены они.

Вспомним, что началась Великая Отечественная война 22 июня 1941 года, в День Всех Святых, в земле Российской просиявших. А закончилась она 6 мая, на день памяти Георгия Победоносца, потому что на следующий день 7 мая Германия подписала в Реймсе предварительный протокол безоговорочной капитуляции.

И выпало 6 мая 1945 года на Светлое Христово Воскресение...

Совершенно другая, осиянная Небесным светом война открывается перед нами, когда мы располагаем ее даты в соответствии с церковным календарем.

Можно приводить тысячи объяснений, почему Гитлером было выбрано для начала войны именно 22 июня, но они не способны заслонить самый главный смысл — именно в день памяти Всех русских Святых нанес оккультный рейх свой главный удар. И целью этого удара был не только коммунистический режим, не только захват новых земель, но прежде всего сокрушение Православной Руси...

Конечно, далеко не все в Германии и очень не многие в России именно так и воспринимали эту войну.

Это возражение ничего не опровергает. Точно так же, как и рассуждение о борьбе с Православием, которую в самой Стране Советов остервенело вела ленинская гвардия.

Да, вела... Но так и не смогли ленинские атеисты-интернационалисты победить укоренившееся в русском языке и национальном характере Православие. Чтобы победить его, мало было взрывать храмы и расстреливать священнослужителей. Для этого необходимо было уничтожить сам русский народ.

И именно поэтому вместо несправившихся с задачей большевиков и избрали силы зла своим орудием оккультный Третий рейх.

3

К сожалению, мы пока мало знаем об этой войне...

Существует предание, которое приводит в книге «Заступница Усердная» иеромонах Филладельф о явлении митрополиту Гор Ливийских Илие самой Божией Матери.

Богородица открыла тогда, что должно быть совершено в России. Она указывала, что необходимо возобновить по всей стране богослужения... Обнести вокруг Ленинграда чудотворную икону Казанской Божией Матери... Совершить молебен перед этой иконой в Москве... Икона должна быть и в Сталинграде...

Митрополит Гор Ливийских Илия немедленно связался с представителями Русской Православной Церкви и Советского правительства и передал то, что было положено передать.

Это предание...

Но есть и факты. Мы знаем, что И.В. Сталин действительно прекратил гонения на православие, укоротив ретивых атеистов-коминтерновцев.

Мы знаем, что повсюду начали открываться храмы, было восстановлено полноценное Патриаршее управление Русской Православной Церковью...

И крестный ход совершили в Ленинграде, и в Москве отслужили большой молебен перед Казанской иконой Божией Матери, и — это не метафора, а объективная реальность! — произошла материализация Всех Святых, в земле Российской просиявших... Тогда танковые колонны и боевые самолеты приняли на себя имена русских святых, тогда ордена наших святых благоверного князя Александра Невского, святого праведного Федора Ушакова засияли на груди наших генералов и маршалов...

И не поэтому ли происходило немислимое. Не успевшие усесться в трамвай гитлеровцы словно в оцепенении замирали перед окруженным со всех сторон городом. Внезапно ударившие морозы сковывали изготовившиеся к последнему прыжку на Москву стальные армады...

Уже немецкие солдаты видели волжскую волну, но не могли пройти последние метры, словно незримая стена вставала перед ними. И это было так же непостижимо, как и церковь иконы Казанской Божией Матери, что продолжала стоять среди обращенного в руины города.

Мало кто вспоминает, что именно на день Казанской иконы Божией Матери и была завершена подготовка Г.К. Жуковым и А.М. Василевским плана контрнаступления под Сталинградом, в ходе которой, впервые с начала войны, удалось сосредоточить в районе нас-

тупления десять общевойсковых, одну танковую и четыре воздушных армии.

Такую мощную силу невозможно было не заметить, но — это тоже впервые с начала Великой Отечественной войны! — немецкое командование не заметило ничего.

Другой сталинградский сержант Иван Дмитриевич Павлов, ставший после войны старцем Кириллом, духовником Троице-Сергиевой лавры, рассказывал, что многие бойцы приходили в те сталинградские дни ко Господу, что и сам он поднял тогда из сталинградских развалин Евангелие и потом шел по войне «с Евангелием и ничего не боялся»...

«Просто Господь был со мною рядом, — говорил он, — и я ничего не боялся...»

Вдумываясь в слова старца Кирилла, понимаешь, что и самое крупное танковое сражение под Прохоровкой, ставшее переломным в ходе Курской битвы и всей Великой Отечественной войны, не случайно попало на 12 июля 1943 года, на день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла.

Как и сама Победа, выпавшая на 6 мая 1945 года, на Светлое Христово Воскресение, на день памяти Георгия Победоносца.

Это и есть Божие чудо — дарованная нам Победа.

7 мая 1995 года. Санкт-Петербург

Глава девятая ГОРОД СВЯТОГО КРЕСТА

О РОЛИ Г. К. ЖУКОВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Безрадостен ход событий в нашей стране.

Всеобщая нищета и разруха дополнилась бесславной, кровавой войной на Кавказе, и теперь только самодовольные, распухшие от воровства и вранья рыла наших демократов — в экране телевизора, и больше никакого совета впереди...

И все как-то неуклюже, как-то уродливо у них!

9 мая открыли сразу три памятника Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову. На Манежной площади в Москве, в Твери и в Санкт-Петербурге в Московском парке Победы. Сразу трижды памятником стал четырежды Герой Советского Союза...

В рамках торжеств в честь 50-летия Победы во Второй мировой войне состоялись и российско-американские переговоры на высшем уровне.

Борис Ельцин и Билл Клинтон подписали пять совместных заявлений, в том числе об экономических связях и режиме противоракетной обороны, все соглашения в ущерб российским интересам, но однако переговоры о расширении НАТО — Жукова, что ли, испугались? — отложили до октября.

11 мая 1995 года. Санкт-Петербург

БРОНЗОВАЯ ИКОНА

Такая жара в Питере, что и к ночи не спадает духота.

Вчера Сергей Алипов подарил нам с Мариной бронзовую икону Казанской Божией Матери, а вечером явился с какой-то женщиной, оба подвыпившие.

— Слушай! У тебя же мастерская есть! — сказал я. — Туда и езжай!

— Но она не хочет в мастерскую. Говорит, что грязь там...

— Ну, так убраться надо было...

Насилу выпроводили их.

Сегодня ходили к отцу Алексею Морозу, он ложится в больницу на операцию.

Отец Алексей — человек мужественный, с нами говорил не о болезни, а о книге, что успел закончить перед больницей.

Мы показали ему бронзовую икону Казан-

кой Божией Матери, которую нам подарил Сергей Алипов, отец Алексей освятил ее, и на этом мы и простились с ним.

4 июня 1995 года. Санкт-Петербург

ПУСТЕЮТ РУССКИЕ СЕВЕРА

Якутское время сдвинуто на шесть часов вперед московского.

И вроде бы и спать мы, приехавшие из Центральной России, здесь должны были дольше, но первые дни я просыпался уже в четыре утра по местному времени — такое молодое и яркое, словно оно ещё не успело сжечь себя, двигаясь на запад, светило прямо в окно солнце. И от этого недосыпа днём порою наваливалась такая дремота, что уже не было сил противиться ей, и в этой дремоте странно мешалось всё.

И тихие якутские комары, что не гудят, подобно нашим, не звенят, предупреждая о своём приближении, а сразу садятся на тебя и пьют кровь, и когда сгребашь их со щеки, такое ощущение, что комары эти — мохнатые.

И сам город Якутск...

Он построен на вечной мерзлоте, которая не принимает в себя трубы коммуникаций, и эти трубы висят над землей. На них — струпья порванной теплоизоляции, к ним лепятся какие-то сарайчики. Трубы порою загибаются вверх, превращаясь в арки, через которые можно проехать на машине.

От этих труб вид у Якутска какой-то очень индустриальный.

Всё время, пока мы ездили по городу, не покидало ощущение, что мы — на заводской окраине.

И то ли от промышленного характера пейзажа, то ли от трагических новостей из Буденновска, но в голове, должно быть, как у директора завода в былые времена, все время крутились цифры, складываясь в весьма неутешительное сальдо.

По миллиону за каждый год правления демократов сокращается население страны.

А здесь, в Якутске?

Сейчас русских в республике — 80 процентов. Планируется, что к 2000 году их останется только 50 процентов.

И это не оттого, что якутов станет больше. Просто меньше станет самих русских.

Катастрофически падает рождаемость.

Пустеют русские севера...

17 июня 1995 года. Якутск

НАЧАЛО ПЛЕНУМА

В Буденновске предпринят неудачный штурм больницы.

Много погибших, но результат нулевой.

А у нас, в Якутске, в здании Русского Государственного драматического театра открылся Пленум правления Союза писателей России.

Разговаривал в коридорах театра о юкагирах и с юкагирами, выпивал с редактором «Полярной звезды» Софроном Осиповым и его сотрудниками...

Когда разговариваешь с якутскими писателями, такое ощущение возникает, как будто и не в России они живут.

Впрочем, отчего же как будто?

В Якутии не было танков на улицах, здесь президент Михаил Ефимович Николаев не расстреливал Верховный совет. Здесь литература не объявлена персоной нон грата. Поэтому и не знают якутские писатели нашего ожесточения...

В кабинете, где мы выпивали, стоял телевизор. Кто-то включил его. Во весь экран выплыло лицо Виктора Степановича Черномырдина с трубкой в руке.

— Але! — кричал он, наливаясь нездоровой кремлевско-газпромской краснотой. — Шамиль Басаев? Это Черномырдин! Шамиль Басаев, говори громче!

18 июня 1995 года. Якутск

ПОСЛЕДНИЙ ЯКУТСКИЙ ДЕНЬ

Вчера был якутский праздник Ысыах.

Я ездил в Намский улус Коли Лугинова.

Запомнилась невыносимая жара; долгое стояние на стадионе; однокурсник Ваня Мигалкин; погреб Николая Лугинова в вечной мерзлоте, в котором хотелось остаться.

А сегодня с утра — встреча с президентом Михаилом Ефимовичем Николаевым в Институте языка и литературы.

Там же состоялся последний банкет.

Потом нам вручили водочно-рыбные подарки и повезли в аэропорт.

А там накладка...

Из-за Анатолия Борисовича Чубайса, лайнер которого стоял на взлетной полосе и все не улетал, наш самолет два часа ожидал разрешения на взлет.

В салоне стояла невыносимая жара, и вскоре после бессмысленных объяснений бортпро-

водниц в самолете началась какая-то озверевшая пьянка.

Что было дальше — не помню.

Голова как-то сама переключилась на автопилот.

Очнулся уже в Москве в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, но все еще — вот она, игра часовых поясов! — не кончался этот долгий якутский день...

23 июня 1995 года. Якутск — Москва

НАСЛЕДНИКИ

Полвека миновало после великой Победы России над оккультным рейхом...

Накануне юбилея, 25 апреля, глава правительства России Виктор Черномырдин заявил о создании предвыборного объединения «Наш дом — Россия», «чтобы не дать шанса никаким экстремистам победить на выборах».

По-видимому, экстремисты — это мы, дети и внуки русских солдат, одержавших пятьдесят лет назад великую Победу.

Тем не менее в Смоленске открыли памятник Василию Теркину, на Манежной площади в Москве — памятник Г.К. Жукову, а патриарх Алексей II освятил храм апостолов Петра и Павла в Прохоровке на Курской дуге.

Зато военный парад 9 Мая прошел на Поклонной горе, поскольку Красная площадь занята стройкой, да и страшно, наверно, было Борису Николаевичу Ельцину с Виктором Степановичем Черномырдиным подпускать к Кремлю русских «экстремистов».

Ельцин заявил в этот день, что «классическая военная операция в Чечне завершена» и теперь восстановлением конституционного порядка там будут заниматься подразделения МВД.

Ну а вскоре, после юбилея, 28 мая, землетрясение уничтожило город Нефтегорск на Сахалине. Погибло полторы тысячи человек.

Страшная новость...

Еще страшнее, что правительство В.С. Черномырдина приняло решение вообще не восстанавливать город.

Еще одна новость, от которой, должно быть, заворочались в своих гробах наши прославленные адмиралы, пришла из Сочи — 9 июня Борис Ельцин и Леонид Кучма подписали соглашение о разделе Черноморского флота.

Ну, а кульминацией позора, который неутоми-

мые борцы с русским экстремизмом обрушили на нашу страну, стала трагедия Буденновска...

Борец с русским экстремизмом В.С.Черномырдин запретил предпринимать какие-либо попытки задержать бандитов...

Ну, а Борис Николаевич Ельцин не постеснялся на следующий день повторно внести на ратификацию в Государственную думу печально знаменитый договор об одностороннем разоружении России — СНВ-2. Еще — это уже отстаивая В.С.Черномырдина! — Б.Н.Ельцин пригрозил, что «Дума может подписать сама себе приговор...».

Себе приговор Борис Николаевич Ельцин и Виктор Степанович Черномырдин уже вынесли.

В эти трагические дни полувекowego юбилея великой победы русского народа в Отечественной войне особенно явственно обозначилось ничтожество и катастрофическая несообразность нынешних руководителей России тем постам, которые они занимают.

23 июня 1995 года. Москва

ГАЙДАР В МГУ

Жена приятеля, у которого я остановился в Москве, работает в МГУ.

К ним сегодня Егор Тимурович Гайдар приезжал. Чтобы обеспечить явку, студентов обязали отметить на Гайдаре в специальной книге.

Студенты приходили и отмечались.

— Вас будут призывать после учебы в армию, если вы не проголосуете за нас! — горячился Гайдар.

Студенты не слушали его. Отметившись, они уходили.

— Я спросила у одного студента, — рассказывала знакомая, — а почему они не реагируют? Ведь действительно, это важно должно быть для них — идти или не идти в армию. Знаете, что он сказал? Он говорит, что ему еще три года учиться и он не думал пока, что через три года будет с ним!

Мою знакомую возмущало поведение студентов, она называла это инфантилизмом, но я этого возмущения не разделяла.

Благодаря проведенным Гайдаром и Ельциным реформам россияне не задумываются ни на два года вперед, ни на год. Мало кто может сказать, что у нас через месяц будет, чего же на несколько лет вперед загадывать?

26 июня 1995 года. Москва

РУБЦОВУ ОТКАЗАТЬ

Два месяца назад мы обратились к председателю комитета по культуре и туризму мэрии Санкт-Петербурга В.П. Яковлеву.

«Уважаемый Владимир Петрович!

3 января 1996 года исполнится 60 лет со дня рождения великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова.

Стихи Рубцова вошли в сокровищницу русской поэзии, они любимы миллионами русских людей. Именем его названы сейчас улицы, Рубцову поставлены памятники в Тотьме и Вологде, музеи поэта создаются по всей стране.

Вместе с тем в Санкт-Петербурге, где поэт провел самые важные годы своей жизни, до сих пор память его никак не увековечена.

Предлагаем к 60-летию поэта установить мемориальную доску на здании общежития (Севастопольская улица, дом 5), где жил Николай Михайлович Рубцов в 1960–1962 годах».

Письмо это подписали: Глеб Горышин и Глеб Горбовский, Борис Штоколов и Иван Виноградов, Борис Орлов и Иван Сабилло и многие другие санкт-петербургские писатели.

И вот пришел ответ.

На бланке комитета по культуре мэрии Санкт-Петербурга было напечатано:

«Уважаемый Николай Михайлович!

По ходатайству Санкт-Петербургской организации Союза писателей России об установке мемориальной доски Н.М. Рубцову отвечает Комитет по культуре.

Не умаляя значения творчества Н.М. Рубцова для российских читателей, мы вынуждены сообщить Вам, что в городе сложилась годами отработанная практика, которая учтена в документе «Положение об установке мемориальных досок в Санкт-Петербурге». Они устанавливаются выдающимся деятелям, оставившим значительный след в развитии истории и культуры страны и заслужившим широкое признание. Ваше предложение могло быть рассмотрено с этих позиций, но согласно названному документу нашему современнику возможна установка мемориальной доски по прошествии тридцати лет со дня кончины.

Заместитель председателя Комитета по культуре Э. А. Филиппова».

На первый взгляд, здесь все вроде бы было правильно.

Есть положение... Сложилась годами отработанная практика... Со дня гибели Н.М. Рубцова двадцати пяти лет еще не прошло, и срок установки мемориальной доски не наступил. Придется подождать еще лет шесть...

Так, утверждает Э.А. Филиппова, заведено у нас в городе. В Вологде, в Тотьме могут ставить памятники, а у нас в Питере это никак невозможно.

Чтобы лишний раз убедиться в нерушимости заведенного в нашем городе правила установки мемориальных досок, я заглянул в справочник «Писатели Ленинграда. 1934–1981». (Лениздат, 1982) и, к удивлению своему, обнаружил, что драматургу В.В. Вишневскому, умершему в 1951 году, мемориальную доску установили на улице Попова на следующий год.

Через год после смерти были установлены мемориальные доски Ю. П. Герману (Марсово поле, в 1968 г.), А. А. Прокофьеву (Кронкверкская улица, 1972 г.) и В. М. Саянову (Чебоксарский пер, в 1960 г.). Зато вот кинодраматургу Ф.М. Эрмлеру, автору сценария фильма «Великий перелом», пришлось ждать установки доски целых два года. Ее установили на Кировском проспекте только в 1969 году. Точно так же, как и переводчику М.Л. Лозинскому (Кировский проспект, в 1957 г.) или режиссеру Г.М.Козинцеву (ул. Братьев Васильевых, в 1975 г.).

А.П. Чаплыгину мемориальную доску в нашем городе установили в 1940 году, спустя три года после смерти. Л.С. Соболеву и В.Я. Шишкову — спустя пять лет, а детскому писателю Е.И. Чарушину — спустя десять лет после смерти.

Список этот можно было бы продолжать и далее, но, думается, нужды в этом нет, каждый желающий может продолжить его, обратившись к указанному справочнику.

Разумеется, нелепо предполагать, что заместитель председателя Комитета по культуре мэрии Санкт-Петербурга Э.А. Филиппова не знает, кому и в какие сроки устанавливаются в нашем городе мемориальные доски. Думается, что дело тут и не в Э.А. Филипповой, а в самом Николае Михайловиче Рубцове...

Собирая материалы для своей повести о Николае Михайловиче Рубцове «Путник на краю поля», я не раз поражался, насколько для некоторых начальников было ненавистно само это имя. Запомнилась одна резолюция на его ходатайстве: «Рубцову — отказать!»

Так было при жизни поэта.

Ему отказывали в переводе на дневное отделение института. Отказывали в прописке, отказывали в жилье...

Иногда вначале обещали, но потом отказывали...

Но Рубцов сам выбрал для себя эту русскую судьбу и не собирался отказываться. Незадолго до своей гибели он написал:

*Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой...*

Отказывают Николаю Михайловичу Рубцову и сейчас, после смерти.

Хотя это, конечно, не вполне верно.

Ведь и прописка, и жилье нужны были живому Рубцову, а мемориальная доска нужна нам, петербуржцам.

И это не Рубцову отказал Комитет по культуре, он отказал всем нам, русским...

1 июля 1995 года. Санкт-Петербург

НАДУТЫЕ ЩЕКИ

Сегодня утром позвонил издатель «Русской провинции» Миша Петров и попросил съездить с ним в типографию. В типографии не так напечатали открытки, и я должен был изобразить заказчика.

— Ты хоть открытки мне покажи, чтобы я в курсе дела был...

— Зачем? — сказал Миша. — Тебе просто надо сидеть и надувать щеки.

Ну что ж...

Пока «перетирал» Миша с директором типографии «непонятку», я надувал щеки и угрюмо рассматривал ногти на своих растопыренных пальцах.

И то ли вид мой обеспокоил директора, то ли вопрос оказался легкоразрешимым, но переговоры закончились всеобщим удовольствием и согласием.

Покинув типографию, Миша приобрел бутылку водки, и мы отправились к Глебу Горышину.

Говорили, конечно, о «Русской провинции», о том, что здесь не просто печатается хорошая литература, а идет системный поиск народных

самородков. Практически в каждом номере можно найти эти материалы...

Потом водка кончилась.

Миша начал было рассказывать что-то о заведующей сельским клубом, воспоминания которой он сейчас готовит к печати, но Глеб Александрович замолчал, барабанил пальцами по столу, а я надул щеки, как это делал в типографии, и Мише пришлось идти еще за одной бутылкой.

3 июля 1995 года. Санкт-Петербург

СЕРГИЕВ ДЕНЬ

Написал с утра заметку «Сергей Есенины Сергея Алипова».

Потом пошел в издательство «Александр Принт», куда Сергей Карпущенко отнес наш с Сергеем Носовым многострадальный «Русский хронограф».

Эту небольшую на восемь листов книжечку мы составили в 1991 году, и ее сразу купило у нас издательство «Новой газеты» Александра Потехина, выплатило нам гигантский по тем временам аванс, сделало набор, но книгу так и не стало выпускать.

Потом мы продали книжку московскому издательству, но и оно, заплатив нам что положено, приказало долго жить, и «Русский хронограф» остался неизданным.

Я попытался издать «Хронограф», присовокупив его к своей готовящейся к выходу в «Молодой гвардии» книжке «Игрушки русских императоров», но хотя мы и тут получили все деньги, «Хронограф» издавать не стали, более того, он утянул за собою и сами «Игрушки русских императоров».

Напечатал «Хронограф» только журнал «Встреча» (культурно-просветительная работа), растянув публикацию на четыре года.

И вот теперь издательство «Александр Принт» выразило готовность издать «Хронограф».

Правда, было выдвинуто два условия. Во-первых, мы должны продолжить «Русский хронограф» — у нас он завершался расстрелом царской семьи — до наших дней, во-вторых, объем его должен составлять не менее 30 листов.

Когда я сообщил об этом предложении Сергею Носову, он участвовать в переделке книги категорически отказался.

— Это же совсем другая книга получится... — сказал он. — У меня ни времени, ни желания нет

заниматься этой работой.

— Ну что ж... — сказал я. — Придется мне одному делать эту совсем другую книгу.

— А с нашим «Хронографом» что будет?

— У тебя же есть набор, который в «Новой газете» сделали... Попробуй напечатать...

На этом и закончился разговор.

— Какой-то странный день сегодня... — сказал я жене. — Одни Сергейи кругом!

— Сергиев день только через неделю будет, — сказала Марина, — 18 июля...

10 июля 1995 года. Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Приехали в Вознесенье.

Новые времена, опоздав на несколько лет, пришли и в наш поселок.

Еще пару лет назад поселковые мужики посмеивались, дескать, у вас в городе реформы, а мы чего? Корабли ремонтировать надо, без ремонта они ходить не будут, нам беспоиться нечего, да и вообще мы и так проживём со своими огородами...

Сейчас так уже не говорят. Безработица пришла и в поселок, и гораздо более лютая, чем в городе. Там всё-таки куда-нибудь да можно устроиться, а здесь? Здесь устраиваться некуда.

Впрочем, пока мужики не унывают. Пока платят пособие по безработице, кое-кто даже и доволен. А что? Время свободное — хочешь на рыбалку поезжай, хочешь ягоды бери да сдавай, хочешь огородом занимайся или по хозяйству чего мастери.

Ну, а во-вторых, хотя и невелики пособия, но ежели на водку их перевести, а особенно на спирт, то совсем даже и неплохо получится. Спешить никуда не надо. Всему своему времени хозяин...

С утра уже собираются мужики у лодочных гаражей, соображают на двоих, на троих — но это не имеет никакого значения! — всё равно к вечеру все пьяные будут.

— А ты, Серёга, чего? Не будешь с нами?

— Не, мужики... На отметку сегодня идти.

— А-а... Тогда да... Тогда тебе пока никак нельзя сейчас пить. Там с этим делом строго. Ежели пьяный придешь, запросто могут пособия лишить. Мне-то завтра на отметку идти, сегодня выпью, а завтра ни-ни...

И пьют. И толкуют о чем-нибудь умном. И

вполне — много ли русскому человеку надо? — довольны и жизнью, и властью, и погодой, да же если идет с утра нескончаемый дождь.

— Так пособие-то не вечно ведь платить будут, — говорю я. — Или уже на пенсию скоро?

— Куда там скоро! Столько лет еще ждать этой пенсии...

— И что же делать будете через год?

Чешут затылки мужики.

— Кто его знает... Может, через год и переменится всё? Может, снова советская власть будет? В городе-то ничего не слышать про это?

— Да вроде пока не слышать...

— Зря... Ну что тут поделаешь... Видно, последний год и живём тогда.

И сдвигают стаканы по-русски, и пьют, пьют за последний год.

Может быть, за последний год Ельцина, а может быть, свой...

Мужикам всё равно сейчас.

Главное, на отметку завтра прийти трезвыми!

19 июля 1995 года. Вознесенье

МНОГОСЕРИЙНОЕ КИНО

Живем в Вознесенье.

Поставил в большой комнате с прогоревшим полом машинку и начал писать роман «Чужой».

Каждый вечер читал Марине новую главу. Сегодня закончил роман. Когда прочитал последнюю главу, Марина даже расстроилась.

— А как теперь дальше... — сказала она. — Я уже привыкла, что это кино идет многосерийное...

6 августа 1995 года. Вознесенье

НОВОСТИ ПРИВАТИЗАЦИИ

Резко повысилась популярность бейсбола в нашей стране — опять забили бейсбольной битой коммерсанта — коммерческого директора «Сити-Банка» господина Парахина...

Приватизация в стране идет полным ходом.

На даче у дома отдыха «Снегири» зарезали президента Банка «Югорский», члена Высшего совета Российского объединения промышленной партии Олега Кантора...

Возле собственного дома из автомата расстреляли председателя АООТ «Алчевский металлургический комбинат» Николая Скороходова...

Упал с балкона бывший заместитель генерального директора АО «ЛогоВАЗ» Михаил Гафт...

10 августа 1995 года. Вознесенье

ПИСЬМО ИЗ «СЕВЕРА»

Ездил в Санкт-Петербург.

Там письмо от редактора журнала «Север» Олега Тихонова.

«Дорогой Николай Михайлович! За все спасибо. Уже мало кто из серьезно пишущих не дает сохнуть перу.

Великое дело Вы начали. От всей души желаю сил и долготерпения. Бог даст, пока доберетесь до пятой части, улягутся мутные страсти, обожрется пошлятиной книгоиздание, к совестливой и человеческой литературе вновь потянется читатель. Надеюсь, и «Север» до той поры доживет.

Со своей стороны обещаю всяческое содействие. Но вот не озолочу, это точно. Живем в боях за существование — назло, из принципа, не опускаясь.

«Эта грустная вепсская история» идет в октябрьском номере. О сроках для «Семейной хроники» пока ничего не скажу — конец года плотно занят Балашовым.

Всего доброго. «Хроника» читается хорошо — Вы в самой поре для этого нелегкого жанра».

Весь день, пока занимался — получал 3 000 000 рублей, аванс под «Русский хронограф» — делаем, все вспоминал об этом письме.

Такое светлое и доброе...

17 августа 1995 года. Санкт-Петербург

КНЯЖЕСКОЕ ДЕЛО

Сегодня приходил в гости Борис Васильевич Тимофеев-Голицын...

Он принадлежит к древнему роду князей Голицыных, и вся его огромная жизнь, событий которой, кажется, вполне хватило бы на несколько жизней, уместилась в России.

В 1941 году воспитаннику музвзвода Борису Васильевичу Тимофееву было семнадцать лет, он играл на валторне. Когда началась война, его отправили домой, в Ленинград.

Здесь в первую блокадную зиму Борис Васильевич... умер.

Во всяком случае, именно так записано в домовой книге дома номер 63 по Лиговскому проспекту.

Санитары вынесли потерявшего от голода сознание подростка из пустой квартиры и положили вместе с мертвецами на лестничной площадке.

Очнувшись, Борис Васильевич встал и поб-

рел в военкомат. Там его покормили, и он ушел на фронт. Воевал на легендарном Невском пятачке. Был снайпером, шесть раз ходил в штыковую атаку...

— Борис Васильевич! — перебил тут я своего собеседника. — Значит, вам самому приходилось убивать на фронте?

Уже дважды я задавал этот вопрос.

И дважды мой собеседник не отвечал на него. Один раз вообще не обратил внимания на этот вопрос, а в другой раз очень подробно рассказал о технике штыкового удара, где весь секрет заключается в том, чтобы не просто вонзить штык в противника, а вонзить именно на десять сантиметров и сразу же, разворачивая — русский граненый штык наворачивает при этом на себя внутренности противника — выдернуть назад. Если же вонзишь штык глубже, падая, противник неминуемо свалит с ног и тебя... А в штыковом бою главное — на ногах устоять.

И каждый раз разговор, обрастая необыкновенными, захватывающими историями, уклонялся в сторону, но я всё же упорно возвращался к своему вопросу. Когда я повторил его в третий раз, Борис Васильевич уклоняться от ответа не стал.

— Мы сейчас с вами кофе пьем, Николай Михайлович... — сказал он. — Разве я буду запоминать, сколько вы выпили. Мне же это неинтересно. Ну, убил и убил. А сколько человек — это женский вопрос. Мы, Голицыны, убиваем не для того, чтобы убить, а для того, чтобы живыми остаться. Чтобы родные потом не плакали... Для этого в бою и ждем мы, подкарауливаем, когда ошибется противник. Голицыным всегда надо было выживать. Для этого и сохраняются в нашей семье секреты древнего боевого искусства. Передаются веками из поколения в поколение. Мы же не спортсмены. Мы — воины...

На Невском пятачке Борису Васильевичу везло. Ранили его уже под Красным Бором. Накрыло миной... Минометный осколок перебил правое предплечье.

Случилось это 13 февраля 1943 года...

Тем не менее осколок мины, настигший девятнадцатилетнего Тимофеева-Голицына под Красным Бором и сделавший его инвалидом второй группы, не перечеркнул его судьбы.

— В том ранении, — рассказывает Борис Васильевич, — я просто увидел знак судьбы. Еще

при Иване Грозном мой предок Михаил Иванович Булгаков потерял в сражении кисть руки. Он стал тогда носить железную перчатку-голицу. Отсюда и пошла наша фамилия. Так что и ранение у меня родовое...

С этим родовым ранением и закончил он институт, стал геологом, исходил вдоль и поперек Кольский полуостров. Месторождение слюды «Тигемы» открыто им. Борис Васильевич — почетный геолог.

И вот так получалось, что хотя Борис Васильевич жил во времена сталинских пятилеток, хрущевских семилеток, брежневского застоя, но при этом никогда, ни на одно мгновение не переставал ощущать себя прямым наследником древнего рода. И ни большие терроры, ни кукурузные аферы, ни маразм застоя нисколько не мешали ему жить так, как он считал нужным...

И совсем уже невероятным выглядел рассказ Бориса Васильевича о том, что он сумел сохранить секреты древнего боевого искусства князей Голицыных...

Заметив, что это смутило нас — ну какое боевое искусство может сохранить инвалид, переваливший на восьмой десяток? — Борис Васильевич предложил мне и моему приятелю Николаю Тамби вдвоем попробовать повалить его.

Дело происходило у меня в квартире, в моем кабинете, и я без особого восторга отнесся к этому предложению. Кабинет у меня, конечно, неплохой, но для занятий спортом маловат. Книжные полки, картотека, письменный стол, на журнальном столике — чашки с недопитым кофе и, разумеется, повсюду разные безделушки. Для предлагаемого Борисом Васильевичем состязания оставался только пятючок площадью не более двух метров. Чтобы уложить на нем человека, пришлось бы попросить его подогнуть ноги...

Но Борис Васильевич, казалось, и не заметил моего смущения.

— Ну-ну... Смелее... — подбодрил он нас, встав посреди кабинетной тесноты.

Нехотя поднялись и мы.

Попробовали взять неугомонного старичка за руки, но руки его куда-то исчезли. Я увидел их спустя мгновение — одна рука упиралась мне в подбородок, другая сдавливала шею сзади. Николай при этом почему-то снова сидел на диване.

— Вот и всё! — объявил Борис Васильевич. — У

вас, Николай Михайлович, шея сломана, а вы... — он повернулся к Николаю, — уже мертвый. Ещё попробуем?

Мы попробовали еще раз.

И ещё.

Постепенно входя в азарт, пробовали и вернуть Борису Васильевичу руки назад, и шею перехватывали, но результат оказывался прежним, через несколько секунд переваливший на восьмой десяток инвалид второй группы выскальзывал на свободу и уже мы оказывались в его руках.

Потом Борис Васильевич показал фотографии, где он был изображен с титулованными самбистами, дзюдоистами, каратистами из различных стран, но, пожалуй, наглядный урок был более убедительным.

— Мы не уходим от противника... — демонстрируя свои фантастические приемы, объяснял он. — Мы прижимаемся к нему. Мы не спортсмены. Нам не нужны арены. Мы убиваем на одном месте. Видите, мы ведь ничего не поломали тут, ни одна вещь не задета... Главное, не надо никогда спешить, если возникла опасность. Оставайтесь спокойными. Вот так... Рука уже здесь, спина округлилась, голову убираете туда, прижимайтесь, прижимайтесь к ножу, правильно... А тут поторопились, ногу не туда убрали, вдохнули не так... А посмотрите на меня... У меня сбилось дыхание? У меня изменился голос? Я вспотел? Нет. Я специально подобрал некоторые приемы, которые можно показывать, но и они, вы сами видите, очень полезные. Главные же секреты боевого искусства у нас в семье передаются только наследникам. Больше их никто не знает. Мы выбрасываем все лишнее. Мы всегда на одном месте. И мы — совершенно другие люди. Нас с младенчества готовят к войне. Мы никого не убиваем зря...

Сейчас, когда в нашей стране все звания и титулы девальвированы, когда, включив телевизор, обязательно увидишь на экране какого-нибудь кривляющегося женоподобного графа или князя, сами эти титулы порою воспринимают как разновидность дешевой бижутерии, свидетельствующей не столько о достоинствах обладателя их, сколько о его дурном вкусе.

В понимании Бориса Васильевича титул — это не украшение, не привилегии, а прежде всего обязанности. Обязанность сохранить незапятнанным сам свой титул и обязанность

— зачем же и нужны были еще князя? — защищать Отчизну в бою. И, конечно же, обязанность сохранить то, что, помимо справок и удостоверений, и отличает тебя и твой род от прочих «нетитулованных» людей...

Обстоятельства способствуют или не способствуют сохранению твоих льгот или привилегий. А обязанности сохраняются всегда...

Я слушал рассказы Бориса Васильевича, как можно утолить одним крохотным глотком воды жажду; смотрел на фотографии, где с огромным рюкзаком за плечами в одних плавках и поясе, на котором висят нож и пистолет в кобуре, босиком идет Борис Васильевич через тайгу; и думал, что никакая советская власть, никакие большевики не способны были уничтожить то, что пронес в себе из глубины веков русской истории этот человек!

И, конечно, трудно было не вспомнить столь популярную в студенческой среде моей молодости песенку:

*Четвертые сутки пылают станицы,
Потеет дождями донская земля...
Раздайте патроны, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина...*

Нет, эта песенка, под которую столько водки было выпито в годы институтской юности, никакого отношения к настоящим Голицыным, конечно, не имеет.

Этакой местечково-ресторанной печали про «девочек наших», которых ведут в кабинет, никакой настоящий Голицын никогда бы не придумал...

Впрочем, не княжеское это дело — сочинять ресторанные шансонетки.

18 августа 1995 года. Санкт-Петербург

ВОЗНЕСЕНСКОЕ НЕБО

С перерывом на четыре дня, которые я провел в Питере, оформляя договор на «Русский хронограф», уже почти два месяца живем мы в Вознесенье.

Закончил сегодня статью для «Молодой гвардии» про «Поднятую целину» Михаила Шолохова — «Люди против нелюди».

Вышел из дома.

Кругом темная ночь, только в палисаднике в свете, падающем из окон, белые стволы берез.

А высоко над ними, в густой темноте, усеянное звездами небо...

28 августа 1995 года. Вознесенье

ГЛУХОТА

Я часто видел этого человека.

Грузный, немолодой, он стоял обычно возле переправы и смотрел на машины, дожидаящиеся парома, или же сидел в волостной администрации, опираясь на поставленную между ног палку. И всегда он как бы выпадал из общего движения, из общего ожидания. Поэтому и обращал на себя внимание.

Давно я уже собирался спросить: кто это, но всё забывал за делами. И вот теперь он пришёл ко мне. Вошёл в дом и сел на кухне у стола. Грузный. С новеньким орденом Великой Отечественной войны на заношенном, выдавшем виды пиджаке.

Он назвал себя — Михаил Александрович Титков. Инвалид Великой Отечественной войны. Ветеран труда. Пенсионер.

— Вот ведь как получается... — сказал он, заметив, что я обратил внимание на его пиджак. — Вроде и деньги есть, а не купишь ничего. Даже пиджака подходящего в магазине не могу найти. Всё там — зелёное да красное... Как будто на попугая сшитое... Смеются над нашим русским человеком, наверное.

И он посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

Михаил Александрович вздохнул. Пришел он ко мне, конечно, не на пиджак жаловаться, а рассказать, что ему жить негде.

— Как же так получилось? — спросил я.

— Дом я в наследство получил...

— Ну и хорошо... А в чём же проблемы тогда?

— С очереди сняли. Я на квартиру в очереди стоял, а меня выкинули из очереди. Говорят, теперь у тебя дом есть. А что дом? Я восемь месяцев в больнице лежал, а вернулся — вся мебель, все вещи из дому проданы. И печку боюсь затопить — кругом дыры. Сейчас летом ещё ничего, у переезда постою или в поселковом совете посижу — день и проходит. А зима наступит, куда денусь?

Разговаривать с Михаилом Александровичем было не просто. Он очень плохо слышал, и приходилось кричать ему прямо на ухо. Попроше стало, когда он достал свои документы. Да и история, в которую попал Михаил Александрович, оказалась совсем простой, проще некуда...

Я перелистывал его трудовую книжку с его бесхитростной ветеранской жизнью.

Родился он в селе Шустручей.

В 1938 году окончил школу ФЗО в Вознесенье и два года работал на здешнем судоремонтном заводе, пока не призвали в армию.

Войну встретил во Львове, уже 22 июня 1941 года был под бомбежкой. Потом было отступление, пока, раненый, вместе с двумя армиями, взятыми немцами в мешок на Северном Донце, не попал в плен.

Три года провел в немецком концлагере, но и там выжил, после освобождения, после всех проверок, вернулся в 1946 году с полупарализованной ногой в сожженное Вознесенье.

Снова работал трактористом, окончил курсы механиков...

В трудовой книжке, распухшей — не хватало места записывать сведения о наградах и поощрениях — от вкладышей, десятки благодарностей.

За выполнение плана... За доблестный труд... Снова за доблестный труд... За рационализаторские предложения... За освоение новой техники... Снова за перевыполнение плана... За активную работу в добровольной народной дружине... За победы в соцсоревновании...

С 1969 года Титков работал в Вознесенском эксплуатационном СЗРП, преобразованном потом в Вознесенскую ремонтно-эксплуатационную базу флота, до 20 мая 1983 года, того самого дня, когда он вышел на пенсию.

«От всей души желаем вам, Михаил Александрович, доброго здоровья, личного счастья, семейного благополучия, больших успехов в выполнении программы, намеченной XXVI съездом КПСС...» — писала тогда в адресе Титкову администрация, профсоюз, парторганизация Вознесенской РЭБ.

Такая вот, воистину, бесхитростная жизнь.

Работал, воевал, мучился в плену, вернулся в Вознесенье, поселился посреди послевоенной тесноты и нищеты в доме у дяди, работал, растил сыновей. Два сына было у Михаила Александровича.

Старший, окончив школу, тоже в РЭБе работал сварщиком, но десять лет назад — такой молодой! — умер, когда возвращался с работы. Сердце... Жена ненадолго пережила старшего сына. Так и остался Михаил Александрович с младшим. Но с ним проблем больше, чем помо-

щи. Когда Михаил Александрович лежал в больнице, этот сын всё-таки навестил его.

— Что же ты делаешь? — спросил у него Михаил Александрович. — Продаёшь-то из дома всё зачем?

— Надо ведь жить как-то... — ответил сын.

Впрочем, это тоже в прошлом. Сейчас сын — не довела до добра такая жизнь — в заключении. И жаловался Михаил Александрович, конечно, не на сына.

Еще в 1981 году, когда работал в РЭБе и когда получал благодарности за труд, был он принят «на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий», или, говоря попросту, поставлен на очередь на квартиру в каменных благоустроенных домах, которые тогда начала строить РЭБ. И пока работал Михаил Александрович в РЭБе — не кривила душой администрация, желая ему «личного счастья и больших успехов в выполнении программы, намеченной XXVI съездом КПСС» — он мирно стоял не на ветеранской, а на самой обычной очереди. Сняли его с очереди только в 1986 году, когда умер работавший сварщиком в РЭБе старший сын.

Тогда выяснилось вдруг, что ветеран войны и труда Титков М.А. — я цитирую кассационную жалобу нынешней администрации РЭБа на решение Подпорожского городского народного суда 10 марта 1995 года, постановившего восстановить Титкова М.А. в очереди — был, оказывается, принят на учет с нарушением п.п. 15,1 15.5, 15.10.

Поводом для снятия Михаила Александровича с очереди стала смерть его дяди, оставившего ему в наследство свой дом. Руководствовался дядя самыми благими намерениями и, конечно, представить не мог, что именно так оставит племянника на старости лет без всякого жилища. Строго говоря, с юридической точки зрения, завешание никакой силы не имело, поскольку Михаил Александрович так и не вступил в права наследования, но администрации РЭБ нужен был повод, чтобы избавиться от пенсионера, и этим поводом она и воспользовалась. Напомню, что шел тогда 1986 год. Уже вовсю шла перестройка, постепенно превращающая аморальность в норму нашей жизни.

«Кассационная жалоба» нынешней администрации РЭБ, жалоба по существу на полуглухого старика, инвалида войны, ветерана, от-

давшего добрую половину своей жизни этой самой базе флота, тоже поражала своим крючкотворческим цинизмом.

«В суде был представлен акт, что дом требует капитального ремонта, но нет заключения, что дом непригоден для постоянного проживания».

Заключения такого Михаил Александрович Титков действительно не представил. Дом, который завещал ему дядя, старше его самого. Этот дом перевозили с места на место.

Уже в семидесятые годы дом пришел в такую ветхость, что пристань продала Титковым принадлежащую ей в доме половину по стоимости дров. В качестве летней дачи домом еще можно пользоваться, но жить в нем постоянно, жить зимой — невозможно. Тем более больному старику, инвалиду войны, который ни дров для печи, ни воды принести не сумеет.

Во всем этом легко было убедиться, стоило только подойти к дому и посмотреть на него, но администрация РЭБ ведь не устройством судьбы Титкова была озабочена, ей требовалось лишь избавиться от старика.

И об этом тоже прямо было сказано в «Кассационной жалобе».

«Вознесенская база флота,— написано там, — является акционерным обществом. Титков не является акционером предприятия. В соответствии с уставом жилая площадь предоставляется акционерам по решению акционерного собрания, поэтому решить вопрос Вознесенская база флота по восстановлению в очереди Титкова М.А. не может».

Понятно, что Вознесенская РЭБ, как и вся промышленность нашей страны, переживает сейчас далеко не лучшие свои времена. И её акционеры, а проще говоря, рабочие и служащие, отнюдь не процветают, а бьются в нужде. И квартира, которую просит у них Титков, увы, слишком тяжкое бремя. Не от хорошей жизни вынуждена администрация продавать квартиры в своих домах посторонним людям. Опять-таки от нужды. И тут, конечно, не только о Титкове речь, а о миллионах точно таких же стариков, как он, сделавшихся непосильной обузой для нашего подгоняемого нынешними правителями к капитализму общества.

— Ну а что вам в самой-то администрации РЭБ говорят?— спросил я.

— Дак директор РЭБ сам-то прячется от ме-

ня... — вздохнул Михаил Александрович. — А другие чего говорить будут? Езжай, говорят, в дом престарелых. А куда я поеду, если мои все тут похоронены...

Ну да... Что же еще могут предложить, что еще могут посоветовать инвалиду и ветерану в акционерном обществе. Конечно, вроде бы не по совести получается, но ведь и совесть — это не капиталистическая категория. Это оттуда, из того времени, которое отходит в далекое прошлое.

И все равно непонятно, почему суд принял во внимание кассационную жалобу администрации Вознесенской РЭБ и в сентябре решение о восстановлении Титкова в очереди было отменено.

— А вы говорили, что вы инвалид войны? Вы говорили, что дом непригоден для жилья?

— Что? — спросил Михаил Александрович.

Увы... Так и было на том суде. Ни слова не разобрал Михаил Александрович из того, что говорилось при рассмотрении дела.

И это тоже, конечно, метафора.

Суд над глухим стариком...

Вроде бы и формальности все соблюдены. Мог ведь возражать Титков, мог опровергать пункты кассационной жалобы рэбовской администрации, но не возражал, не опровергал, только и услышал, когда прокричали ему на ухо, что в просьбе его о восстановлении в очереди отказано и он может идти домой.

— А что дома-то? — сказал Михаил Александрович, вспоминая про этот «суд». — Боюсь печку затопить — кругом дыры. Сгорю... Куда идти?

Мне нечего было ответить на это Михаилу Александровичу.

Разве только посетовать на всеобщую глухоту, поразившую всех нас в последнее десятилетие, ту глухоту, которая и позволила ловким людям разворовать всю страну, обобрать до нитки весь народ.

Ведь вроде бы и спрашивали нас, были ведь разные выборы...

И глуховато кивали мы, совсем не слыша, не понимая того, на что мы все соглашаемся. А соглашались мы на нищету, на бесправие... И вот, подобно Титкову, спрашиваем теперь, куда идти, и не знаем.

А куда-то надо идти.

Ведь та стабильность, что предлагают нам стремящиеся удержать власть реформаторы, и

есть стабильность немислимых богатств немногих и абсолютной нищеты большинства.

Это та стабильность, которая и была предложена Титкову — жизнь в пустом, насквозь прогнившем и продутом всеми ветрами разворованном доме.

И от кого, от какого дяди получили мы в несчастливое наследство эту глухоту?

2 сентября 1995 года. Вознесенье

ПАНОК

Соседка сошла с ума, и ее увезли в лечебницу, а кота Панка — так его прозвала за высокомерный характер соседка! — забрала тетушка.

Теперь Панок живет у нее.

Отношения с тетушкой у него мирные, хотя тетушка и ворчит на него.

— Чего опять на ушах спишь? — ругается она. — Ляг по-человечески!

— А чего так нельзя, как он спит?

— Не, Николая... — отвечает тетушка. — Примета худая. К покойнику это... А у меня ведь никакого здоровья не осталось.

5 сентября 1995 года. Вознесенье

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТСКИЙ МИЛИЦИОНЕР

Ездил с Толей Стерликовым в деревню Курвоши.

До Ошты мы добрались быстро, но в Оште пришлось ждать совхозного автобуса, который часов в пять должен был отправиться в Курвоши за пастухом.

Толя отправился в магазин купить хлеба, а я присел у ограды большого, несоразмерного с Оштой, братского кладбища.

Здесь я и познакомился с Алексеем Филипповичем Игнатьевым. Этот пожилой, с усталыми глазами человек подошёл ко мне и попросил показать документы.

— А в чём дело? — спросил я. — С какой стати я должен показывать вам свои документы? Для чего?

— Для порядку... — грустно улыбаясь, ответил Алексей Филиппович.

Тут подошел вернувшийся из магазина Толя, и Алексей Филиппович потерял ко мне всякий интерес.

— А-а... — сказал он разочарованно. — Это с вами, значит... Извиняйте тогда...

И отошёл от нас, занялся мужиком, что спешил в магазин.

— Водка уже столько тыщей стоит, а рабочий класс чего от этого имеет? — спросил он.

Мужик испуганно замер.

— Что делать теперь, спрашиваешь? — сказал Алексей Филиппович, хотя мужик ничего не спрашивал. — Когда, спрашиваешь, это кончится? А я тебе так отвечу, прямо и без уверток; пока этот президент у власти, пока мафия у нас правит — ничего хорошего не жди!

— Кто это? — удивлённо спросил я у Стерликова.

— Алексей Филиппович... — засовывая в рюкзак буханки, ответил Толя. — Участковый бывший. Он на пенсии сейчас. Партийной ячейкой руководит. Ты особо на него не обращай внимания. Года три назад его болтом по затылку огрели, травма головы у него...

— Ясно... — сказал я.

Уже в автобусе, спешащем за пастухом в Курвоши, узнал я ещё одну историю, связанную с пенсионером Алексеем Филипповичем.

— Брат-то Кузьмина приходил к нему, дак бутылку приносил... — тяжело вздыхая, начала курвошская старушка рассказ про милиционера Игнатьева и урку Кузьмина. — Брата просил пожалеть, а Алексей Филиппович уперся. Сказал, чтобы забирал свою посуду и уматывал. Такой принципиальный!

И она поджала губы.

Впрочем, тут же продолжила рассказ.

Кузьмин этот, отсидев положенное в лагере, был переведен на вольное поселение, но оттуда, со строек народного хозяйства, убежал. Несколько недель прятался у матери в Оште, в подвале, пока Игнатьев его не выследил.

Поймал и отвёз в Вытегру, где Кузьмину добавили ещё три года лагерей...

— Такая вот жизнь у него через Алексея Филипповича наладилась... — неожиданно завершила свой рассказ старушка. — Тридцати лет ещё не исполнилось парню, а семь — на зоне провёл. Теперь он урка... Недавно приехал, дак выпил и грозился Алексея Филипповича порешить, а ночью-то того... Сам и помер...

Этот рассказ о судьбе тридцатилетнего, отдавшего богу душу оштинского урки Кузьмина снова заставил меня задуматься об Алексее Филипповиче.

Ведь самое примечательное в рассказе старушки заключалось в том, что выслеживал Игнатьев бежавшего со строек народного хозяйство Кузьмина уже на пенсии. Уже не по службе выслеживал, а, так сказать, по призванию.

И тут снова вспомнились мне глаза мужичка, которого Алексей Филиппович остановил на пути к магазину. Такая тоска была в них, что как-то не по себе делалось...

Н-да... Хоть и на пенсии был Алексей Филиппович, хоть и в оппозиции нынешнему режиму, а по-прежнему ощущает себя властителем здешних мест, хозяином человеческих судеб. И не только сам себя ощущал так, но и односельчане его — тоже.

Через пару дней, возвращаясь, я ждал в Оште вытегорского, идущего в наш поселок автобуса.

И снова увидел Алексея Филипповича. Он взглянул на меня, как, должно быть, в свое время смотрел на урку Кузьмина.

Неуютно стало от этого взгляда...

Но тут Алексей Филиппович узнал меня, и сразу погасли охотничьи огоньки в глазах. Сразу как-то погрузнев, Алексей Филиппович зашепшил к старушке, которая, чтобы отдышаться, поставила на лавочку сумку с продуктами.

— Что? — услышал я его голос. — Маленькая, говоришь, пенсия? Правильно — маленькая. А при правителях нынешних скоро цены еще поднимутся, тебе и вообще на хлеб не хватит.

Старушка кивала и всё время оглядывалась по сторонам. Глаза её были испуганными и тоскливыми.

— А кто у вас сейчас новым участковым? — спросил я у женщины, что дожидалась автобуса рядом со мной под козырьком остановки.

— Каким участковым? — спросила она.

— Милиционером...

— Так Алексей Филиппович и будет!

— Он же на пенсии....

— А никого нет больше... Говорят, денег нету, чтобы здесь милиционера держать. Не знаю уж, что и делать будем, если случится с Алексеем Филипповичем чего...

Подошёл наш автобус.

Я уже устроился на своем месте, когда снова увидел Алексея Филипповича.

Он шёл по плохо заасфальтированной улице и

со спины казался совсем старым, плечи его были тяжело опущены.

Наш автобус промчался мимо.

14 сентября 1995 года. Ошта

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Сегодня, подгадав к празднику Рождества Богородицы, ездили с тетушкой на лодке в Карнаволоок, чтобы навестить старушек Клавдию Ивановну Колышкину и Марию Ивановну Митькину.

Этих старушек сестер я помню, кажется, всю свою жизнь. И как бы и не меняются они с годами. Клавдия Ивановна Колышкина — посуше, Мария Ивановна Митькина — покрулее.

У Марии Ивановны муж погиб на войне, у Клавдии Ивановны — ушел.

Жили старушки сестры, сколько я их помню, всегда вместе. Растили детей, строили дом и, конечно, работали. Всю жизнь работали. Катали на лесной эстакаде бревна. Гоняли до Свирицы лесные гонки.

От прошлой непосильной работы руки их сделались сейчас коричневыми — от малейшего удара образуются гематомы.

А вот глаза остались прежними, голубыми, словно озера.

И свет в глазах прежний — добрый и чистый.

Построенный сестрами дом на берегу Свири чем-то очень напоминает их глаза. Заглянешь в него, и спокойнее становится на душе.

Строили его сестры на две половины. Одна половина — Митькиным, другая — Колышкиным. С каждой половины — свой ход, но одно крылечко все время закрыто, а на кухне проделан проход с одной половины на другую. Проход для того, чтобы удобнее было, поскольку живут старушки одной семьёй. Разные крылечки — на случай, если нечаянно поспорятся.

Давно уже не бывал я в этом доме, но вспоминал его часто и всегда почему-то окруженным пылающими золотом листья деревьями, освещенными еще тёплым осенним солнцем... Таким, окруженным теплом и тишиной, встретил нас этот дом и сейчас.

Радостно захлопотали они возле старинного самовара. Самовар был большой и добрый. Отверстия для поддува внизу были сделаны в виде сердечек. И чай из самовара с сердечками тоже очень сердечный, с добрыми разговорами за ним.

Я попытался сосчитать, как часто в разговоре старушек встречается местоимение «я», но так и не дождался его появления.

О себе сестры говорили исключительно во множественном числе. Ходили... Смотрели... Пекли... Копали... Косили...

И так глубоко сознание общности, что уже и болезни, и переживания стали общими.

— Расстроились вчера, дак ночь не спали... И ноги болели!

И только потом, когда начали сестры вспоминать об Остречинах, нахлынувшими воспоминаниями стало размываться старушечье «мы» общей вдовьей судьбы.

Сёстры рассказывали о колхозах и репрессиях, о лагерях и голоде, но — странно! — не было в них ни озлобления, ни гнева. В самые страшные воспоминания врывалось вдруг описание Остречинской ярмарки или какого-нибудь представления в Народном доме.

— А когда этот дом открыли? Кто построил его, не помните?

— Да познай кто... Народу-то богатого хватало в Остречинах.

— А кто самыми богатыми считался? Лапины?

— Не только Лапины... Ваши Поповы тоже не бедствовали! У Ивана Андреевича Попова и пароходы свои были. И школу он строил, и в церковь незнамо сколько жертвовал. На его именины в церкви всегда в большой колокол звонили...

— Это не наши Поповы были... — поджав губы, сказала тётушка.

— Понятное дело, не ваши! — согласилась Мария Ивановна. — Иван Андреевич дядей твоему отцу был... Средний-то брат Николай Андреевич у них в полиции служил. Его и посадили за это. Дак он, как чувствовал, после смерти жены всех детей по родне раздал. Нюрку-то, помнишь, дочку его? Которая у вас жила... А Иван Андреевич самым старшим был. Его не успели крянуть... В доме у него школа была, а потом свирьелаговская больница.

— Это такой белый двухэтажный дом с балконом? — спросил я, вспоминая фотографию замешавшего моего расстрелянного деда прадеда.

— Этот-этот... Да чего вы пирога не едите? К празднику сегодняшнему пекли!

— Какой еще, леший, праздник? — недовольно сказала тетушка, но пирог себе положила на блюдечко.

— Рождество Богородицы, тетушка, сегодня... — укоризненно сказал я. — Престольный остречинский праздник.

— Турка ты, Александра Александровна, турка турецкая... — вздохнула Клавдия Ивановна. — Всё позабыла!

— Вы много запомнили... — непривычно миролюбиво ответила тетушка. — С каких шишей было дедкину брату церкви строить?

— Дак ведь строил... — сказала Мария Ивановна. — Когда церковь-то взорвали остречинскую, мы ездили кирпичи отбирать, сама видела: «Иван Попов» — на каждом кирпиче написано.

— А для чего вы кирпичи отбирали? — спросил я.

— Дак дом тогда достроили, Николай... Печки-то надо класть, вот и ездили с сестрой в Остречины... Разбирали там в воде кирпичи...

— Так у вас из церковных кирпичей печки сложены?

— С тех тоже... — Мария Ивановна перекрестилась. — Не разбирали там, откуда какие кирпичи.

Ну как тут не задуматься о символике семейных совпадений.

Помню, будучи еще школьником, я пошел в лес за грибами, заблудился и только к вечеру сумел выйти на берег в районе Карнаволока.

Здесь, в доме Клавдии Ивановны Колышкиной и Марии Ивановны Митькиной, и отогревался я на печи, сложенной, как узнал сейчас, из кирпичей взорванной остречинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Какой страшный и жутковатый смысл был заложен в спасительном тепле превратившейся в печь взорванной церкви!

Тогда я, разумеется, не постигал этого, просто, задремав на печи, обжёг о раскаленные кирпичи руку...

И вот теперь, в праздник Рождества Богородицы, приехали мы в гости к остречинским старушкам, сидим за столом и едим пирог, выпеченный в печи, сложенной из кирпичей остречинской церкви Рождества Богородицы. Есть в этой символике что-то от ленты Мёбиуса, свернувшейся в единую плоскость.

В Вознесенье возвращались уже вечером.

Тихим и прозрачным был воздух... Словно это сам престольный праздник нашей исчезнувшей Остречинской Атлантиды разливался над рекой.

21 сентября 1995 года. Вознесенье

ПРОПАВШИЕ РУБЛИ

Пропажи этой никто, кажется, и не заметил, и только язык наш сразу чутко среагировал на экономические «успехи» правительства Виктора Степановича Черномырдина.

Спросите у приятеля, сколько он получает...

— Четыреста тысяч, — ответит. — Пятьсот тысяч.... Семьсот...

И в магазине тоже так.

— Почем колбаса?

— Восемнадцать тысяч...

И никто не добавит — рублей.

Просто столько тысяч, а чего — сам должен понять. Не рублей, конечно. Рубль хоть и деревянный, но все-таки рубль у нас был, пока Ельцин не пришел к власти, а сейчас новая денежная единица — «тысяча».

Правда, и она тоже с каким-то опилочным привкусом.

Впрочем, поговаривают, если реформа и дальше будет развиваться столь же успешно, отменят и тысячи.

Поговаривают, что их заменят наши деревянные миллионы.

30 сентября 1995 года. Санкт-Петербург

КОНЧИНА ВЛАДЫКИ

Умер митрополит Иоанн!

2 ноября его привезли на сходняк новых хозяев нашего города в отель «Северная корона», к нему подошли Собчаки, супруга Собчака попросила благословения и...

Так уже бывало в русской истории...

В трагедийной безысходности сопрягаются воедино противоположности. Вспомните «исповедника правды» святого митрополита Филиппа (Кольчева) и кровавого палача Малюту Скуратова, явившегося к опальному Владыке, чтобы получить благословение на казнь Новгорода. Тогда в келье Отрочь-Тверского монастыря Малюта задушил непокорного митрополита.

Нравы были простые и грубые.

Теперь не Малюта Скуратов, а Анатолий Собчак, ощерившийся в своей сходной с оскалом демократической улыбке, стоял перед митрополитом.

Говорят, что Владыка замёрз, разговаривая с Собчаком, он чувствовал только эту вползающую в него со всех сторон стужу...

— Благословите, Владыка... — попросила

супруга Собчака, кандидатка в депутаты Государственной думы по партийным спискам объединения «Наш дом — Россия».

Митрополит поежился от сковывающего его холода и поднял руку для благословения.

Стоявшие рядом с митрополитом Иоанном спутники вспоминали потом, что, когда Владыка поднял руку, возникло такое ощущение, словно он увидел что-то неожиданное.

Он смотрел куда-то сквозь чету Собчаков. Глаза его были широко открыты, и в них застыл ужас.

Нет нужды гадать, что мог увидеть митрополит...

Пальцы Владыки, сжимавшие митрополичий посох, разжались. Владыка, подхваченный сзади келейником Петром, медленно начал оседать, валясь на пол.

Митрополичий посох успели подхватить, не дали ему упасть.

Чета Собчаков, взвизгнув, отскочила от умирающего Владыки...

Как мы знаем из нашей истории, поход Иоанна Грозного на Новгород, хотя и не благословил его святой митрополит Филипп (Кольчев), все равно состоялся. И казнь Новгорода тоже состоялась. Жестоко пытали безвинных новгородцев и, привязав к саням, десятками топили в Волхове.

И для сотен тысяч ограбленных, отброшенных в беспросветную нищету петербуржцев ничего не изменилось в жизни, когда так и не благословил чету Собчаков митрополит.

С точки зрения сиюминутной, практической пользы, никакого значения совершенные двумя митрополитами поступки, разделенные столетиями, не имели, хотя и оплачены были немислимо высокой ценой.

Но есть ведь и другой отсчёт.

И о другой пользе, служащей спасению души, тоже не следует забывать...

Ну а главное, митрополит Филипп (Кольчев) и не был бы «исповедником правды», если бы благословил карательный поход на Новгород. И митрополит Иоанн тоже не был бы тем, кого узнала и кому поверила Православная Россия, если бы спокойно и бестрепетно благословлял всех врагов Отечества и Православия...

Ко Христу отошел он, спасаясь от надвинувшейся на него леденящей стужи...

Ушел из нашего мира великий праведник и молитвенник.

Выкраивая время среди своих многотрудных забот, снова и снова взывал он к нам:

«Люди, люди!.. Несчастные, заблудшие, возлюбленные соотечественники мои... Одумайтесь, исправьтесь, взгляните здраво — на что вы тратите свои силы, ради чего истощаете таланты?... Богатство? Власть? Почет? Что из этого вечно, что сможете вы взять с собой, когда, окончив земной путь, предстанете пред Высшим Судией человеческих поступков, слов и помыслов. Всеведущим обличителем наших тончайших сердечных движений?»

Вспомни, народ русский, страшное в своей непреложности обетование Господа: «В чем застану, в том и сужу!» В чем же ныне застанет нас посещение Божие? В междоусобицах и политических распрях?.. В беспощадной борьбе за посты, чины и деньги — борьбе на развалинах великой державы, нами же преданной и проданной. Державы, созидавшейся из века в век трудами и потом многих поколений наших пращуров, а ныне — в одночасье разрушенной, растерзанной во имя удовлетворения мелких и гадких страстишек... Плачет сердце, глядя на растерзанное, одурманенное Отечество, полнится жалостью и скорбью душа...»

К ночи снегопад утих. Засыпанный снегом город сделался чистым и светлым...

В такую же пору, задушенный Малютой Скуратовым, ушел из земной жизни святой Филипп (Колычев)...

В резиденции тело митрополита Иоанна положили перед входом в домовую церковь на сдвинутые журнальные столики, такие же, что видела накануне во сне Валентина Сергеевна Дюнина.

Столики покрыли ковром. В изголовье перед большим образом Тихвинской Божией Матери поставили икону Иоанна Кронштадтского.

На табуретке горели свечи.

Говорят, что Владыка долго не остывал.

Читавший Евангелие священник в два часа ночи дотронулся до руки митрополита. Рука была теплой...

Эта духовная теплота ощущается и на могиле Владыки. Зима в этом году выдалась холодной, но у могилы возле монастырской протоки тепло...

10 ноября 1995 года. Санкт-Петербург

СОБОРНЫЕ МЫСЛИ

Весь день писал свое выступление для Всемирного русского собора. Так много хочется сказать, а с другой стороны, как вложишь в пять-шесть минут выступления накопившиеся соборные мысли.

Даже голова разболелась, но выступление я написал.

Вечером почитал его по телефону отцу Алексею Морозу.

Взял благословение.

29 ноября 1995 года. Санкт-Петербург

СТОЯНИЕ ЗОИ

Сел с утра за стол, и вдруг что-то зазвенело, зазвенело внутри.

Вначале хотел было заняться другим, но нет...

Начал писать и, по сути дела, написал рассказ, который уже давно думал написать — о стоянии Зои.

Вернее, это рассказ о молодом человеке, которого ждала Зоя и который не пришел на встречу с ней, а еще вернее, этот рассказ — о встрече человека с необычным, встрече, которая могла преобразить его жизнь, если бы он сумел поверить хотя бы своим чувствам и ощущениям.

Но этого не произошло.

Итээровский скепсис помешал герою рассказа поверить в чудо. И это не Зоя застыла, превратившись в статую с иконой в руках, а герой рассказа...

Правда, еще многое прописывать надо в рассказе, но главное, ощущение документальности, по-моему, передать удалось...

30 ноября 1995 года. Санкт-Петербург

ВСЕМИРНЫЙ РУССКИЙ СОБОР

Холодная Москва. Литургия в Успенском соборе Кремля...

Все торжественно до неправдоподобия. Десять митрополитов, патриарх...

Во второй половине дня — открытие Собора в Свято-Даниловом монастыре.

Должно быть, в связи с приближающимися выборами в Думу в работе Собора принимают участие лидеры всех крупных политических партий, и даже сам Виктор Степанович Черномырдин.

Поскольку Борис Николаевич Ельцин пропадает в лечебницах, вместо него теперь охраняют Виктора Степановича.

Столько охранников и собак охранников я еще не видел!

Я проходил мимо одного из помещений, где проходил досмотр подозрительных личностей, дверь распахнулась, открывая для обозрения почти донага раздетую молоденькую журналистку.

Да... Такой ревности в исполнении охранных мероприятий, судя по воспоминаниям, и охрана Иосифа Виссарионовича Сталина не проявляла.

Жалко было женщину, которой на таком сквозняке и холоде раздеваться пришлось, но тут же я прогнал от себя эту неуместную жалость.

Как-никак на кону бесценная жизнь собеседника Шамиля Басаева. Мало ли что могут сделать с ним на Русском соборе.

Неужто безопасность Виктора Степановича не стоит какого-то женского страдания и унижения?

4 декабря 1995 года. Москва

СОБОРЯНЕ

С утра был на молебне Александру Невскому. В храме подошел Валерий Николаевич Ганичев, которому я передал вчера текст своего выступления, и сказал, что выступление мое прочел, оно ему понравилось, он даст мне слово на пленарном заседании.

Впрочем, на заключительное пленарное заседание поднабежало еще несколько запоздавших начальников и для меня времени — увы! — не хватило.

Так и остался мой доклад неоглашенным.

В заключение был устроен прием у Святейшего.

Скоро все распались на кружки, между которыми от одной группы к другой двигался Патриарх со своей свитой.

Я какое-то время держался в компании, которая пила то за поиски пропавшего с пассажирами в Хабаровском крае самолета Ту-154, то за ликвидацию — еще вчера сообщили, что закрыт участок от станции «Площадь Ленина» до станции «Девяткино» — аварии в петербургском метро, а потом отправился искать своих.

Свои ни за метро, ни за авиацию не пили.

Говорили исключительно о духовном.

Запомнилось, как один уже крепко выпивший соборянин грязной пятерней — «Пост, владыка, пост!» — сгреб с блюда, стоящего пе-

ред митрополитом, бутерброды с икрой и засунул себе в рот.

Владыка, однако, не обиделся.

Взял блюдо с рыбой и поставил его перед борником постовой строгости.

— Кушайте, отче... — сказал он.

6 декабря 1995 года. Москва

ПРЕДВЫБОРНОЕ

12 декабря при заходе на посадку во вьетнамском городе Камрань разбились три российских истребителя Су-27 из пилотажной группы «Русские витязи», возвращающейся с международного авиасалона в Малайзии.

Ну, а сегодня ночью в Чечне боевики Салмана Радуева захватили Гудермес.

Зато на Западе сегодня родилось евро...

15 декабря 1995 года. Санкт-Петербург

ПРОЗОРЛИВЕЦ

На выборах в Государственную думу России победила Коммунистическая партия Российской Федерации. Ей насчитали 22 процента голосов. Либерально-демократической партии — 11 процентов, «Яблоку» — семь. Правительственная партия «Наш дом — Россия» Виктора Степановича Черномырдина набрала, как и указывал Борис Николаевич Ельцин, 10 процентов голосов.

НДР потерпела поражение от коммунистов и в одномандатных округах.

Но какой, однако, прозорливый человек Борис Николаевич!

17 декабря 1995 года. Санкт-Петербург

СОН ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Странный сегодня приснился сон...

Что-то говорил Владимир Вольфович Жириновский, рассказывал о чем-то.

Наверное, чего теперь с Россией будет, говорил... Но что? — я не понял.

По-турецки разговаривал Владимир Вольфович...

А Ельцин тоже сидел тут и важно кивал словам Владимира Вольфовича, хотя ведь он вроде бы тоже, как и я, турецкого языка не знает.

И от этого почему-то очень тревожно было.

Вот такой непонятный, весь как будто на турецком языке, сон приснился...

18 декабря 1995 года. Санкт-Петербург

ДОРОГА В ОТЦЫ

Сегодня отмечали сорокалетие отца Алексея. Все гости как-то быстро разошлись, остались только мы с протоиереем Николаем Голвкиным.

И не то чтобы частили с выпивкой, но не пропускали.

И как-то так получилось, что отец Алексей и меня тоже в разговоре отцом Николаем стал называть.

— Да ведь не рукоположен пока, батюшка... — сказал я.

— Это ничего... — успокоил меня отец Николай. — Раз именинник называет отцом, значит, в отцы и дорога!

Судя по выпитому, не такая уж и долгая дорога была.

3 января 1996 года. Санкт-Петербург

НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ

Сегодня объявили, что «отправлен в депутаты» (по партийным спискам объединения «Наш дом — Россия») министр иностранных дел Андрей Козырев.

Сделав такой подарок народу, Борис Ельцин не забыл и о себе.

На новогоднем детском празднике в Кремле он сообщил, что, возможно, будет баллотироваться на пост президента России.

5 января 1996 года. Санкт-Петербург

РУБЦОВСКИЕ ЮБИЛЕИ

А в Вологде у гениального русского поэта Николая Рубцова юбилей...

Шестьдесят лет со дня рождения...

У него была нелегкая судьба.

Ему было шесть лет, когда умерла мать и его сдали в детдом. Шестнадцать, когда он поступил кочегаром на тральщик...

Он служил в армии, вкалывал на заводе, учился.

На тридцать втором году жизни он впервые получил постоянную прописку, а на тридцать четвертом — наконец-то! — и собственное жилье: крохотную однокомнатную квартиру.

Здесь спустя год его и убили...

Было это ровно четверть века назад.

Это тоже юбилей.

Первую книгу Рубцов выпустил в шестьдесят пятом году, а через двадцать лет его име-

нем назвали улицу в Вологде. Ему исполнилось бы всего пятьдесят, когда в городе Тотьма поставили ему памятник.

Юбилей Рубцова... Всегда они отмечаются с необыкновенным размахом.

Вот и сейчас — пригласили гостей и из Москвы, и из Питера, и из Мурманска... Отслужили панихиду на могиле Рубцова, открыли очередную мемориальную доску. Ну, а вершиной праздника стало открытие мемориального музея в Никольском.

Отправились туда на трех автобусах, но в Тотьме, пока осматривали музей, пока заезжали в Спасо-Суморинский монастырь, пока обедали, конечно, задержались и в Никольское приехали уже в потемках. Только ярко горели над Николой звезды да посверкивал синими искорками чистый снег.

И сначала показалось, что мы прямо в рубцовское стихотворение и въехали:

*Не было собак — и вдруг залаяли.
Поздно ночью — что за чудеса! —
Кто-то едет в поле за сараями,
Раздаются чьи-то голоса...
Не было гостей — и вот нагрянули.
Не было вестей — так получай!
И опять под ивами багряными
Расходился праздник невзначай.*

Такое впечатление, словно стихотворение это про нынешний юбилей и написано.

Особенно сильным это ощущение стало, когда уже после банкета погрузились в автобусы и двинулись в обратный путь, и совсем немного и проехали — остановились в поле. Оказывается, было без пяти минут двенадцать и нужно было встречать старый Новый год.

И снова пили, снова водили хороводы, увязая в глубоком снегу, снова провозглашали тосты, и горел костер, и темные тени метались возле него, и летели искры в черное звездное небо...

*Ты прости нас, полюшко усталое,
Ты прости как братьев и сестер:
Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер.
Может быть, последний раз нагрянули,
Может быть, не скоро навестим...*

Чрезвычайно характерно, что поэт не перед домашними своими за причиненное беспокойство, не перед людьми, а перед полем извиняется за ненужность своих друзей здесь, под «гаснувшими ивами», за разлад, что возникает с их появлением в мире, за нарушение сосредоточенного и ясного покоя природы.

И кто-то засомневался было, хорошо ли вот так напропалую гулять, все-таки двадцать пять лет со дня смерти, но тут сразу:

— Не умер Рубцов... Сегодня же только тринадцатое января... Не умер...

И как-то легче на душе стало...

13 января 1996 года.

Никольское— Тотьма — Вологда

ЧЕРНО-ГРЯЗНЫЕ НОВОСТИ

Как тяжело возвращаться в Санкт-Петербург.

В Вологде зима, снег чистый и праздничный, а здесь, в Питере, все чёрное, и не снег под ногами, а непроходимая грязь.

И в телевизоре тоже все чёрное, грязное...

Завершились переговоры с Салманом Радуевым, началась войсковая операция по освобождению заложников в станице Первомайской.

Три дня длился штурм. Разрушены школы, мечеть, более трехсот жилых домов. В ожесточенных перестрелках погибло 26 военнослужащих, 40 заложников и мирных жителей.

Однако боевики Аслана Масхадова нанесли удар в тыл группировки российских войск, и это позволило прорваться из окружения бандитам Радуева. Они благополучно ушли в Чечню, увозя с собою многих заложников. Борис Николаевич Ельцин объявил, что операция по освобождению заложников в Первомайской завершена.

А на окраины Грозного просочились боевики Шамиля Басаева. Взорван кинотеатр «Космос». На ТЭЦ-2 захвачено в заложники 29 русских монтажников из Ставрополя.

Еще чеченцы захватили в турецком порту Трабзон следовавший в Сочи теплоход «Аврасия», на борту которого находились 120 пассажиров и 45 членов экипажа.

А в Москве президент Борис Николаевич Ельцин освободил от должности первого заместителя председателя правительства, главного «приватизатора» России Анатолия Борисовича Чубайса, ставшего обузой в предстоящей предвыборной президентской кампании.

— По существу расставались не с человеком, а с каким-то этапом или даже эпохой в государственной политике... — заявил по этому поводу Юрий Михайлович Лужков... — Ваучеры — это одна из крупнейших афёр Чубайса.

18 января 1996 года. Санкт-Петербург

НАШ «ХРОНОГРАФ»

Вчера у Марины был день рождения, а мы весь день клеили рукопись «Хронографа». Я впечатывал вступления к главам.

Работали всю ночь, и вот сегодня совершилось невозможное, я, как и было оговорено в договоре, отнес рукопись 804 страницы (до 1964 года) в «Александр принт».

Наш «Хронограф» потрясает своей толщиной. 33 авторских листа...

22 января 1996 года. Санкт-Петербург

ПРОРОК И ЖНЕЦ

Многие большие поэты помимо поэтического таланта отмечены и даром пророчества. Способствует этому и особая обостренность восприятия, и стремление возвыситься над бытом, а отчасти, наверное, и сама медиативная ритмика стиха...

Но есть поэты и поэты...

Одни и на самом деле прозревают будущее и свою собственную судьбу.

Другие — не столько пророчествуют, сколько используют пророчество как некий литературный приём, позволяющий усилить эмоциональное воздействие текста.

Пророческий дар, например, был необыкновенно сильно развит в Николае Рубцове.

Вспомните его знаменитое:

Я умру в крещенские морозы.

Я умру, когда трещат березы.

А вот предсказание Иосифа Бродского — поэта, принадлежавшего к рубцовскому поколению:

Ни судьбы, ни погоды не хочу выбирать,

На Васильевский остров я приду умирать...

— не сбылось.

Сегодня передали по радио, что нобелевский лауреат поэт Иосиф Александрович Бродский умер в США, в своей нью-йоркской квартире.

В своей книге «Путник на краю поля» я уже проводил сравнение этих поэтов. Как это ни странно, но в их стихах, датированных началом шестидесятых годов, содержатся почти цитатные совпадения...

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить стихотворение «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» Николая Рубцова со стихотворением «Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам» Иосифа Бродского.

Но если совпадения текстов можно объяснить сознательной полемикой, то совпадение рисунка судеб подобным образом уже не объяснишь.

А совпадение воистину поразительное.

В 1964 году Николая Рубцова исключили из Литературного института, и он вынужден был отправиться в свою нищую вологодскую деревню. А Иосиф Бродский, осужденный как тунец, был выслан в этом же году из Ленинграда в деревню Норинское Архангельской области.

У Бродского своя судьба, а у Рубцова своя.

Нет нужды сблизать эти разные судьбы, но во второй половине шестидесятых годов — времени наивысшего, на мой взгляд, расцвета талантов обоих поэтов — различия эти почти стирались в одинаковой неустроенности и неприкаянности, в одинаковом неумении вписаться в шестидесятническую идеологию застоя...

И так продолжается до 1971 года, в январе которого исполнилось рубцовское пророчество о своей смерти...

Иосиф Бродский прожил в России еще полтора года. Он покинул ее 4 июня 1972 года. Уехал за границу пожинать плоды урожая, который взрастил своим трудом и талантом еще в шестидесятые годы.

Я не берусь утверждать, что у Рубцова или Бродского возникала какая-то мысль о взаимном диалоге... Но это не имеет никакого значения. Диалог совершался помимо их воли в стихах, и именно в контексте этого диалога и звучали другие пророческие стихи Николая Рубцова:

*Все умрём.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом,
А другой — жнецом рождён...
Все уйдём,
Но суть не в этом...*

В жнецах, умеющих не только взрастить, но и собрать взрощенный урожай, ничего подлежащего осуждению, разумеется, нет...

Просто, как утверждал Николай Рубцов, не все рождены жнецами.

Некоторые рождаются, чтобы быть пророками...

28 января 1996 года. Санкт-Петербург

□

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдарея», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

Евгений КУРОЧКИН

родился в 1980 году

в г. Дмитрове Московской области.

По профессии — бухгалтер.

Публиковался в «Литературной газете»,

в журналах «Литературный меридиан»

и «Литературный ковчег»,

а также в коллективных сборниках.

Автор сборника стихов «Ситцевая роза» (Москва, 2013).

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Евгений
КУРОЧКИН**

г. Дмитров

«Вы спешили, а город стоял...»

* * *

Этот полдень был странно холодным.
 Бабье лето — не лето совсем.
 Вы дрожали в прозрачно-неплотном
 Платье цвета «грущу по весне».
 А вокруг все куда-то спешили.
 Ветер листья с деревьев срывал.
 Вы стояли на площади... Или
 Вы спешили, а город стоял!
 Вы спешили за солнца лучами,
 За сбежавшим из дома теплом,
 В этом платье — нелепом, отчаянном,
 Цвета грусти, подернутой льдом.
 Вы спешили, назло и не вместе:
 «Поднажать, торопиться, а то...»
 Ну а город — топтался на месте
 В своем сером дерюжном пальто...

* * *

Я тебе постелил под ноги,
 Верю, длинные очень дороги.
 Вряд ли будут они простыми.
 Дал тебе я, кудеснице, имя.
 Имя звучное, имя чужое —
 Чтобы зло отвести родовое,
 Имя гордое, полное силы,
 Чтобы сил на дорогу хватило.
 Чтоб дорога была прямее,
 Я отдам тебе, что имею:
 Пару сказок, стихов пригоршню —
 Ничего я не нажил больше.
 Я тебе постелил под ноги
 Непростые, видать, дороги,
 Будет друг на них, будет враг.
 Как одну отпустить тебя,
 Как?!?

* * *

Сошли с ума. А ночь горстями
 Ссыпала звезды нам за пазуху.
 Гонцом с хорошими вестями
 Спешило сердце. Как заказывал:
 Луна, и ты, и мира море
 Сошли с ума и сбились в стаю...
 И новый день по косогорам
 Бежал, к утру не успевая...

* * *

Услышь меня сквозь километры...
 Не знаю, ждешь ты или спишь,
 Открой окно. Весенним ветром
 Я в дом ворвусь. Коснется крыш
 Закат. Румянцем ляжет тихим
 На скулы города. На миг
 И я, лучом последним вспыхнув,
 Коснусь далеких губ твоих...

Антон ЛУКИН

с. Дивеево

Нижегородской области

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

рассказы

Собачья жизнь

Сергей Михалин, крепкий, высокий мужчина средних лет, неспешно обходил лужи, утопая ботинками и оставляя глубокие следы в склизкой грязи. Он пробирался к дому. Шел от Лисенковых. Забегал на полчаса посмотреть стиральную машинку, да задержался до позднего вечера. Подходя уже к дому, он заприметил на крыльце жену. Ее встревоженный взгляд насторожил и его. Неужто опять чего с Ольгой? Его младшенькая последнее время частенько принималась хворать.

— Сергей... — женщина хотела было что-то сказать, но, увидев вопросительное лицо супруга, промолчала.

— Ну? Чего стряслось? — отозвался муж.

— Рэм чем-то отравился, по-видимому. В сенах лежит, скулит только, больше ничего. Ефим приходил, говорит, не выживет, только мучается, легче добить. Хотел было обухом топора перебить. Не дала. Тебя решила дожидаться. Даже и не знаю, что делать, — женщина потерла глаза, в которых блеснули слезы. — Ему

что теленку лоб проломить, что любой живности хребет сломать — раз плюнуть.

Сергей приподнял кепку, почесал затылок.

— Дети как?

— Я им не говорила.

— Ты вот что, Юль, давай иди в избу. Я сейчас тоже подойду.

Сергей зашел в сени. На полу на почерневших от старости досках лежал пес и тяжело дышал. Почувствовав хозяина, попытался приподнять голову, но лишь жалобно заскулил и печально моргнул глазами.

— Что же ты эдак, братец, непутево-то так, а? — Сергей присел на корточки, погладил пса. Тот снова заскулил и слабо вильнул хвостом. Казалось бы, и голос теперь прозвучал радостней. Сергей, тяжело вздохнув, провел ладонью по щетине.

— Н-да, — тихо вымолвил он. — Ну, ничего-ничего. Все будет хорошо. Оклемаешься.

Михалин еще раз провел сильной мозолистой ладонью по мягкой шкуре пса. Заглянул в глаза, увидел в них свое отражение. Сердце больно сжалось. Даже ком подкатил к горлу. Тот холодный осенний вечер он помнил как сейчас, когда совсем маленьким щенком по-

добрал его на обочине. Кто-то оставил этот живой комочек шерсти на произвол судьбы. Этой «судьбой» для щенка оказался тогда проезжающий мимо Михалин. И вот за какую-то зиму из маленького комочка вымахал полный силы и энергии пес с гладко-рыжеватой шерстью. Сейчас же этот самый пес лежал у его ног. Совсем не старый, еще живой, но это уже был не тот Рэм, который обожал детей, играл с ними и каждый раз бросался в объятия хозяев, когда те возвращались с работы.

— Ты только, дружок, потерпи. Все будет хорошо. Вот увидишь.

Показалась жена.

— Как он?

— Надо в лечебницу везти, — Сергей приподнялся. — Мигом на ноги поднимут.

— Так кто же на ночь глядя-то лечебницу откроет?

— Откроют. Еще как откроют, — Сергей снова посмотрел на пса. — Неси какое-нибудь тряпье, чтоб постелить да укрыть можно было.

Юля зашла в избу. Сергей, закурив папиросину, поправив на лбу кепку, отправился искать машину. Проходя мимо Ефимова дома, Сергей с презрением посмотрел на окна, в которых горел свет.

— Обухом, говоришь, добить хотел, тюня, — Михалин стиснул зубами папиросу. — Тебе живую душу загубить что портному карман пришить. И то верно.

У Щукиных в избе горел свет. Хозяйева еще не спали. Сергей, потушив ботинком окуроч, поднялся на крыльцо, крепким кулаком постучал по двери. В избе послышались шорохи.

— Кто? — донесся встревоженный женский голос.

— Клавка, открывай!

— Кто, спрашиваю?

— Михалин!

— Господи, — шаги приблизились к двери. Щелкнул затвор. — Чего не спится?

— Твой дома?

— Где ж ему быть?

— Позови, поговорить нужно.

— А чего стряслось-то? — голос собеседницы насторожился. Торопливый тон, с каким Михалин звал хозяина избы, не очень радовал. Было ясно: что-то случилось.

Немного погодя дверь открыл сам Геннадий Щукин. Вышел на крыльцо, поздоровался. Клавка, поправляя платок, последовала за мужем.

— Чего спать не даешь?

— До Черемушек докинешь? Срочно нужно.

— Ну, если срочно...

— А чего стряслось-то? — Клавку в отличие от супруга любопытство распирало изнутри.

— С Рэмом что-то произошло. До утра, видимо, не доживет. К ветеринару свозить бы надо.

— Совсем ополоумели, — развела руками хозяйка избы. По-видимому, ответ ее не очень устроил. — Своих проблем мало, еще собак подавай!

Сергей недовольно шевельнул скулами.

— Ну, так как?..

— Так ведь лечебница, поди, закрыта, — Геннадий почесал за ухом, было видно, что и он немного в недоумении.

— Нет, ё-моё, вас дожидается, когда вы на ночь глядя объявитесь, — залепетала Клавдия со злой усмешкой. — Людей толком не лечат. Помирать ночью станешь — не приедут. А тут собаку...

— Мы со Степаном Игоревичем знакомы немного. За ним должок.

— Подожди минутку, — Геннадий зашел в избу.

Михалин достал папиросу, нервно сжал пальцами, закурил. Запрокинул голову, посмотрел на звезды, сделал глубокую затяжку, перевел взгляд на Клавку. Та, поправляя платок, скривила нос, что-то вполголоса буркнула и тоже зашла в избу.

Сергей от обиды скрипнул зубами. Вот ведь как. Как на дурачка посмотрела. Из-за собаки, мол, шум поднял. Что же теперь его бросать изволите? Мол, твоя песенка спета, другого заведем. А то, что у него душа есть, как у каждой живой твари, это уже ни о чем не говорит? Да ты подойди, посмотри в глаза его. Разве он ничего не понимает? Все понимает. Лучше любого из нас понимает, да только вот сказать ничего не может. А от этого больно втройне, когда тебя понять никто не может. Давайте теперь от него и нос воротить будем, и сапогом под хвост — нам больной не нужен.

— Сейчас еще и там начнут выкобениваться, — Михалин сплюнул окуроч. О том, что он знаком с ветеринаром и уж тем более у того должок, он приукрасил. — Я им начну...

Вышел Геннадий. Быстренько завели уазик, погрузили собаку на заднее сиденье и поехали в

райцентр. Ехали не спеша, сильно не разгонишься по таким ухабам, да еще и ночью.

— Елки зеленые, — ругался Сергей каждый раз, когда налетали на кочку и от этого машину потряхивало. Раньше на это и усом не повел бы, но сейчас от каждого резкого содрогания пес жалобно скулил. — Когда же дорогами-то займутся, мать вашу в три ноги!

— Рак на горе в сотый раз охрипнет, пока начальство почешется, — буркнул Геннадий. — А пес не жилец. Зря везем.

— Ну, это мы еще поглядим, — ответил Сергей. — Бросить его вот так не могу, понимаешь? Не могу. Кем я буду после этого, если его жизнь на какие-то семь литров бензина променяю? А вдруг и правда на ноги встанет? — Михалин вздохнул. — Он ведь прошлым летом дочурку мою из лесу вывел, когда та от подруг отстала и заплутала. Помнишь? Всей деревней искали, не нашли, а он вывел. И что же я теперь после этого должен, ему обухом по голове, только лишь бы не скулил и глаза не мозолил? Так по-твоему?

Геннадий промолчал. Он и забыл совсем, что пес действительно тогда вывел девчущку из лесу и не бросил, не оставил одну. Теперь уже и Щукину стало жаль пса. Захотелось, чтобы он непременно поправился. И очень хорошо сейчас понимал приятеля. Да если бы этот пес так же спас его сынишку, он бы семь шкур на себе порвал, только бы тот выжил.

Как и ожидали, в окнах Степана Игоревича не горел свет. Ветеринара либо не было дома, либо досматривал четвертый сон. Сергей подошел к окнам, постучал.

— Кого там черти еще принесли?! — слышался грубый мужской голос. Гости подивились такому добродушному хозяину. Открылось окно, и показалось молодое, помятое от вина лицо тридцатилетнего мужчины. — Чего надо?

— У нас тут собака...

— Да мне плевать, что у тебя там! — огрызнулся мужчина, и глаза его в эту секунду злобно блеснули.

— Лешка, кто там? — слышался еще один голос. Открылось другое окно, в которое выглянуло пожилое лицо хозяина.

— Степан Игоревич? — обратился к старику Сергей.

— Ну? В чем дело? Что стряслось?

— У нас тут собака. Понимаете? Рэм. Отравился, по-видимому, чем-то. Осмотреть бы надо...

— Да вы что, молодой человек, издеваетесь, что ли, в самом деле? Вы на часы смотрели?

— Ну все, гады, молитесь, — по-видимому, недовольство отца еще больше возмутило и пьяного сына.

— Лешка, а ну не дури! — прикрикнул старик и вместе с сыном скрылся в избе. В сенях слышались громкие шаги и ругань. Со скрипом распахнулась дверь, и на улицу выскочил разъяренный Алексей. Тот смотрел на гостей с такой ненавистью, будто те оклеветали его в чем-то нехорошем, испачкав гордость и задев самолюбие.

— Кому тут собаку вылечить, мать вашу?! — Алексей двинулся к Сергею, видимо потому, что в основном он и вел беседу. Замахнулся. Сергей попытался увернуться, не совсем успел — задел кулаком по уху.

Тут уже и Михалин окончательно вышел из себя. Насмешки и непонимание по поводу пса разозлили, разожгли огонь в груди.

— Ах ты, падали кусок! — И Сергей звезданул Алексею в челюсть. Из-за хмеля тот не успел увернуться и принял весь удар. Рука у Михалина была тяжелой. Мужчина упал на землю и уже больше не вставал.

— Милиция! Вызовите милицию! — закричал на всю улицу перепуганный ветеринар. Михалин схватил его за руку, еще больше этим напугав, и потащил к машине, где лежал пес.

— Сергей, Сергей! — попытался одернуть разбушевавшегося друга Геннадий. — Успокойся. И в самом деле милицию вызовут.

— Я им вызову, я им так вызову! — Сергей чуть ли не силком двинул ветеринара к машине, показывая на больное животное.

— Успокойтесь, в самом деле. Это всего лишь собака. Я могу ей сделать укол. Усыпить, понимаете? — Степан Игоревич посмотрел на пса, раздвинул зрачки. — На ноги я вам его уже все равно не поставлю. Час, полчаса — и всё... Единственное, что я могу, так это прекратить мучения.

...Михалин с трудом припоминал, как приехала милиция и молоденький сержант со старшиной вежливо попросили присесть в машину. Кто-то из соседей, перепугавшись за Степана Игоревича, вызвал милицию. В отделении с Сер-

И такое бывает

геем беседу вел старший лейтенант, примерно его возраста. Человек неглупый и по взгляду и разговору рассудительный и справедливый, что на редкость удивило и обрадовало. Михалин перестал нервничать, быстро успокоился. Даже грубить не хотелось в присутствии этого милиционера, а со временем и стыдно стало за свое поведение. Старлей вызвал к себе сержанта и на минуту покинул с ним кабинет. Через полчаса молоденький сержант вновь дал о себе знать.

— Ну так вот что, — произнес старший лейтенант, поглаживая усы. — Заявление Степан Игоревич писать на вас отказался. Сын явно наутро о случившемся инциденте не вспомнит. Что же касается собаки, то тут уж, извините, каждому Господь Бог отмерил свое время. И это тоже понимать нужно. Поэтому я сделаю вид, что состава преступления в ваших действиях не нахожу. Но... — тут дежурный привстал и вышел из-за стола. — Но настойчиво требую ехать сейчас домой. Подобное произойдет — укуку лет на пять. Я понятно выразился?.. Ну и хорошо.

Михалин покинул вместе со старлеем кабинет, и тот позвал сержантика, который тут же появился откуда-то из-за угла, держа в руках щенка.

— А это вам подарок от моей Герды. Выбросить, я так понимаю, у вас рука не поднимется, а обратно я его не приму. Уж извините. Всего доброго!

Дежурный позвал к себе Шукина и еще раз настойчиво предупредил, чтобы тот отвез Михалина домой, взяв с того расписку.

Обратно ехали молча. Тихо лепетало в машине радио, и изредка рыжеватый щенок, похожий на Рэма, чесал задней лапой за ухом и тыкался носом Сергею в куртку. Тело Рэма лежало по-прежнему на заднем сиденье. На уговоры водителя оставить собаку где-нибудь у посадки Сергей не соглашался. Он уже знал место, где похоронит. Поглаживая щенка, он печально смотрел на дорогу, где свет автомобильных фар сопротивлялся с темнотой. Когда-то он вот так же вез домой таким же щеночком и Рэма. Но за весь сегодняшний вечер Михалин так и не понял, для чего люди держат собак, называют другом человека? Ведь друг — это понятие относительное. Верно, собака за хозяина и жизнь отдаст. А хозяин ради пса соизволит прийти на помощь, приподнять свой зад или легче обухом по голове? Вот такая вот она — собачья жизнь.

Поезд сделал короткую остановку на пять минут, и в вагонах тут же засуетился народ. Кто-то выходил на станцию, а кто, наоборот, тихонько пыхтя, протискивался в поезд. Семен лежал на нижнем ярусе и читал книгу, когда с ним вежливо поздоровались. Это был мужчина лет сорока-сорока пяти, приятной внешности, ухоженный, с добрыми глазами. Даже легкая седина на висках не старила его, а, наоборот, украшала, придавая зрелости. Почему-то Семену сразу же подумалось, что тот непременно работает врачом, каким именно, конечно, сразу не скажешь, но что врачом — наверняка.

— Игнат, — представился сосед и слегка улыбнулся.

— Семен, — представился парень, и они обменялись рукопожатием.

Мужчина разложился поудобнее на соседнем нижнем ярусе. Огромную черную сумку он убрал под сиденье, а маленькую серенькую положил рядом — перед собой.

— Тоже до Москвы? — поинтересовался он.

— Ага, — кивнул Семен, посмотрел немного на соседа и прикрыл книгу. — Так-то я нижегородский, домой еду... С Казанского сяду, восемь часов — и дома, — Семен слегка улыбнулся. — Сам откуда?

— Москвич.

— Интересный народ.

Мужчина приятно улыбнулся.

— Как и везде... Служивый, что ли?

— Ну, — паренек провел ладонью по короткой стрижке. — Всё. Дембель.

— Поздравляю!

— Четвертые сутки в этом вагоне тряусь. Туту-туту!.. Скорее бы, — последнюю фразу Семен произнес полупшепотом.

— Два года терпел, а тут уж и подавно выдержишь, — Игнат потер подбородок. — Не желаешь пригубить, так сказать, немного?

— Не откажусь.

— Тут у меня где-то коньячок заваялся. Вот и обмоем твой дембель, — мужчина открыл серую сумку.

— Да я уж здесь в первый день наобмывался. Ребята сверху до Новосибирска ехали, — Семен кивнул головой на верхний ярус. — Выпили, ста-

ли песни орать. Проводница пришла, ругаться давай. С характером зараза.

— Ну, ругаться не надо. Спокойнее нужно быть.

— И я об этом же, ругань ни к чему.

Игнат достал бутылку коньяка, немного пошвырявшись в сумке, достал пакет с нарезанной колбасой.

— Шоколада... — положил он колбасу на столик рядом с бутылкой, — шоколада, говорю, нет, будем так. Мне, кстати, и колбасой нравится закусывать.

— Да бог с ним, — Семен махнул рукой. — Мне это сладкое уже вот здесь, — провел ладонью у горла, — на одну сгущенку глаза век посмотреть не будут.

— Понимаю, — Игнат улыбнулся, взял бутылку, разлил. — Ну, давай, солдат, за дембель!

— Давай, — чокнулись, выпили, закусили. Поставив стакан ближе к бутылке, Семен бросил взгляд в окно, где маячили телеграфные столбы, бескрайние поля, лесочки на заднем плане, ярко светило солнце, природа радовала глаз зеленью, и на душе сразу как-то делалось по-весеннему тепло и приятно. — Эх, до чего же хорошо.

— Ну да, коньяк ничего пошел, приятно.

— Да я не об этом. Вокруг хорошо. Солнце, небо, зелень... Красота-а! — Семен немного призадумался. — Все-таки правильно говорят — уходить в армию лучше по осени, а приходиться весной. Да разве сердце выдержит... Это когда тебе еще год служить, не задумываешься больно-то, а когда семьдесят дней до дома, да ты в наряде, а тут такая красота... Измучаешься весь. В феврале-то с ума сходишь, не то чтобы уж про август говорить. И ведь что самое интересное, Игнат, тоска и начинает мучить по-особенному, когда тебе остаются какие-то считанные деньки. Первые полгода гоняют как сидорову козу, тут не до тоски. Потом привыкаешь, втягиваешься потихоньку, приходят молодые, расслабляешься. И вроде служить-то еще целый год, а не задумываешься особо. А вот когда деньки-то приближаются и можно месяцы по пальцам на одной ладони пересчитать, тут уж да, тут уж тоска и начинает просыпаться. Все уже надоело, ничего неохота, а служить еще три месяца. Караул. Если поначалу недели не замечаешь, пролетают в нарядах, только глазом успевай моргнуть, то под дембель

денечки тянутся как резинка из трусов. Тоска по дому гложет и гложет.

Игнат взял бутылку и снова разлил. Семен тяжело, печально вздохнул. То ли коньяк так быстро на него подействовал, то ли и правда душу что-то тревожило, что хотелось говорить. И говорить про армию. Это понятно. О чем же еще мог сейчас беседовать этот двадцатилетний парнишка, когда только недавно сменил сапоги на кроссовки.

— ...И вот стою я, значит, в умывальнике перед отбоем, бреюсь, — начал Семен. — А завтра вечером — поезд. Домой. Гляжу в зеркало на себя, и так сердце сжало, так горько и печально сделалось, что готов был прослезиться. Ведь все это я больше никогда не увижу. Больше никто не разбудит меня криком «подъем!», не будет больше ни прапоров, ни ротного, ничего этого больше не будет. И как бы я всю службу ни проклинал и как бы ни рвался домой, а вот в ту самую минуту так горько мне сделалось. Не поверишь. Печально стало, что уезжаю. Уже другая тоска трепанула душу, — Семен обреченно вздохнул. — Что ни говори, а все же два года я в этой казарме прожил, в столовую ходил, на посты... Да и ребят больше наверняка не увижу. Прощались, радовались... Дембель, а на душе тоскливо. Вроде бы и радостно, а в то же время и грустно. И каждый из нас понимал: разъедемся и поглотимся в суетливый омут жизни. И не будет ничего этого, не будет лиц, к которым привык за два года, не будет ничего.

Игнат посмотрел на паренька, на худое лицо его, на крепкие жилистые руки и, тоже вздохнув, промолчал. Вспомнил себя, когда пятнадцать лет назад так же возвращался со службы домой. И тоже в душе творилось что-то непонятное, что-то такое, чего словами не передать.

— Что-то ты о грустном заговорил, брат, — Игнат протянул пареньку стакан с коньяком.

— И не говори, — Семен принял выпивку. — Давай за родителей.

— Давай, — чокнулись, выпили, закусили. — Чем собираешься на гражданке заниматься?

— Пока не знаю, — пожал плечами, — отдохнуть надо.

— Смотри не загуляйся.

— То есть?.. — не понял Семен.

— Поступать не думаешь в институт?

— Да нет, говорю же, отдохнуть надо. А через годик можно и поступить. Учиться, конечно, надо.

— Надо. Ты деревенский?

— Ну.

— И я тоже из деревни...

— А говорил, москви-ич... — в голосе Семена послышалось легкое разочарование.

Игнат улыбнулся.

— Да у нас пол-Москвы — кто из Брянска, а кто из Махачкалы. И все москвичи. Лишь бы прописка была.

Семен кивнул головой.

— Отслужил, домой вернулся в девяносто втором, загулял немного. Да как немного, хорошо загулял. В деревне работы нет, в городе беспредел один. Молодежь вся в группировки подалась да в город рванула. Сейчас все на кладбище обитают. Больше двадцати пяти и не пожили. А я три года пил по-страшному, дурью маялся. Всё, думал, сопьюсь. Ничего порой в голову не лезло, даже жить не хотелось. Потом Людмилу встретил. Видно, есть все-таки Бог, не дал сгинуть. Люда, она, конечно, молодец, сильная она...

— Жена?

— Жена. Двух сыновей растим. Никитка да Сережка. Младший в следующем году в школу пойдет, — Игнат призадумался немного, взял бутылку, открыл, стал разливать.

Проводница, что шла мимо, остановилась. Крепкая черноволосая женщина с густыми бровями, как у Брежнева, недобро посмотрела на Семена.

— Смотрите, тихо тут, не горланьте больше, а то быстро ссадим, — сказала и тут же удалилась.

— Ух ты, гляди какая, — паренек скривил улыбку. — Что же, теперь и выпить нельзя?

— Да брось ты, не обращай внимания. Невеста-то есть?

— Есть, — Семен улыбнулся. — Оксаной звать. Дождалась.

— Значит, любит. Поженитесь. Все у вас хорошо будет.

— Дай бог.

— Все же мужик, когда женат, не так дурью мается, как холостой. Что ни говори, а без женщин пропали бы. Хрупкие они, безобидные, а столько силы в них, что у нас этой самой силы нет. Все выдержат, все могут, иной раз у нас руки опус-

тятся, а у них — нет. Сила, она ведь не здесь, — Игнат похлопал Семена по плечу, — а тут, — положил ладонь на грудь. — А мы их обижаем, — Игнат тихонько вздохнул. Взял стакан, выпил. — Переписывались?

— А то, — Семен тоже выпил. — Только этим и жил. Тяжело, конечно, вдвойне, когда девушка на гражданке ждет. Душа вся изноется. Но она у меня хорошая. Пацаны все удивлялись, зачем, мол, пишу, сотовый же есть, и так каждый день разговариваем. А я им: не понимаете вы, говорю, ничего не понимаете. Письмо-то получу, так я его раз двадцать прочитаю, каждое словечко, каждую строчку наизусть помню, и от листка самого ее ладонями пахнет. Сложишь, уберешь в карман, и будто рядом она с тобой, все же какая-никакая, а ее частичка присутствует.

— Это ты верно говоришь, — Игнат тихонько кивнул и еще раз повнимательнее посмотрел на соседа. Красивый юноша, не избалованный жизнью и не сломанный армией. Слушаешь его, и как-то даже тепло, что ли, на душе становится, хорошо. И тут же охота пожелать ему настоящего человеческого счастья. Чтобы не испортила, не измучила гражданская жизнь, как бывает часто.

Семен отвернулся к окну и задумчиво уставился вдаль. Перед глазами стояла Оксана. Ее милое, нежное, как утренняя роса, и веселое, как лучик солнца, личико. Слегка курносая, рыжеволосая, с крошечными веснушками у носика. И глаза — добрые-добрые. Смотришь в них и чувствуешь всю нежность ее, всю доброту. И сама она добрая-добрая, в жизни, наверное, таких людей не бывает. Всех жалела, всех любила своим добрым сердцем. Выйдешь, бывало, с ней вечером на прогулку, а она голову склонит и тихо так, полупшепотом: «А у бабы Тамары корова отелилась. Только вот теленочек двух дней не пожил. Умер. Слабеньким родился. Жалко». Подумаешь про себя: ну что же, бывает. Люди гибнут, а живность и подавно. А послушаешь, как она скажет, заглянешь в ее глаза, и так жалко самому становится этого теленка, будто сам его под сердцем выносил. Никому ни в чем не отказывала. Всем во всем помогала, только попроси. Да и просить иной раз не надо, сама помощь предложит. Доверчивая очень, потому и обижали, бывало, ее же ровесницы. Завидовали красоте ее земной. Редко в жизни так бывает, чтобы красо-

та и доброта в одном человеке ужились. За то и полюбил ее Семен, всем сердцем полюбил. Сильно. Горячо. Все два года о ней только и думал. Даже сейчас, уже в поезде, а сердце не перестает ныть и образ ее перед глазами.

— Чего загрустил опять? — потревожил воспоминания Игнат. — Пойдем покурим.

Отведя взгляд от окна, Семен тихо вздохнул и, прихватив со столика пачку сигарет, отправился курить.

Проведя на Казанском вокзале несколько мучительных часов ожидания, Семен наконец-то сел в поезд. Еще несколько часов трясясь в вагоне, думал о доме и о любимой. Наконец вот они, родимые места, знакомый вокзал. Сойдя с поезда, паренек глубоко вдохнул. Боже, наконец-то приехал. Еще каких-то сорок километров — и дома. Обнимет мать с отцом, увидит и расцелует свою любимую. Так хорошо, так горячо стало на сердце, и в то же время терпение не давало покоя. Медлить нельзя.

В ближайшем цветочном киоске Семен купил для невесты цветы и подошел к таксисту.

— До Глухова довезешь? — поинтересовался он.

— Пятьсот рублей.

— А чего так дорого?

— Дешевле никто не повезет, — только и ответил таксист.

Семен махнул рукой, отдал деньги и сел в машину. Таксист оказался человеком не молчаливым. Всю дорогу не переставая рассказывал о рыбалке и жаловался на плохие дороги. Но солдатику уже было не до разговоров, и он молча отвернулся к окну. Где-то на полпути их резко обогнала иномарка, несясь с огромной скоростью.

— Ты гляди, что вытворяет! — воскликнул шофер. — На тот свет скорее хочет. Все там будем, успеешь!

— Возможно, торопится.

— Ха, торопится. Вот из-за таких и бывают аварии на дорогах, — таксист приспустил стекло и, не спросив разрешения у паренька, закурил. — Случай был, давно, правда... Знакомый у меня один, хороший знакомый, к жене в роддом ехал. Дочь родилась. Тоже вот так несся сломя голову, ну и что думаешь — разбился, не доехал. И жену вдовой, и ребенка сиротой

оставил. Вот и думай после этого, дорога таких не любит.

Семен посмотрел на спидометр, который показывал семьдесят километров, и снова отвернулся к окну, где мелькали березы и время от времени — придорожные памятники, напоминающие о трагедии. Как же их много. Стоят себе молча, никого не трогают, но как бы своим присутствием напоминают водителям: сбрось скорость, не торопись.

И наконец родное село, вот он, родимый дом. Паренек, поблагодарив таксиста, вышел из машины. Рядом с домом стояла соседка и посматривала куда-то вдаль. Семен подошел к ней тихонько и обнял за плечи.

— Равняйся! Смирно! — улыбнулся дембель. Настроение снова поднялось. Хотелось радоваться и плясать. Соседка обернулась и уставилась на паренька тревожными растерянными глазами. — Баб Маш, ну вы чего, не признали, что ли?

Женщина молча, с какой-то непонятной тревогой смотрела Семену в глаза.

— Баб Маш, ну чего вы, словно призрака увидели. Хех. Вот тебе и раз. Вот так и рады. Разве так из армии встречают? — паренек улыбнулся.

— Семен, — еле слышно произнесла старушка.

— Ну наконец-то узнали, — парень кивнул на дом, — мои-то дома, не знаете?

Старушка медленно посмотрела на дом, затем снова на молодого соседа и отвела взгляд в сторону. Впереди на дороге показалась грузовая машина и люди в черных платках.

— Умер, что ли, баб Маш, кто? — серьезное лицо паренька уставилось вдаль. Соседка промолчала. — Баб Маш! Кого хоронят-то?

Старушка повернула морщинистое лицо, и в ее глазах блеснули слезы.

— Баб Маш, хоронят-то, говорю, кого?

Но старушка по-прежнему не проронила ни слова, только с невыносимой грустью и скорбью смотрела на паренька. Семен заволновался и стал пристальней всматриваться в толпу. Уж не из знакомых ли кто? Впереди рядом с машиной с неживыми лицами шли родители Оксаны. Но ее рядом с ними не было. Семен с невыносимой тревогой пробежал взглядом по толпе. Под сердцем больно кольнуло. Оксаны нигде не было.

— Боже, да неужто она в гробу? — еле слышно, с болью в голосе произнес паренек и, еще раз посмотрев на старушку, по ее глазам догадался, что это так. Хоронили Оксану. Мужчины, дети, женщины в траурных платках медленно шли за машиной, из которой тихонько ложились на асфальт еловые ветви. Провожали всем селом. Плакали многие. Кто-то медленно шел за машиной, кто просто покидал свои дома и выходил к дороге, и все со слезами и с болью провожали в последний путь девушку, о доброте и нежности которой знал каждый.

Машина с гробом медленно проехала мимо них. Из толпы показались родители Семена. Заприметив сына, тут же двинулись к нему.

— Семочка, миленький!.. Сыночек, горе-то какое, горе!.. — мать со слезами обнимала сына, целовала, плакала. — Ты только держись, родненький, только держись. — Женщина не переставала плакать. — Господи, господи!

Отец стоял рядом, успокаивал жену и с болью смотрел на сына. Семен обнял родителей и заплакал. Крупные слезы покатались по щекам. Рука дрогнула, красивый букет упал на холодную землю. Семен поднял его, отряхнул и, вытирая слезы, отправился за машиной. Внутри творилось чёрт-те что. Душа вся выворачивалась и редела от боли. Да как же так?.. Да за что же!.. Семен, одурманенный болью и горем, медленно шел за толпой, гнева и проклинающая все на свете. Неужто он больше никогда не увидит ее нежных и добрых глаз? Как же так?.. Неужто никогда не услышит ее ласкового голосочка? Неужто никогда?! Никогда. Какое это страшное слово. Паренек остановился, присел на асфальт и заплакал.

Позже от родителей Семен узнал, что какой-то пьяный лихач на машине средь бела дня, несясь как сумасшедший, сбил Оксану на тротуаре, когда та шла к почтовому ящику, чтобы отправить письмо любимому солдатику. Семен долго перечитывал ее последние в жизни строчки и тихонько плакал. В конце письма стояло: «Ну вот, любимый, наконец-то мы снова будем вместе...»

Обманутое сердце

Олег Кузиков возвращался с работы домой. Шел не как обычно, через парк, а к реке, через мост, хотя так и вдвое дольше. Ноги сами вели, можно сказать, неизвестно куда. Хотя почему неизвестно? Известно. И сердцем, и здравым смыслом Олег понимал: все ради того, чтобы увидеть ее, Ольгу. Она вернулась в село четыре дня назад, и все это время Олег только и думает о ней. И радость, и злорада, и ненависть — все перемешалось в голове. Конечно, где-то в глубине души он желал ее увидеть и в то же время до боли в сердце ненавидел за предательство. Ольга, словно вихрь, ворвалась семь лет назад в его скучную, однообразную жизнь. Тогда она с матерью продала в городе квартиру и перебралась в село. Мать ее сильно болела, а сейчас и по-прежнему почти не видит и с трудом ходит. Если бы не Тамара-почтальонка, померла бы, наверное, старуха в одиночестве. Лекарства — и те самой не купить. Олег, когда увидел впервые Ольгу, думал, сойдет с ума. Сердце так и готово было выпрыгнуть из груди. Полюбил ее всей душой. Да разве такую красавицу можно было не полюбить? Глаза, словно звездочки, светят чем-то теплым и светлым и в то же время немного лукавы и по-детски добрые. Густые темные волосы, маленький красивый носик, улыбка приятная и до боли завораживающая. Красавица, что тут говорить! Потому и полюбилась многим ребятам на селе. И бежали за ней, и дрались из-за нее не раз. А она лишь кокетливо улыбалась. И отпор толком никому не давала. А каждый думал, что все-таки ей нравится. Олег тогда со всеми перессорился: и с родителями, и с товарищами. Батя все твердил, мол, не пара тебе, а к ребятам испытывал ревность. Как-то колол Олег дрова, видит, Степка с Ольгой под ручку гуляют. Обрато идет Степан один, Олег — к нему. Схватил за локоть, замахнулся топором и говорит, мол, еще раз увижу с ней, руку отрублю. Степан тухнул. Больше его с Ольгой не видели. Да и другие ребята тоже постепенно забыли про нее. Горячий Олег был парень. По молодости да от ревности много мог глупостей натворить, хорошо, что до этого не дошло. Так и стала она с ним встречаться. Вечерами и в клуб бежали, и по селу гуляли, на лугу в стогах миловались, всюду вместе, всюду рядом. Дело уже до женитьбы

дошло. Олег уже в город за кольцами собирался ехать... К ее матери с родителями свататься ходил. И все бы хорошо, да только непутевой девкой оказалась Ольга. Перед самой свадьбой приехали из города в их село артисты выступать. Концерт давали. Умело играли, соколы окаянные. И как-то так само получилось, что уехала Ольга с этими артистами в город. Позже письмо матери прислала, извини, мол, но не по мне сельская жизнь. Столько боли и злости было тогда в Олеге, что, попадись они ему на глаза, убил бы. Да и перед односельчанами было ужасно стыдно. Коль совсем недавно ходил с такой красавицей в обнимку, гордо задрал подбородок, а теперь эта красавица где-то в городе резвится с другим. «Ну и лопух, вот же лопух!..» — сквозь зубы твердил Олег.

Многие за глаза о нем потом долго шушукались. Кто смеивался, кто-то жалел, но все же говорили и обсуждали. Олег, недолго думая, взял в жены Фёклу. Тихую, скромную, красотой совсем не выделяющуюся девушку.

— С лица воду не пить, — объяснял он всем свое решение. — Зато мне она душою глянется.

Но все понимали, что со злобы он женился на Фёкле, не по любви. Родила она ему двух сыновей. Ольга потом писала матери, что тоже вышла замуж за одного из артистов, живет хорошо, не жалуется. Каждое лето обещала приехать, да так и не приезжала. Детьми не обзавелась. И вот недавно пришло письмо, что разводится она. Все, мол, надоело, все плохо. А пару месяцев погода и сама Ольга вернулась в село.

Подойдя уже к мосту, Олега окликнули. По правую сторону, шагах в двадцати, рыбачил тот самый Степан, которому Олег когда-то угрожал топором. Рядом рыбачил Степкин отец, Дмитрий Иванович.

— Чего такой задумчивый, али призрака увидел? — задорно улыбнулся Степан. Олег остановился, посмотрел на рыбаков, но ничего не ответил. — Подходи, покурим.

— Некогда.

— Что так? Никак к Ольге намылился? — уж больно Степкин голос был веселым и звонким и оттого неприятным. Олег стиснул зубы и направился к ним.

— Куда, говорю, собрался? — снова поинтересовался Степан.

«Твое-то какое собачье дело?» — подумал Олег. Эти ехидные глаза и улыбка сейчас очень раздражали его. Казалось, опять вернулись к прошлой песенке и есть над чем посмеяться. Олег вынул из кармана пачку сигарет, прикурил.

— Не угостишь? — спросил Дмитрий Иванович. Олег протянул ему сигарету. — В самом деле, чего такой задумчивый?

— Да так...

— Или стряслось чего?

— Да к Ольге он намылился. Не видно, что ли, — Степан опять заулыбался.

— Ты бы лучше на поплавок поглядывал, чем на меня. А то ведь я могу и окунуть. Вот видел? — Олег показал кулак. — Быстро по сусалам словишь.

— Что же теперь, и сказать нельзя? — Степан приумолк.

— Не горячись, не горячись, — остановил его Дмитрий Иванович, зная горячий характер собеседника. Вынул спички, прикурил. — Вот спасибо. А я нынче что-то про курево и забыл. Прикормки много взял, а сигарет всего полпачки...

— Много, что ли, поймал?

— Клюет-то хорошо, да мелюзга одна. Поймаешь — отпустишь. Но пару окуньков хороших взял.

— Теть Таня-то как? Как нога? — поинтересовался Олег здоровьем жены, что пару недель назад сломала ногу. Шла из магазина и умудрилась как-то оступиться. Прямо на ровном месте. Вот ведь как. Бывает, человек с четвертого этажа упадет — и ни царапины, а бывает и так — на ровном месте.

— Да как, — Дмитрий Иванович улыбнулся. — Прыгает сейчас на одной ноге. Я — ей: ты говори, отдыхала бы побольше, а она все по дому хозяйничает. Никуда без работы.

— Это у них, у женщин, видно, в крови. Моя тут тоже...

— Ты в самом деле к Ольге собрался? — Дмитрий Иванович пристально посмотрел Олегу в глаза. Тот от неожиданности смутился, убрал взгляд. — Не дури. У тебя же семья. Фёкла — замечательная жена и мать. Не маялся бы ты дурью. Людям дай только повод, обсуждать начнут...

— Да я только в глаза ее наглые хочу заглянуть.

Что она мне скажет, интересно, при встрече, — Олег хмыкнул, потушил окуроч.

— Я ее тут давеча видел... Из сельмага шла. Увидела меня — улыбается, веселая. Какая была, такой и осталась. Красивая, зараза, — Степан, заметив на себе строгий взгляд Олега, тут же замолчал и уставился на поплавок.

— Ладно, — махнул он рукой. — Рыбачьте. Не буду мешать.

— Не нужно тебе это. Шел бы лучше домой...

— Да я только в глаза ей хочу посмотреть, только в глаза. Эх!.. — Олег махнул рукой и скорее поспешил перейти мост.

И вот он уже на улице, на той самой улице, по которой когда-то гордый и счастливый расхаживал с Ольгой за ручку. Тогда он действительно был самым счастливым человеком, потому что очень любил и был на седьмом небе от счастья. Видно, поэтому и не разглядел ее дурные качества. Это всегда так, когда кого-то любишь. Идеализируешь человека, стараясь не обращать ни на что внимания, ни на какие мелочи, хотя порою в этих мелочах и скрывается истинная суть человека. Никогда бы Олег не подумал, что его прекрасная Оленька, в которой он души не чаял, могла оказаться такой эгоистичной особой. Ничего не объяснив, посмеявшись, уехать в город, оставив его на обсуждение всему селу и большую одинокую мать...

В саду под яблоней сидела Ольга и листала какой-то журнал. Иногда улыбалась, вычитывая что-то интересное и, может быть, даже веселое. Олег заметил ее еще издали и почему-то тут же сбавил шаг, хотя по-прежнему направлялся к ее дому. Он шел очень медленно, любуясь ее красотой. Боже, до чего же она была прекрасна!.. Да разве сердце выдержит, да разве возможно устоять перед такой красотой. Казалось, обида и боль, что надолго затаились в сердце, потихонечку стали его покидать. Она по-прежнему была хороша собой, даже еще красивее, чем раньше. Ее красота ослепляла так, что было трудно дышать. Олег остановился, перевел дыхание и быстрым шагом направился к ее калитке. Ольга, заметив своего бывшего ухажера, поднялась. Кузиков вошел в сад и, поймав на себе ее удивленный и в то же время, как и раньше, добрый и немного лукавый взгляд, остановился. Долго

стояли, поглядывая друг на друга, не проронив ни слова. Олег ждал, что она первая с ним заговорит, — не хотелось начинать разговор самому. Но Ольга молча смотрела в его глаза, и кончики губ ее даже слегка улыбались. Его это злило.

— Что, не ждала? — рассеял молчание Кузиков.

— Почему же? Ждала. И даже очень рада тебя видеть, — голос ее был приятным и даже отчего-то веселым. — А ты возмужал. Подумать только, каких-то семь лет... Ты проходи-проходи... Зайдешь в дом? Чаю хочешь?

Олег не ответил. Он вновь уставился в ее глаза, словно пытался уловить хоть каплю сожаления. Но в них по-прежнему отражалась какая-то непонятная ему радость. И от этого становилось на душе еще хуже.

— И ничего ты мне сказать не хочешь? — он пошевелил злобно скулами.

— Почему же? Хочу. Очень хочу, — Ольга подошла к нему ближе, взяла его ладонь. — Но что говорить, Олеженька, к чему сейчас слова? Я и сама понимаю, что предала тебя. Глупо поступила и теперь всю жизнь буду об этом жалеть. Если бы ты смог меня простить, только простить... Мне большего и не нужно. Да, оступилась разок, но с кем не бывает? Ведь я в первую очередь человек, а нам свойственно делать ошибки и учиться на них. — Она сильнее сжала его ладонь, поднесла к груди, прямо к сердцу. — Я слышала, ты теперь женат? — Олег кивнул. — Это замечательно, это хорошо, нет, нет. Не хочу верить, что ты принадлежишь кому-то. Не хочу. Ты ее любишь?

Олег промолчал.

— Да, я виновата, — она вздохнула, но ее глаза, как и прежде, улыбались, в них не было ни раскаяния, ни чувства вины, словно слова вылетали сами собой, а глаза в эту минуту смеялись. Было противно и больно на это смотреть. Сердце сжималось, и, как бы ни было тяжело, как бы ни осознавал он все происходящее, где-то в глубине души, в подсознании, он все равно ее любил. Это невозможно было скрыть. И Ольга это сразу увидела и поняла по его взгляду, как только он прошел за калитку.

— Помнишь, когда мы наблюдали за закатом, ты сказал, что сделаешь все, чтобы я была счастливой. Помнишь? Знаешь, Олег, я бы очень хотела снова вернуть то время. Очень. Ты мне по-

прежнему дорог, и пусть ты и женат, но я все равно тебя люблю. И ты меня любишь, я знаю, — Ольга попыталась поцеловать его, но Олег отвернулся, убрал руку из ее нежной ладони и тихонько вздохнул. — Ведь ты же любишь меня! Не обманывай ни меня, ни себя в первую очередь.

Олег еще раз заглянул в ее хитрые, лукавые глаза и, ничего не ответив, отправился домой. Ольга что-то кричала ему вслед, но слова ее до него не доходили. Голова была занята другим. На душе было плохо, противно. Он сейчас сам не узнавал и не уважал себя. Хотел наговорить ей много чего плохого, хотел, а не смог. Много раз он представлял себе эту встречу, что она будет плакать, искренне просить у него прощения, сожалеть, но никак не думал, что выйдет все так. Глаза ее сказали больше, чем она сама. Единственное, в чем была она права сейчас, так это в том, что он по-прежнему ее любил, но за что, сам не знал. И очень сильно мучил один вопрос: а любила ли она когда-нибудь его, ну хоть маленько?

На кухне тускло горел свет. Олег сидел за столом, лениво ковырял вилкой картошку и думал о сегодняшней встрече. Из комнаты вышла Фёкла, присела рядом.

— Ольга приехала, знаешь? — тихонько произнесла она.

Олег посмотрел на супругу, но ничего не ответил, уткнулся глазами в тарелку.

— Был у нее?

Олег молча, не поднимая взгляда, кивнул.

— Да-да, это, конечно, нужно поговорить... Обязательно нужно... Это ведь... — Фёкла помолчала, тихонько вздохнула. По настроению супруга, по его жалкому виду она все поняла. — Ванечка что-то опять прихворал немного. Тридцать семь и восемь. Максимка сегодня заявил: буду, говорит, трактористом, как папа. Трактор просит. Пришлось пообещать пока игрушечный, — Фёкла улыбнулась и, прикрыв лицо ладонями, заплакала.

— Ну чего ты, господи, в самом деле? Все хорошо, все хорошо...

Сердце дрогнуло, Олег обнял жену, поцеловал ее густые темные волосы, прижал к себе.

— Ну хватит плакать, хватит. Ванька выздоровеет к выходным, в город поедет. И трактор купим, и тебе, дорогая, платье подберем, да? —

Фёкла, вытирая слезы, кивнула головой. — Ну вот, а плакать не нужно. Ты ступай в комнату, а я сейчас со стола приберу и тоже подойду.

Олег вышел на крыльцо, уселся на ступеньки и закурил. В небе потихонечку стали появляться звезды. Легкий теплый летний ветерок слегка играл с листвой деревьев. На душе стало хорошо. Даже думать сейчас ни о чем не хотелось.

Портрет на память

Деревня Ижовка окольцована садами. С дороги ее хорошо видно. Через рыжее спелое поле виднеется такой маленький остров, будто лодка по реке плывет. Почти у каждого жителя в саду посажены вишня и сирень. Весной, когда все цветет, деревня усыпана белыми, сиреневыми цветами и стоит приятный сладко-кислый аромат.

Еще Ижовка славится целебной водой. За деревней, ближе к лесу, бьет родник, и вода его считается лечебной. Летом часто можно увидеть в деревне городских на дорогах машинах. Остановившись перед каждым встречным, всегда интересуются об одном и том же — как добраться до родника.

Хотя колодцев в деревне много, местный народ все равно ходит к роднику за водицей: испить или просто умыться. Да разве сравнится вода из колодца с родниковой живою водою? Одно удовольствие только любоваться, как пробивается из земли, расталкивая маленькие песчинки, хрупкая струйка. Вот она где жизнь!

Прохор Афанасьевич, как обычно, с самого утра шевырялся во дворе, когда его окликнули. Старик обернулся. По ту сторону забора стоял паренек лет двадцати в разноцветной футболке, с рюкзаком за спиной.

— Прутников Прохор Афанасьевич здесь проживает? — спросил вежливо юноша.

— А? — не расслышал старик. Он был глуховат на одно ухо.

— Прутников — это вы?!

— Я, я, да... Э-э, — старик подошел ближе, чтобы лучше разглядеть гостя.

— Сергей, — представился парень и протянул через забор руку. Старик пожал крепкую молодую ладонь. — Понимаете, в чем дело. Я студент.

Художник. Учусь на четвертом курсе. Мне нужно к началу августа сдать пейзажные работы. Неплохо было бы показать и сельский быт. Понимаете? Мне бы вашу местную красоту запечатлеть на бумаге. Так сказать, увековечить, — парень улыбнулся. — Места у вас красивые, родник славится на всю округу — только и работай. А остановится вот не у кого. Ко многим просился. Не пускают. Одна женщина посоветовала к вам обратиться. Вы, сказала она, кого-то прошлым летом к себе пускали. Да и живете, говорит, одиноко, скучно одному-то.

Проход Афанасьевич и взаправду жил один. Жену, Агафью, схоронил восемнадцать лет тому назад. Умерла сердечная от рака. Долго хворала и мучилась. За всю жизнь ни одну букашку не обидела, слова худого никому не пожелала. А тут... умирала в муках. Видно, такова воля Господа. Долго Афанасьич не мог прийти в себя после смерти супруги. Замкнутым стал. На людях почти не показывался. Всю зиму в избе просидел. Сам захворал сильно. Если бы не тетка Анисья, почтальонка и местная знахарка, может, и сам следом за Агафьей ушел бы. Не редкость, когда вот так старики друг за другом уходят. Чаше почему-то мужики одиночества не переносят. Что ни говори, а все же бабская душа закалкой сильнее.

Проход Афанасьевич потер седую щетину и улыбнулся, по-детски прищурился один глаз. Отворив калитку, старик запустил юного гостя во двор и велел идти в избу.

— Только, дед, давай сразу договоримся о цене, — поправляя рюкзак, промолвил Сергей. — Денег, скажу сразу, немного. Да и сами понимаете, когда это было видано, чтоб у студентов деньги водились. Тут и... — хотел было что-то добавить паренек, но старик его перебил.

— Будет тебе, ну что ты в самом деле, — Проход Афанасьевич похлопал паренька по плечу. — Коли дружно жить станем, так хоть все лето гости. Отчего бы хорошего человека не принять. Постель имеется, чаю ей попусту без дела стоять.

На том и сошлись. И зажили они, как и велел хозяин избы, дружно. Сергей, с утра пораньше позавтракав, уходил за околицу «увековечивать» местную природу. Старик, покопавшись немного на заднем дворе да в огороде, брел в избу приготовить обед.

Понравился ему студент. Особенно нравилась Проходу Афанасьевичу его настойчивость. Если у того что не получалось, не отчаивался — ничего, мол, завтра обязательно получится. И то, что паренек был худоват, особо печалило старика. Ему постоянно хотелось того ублажить — угостить чем-нибудь повкуснее, пожирнее, помясистей. Уж больно фраза эта запала в душу: «где это видано, чтоб у студентов деньги водились». Вспоминались сразу военное детство, послевоенная юность, тяжелый ранний труд. Оттого-то, может быть, и проснулась непонятная жалость у старика к пареньку.

Еще Прохода Афанасьевича радовало то, что Сергей выбрал именно его деревню и так живо расхваливал ее красоту. Сейчас ведь вся молодежь в город бежит, лучшей жизни, лучшего угла ищет. И потому, когда Сергей возвращался в избу, удовлетворенный работой, его на столе поджидала жареная картошка с грибами, ломоть сала, зелень и кувшин с молоком. Студент благодарил старика, садился трапезничать и обязательно рассказывал Проходу Афанасьевичу, что сегодня рисовал. То это была покосившаяся у оврага березка, то пастух Егор с деревенским стадом, то сама Ижовка со стороны леса. Родник пока не трогал — берег до последнего. По словам паренька, ему хотелось, чтобы душа сама потянула его к нему, тогда точно картина получится. Ведь любая работа должна ладиться с душой. Зритель это сразу почувствует.

— Тут к пастуху девчушка постоянно с ведром ходит, корову доить... Рыженькая такая, Клавой звать, — завел как-то раз Сергей за ужином тему. — Смешная. Я как вечером ни пройду по деревне — все никак не могу встретить. Неужто дома сидит? Барышня эдакая...

— Дык ты про Мурзину внучку, что ли? Хех. Заставишь такую невесту дома сидеть. С Егоркой на танцы ездят на его-то трехколесном агрегате.

— Это куда?

— В район. Куда же еще. Тут до Черемушек рукой подать.

— Танцы — дело хорошее. Надо как-нибудь клуб ваш посетить. Размять кости.

— Не ходил бы один-то. Новеньких-то не особо встречают. Кабы бока не намяли... Она и молодежь сейчас такая... И не посмотрят, что один.

— Ну, этим меня, дед, не возьмешь. Не родился еще тот человек, которого бы я испугался.

— Иди к лешему, — улыбнулся старик в беззубый рот. Сергей, глядя на него, тоже усмехнулся.

В Черемушки тот все-таки скатался. Правда, как съездил, не говорил. Только отнекивался, что приехал он сюда не отдыхать, а работать, за юбками он и в городе хорошо ухлестывает. Что там произошло, неизвестно, только после этого юный художник вечерами из дому нос не казал.

Работать с землей, как оказалось, Сергей не привык. Как-то Прохор Афанасьевич попросил помочь ему на усаднике картошку окучить. Паренек согласился. Но, порыхлив землю мотыгой, под солнышком, догадался, что работенка-то не из легких. И сообщил старику, что помог бы и дальше, но руки беречь нужно, ведь у художника весь талант именно в руках кроется. Старик поначалу на это обиделся и про себя выругал того лентяем, но к вечеру обида прошла.

«Ну в самом-то деле, — размышлял про себя Прохор Афанасьевич. — Ведь каждому свое. Зато он вон как красками рисует. Залюбуешься».

По субботам Прутников топил баню. Вечером, загнав кур и подоив козу, Прохор Афанасьевич со студентиком шли споласкивать недельную сажу. Париться Афанасьич любил долго. Березовым веником хлестал паренька по раскаленной спине и ногам, лишь изредка поправляя на голове шапку. Сергей несколько раз выбежал в предбанник отдышаться и испить кислого домашнего квасу. Сам же Серега махал веником лениво, не с таким азартом выходило у него, как у старика. Да и руки уставали быстро, и голову тоже пекло. Уже в предбаннике, усевшись на лавку, паренек поглядывал на разруганное жилистое тело хозяина бани и дивился тому, откуда в нем столько силы и энергии. Глядел на крепкие худые руки, на которых, словно натянутые тросы, виднелись толстые вены. Знал бы он, сколько эти руки испытали на себе работы, сколько всего было переделано и сделано этими толстыми сбитыми пальцами. Представить — и то трудно.

Вечерами, перед сном грядущим, старик выходил во двор, усаживался на лавку, забивал табаку и любовался розовым небом, что уходило за горизонт. В такую погоду приятно посидеть на свежем воздухе. Что-нибудь да обязательно припомнится из прошлого. Непонятные думы лезут

в голову, и всем телом ощущаешь радость того, что живешь. Ведь не дано больше тем, кто ушел от нас, радоваться нежностью этого вечера, ощущать легкую прохладу летнего ветерка, любоваться закатом и наслаждаться тишиной. И как-то печально становится немного. Понимаешь частичкой себя, что все это будет вечно. Все, но не ты. Рано или поздно человеку придется уйти, но все так же будут гореть закаты и полыхать рассветы, все так же по осени улетят зимовать птицы, все так же зимою выпадет пушистый снег... Обязательно вспомнишь в такой вечер дорогих сердцу людей. Сердце всегда болит за детей и внуков, переживает и беспокоится, часто, конечно, без дела, но на то оно и сердце. Ему не прикажешь — не волнуйся, все в порядке. Обидно от того, что разъехались дети кто куда и затянул, как водоворот, их этот стальной город, что и не выбраться из него, не найти время приехать на выходные к отцу или черкнуть пару строк, что все в порядке. Даже до этого не доходят руки.

Пришло время и Сергею возвращаться обратно в город. Рисунки были готовы, и на просьбу старика погостить еще пришлось вежливо отказать. Некогда.

Прохор Афанасьевич долго любовался работой юного гостя и, как всегда, по-детски, с прищуром улыбался. Постоял, постоял возле рисунков и попросил паренька:

— А вот меня так же сможешь нарисовать, а?

— А чего бы нет, — улыбнулся Сергей. — Легко!

— Я ее вот тут повешу, над кроватью. Ничё, как думаешь?

— Нормально, — согласился парень.

Прохор Афанасьевич принарядился, как на праздник, причесался, на пиджак повесил медали, которые у него имелись, и затаив дыхание уселся на стул. Сидел неподвижно, не то что шелохнуться — моргнуть боялся, пока юный художник не успокоил его. Мол, ничего, если немного и пошевелишься, ведь человека рисуем, а не куклу. И вот пара часов работы — портрет готов. Как живой получился на нем Афанасьич, даже моложе своих лет.

Долго старик любовался работой, приятно улыбаясь. Даже слеза блеснула в глазах. Сергей помог повесить портрет над кроватью, куда велел старик, и попросил за работу три тысячи рублей.

— Что ни говори, дед, а работа есть работа,

она оплачиваться должна. Это я еще по-братски беру. В городе за такой портрет раза в три заплатили бы больше.

Прутников ничего не ответил. Ушел в горницу, достал из старого комода узелок, развязал платок зубами и взял нужную сумму. Паренек забрал деньги, поблагодарил еще раз старика и поспешил на автобус.

Проход Афанасьевич постоял немного у кровати, полюбовался портретом и, прихватив авоську, пошагал к магазину. На обратном пути собирался навестить Агафью. Только там, присев у могилочки, всегда можно поговорить с душою.

Бабушка Зоя

Бабушка моя, Лысова Зоя Александровна, родилась 30 сентября 1941 года в деревне Вертяново Дивеевского района. Деревеньку в одну улицу Вертяново и село Дивеево разделяла речушка Вичкинза. Вернее мост, что лежал через реку. Давно уже нет этой деревеньки, которая, словно деревце к дереву, приросла к огромному селу и носит новое название — Дивеево. Но все равно устами местных так и кличут жителей той стороны — «вертяновскими».

Каждый раз, вспоминая что-нибудь из далекого солнечного детства, теплая радость, словно маленький огонек лампадки, согревает душу. Будь то школьные будни, детские мальчишеские проделки, веселые игры или же ночевки у бабушки Зои. Столько времени прошло уже, а помнится, как будто все это было вчера. Мне лет восемь, сестренке Валюше и того меньше, годиков шесть. Зимой в каникулы бабушка частенько брала нас к себе ночевать, чтобы родители хоть как-то могли отдохнуть от нас, сорванцов. Бабушкина квартира находилась на первом этаже старого двухэтажного дома. Это уже после она получит уютную однокомнатную квартиру со всеми удобствами, а до весны 2002 года проживала в негодном доме. Окна первого этажа уходили в землю, и, находясь в самой квартире, было забавно смотреть в них — вроде бы и огород, и кусты малины, и крапива за стеклом, и в то же время виднеется земля. Летом в квартире, когда не топились печь, было холодно и сыро. По ночам со скрипом отклеивались от холодной штукатур-

ки обои, и того гляди, казалось, что вместе с ними рухнут и стены. Может, и днем тоже обои трещали, но в суматохе дня этого как-то не замечали. Но зато по ночам, когда все вокруг стихало и погружалось в сон, стены, словно ночные призраки, напоминали о себе. Сама квартира была двухкомнатной. До пяти лет я с родителями и сестренкой проживал в одной из комнат, пока матери не дали отдельное жилье. Как только мы переехали в двухкомнатную квартиру, бабушка перебралась в нашу комнату — она была больше, светлее и теплее. Другую же комнату со временем завалили старыми не нужными никому вещами. Отчего-то повелось так у нашего народа, что вроде бы вещь и старая, никому уже не нужная, а выбрасывать жалко. Словно память сжимает ладонью сердце и не велит выкидывать. Пусть хранится, хлеба не просит, может, когда-нибудь да сгодится. Вот именно ту самую комнату я и любил навещать, будучи мальчишкой, когда гостил у бабушки. Чего там только не было: старые книги, журналы, открытки, письма, изломанные часы, разобранное радио и телевизор, игрушки, среди которых была и мамина детская кукла. Кукла эта давно уже почернела от старости, и рот ее был разрезан ножницами. Это мама маленькой девочкой подправила резиновой кукле ротик, чтобы та могла кушать кашу. Столько времени прошло, как ни странно, а кукла сохранилась. Мама давно уже окончила школу, отучилась в Горьковском училище на швею, вышла замуж, родила меня и сестренку, а кукла по-прежнему уютилась среди старых коробок, изломанных ненужных вещей, как бы дожидаясь своей участи — а может, все-таки еще поиграют? Посмотрев на черно-белых Степашку и Хрюшу по телевизору «Рекорд», мы начинали готовиться ко сну. Я знал, что сразу мы не уснем. В темной комнате, что освещалась ночной луной, лежа в постели, мы, как обычно, заведем беседу. Бабушка расскажет какую-нибудь сказку, а может, и не одну. Бабушка Зоя много знала сказок. На то она и бабушка. Это был, поди, самый щемящий сердце момент, когда, наигравшись за весь вечер, мы начинали готовиться ко сну, хотя спать особо еще не хотелось. По крайней мере мне и сестренке, ну, на худой конец, уж мне-то точно. Я всегда любил такие вот беседы и, как себя помню, постоянно был любопытным мальчишкой.

Бабушка рассказывала сказку, а если мы не засыпали, то рассказывала еще одну. В основном это были одни и те же сказки — «Красная Шапочка», «Гуси-лебеди», «Снежная королева»... Зная наизусть каждую из этих историй, они казались мне уже скучными. Поэтому мы с бабушкой пробовали придумывать новые сюжеты по старым сказкам. Получалось забавно и интересно. В нашей истории Красная Шапочка несла бабушке не пироги в корзинке, а колобка, и на пути ее повстречался не Серый волк, а Змей Горыныч. Сестренка тоже пыталась что-то вставить от себя, хотя бы словечко, но я ее перебивал, придумывая что-то свое. Вскоре и эти новые выдумки поднадоели. Напридумали историю такую, что и конец подобрать не можем. И кажется, что нет нашей сказке ни конца, ни начала. Валюшка давно уже спит, тихо посапывая носиком. Сестренка всегда ложилась с бабушкой на большом диване, я же — за печкой на кровати, как взрослый, лежал один. В комнате тихо играло радио (отчего-то у бабушки радио никогда не выключалось и жило своей жизнью), в печи, потрескивая, догорали поленья, а за ледяным окном свирепствовала, тяжело завывая, вьюга.

— Ну вот что, давай-ка уже спать, — говорит мне бабушка, поправляя сестренке одеяло. — Валюша уже седьмой сон видит, а ты все никак Змеем Горынычем не угомонишься.

— Не спится, — я поворачиваюсь на левый бок и сквозь темноту посматриваю на нее. — А расскажи про Марью-колдунью.

— Нашел время о колдунах говорить. Кто же по ночам о них вспоминает? — бабушка, покашляв, затихает.

Мне не спится. Лежа в кровати, откинув одеяло к ногам, я слушаю, как позади меня, в печи, все слабее и слабее потрескивают, умирают поленья. Ту историю о колдунье Марье, что проживала когда-то в Вертьянове, я немного знал. Но тогда, в ночной тишине, я снова хотел ее услышать. Но бабушка, по-видимому, устала от разговоров и всерьез приготовилась ко сну. И я пошел на хитрость.

— А правда, что колдуны могут в кошек обобщиваться? — спросил я вполголоса.

— Могут, — слышался бабушкин слабый голос.

— И в собаку смогут? — не унимался я.

— А чего бы и нет, — отвечала бабушка. — Они в кого угодно могут. Вот взять ту же Марью, к примеру...

— А что она?

— Снова не уснешь, бояться всего будешь, — упрекает бабушка.

— Не буду, — я отважно храбрюсь.

Спать и правда не хотелось, а послушать историю про колдунью, поугагать свою детскую душонку было страх как интересно. И бабушка, снова вздохнув, начала рассказ:

— Идем мы как-то с девочками из клуба. Разговариваем, смеемся. Танцы вроде бы как уже и прошли, а расходиться не хочется. И вдруг видим: за нами по дороге бревно огромное катится. Мы шаг прибавим — и оно за нами следом быстрее, мы остановимся — и бревно стоит. Испугались мы, девочки молодые, и бросились бежать не помня себя. А навстречу — брат мой Юрка с ребятами идет. Мы — к ним, так, мол, и так, бревно за нами катилось. Те — в смех. А кто-то из ребят и говорит, да это вас Марья поугагать решила. Она это была.

— В бревно превратилась?

— Да в кого только не превращалась. То лошадью промчится по деревне, то свиньей разгуливает. А как-то тетя говорила, что сидела в избе днем, чай пила с баранками, вдруг глядь во двор — а там коза на поленнице сидит и в окно уставилась, на тетю смотрит. Тетя и говорит ей: «Ну чего ты, Марья, балуешься, чего тебе все нейметсь?» Та посмотрела-посмотрела и ушла долой.

— И что, все знали, что она колдунья?

— А чего бы не знать! Деревня маленькая. Все про всех знали. Да и сама по себе она была не злой, не вредной, только вот иной раз похулиганить любила. Умирала, правда, тяжело. Долго мучилась. Все просила воды ей подать, да никто не решался из соседей к ней подойти. Могла силу эту бесовскую передать. Оттого и мучилась долго, что никто к ней не подходил.

Я лежал, прижавшись левым ухом к подушке, и боялся шелохнуться. Это сейчас я прекрасно понимаю, что не может человек оборачиваться в животных и в другие предметы, что давнишняя эта история не более чем выдумка. Что когда-то давным-давно жила в нашем краю пожилая старушка Марья, возможно горбатая, скрюченная работой и старостью, замкнутая,

немножечко не в себе, и вот ею-то и пугали непослушных малышей родители. Так и прицепился этот облик к ней. Не ужилась бы настоящая колдунья с простым народом. Не ужилась. А, как известно, у страха глаза велики. Мало ли кто не привидится в темноте молодым девицам. Вот и мне тогда тоже после услышанного померещились на стене непонятные тени, того гляди так и норовили подкрасться ко мне, ущипнуть или схватить за ногу. И, не скрывая испуга, я попросился к бабушке на диван.

— А я что говорила, спать один не будешь, — и бабушка, осторожно пододвинув сестренку к стене, пододвинулась сама. Я прилет с краю на диван, прижался макушкой к теплому бабушкиному плечу и тихонько вздохнул. Уже было совсем не страшно.

— Ба-а!

— Ну чего еще?

— А кто сильнее, волк или собака?

— Опять двадцать пять. Ты уснешь или нет?!

— Усну-усну, — я прижимаюсь к бабушке так, чтобы было удобней слушать.

Бабушка обнимает меня и говорит, что сильнее волк, потому как он хищник. В комнате тихо играет радио, а я, укутавшись одеялом, слушаю бабушку, ее рассказ о том, как волки хозяйничали в их деревне в зимние военные годы. Тогда морозы стояли ужасные. Мужики все на фронт ушли, остались лишь бабы да дети. Вот зверь и повадился к деревням ближе ютиться.

Днем еще как-то побаивались показываться, а только-только стемнеет — волки тут как тут. Расхаживают по Вертьянову как хозяева и никого не боятся. Сколько собак погрызли — и представить страшно. Во двор не боялись забежать, из конуры вытаскивали. Выйдут бабы утром, а от собаки только ошейник рваный на снегу лежит. Лес-то рядом — рукой подать. Вот волки и выходили на прогулку. Затемно — к людам, с рассветом — обратно в лес...

Столько времени уже прошло, а все равно вспоминаются мне те беседы при ночной луне. Словно кто-то невидимой ладонью гладит мое сердце. Тепло и грустно становится. Тепло от того, что вспоминается детство. Детство — это всегда теплая весенняя пора. Грустно же потому, что совсем недавно не стало нашей любимой бабушки Зои. Она умерла 4 ноября 2014 года в праздник Казанской иконы Божией Матери. Как же хорошо, что у человека есть память и все самое хорошее, все самое драгоценное о человеке хранится именно там, в потемках души его, и живет вечно. Больно, печально и одиноко от того, что не обнять мне больше никогда ее хрупкие, дорогие сердцу плечи, не прижаться щекой к ее фартуку, не поговорить, не послушать ее забавных интересных историй... Но пока я живу, в сердце моем всегда будут храниться ее улыбка, добрый голос и теплые глаза.

□

Антон Евгеньевич ЛУКИН

родился в 1985 году.

Окончил Ардатовский аграрный техникум.

Прозаик. Автор семи книг прозы.

Публиковался в периодических изданиях, среди которых

«Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Литературная учеба», «Южная звезда», «Молодая гвардия»,

«Литературная газета», «День литературы» и др.

Лауреат премии «Умное сердце» имени Андрея Платонова (2012).

Дипломант всероссийского конкурса «Золотой Дельвиг» (2013).

Живет в селе Дивеево Нижегородской области.

**Сергей
АКСЕНТЬЕВ**

г. Севастополь

МЫ ВСТРЕТИМСЯ С ТОБОЙ НА ОСТРОВЕ ВАЙГАЧ...

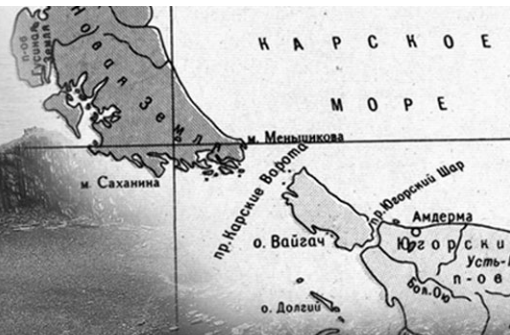
Россия возвращается в Арктику: факт, требующий всестороннего осмысления феномена грандиозных свершений первопроходцев, обживавших в 30–40-х годах прошлого века полярные острова, пустынные побережья арктических морей, добывавших руду, прокладывавших ледовый тракт Северного морского пути. В этом ряду остров Вайгач являет достойный пример.

Остров каменных истуканов

Между южной оконечностью Новой земли и матерым берегом Югорского полуострова распласталась каменная туша острова Вайгач. Известный путешественник Василий Иванович Немирович-Данченко, побывавший на нем в конце XIX века, так описывал бесноватый характер проливов, отделяющих остров от суши: «Поразительную картину представляет Корсай (Карские ворота). <...> В этих узких дефилях вода иногда мчится с невыразимою быстротою. Громадные льдины, заносимые сюда из океана западными и северо-западными ветрами, крошит вдребезги. <...> Плавание Югорским шаром было бы безопасно, если бы на нем не было одновременно двух совершенно противоположных течений: первое вдоль континента из океана в Карское море и второе вдоль Вайгача из Карского моря в океан. Фар-

ватер при этом определяется весьма неточно. Не говоря уже о рифах, усеивающих побережье острова. Корабль легко может попасть в течение, обратное своему кругу, и тогда его не выручат и паруса». Свой крутой нрав проливы в полной мере проявляют и в наши дни. Современная лоция предупреждает: «плавание в акватории острова в любую пору непредсказуемо и опасно». Аналитики отмечают его важное стратегическое значение, считая проливы восточными воротами в Карское море, а Вайгач замком, надежно их запирающим, и не без основания утверждают – кто владеет островом, тот владеет Полярным бассейном.

О происхождении названия острова существуют разные мнения. Голландские мореплаватели называли его «waaiengat» – «врата ветров», самым жутким и загадочным островом «Молочного» (Ледовитого) океана. По описанию одного из участников экспедиции Стефана Барроу (1556), искавшей

северо-восточный проход в Китай «...остров, окруженный со всех сторон кипящим океаном, своими черными острыми скалами, торчащими из бездны, более напоминал ад на земле, чем спасительную бухту для уставших от многомесячной борьбы с океаном пилигримов».

Некоторые ученые полагают, что название произошло от ненецкого «Вай Хабць», «земля смерти», другие, например известный специалист по ономастике В.А. Никонов, производят название от нарицательного ненецкого «вайгач», переводимого как «наносной, намывной, низменный». А вот географ С.А. Огурцов связывает его с именем русского промышленника помора Ивана Вайгача.

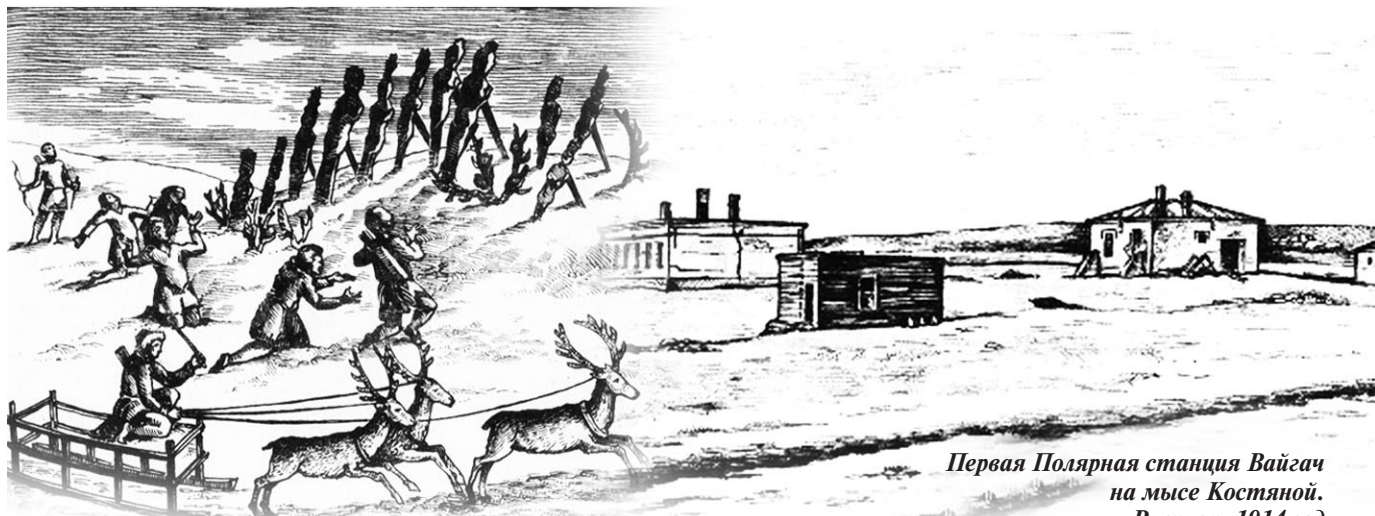
Первое достоверное описание острова произвели в июле 1826 года участники гидрографической экспедиции Ивана Никифоровича Иванова. Историки считают, что Вайгач был известен поморам бассейнов рек Мезени, Северной Двины, Печоры еще со времен заволоцкой чуди (XI–XIV вв). Промышляя морского зверя у южной оконечности Новой Земли и материкового берега Карского моря, они часто укрывались на нем от свирепых штормов. Как повествует предание, однажды самоедам, оставшимся зимовать на северной оконечности острова (мыс Болванский), явился из моря утес наподобие человека. Лик его напоминал лицо самоедки, и пришельца назвали Хэдако (Старуха). Хэдако стала для дикарей Матерью Земли, покровительницей промыслов и защитницей от болезней. Другой идол, Вэдако (Старик), вскоре объявился в самой южной точке острова (мыс Дьяконова). Этот семиликий деревянный истукан считался покровителем охоты, оленеводства и домашнего очага. Его окружала свита небольших деревянных идолов, отдаленно напомиавших мужчин, женщин и детей.

Недалеко от места, где появился Вэдако, в земле имелся пролом в виде естественного колодца, выходящего в пещеру, связанную с открытым морем. По рассказу архангелогородского архимандрита Вениамина, побывавшего летом 1827 года на Дьяконовском мысу: «Вой и гул, раздающийся в пещере во время сильных ветров, внушал самоедам суеверный ужас, и ... они благоговели пред этим местом». Именно сюда, считают краеведы, к священному провалу в земле, окруженному деревянными и каменными изваяниями, устремлялись перед началом промыслового сезона самоеды из Большеземельской тундры, Полярного Урала, Ямала и даже низовьев Оби. Каждый из прибывавших устремлялся своего небольшого родового идола и совершал обряд кровавого жертвоприношения в

полной уверенности, что Хэз Сей наградит его удачей на промыслах и не оставит в беде. Постепенно идолы заполнили большую часть труднопроходимой островной суши, а Вайгач на долгие века стал священным местом, где не только запрещалось селиться, но и охотиться, рвать траву и цветы, оставлять бытовой мусор, а женщинам – ходить без специальных железных пластин на обуви.

Первыми из европейцев самоедских идолов обнаружили в 1556 году участники экспедиции С.Барроу. Вот как вспоминает эту встречу сэр Уильям Рэндольф: «Скалистая земля сплошь была покрыта туманом. Он перемещался и кипел, поэтому нам с трудом удалось разглядеть то, что ожидало нас впереди. Ужасные изваяния из дерева и камня, представляющие собой человеческие изображения, вымазанные кровью, имеющие устрашающий вид, встретили нас на плато. <...> Самоеды, одетые в странные платья, сшитые, видимо, из шкур, появились из тумана. Сколько их было, сказать никто не мог. Но по тому, как они стояли, держа перед собой огромные луки и выставив вперед длинные колья, мы поняли: вперед нам пути нет». Высадившиеся 21 июля 1594 года на Вайгач моряки экспедиции Вильяма Баренца насчитали на острове порядка 300–400 деревянных и каменных идолов.

Ещё в конце XIX века художник Александр Александрович Борисов, много общавшийся с самоедами, пытался отговаривать их от жестоких и бессмысленных обрядов кровавых жертвоприношений. «Нехорошо, – наставлял он дикарей, – принести человеческие головы Сядэю (Хэз Сею. – **Авт.**), это безнравственно и противно велениям Бога, но те отвечали: «Да потому-то мы и делаем это, что противно Богу. Ведь это мы делаем не для Бога, а для Сядэя. А дьявол любит, чтобы мы делали худо, и за это нам пригонит много зверя и рыбы». Археологическая экспедиция Л.П.Хлобыстина (1984–1987) установила, что некоторые самоедские идолы принадлежат разным древним культурам народов Севера и представляют историческую ценность, а начальник морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) историк Петр Боярский называет Вайгач единственным сакральным островом на Земле, имеющим «для истории человечества даже большее значение, нежели знаменитый остров Пасхи». Известный исследователь таинственной Гипербореи В.Н. Дёмин идет ещё дальше, утверждая, что остров Вайгач – одно из немногих мест зарождения земной цивилизации.

*Святылище на мысе Болванский, остров Вайгач.
Голландская гравюра XVI в.*

*Первая Полярная станция Вайгач
на мысе Костяной.
Рисунок, 1914 год*

Поселок Варнека

Первые вайгачские полярники

Вскоре после гибели в Порт-Артуре броненосца «Петропавловск» (31 марта 1904 г.) в Главный морской штаб из Парижа пришло письмо от известного полярного исследователя В.А. Русанова. «К сожалению, мы слишком мало знаем наши полярные области, – писал Владимир Александрович, – и, в частности, Северный Ледовитый океан, чтобы с полной уверенностью отве-

тить на столь важный теперь для нас вопрос: ежегодно ли освобождается ото льда полярное море вдоль всего северного побережья Сибири и как долго оно остается свободным? Неисследованность этого вопроса требует срочных мер по отправке в район Карского моря специальной экспедиции, оснащенной средствами и способами сколько возможно быстрой доставки депеш. Для этого не следует жалеть ни материальных затрат, ни личных сил, поскольку они несравнимы с воз-

*Рудник на мысе Раздельный. 1932 г.
(Фото из альбома «ГУЛАГ»)*

*Начальник Вайгачской экспедиции Ф.И. Эйхманс (справа)
и его заместитель Э.П. Ская.
(Фото из альбома «ГУЛАГ»)*

*Строительство первых домов
в п. Варнек. Вайгач. 1930–1931 гг.
(Фото из альбома «ГУЛАГ»)*

*А.Ф. Дицкал.
Вайгач. 1933 г.*

*П.В. Виттенбург.
Вайгач. 1933 г.
(Из архива Е.П. Виттенбурга)*

*Сортировка свинцово-цинковой руды.
(Фото из фондов архива УВД АО)*

возможностью перебросить наш флот через Северный Ледовитый океан из Атлантического океана в Великий и обратно». Однако лишь через семь лет после этого письма Государственный совет и Государственная дума одобрили, а император 26 мая 1911 года утвердил закон «Об отпуске из Государственного казначейства средств на устройство четырех радиотелеграфных станций на побережье Карского и Белого морей», а Товарищество асфальтового и бетонного производства

«Бодо Эрестофт К^о» подрядилось «...из своих материалов и своими рабочими осуществить постройку зданий для радиостанций в Архангельске, Югорском Шаре, на острове Вайгач и на полуострове Ямал (Маре-Сале) с жилыми домами и кладовыми при них из бетонных пустотелых камней общей стоимостью 149601 руб. 42 коп.».

Первая партия рабочих прибыла на мыс Костяной на северо-западной оконечности острова Вайгач 1 августа 1912 года. Однако сильные

морозы, ударившие необычайно рано, вынудили вскоре прекратить все работы. На объекте зимовать остались два сторожа, Е.А. Лысков и А.И. Моргунов, имея годовой запас продуктов. Летом следующего года пароход «Дан», доставивший на остров грузы, строителей и партию монтажников, вышел встречать едва державшийся на ногах Е.А. Лысков. Высокий, широкоплечий и крепкий мужчина, каким знали его по прошлому году, оказался тяжело больным цингой. Его напарник А.И. Моргунов вообще не мог передвигаться и все дни лежал на полатях в бане.

Обеспокоенное этим ЧП руководство Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов (РОБТиТ) обратилось с письмом к главному врачу больницы Санкт-Петербургского почтамта с просьбой решить вопрос о выделении медицинских работников на станции, поскольку «в этих пунктах не только скорой, но и вообще какой-либо врачебной помощи служащим оказывать не представляется возможным». Ответ последовал в лучшем духе российской бюрократии: на первое время снабдить радиостанции популярным лечебником доктора С.Н. Алмазова «Полная народная школа здоровья», а пока создать особую комиссию с привлечением врачей и представителей радиостанций для выработки «комплектования необходимых для данного случая аптечек»...

Официально радиостанции на острове Вайгач и в Югорском Шаре начали действовать с 1 февраля 1914 года, а пять месяцев спустя Санкт-Петербург захлестнул вал газетных публикаций о бедственном положении первых полярников. «Деятельность новых радиотелеграфных станций, – возмущался корреспондент «Нового времени», – началась с отчаянной телеграммы, сообщавшей, что все сторожа, как и предыдущие, оказались больны цингой. <...> В довершение всего в новых постройках, сделанных из пустотелого кирпича, царил страшный холод и их никак не удавалось натопить. На сделанный запрос о количестве провизии последовал ответ, что в наличии осталось 12 мешков муки, 88 пудов сухарей, 7,5 пуда масла, горох, крупа, немного консервов, кофе, какао. Словом, та провизия, которая обеспечивает вновь прибывшим в самом недалеком будущем цингу».

Как всегда в таких случаях, власти обвинили газеты в тенденциозности, а журналистов в некомпетентности, объяснив недомогание сторожей «неподвижным образом жизни и ленью, ходившей до нежелания приготовить себе пищу

и питавшихся преимущественно чаем, хлебом и сахаром». Однако побывавший годом позже на станции «Вайгач» архангельский инженер Почтово-телеграфного ведомства Н.П. Георгиевский отмечал: «На внутренних стенах зданий трещины местами значительны. Чиновники и сторожа рассказывали, что зимой, когда стояли многоградусные морозы, они топили печи-чугунки. Печи быстро накаливались докрасна, и температура в комнатах резко поднималась до 25 градусов и выше. В воздухе появлялся пар. Становилось жарко; стены отпотевали, и по ним струились потоки воды, замерзавшие ночью на стенах. Жили все время в шубах; отдыхать от сырого воздуха выходили на улицу. Пища была однообразная». Прибывшая на законсервированную радиостанцию в 1914 году очередная комплексная комиссия увидела просевшие здания, иссеченные трещинами, но строители упорно стояли на своем: «наиболее целесообразным типом зданий, пригодных для жилья и станционных помещений, хорошо сохраняющих тепло внутри, обладающих морозостойкостью, огнестойкостью и долговечностью, являются пустотелые бетонные конструкции». Наскоро сложенные кирпичные контрфорсы по углам здания, как только пригрело полярное солнце и земля под ними протаяла, отделились от стен, став совершенно бесполезными.

Но самое невероятное заключалось в том, что в штатные расписания полярных станций «забыли» включить гидрометеорологов, без которых наличие дорогостоящих радиотелеграфных «полярок» теряло всякий смысл. В мае 1914 года Министерство промышленности и торговли обратилось в Главное управление почт и телеграфов (ГУПиТ) с просьбой разрешить «за особое вознаграждение» почтово-телеграфным работникам, зимующим на Карских радиостанциях, производить необходимые гидрометеонаблюдения. Так сотрудники радиотелеграфных станций стали еще и гидрометеорологами.

Рудознатцы

Обогатстве недр Вайгача знали со времен царя Алексея Михайловича. Хроники сообщают, что в 1666 году «пустозерский стрелец Федька Мартемьянов Шадра в съезжей избе подал воеводе Пустозерского острога Василию Григорьевичу Дикову «отыскную руду». <...> ее послали в Москву, а оттуда пришел приказ «руды той отыскать пудов пять или шесть и места описать нынешнюю зи-

мой». Приказ выполнили, но что за руду отыскивали на Вайгаче, мы, к сожалению, не знаем.

Мезенский краевед Николай Окладников обнаружил, что спустя столетие крестьянин Кеврольского уезда Илья Дворяншин летом 1776 года на северо-западном берегу острова Вайгач нашел неизвестную руду («снаружи белая, а внутри казались звездки и имеет тяжесть»), но образцы по пути в Пустозерск утеряны. В июле 1777 года его доставили на Вайгач. Там он в присутствии купца Ивана Черцова и солдата Пустозерского воинского гарнизона указал место, где нашел руду. Осмотрев привезенные с острова образцы, архангельский губернатор Е.А. Головцын 23 марта 1778 года отправил их в Берг-коллегию. И опять осталось неизвестным, что за руду привезли с Вайгача и какова дальнейшая судьба рудознатца.

Затем наступил долгий «сезон молчания», пока в 1921 году геологическая партия под руководством Нестора Алексеевича Кулика не обнаружила на юго-западном побережье острова Вайгач (бухта Варнек, район мыса Раздельный) месторождение полиметаллических свинцово-цинковых руд, представлявших, по убеждению Кулика, промышленное значение. Год спустя экспедиция АН СССР под руководством Александра Константиновича Шенкмана подтвердила официально этот факт в итоговом отчете: «Найденные четыре группы жильных поясов с очевидными запасами, заслуживающими промышленной разведки и дальнейших разведочных и поисковых работ».

Уже в 1930 году вышло закрытое постановление правительства о создании специальной Вайгачской экспедиции ОГПУ под руководством первого начальника Главного управления лагерей ОГПУ Федора Ивановича Эйхманса, имевшего большой опыт работы с заключенными в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Его заместителем стал бывший начальник охраны Смольного (1917–1918) капитан ОГПУ-НКВД Эдуард Петрович Ская. Научно-изыскательскую часть экспедиции с 1931 года возглавил известный геолог и географ профессор Павел Владимирович Виттенбург, ожидавший приговора по «делу Академии наук». Ему инкриминировали участие в монархическом «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России» и «вредительство в области экспедиционных исследований». Тройка ОГПУ при ЛВО 11 февраля 1931 года определила Виттенбургу высшую меру наказания – расстрел (Ст. 58-2, 10, 11 и 14 УК РСФСР), но ввиду особой важности Вайгачской

экспедиции приговор пересмотрели, заменив расстрел 10 годами лагерей. Перед экспедицией стояла архитрудная задача: через три месяца наладить промышленную разработку свинцово-цинковой руды на мысе Раздельный.

Лагерь и его обитатели

Первые 132 человека Вайгачской экспедиции во главе с тридцатитрёхлетним латышом Федором Эйхмансом высадились на берегу бухты Варнека в середине июля 1930 года, а уже через два месяца там появились первые казармы для заключенных, жилые дома для сотрудников экспедиции и служебные постройки управления лагеря. На рейде в постоянной готовности к вылету дежурил гидросамолет «Дорнье-Валь» полярной авиации «Комсеверпути». Летчики Матвей Козлов и Анатолий Алексеев в круглосуточном режиме производили ледовую разведку и проводку судов обеспечения, доставлявших на остров строительные материалы, оборудование, продовольствие и заключенных.

В отличие от полярной радиостанции на мысе Костяном, в бухте Варнека жилые дома, казармы и служебные постройки возводили из тщательно высушенных струганых сосновых бревен. На архангельских заводах их собирали, подгоняли все венцы, нумеровали бревна и в разобранном виде отправляли на Вайгач. Там бригада плотников в течение 7–10 дней строила здание. Дома получались теплыми и сухими.

К концу сентября на мысе Раздельном заложили первые шурфы двух шахт глубиной до 20 метров по четыре штольни с боковыми штреками протяженностью по 800 метров и незамедлительно приступили к круглосуточной добыче крайне необходимой для промышленности руды. Освещались забои поначалу самодельными копилками, т.к. в суматохе погрузки в Архангельске забыли отправить на остров шахтные лампы. Их доставили на собаках через Печеру лишь в декабре 1930 года. Всеми работами руководил лично Эйхманс. С зари и до глубоких сумерек он появлялся на разных строительных объектах в сопровождении молодой немецкой овчарки по кличке Вайгач, подаренной, как утверждала лагерная молва, «близким другом Советской России» американским бизнесменом Арманом Хаммером.

Вторая большая партия заключенных численностью 202 человека прибыла на остров 10 августа 1931 года. Среди них был и сорокасемилетний научный руководитель экспедиции профессор

Павел Виттенбург. К началу второй зимовки на возвышенности бухты Варнека уже располагался хорошо обустроенный поселок с прекрасным двухэтажным клубом – гордостью вайгачан, лазаретом, радиостанцией, баней, хлебопекарней, магазином, которому по изобилию продуктов мог позавидовать любой магазин в крупном городе на материке. Бесперебойно работали обогатительная фабрика и дизельная электростанция.

Вайгачская экспедиция вступила в пору ритмичной работы, и необходимость дальнейшего пребывания на острове Ф.И. Эйхманса отпала. В октябре 1932 года он, передав дела и обязанности новому начальнику Вайгачской экспедиции сотруднику ОГПУ-НКВД дивизионному комиссару Александру Федоровичу Дицкалну, убыл в Москву на должность заместителя начальника 9-го отдела ГУГБ-НКВД СССР (шифровальная и дешифровальная служба и радиоразведка).

...Это был особый лагерь, каких в разветвленной сети ГУЛАГа, охватившей в 30–50-е годы весь Заполярный Север от Кольского полуострова до Камчатки, насчитывались единицы. Исключительность его состояла не только в тщательно продуманном строительстве, качественном быте зимовщиков, сбалансированном подборе контингента осужденных, но и в специфике решаемых задач. Кроме промышленной добычи свинцово-цинковой руды на мысе Раздельном и меди в районе губы Долгая, геолого-разведочные партии постоянно занимались, и небезуспешно, поиском драгоценных металлов и ценных минералов не только на острове, но и в районе Амдермы. Бывший вайгачский лагерник, а многие годы спустя – популярный народный артист РСФСР Вацлав Дворжецкий в своей книге «Пути больших этапов» приводит любопытные сведения. Например, о том, что профессорами Виттенбургом и Сущинским, с разрешения лагерного начальства, из числа наиболее крепких, грамотных и инициативных молодых заключенных была организована плановая профессиональная подготовка специалистов среднего звена для камеральной обработки и петрографии. «Мы собирали образцы породы, – пишет Дворжецкий, – при этом <...> часто встречались золотые самородки. <...> Когда выдавали новую телогрейку, старую отбирали и тут же сжигали в специальной печке, вентилятором сдували золу, а расплавленное золото оставалось на поддоне из керамики. Иногда немало оставалось. Часто обнаруживались и россыпи благородных камней: рубинов, изумрудов, яхонтов, аметистов, горного хрусталя». Кроме руды, двадцатидвухлетний заключенный по особому

распоряжению начальника лагеря изучал быт аборигенов, их сакральные тайны, древние артефакты и магию шаманского колдовства. «Я изучил язык ненцев, – рассказывает Дворжецкий, – ездил на оленьих упряжках по стойбищам, присутствовал на ритуале «священного жертвоприношения» у «пропасти жизни». <...> Святое место! Туда никто не ходил – боялись».

Интересные штрихи лагерного быта сообщает другой колонист – Константин Гурский, отдавший четыре года (1933–1936) острову. «В магазине, – пишет он в книге «Мой Вайгач», – заключенный наравне с вольнонаемными имел право всегда купить не только колбасу, сыр, масло, шоколад, но и мужские костюмы, в которых посещали клуб. Я сам ходил в костюме, купленном на Вайгаче. В поселке не было разграничения между заключенными и вольнонаемными. Все жили рядом, работали вместе и свободно общались». Уже в конце 1932 года заключенные высококлассные специалисты в качестве поощрения за хорошую работу получили возможность вызова на Вайгач своих семей, которые размещались в отдельных домах на две-четыре семьи. Жен, имевших профессию, устраивали на работу. Например, жену профессора Виттенбурга, врача по профессии, приехавшую на остров с одиннадцатилетней дочерью, начальство охотно приняло на должность терапевта лагерного лазарета.

Дочь Виттенбурга Евгения Павловна рассказывает: «Мама сразу включилась в работу санчасти. <...> При медицинском осмотре уголовников (*основная часть лагерного контингента. – Авт.*) величественные копии с картин, большей частью В.В.Верещагина, открывались на груди и спине пациентов, вытатуированные мастерами своего дела. Мама говорила, что стоило немалого труда не засмотреться. <...> Уголовники замечательно владели искусством симуляции, поэтому приходилось постоянно быть начеку. Интересно, что суровый арктический климат не способствовал простудным заболеваниям. Люди мокли под дождем, проваливались в воду и – ни насморка, ни кашля».

В доме специалистов, где профессору Виттенбургу с приездом семьи выделили две смежных комнаты, было уютно и тепло. Об этом заботился постоянно живший в пристройке пожилой заключенный из Харбина. «Родители, – вспоминает Евгения, – с утра уходили на работу, а я по определенным дням посещала школу. Так как дети были разного возраста, то со мной одной занимались учителя – заключенные. Физикой и математикой – один, русским языком и литературой – другой,

немецким языком – третий. Это были четвертый и пятый классы средней школы. В результате по возвращении в Ленинград я поступила в тот же класс, который оставила, уезжая, но он теперь уже был шестым...»

Пусть этот рассказ не покажется читателю лубочной картинкой, красивым лагерным мифом или, более того, желанием автора подсластить горькую историческую пиллюлю ГУЛАГа. Нужно самому пожить, а я отдал в начале 60-х годов прошлого века собрату Вайгача острову Кильдин шесть незабываемых лет, чтобы понять прагматизм и логику руководителей Вайгачской экспедиции, обустроивших быт небольшой колонии на берегу богом забытого полярного острова. Задачи, которые предстояло решить, иными методами реализовать просто невозможно, и тупая сила здесь не советчик. Перед полярной стихией с бесконечными лютыми штормами, адскими холодами, затяжной полярной ночью, разъедающей психику, дикой природой все равны, и наплевательского отношения к людям Крайний Север никогда не прощал, пример тому – первые радиотелеграфные полярные станции. Но если там чиновникам, как обычно, все сошло с рук, то данный случай – особый. Провал Вайгачской экспедиции ОГПУ для них означал одно: незамедлительный расстрел. А страх, как известно, заставляет инстинктивно принимать защитные меры.

... И все же это был лагерь, с жесткой дисциплиной, вымуштрованной охраной, оперативным отделом ЧК, карцером в заброшенной шахтной разработке, прозванным заключенными «могилой», следственным изолятором, наказаниями в виде увеличения сроков за совершенные проступки. И, конечно же, тяжелой круглосуточной работой на рудниках. «За бухтой Варнека, – вспоминает Вацлав Дворжецкий, – в десяти километрах от лагеря свинцовые, цинковые рудники. <...> Рудники жуткие! Людей в ствол спускают «бадьей», вручную, коловоротом, как в колодец. Вагонетки, груженные рудой, выкатывают наверх тоже вручную. В забоях орудие шахтера – отбойный молоток (компрессор снаружи), освещение – лампочка на каске. Крепление слабое – вечная мерзлота, «жила» узкая – в забое работаешь лежа киркой. <...> Этот каторжный труд, суровый арктический климат, пустынный каменный остров, особенно унылый в осеннюю и зимнюю пору, выдерживали не все». Много людей гибло в рудниках, то из-за обвала породы, то из-за обрыва клетки с горняками, а то сорвавшаяся со стопоров вагонетка с рудой подавит людей.

Однажды осенью на глазах у всего поселка в каких-то десятках метров от берега погибла партия шахтеров, морем возвращавшихся с Раздельного. Карбас, увязнув в сале (каша из ещё не смерзшегося льда), не смог подойти к причалу. Все попытки помочь обреченным оказались безуспешными. Крепчавший мороз и налетевшая метель заглушали жуткие крики о помощи. «Только через две недели, – сообщает Дворжецкий, – когда лед окреп, вырубили их, уложили в штабеля, закрыли брезентом – временная могила. Летом схоронили в пустых шурфах, они и сейчас там целенькие – вечная мерзлота...»

Конец Вайгачской экспедиции

Судьба Вайгачского рудника оказалась недолгой. Уже в марте 1934 года в один из промежуточных штреков шахты Раздельная стали поступать криопэги – подземные соленые воды с отрицательной температурой. К 16 марта 1935 года дебит притока составил 147 м³/час, и рудник оказался полностью затоплен до уровня воды в бухте Варнек. Случилось то, чего больше всего опасался Виттенбург: скальные породы, изрезанные прослойками ископаемого льда, и трещиноватый известняково-доломитовый массив не выдержали проходческой нагрузки.

Работы в забоях срочно прекратили. Рудник перевели на мокрую консервацию, 1100 человек заключенных, оставленных на зимовку, приступили к демонтажу оборудования и переброске его на Амдерминское флюоритовое месторождение. По мере высвобождения людей отправляли на строительство железной дороги Воркута – Югорский Шар, часть вывезли с Вайгача в Архангельск на строительство железной дороги Исакогорка – Молотовск (ныне Северодвинск), часть перевели на рудник в Амдерму.

Последнюю партию заключенных зимой пешим путем отправили с острова в Воркуту. Этот тяжелейший переход выдержали немногие...

Покинутый остров

Профессор Павел Владимирович Виттенбург 12 июля 1935 года был освобожден из заключения «по отбытию срока с полярным зачетом». Он вновь вернулся на Вайгач в апреле 1940 года, возглавив Вторую Вайгачскую экспедицию в должности старшего геолога Арктического института. Предстояло произвести повторную

всестороннюю прогнозную и промышленную оценку рудных и ценнокаменных месторождений острова. Однако вторжение фашистских войск в нашу страну перечеркнуло все планы. В проливах и акватории острова Вайгач появились немецкие подводные лодки, и 17 октября 1941 года экспедицию эвакуировали в Архангельск.

В сентябре 1950 года на мысе Болванский нос, что примерно в 13 километрах северо-восточнее прежней радиотелеграфной полярки, открыли новую метеорологическую станцию МГ-2 имени академика К.Е. Федорова. На ней 13 сентября 2009 года начальник полярки в пылу возникшего конфликта убил своего подчинённого. Вслед за этим ЧП в декабре того же года из-за неопытности и пьянства механиков оказалась размороженной вся отопительная система станции, и людей пришлось срочно эвакуировать на материк, а станцию законсервировать. Её расконсервовали лишь в 2012 году после ремонта и замены неисправного оборудования. В настоящее время станция работает в круглогодичном режиме.

Дальнейшая судьба уникального острова неопределенна. Сейчас в поселке на берегу бухты Варнека в 23 трех домах обитает около ста человек, выживая в основном охотой и рыбной ловлей. На острове давно уже нет школы, да и учить детей некому, поэтому к первому сентября всех немногочисленных школяров свозят в школу-интернат Нарьян-Мара. Молодежь, не имея перспектив, покидает остров, а старики обреченно доживают свой век.

С 2007 года Вайгач объявлен заказником

областного значения. Путешественники, побывавшие на острове, сообщают, что сейчас идолов на острове практически не осталось, те, что сохранились в труднодоступных для посещения местах, либо повалены, либо находятся в жалком состоянии. Местные жители, охотно показывающие их за вознаграждение, к сожалению, почти ничего не могут рассказать об их предназначении, поскольку плохо знают историю своих предков. Что же до перспектив геологоразведки знаменитых вайгачских руд, то сообщений на сей счет на сегодня не имеется.

Некоторые ученые и специалисты предсказывают оживление острова Вайгач с началом промышленной разработки Штокмановского газоконденсатного месторождения у юго-западного побережья Новой Земли и возрождением функционирования Северного морского пути. Поживем – увидим. Главное, в пылу технического бума не потерять уникальный остров с его неразгаданными тайнами и надежно упрятанными природой подземными богатствами...

Фото предоставлены автором

Сергей Терентьевич АКСЕНТЬЕВ –

уроженец г. Челябинска (1940).

После окончания Черноморского высшего военно-морского училища

им. П. С. Нахимова в Севастополе (1964)

был направлен на Северный флот (о. Кильдин).

Преподавал в Бакинском и Черноморском училищах,

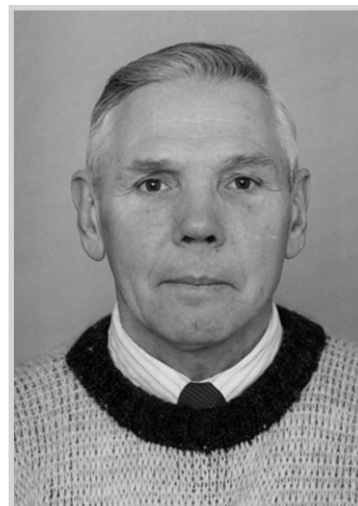
сейчас – ведущий научный сотрудник

научно-исследовательской лаборатории, кандидат технических наук, автор более ста научных работ, в том числе и патентов на изобретения.

Публиковался в периодической печати Севастополя и Крыма,

журналах «Север», «Странник».

Член Союза журналистов России с 2006 года.

Иван КОСТИН –

поэт, прозаик.

Родился в заонежской деревне Хашезеро (1931 г.).

*Автор стихотворных сборников «Полет»,
«Озерные песни», «Запах росы», «Заонежье мое» и др.*

С 1971 г. – член Союза писателей России.

Награжден орденом Дружбы.

Заслуженный работник культуры России и Карелии.

Иван КОСТИН

г. Петрозаводск

Ода родному краю

ОДА РОДНОМУ КРАЮ

Меня в деревне встретил грай вороний
У прясел, разносивший окрест,
Как будто я прохожий, посторонний
Досужий созерцатель этих мест.

Смотрю вокруг, и подступают слезы.
Но не хочу я время обвинять,
Что кроме с детства памятной березы
В родном краю мне некого обнять.

Но я к своей земле многострадальной,
Где жили мои предки искони,
Пришел с душой извечно благодарной
За прошлые и будущие дни,

За глубину эпических столетий,
За память незабвенных сердцу вех,
Среди которых годы лихолетий,
Что выпали на мой суровый век.

Спасибо, что на детстве крест поставил,
Мой край, и рано вывел на большак.
И в мир большой с напутствием отправил
Идти, с судьбой сверяя каждый шаг.

В дни бедствий и мучительных сомнений,
Успехов иль изломов бытия,
Моих исканий, светлых озарений
Души опора – родина моя.

ПОЛЕ ДЕТСТВА

Поле детства не мог я забыть
С синевой от избытка простора.
Чтобы взглядом его охватить,
Не хватило б орлиного взора.

Сколько вешней воды утекло
С той поры, сколько вьюг отшумело.
Что-то в вечность от поля ушло,
Что-то в нем сохраниться сумело.

А сегодня, как взглядом ни мерь,
Это поле ужало границы.
И над ним – не с иных ли земель? –
Гомонят незнакомые птицы.

И на поле предвестьем беды
Вешний ветер доносит с пригорка
Терпкий дух вековой лебеды
И ольшаника запах прогорклый.

Утешаюсь в раздумьях одним,
С чем душа и сознание согласны,
Что над памяти полем моим
Запустенье и время не властны.

О ЮНОСТИ МЫ ВСПОМНИМ

О юности продолжим разговоры
И всколыхнем ленивые умы.
Какие девушки на нас бросали взоры,
Какие взгляды им дарили мы.

Какие зори по утрам играли,
Как освещали милое лицо.
И девушки босые выбегали
К любимым на морозное крыльцо.

О юности мы вспомним в час беседный,
На время отодвинув все дела.
Она была и ветреной, и бедной,
И только нищей духом не была.

Мы из руин заводы возводили,
На стройках возвышались городских
И вечером смотрели водевили
В домах культуры, в клубах заводских.

Был каждый в чувствах прост и откровенен,
А в деле уставал до немоты.
Нам не хватало до полочки денег,
Чтобы дарить возлюбленным цветы.

Мы к быту относились с мерой скромной,
Весь мир вмещая в тесноту угла.
У юности и бедной, и бездомной
Наука жизни щедрою была.

Я К ВАМ ПРИЕДУ

Когда в долинах зацветут ромашки
И запестреет на лугах трава,
Я к вам приеду в вышитой рубашке
На целый день, а может быть, на два.

Над гладью вод с сиреневым отливом
И синью неба на песчаном дне
Сидел я просветленным и счастливым,
И это чувство до сих пор во мне.

Взбегу, как в детстве, на крутую горку:
Сыновним взором доли обниму
И за минувшим полечу вдогонку,
И, если надо, время обману.

Душою я на прежнего похожий
И связь времен с тех пор ношу в себе.
Мне дорог каждый встречный и прохожий
По тяготам, по доле, по судьбе.

ПРОЩАНИЕ СО СТАРОЙ ДЕРЕВНЕЙ

Когда вокруг села плетень
Плетут из слов, — берет досада.
Для возрожденья деревень
Пустых речей уже не надо.

Все стародавнее ушло
В воспоминанья и туманы...
Прощай, родимое село,
Овины, пожни и поляны.

Когда вселенский недород
Затронет матушку-Расею,
В деревню тронется народ
На целину — пахать и сеять.

Земля родная не предаст,
Воспряв от вынужденной лени,
И щедро пахарю воздаст
Во имя новых поколений.

Валерий ВЕРХОГЛЯДОВ

г. Петрозаводск

Петрозаводские пушки

Год рождения Петрозаводска известен – 1703.

Что же касается подробностей – месяца и числа, то эти сведения пока не точны и туманны. Вероятней всего – начало сентября. Ученые люди пока не прояснили ситуацию, не обронили жемчужного слова. Впрочем, горожане такой исторической мелочью себя тоже не обременяют и шумно отмечают рождение города в Петров день – 29 июня (по ст. стилю 12 июля).

Что же касается года, то это дата точная, потому что именно в 1703 году на реке Лососинке в присутствии Александра Даниловича Меншикова – ближайшего сподвижника и фаворита великого государя Петра I – был заложен чугуноплавильный и железоделательный завод, с которого все и началось. Строили его по законам военного времени, другими словами, не просто быстро, а очень быстро, и вскоре царю, который в это время занимался возведением верфи в Лодейном Поле, доложили о первом пробном литье.

Спешащий всю жизнь Петр I ответил коротко: «О готовности железных заводов зело радуемся. Исправляйтесь к весне пушками».

Вот и сказано главное слово, которое на долгие

годы стало сутью и смыслом поселения, вначале известного как Петровская слобода, а затем как город Петрозаводск.

Приумножая славу русского оружия, эти пушки гремели в битве при Лесной и под Полтавой, при взятии Риги и Ревеля, в Гангутской и Гренгамской морских баталиях.

Жизнь при арсенале имеет свои законы: пока война, завод шумит, гремит, сыплет искрами, кончилась война, и жизнь словно замирает.

Когда победой над шведами окончилась долгая Северная война, умелый руководитель и талантливый инженер Виллим Геннин, руководивший в ту пору Петровским заводом, попытался перестроить его на выпуск мирной продукции, но уж очень дорог был олонецкий чугун, выплавляемый из болотных руд, и вскоре по указу Петра Геннин вместе с мастерами выехал на богатый рудными ископаемыми Урал, чтобы устроить и поднять там железоделательное производство.

В 1734 году Петровский завод был закрыт.

О петрозаводских пушках вспомнили во времена правления Екатерины II, когда началась русско-турецкая война. Урал в это время полыхал яркими сполохами пугачевского бунта.

Горный инженер Аникита Сергеевич Ярцов новый казенный завод, в отличие от Петровского, решил поставить выше по течению Лососинки. Указ о его строительстве был подписан государыней в сентябре 1772 года, закладка фундамента состоялась в мае 1773, в июне 1774-го уже опробовали первую пушку.

В самом названии – Александровский пушечный – была обозначена главная продукция предприятия.

А хороши ли были пушки?

В истории сохранился такой факт.

Четыре года во дворе завода пролежала пушка, отбракованная по какой-то причине офицерами морского ведомства. Это очень огорчало Ярцова, и в 1778 году он приказал доставить орудие на пробную батарею. Там его зарядили обычным образом и выстрелили. Затем снова забили пороховой заряд, но вместо одного вкатили 5 ядер – выстрелили. Пушка выдержала! Тогда для определения «крепости металла» было приказано зарядить 10 ядер!

Это был славный выстрел.

Пушка осталась невредимой!

Аникита Сергеевич приказал отвезти пушку на завод и пересверлить ее с 24-го на более крупный 36-фунтовый калибр. Как орудие 36-фунтового калибра ее и испытывали... После третьего выстрела пушка прорыла землю «вровень с поверхностью тела». Только тогда угомонился Ярцов. «Отвезите пушку на заводской двор, – приказал он, – и пусть она стоит там как знак крепости здешней артиллерии».

Это был первый памятник в Петрозаводске.

Я не сомневаюсь в том, что все именно так и произошло, но справедливости ради необходимо отметить, что процент брака в продукции завода был все-таки очень велик.

В 1782 году Аникита Сергеевич был назначен горным советником Санкт-Петербургской казенной палаты, а на место начальника пушечно-литейного завода по желанию императрицы был приглашен из Англии известный оружейник, изобретатель и механик Карл (Чарльз) Гаскойн. Вместе с ним в Петрозаводск приехала большая группа специалистов, и в городе появилась улица Английская (хотя, к слову сказать, в основном это были шотландцы).

Гаскойн значительно модернизировал производство. При нем на предприятии была даже проложена (первая в России) железная дорога.

Александр Васильевич Суворов, побывавший в это время с инспекторской проверкой на заводе,

восторженно сообщал Екатерине II: «Петрозаводск знаменит!»

Данное суворовское высказывание растиражировано сверх всякой меры, но далеко не все знают, что это лишь начало доклада, в котором Александр Васильевич с присущей ему лапидарностью далее поясняет, в чем, собственно, состоит знаменитость города.

«Петрозаводск знаменит! Гаскойн велик. Его составные лафеты отнюдь не подозрительны», – так полностью выглядит это утверждение непобедимого полководца.

Постоянно интересовался делами петрозаводских оружейников и другой известный военачальник – русский адмирал шотландского происхождения Самуэль Карлович Грейг, по рекомендации которого и был приглашен на работу в Россию Чарльз Гаскойн.

Мне доводилось читать письма Самуэля Карловича, отправленные на Александровский завод.

О чем же пишет адмирал и кавалер?

Конечно же, о нуждах флота.

Рассмотрим хотя бы одно из его посланий. Опуская тяжеловесные и непривычные канцелярские обороты того времени, суть письма можно изложить следующим образом. Петрозаводским мастерам необходимо в соответствии с приложенными чертежами отлить к карронадам (гладкоствольные орудия для флота и береговой артиллерии) снаряды и по вешней воде доставить их в Кронштадт – «к будущей кампании», о сделанном «для донесения Коллегии меня уведомить». Подпись: Самуэль Грейг. Дата: ноября 7 дня 1787 года. В приложенной ведомости указано потребное количество ядер, бомб, брандкугелей – 7355 штук плюс чугунная дробь – заказ солидный.

Последующие письма аналогичны цитированному. «Вылить недостающие артиллерийские снаряды для назначенных в Средиземное море кораблей... к весне доставить в Кронштадт... Вылить фальконеты (тип орудий) чугунные, однофунтовые, числом сто тридцать два... Вылить из лучшего чугуна цепи и колеса... Для готовящихся в Средиземное море кораблей, фрегатов и прочих судов вылить однофунтовые чугунные пушки взамен фальконетов...»

Последнее письмо Грейга датировано 1 апреля 1788 года. В нем он требует поставить на строящуюся по указу Екатерины II канонерскую лодку двадцать фальконетов и сделать к ним железные вертлюги... До неожиданной смерти адмирала оставалось еще полгода.

Петрозаводские пушки вместе с командиром Черноморской эскадры адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым снискали себе заслуженную славу в сражениях против турок у острова Фидониси и под Керчью, у мыса Тендра и у мыса Калиакрия. Они громили неприятеля в битве под Бородино. А спустя четыре десятилетия – в знаменитом Синопском сражении и при героической защите Севастополя.

«У России только два союзника – ее армия и ее флот», – сказал однажды российский император Николай I, которого одни называли Незабвенным, а другие – Незабываемым.

И в годы войны, и в мирное время Александровский завод постоянно работал над усилением российской армии и отечественного флота.

В августе 1819 года проездом из Архангельска в Олонец и далее в Куопио Петрозаводск посетил император Александр I Благословенный.

Поскольку кроме тюрьмы да богадельни показывать августейшему гостю было нечего, его повели на завод.

Вначале он побывал в доменном цехе, где отливались пушки, расспрашивал мастеровых о работе воздуходувной машины, посмотрел, как рассверливают стволы. Затем заглянул в цех отделки орудий. Здесь, взяв у молодого рабочего молот, монарх попробовал оковать 24-фунтовую морскую пушку. Решительно обтюкав пространство примерно в пять квадратных дюймов, Александр I отправился дальше. В молотовой фабрике царь задержался, чтобы своими глазами увидеть, как разрежут раскаленную железную крицу. Начальник завода Фуллон, опасаясь, что гостя может нечаянно обжечь, с почтением, но твердо попросил его отойти в сторону, на что Александр I не без эпатажа заметил: «А я часто бывал в огне», – намекая на свое участие в победоносной войне с Наполеоном.

Под вечер того же дня Александр I решил ознакомиться с пробой орудий морской артиллерии.

Проба есть проба. На испытаниях пушки, случалось, разрывало, поэтому канониры перед выстрелом укрывались в каменном каземате, Александр I сказал, что прятаться не будет, и велел начинать.

24-фунтовую пушку под номером 16438 разорвало при втором выстреле. Александр I, скрестив на груди руки, хладнокровно смотрел, как падают на землю ее обломки. Затем подошел к побледневшему зрителю завода маркшейдеру Кларку, сказал ему по-английски: «Эту пушку уже не нужно заряжать. Очень рад, что видел разрыв

орудия – это тоже является достопримечательностью Петрозаводска». Словом, пошутил.

Пушки номер 16672, отлитая в присутствии государя, и номер 16581, на которой серебряным пунктиром было обозначено место, окованное августейшей рукой, позднее выставят на заводском дворе в специальном портике, сооруженном на средства, предназначенные для поправки заводских строений.

Пройдет почти сорок лет, и в июне 1858 года Петрозаводск посетит еще один августейший путешественник – император Александр II.

Он тоже побывает на заводе.

В портике, где были представлены исторические орудийные стволы, Александр II спросил: «Есть ли на заводе кто-нибудь из тех, кто был здесь при посещении Александра Павловича?» Опытный службист губернатор Волков 3-й и начальник завода Бутенев предусмотрели этот царский интерес – тотчас к монарху был подведен подмастерье сверлильного цеха Петр Арнаут, который когда-то дал Александру I побаловаться своим молотом.

«Давно ли на службе?» – спросил Александр II. – «Шестьдесят первый год». – «Молодец», – похвалил государь. Было тому молодцу восемьдесят полных лет.

Как до недавнего времени одаривали именитых гостей завода миниатюрными моделями тракторов, так и тогда поднесли Александру II две маленькие копии орудий 60-футового калибра. Одну царь взял на память себе, другую подарил наследному принцу.

Когда вышли из завода, Александр II спросил Волкова 3-го: «Ну, куда ты поведешь меня теперь?» Тот повел в Николаевский детский приют, потом в гимназию, оттуда в больницу, затем в богадельню. Закончилась экскурсия по городу на пробной батарее. На этот раз «огневое испытание» прошло без происшествий.

... В память о тех временах и о былой славе петрозаводских оружейников в городе есть пушки-памятники.

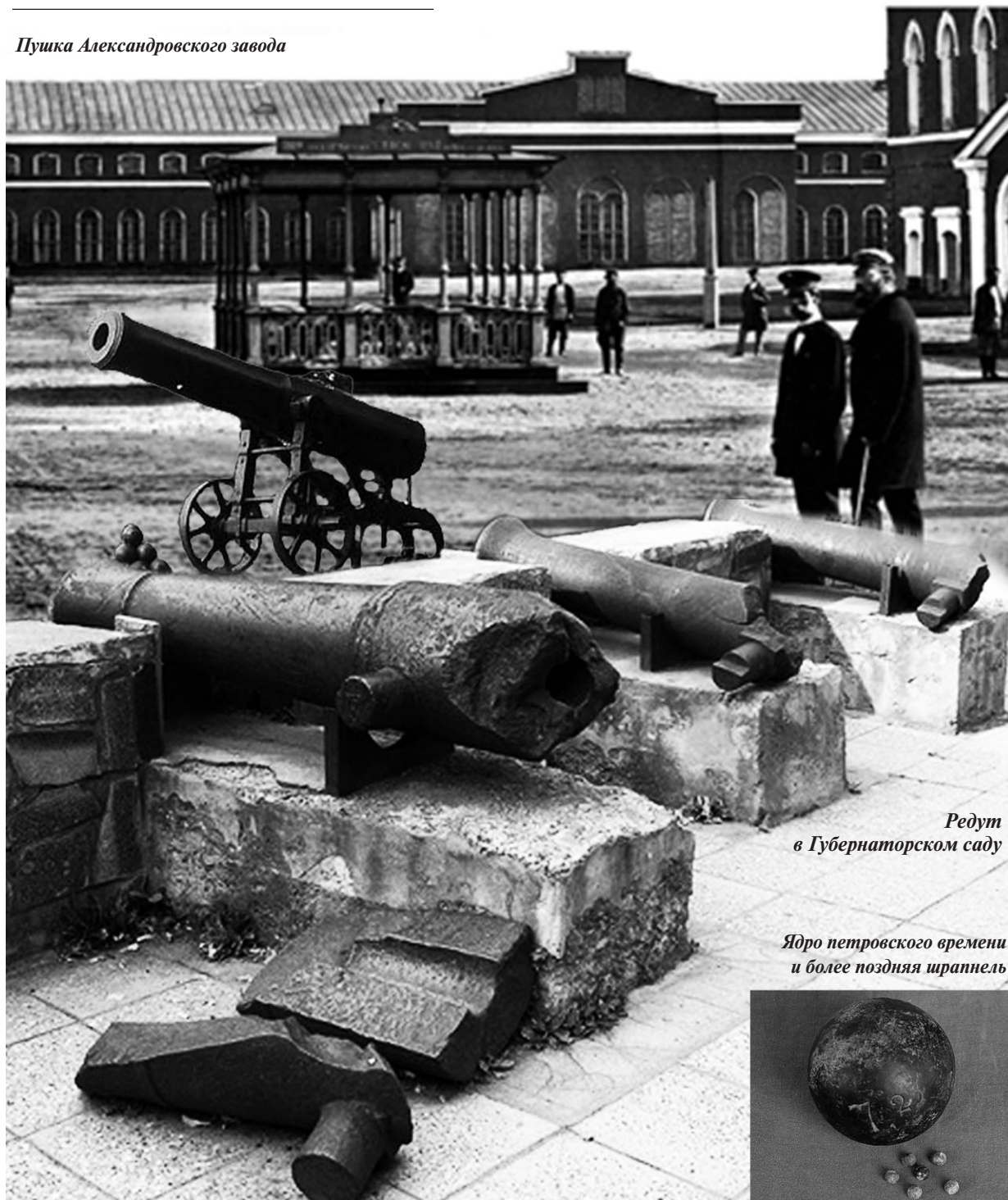
Одна из них установлена на высоком берегу Лососинки в 1974 году в честь 200-летия Онежского (Александровского) завода.

У ограды Губернаторского парка, близ Национального музея, сооружен редут, где можно увидеть несколько орудий, некогда не выдержавших пороховой пробы.

Две пушки имеются на Онежской набережной, где стоит бронзовый памятник Петру Великому работы скульптора Ивана Шредера.

Портик во дворе Александровского завода, где были выставлены стволы памятных орудий (фото из фондов Национального архива РК). 1874 г.

Пушка Александровского завода

*Редут
в Губернаторском саду*

*Ядро петровского времени
и более поздняя шрапнель*

К сожалению, все эти орудия не стреляют.

Стреляющие есть только в клубе «Полярный Одиссей», бессменным президентом которого является мореход и судостроитель Виктор Дмитриев. Друзья в шутку называют его «адмиралом деревянного флота».

На верфи этого Морского центра рождаются суда-новоделы, такие же, как те парусные кочи, лодьи, казачьи струги, фрегаты, галеасы и бригантины, на которых ходили по морям наши прадеды. Некоторые из них имеют не только парусное, но и боевое вооружение.

... Мы возвращались на шлюпе «Гонец» из Кижей, куда были приглашены на 300-летний юбилей храма Преображения Господня.

При небольшом волнении преодолели Большое Онего и, миновав Ивановские острова, вошли в Петрозаводскую губу.

– Надо бы предупредить людей в гавани, чтобы готовились к швартовке, – сказал стоявший на руле Дмитриев.

Из кубрика достали две небольшие пушечки, одну зарядили порохом, запыхивали. Доктор физико-математических наук, профессор кафедры физики твердого тела ПетрГУ, заслуженный деятель науки Республики Карелия и почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, а по корабельному регламенту просто бомбардир Анатолий Фофанов поджег фитиль запала.

Как бабахнуло!

Звук громкого выстрела колесом покатился по воде.

Чайки, вившиеся за кормой, шарахнулись в сторону и торопливо полетели искать более мирное судно.

Зря они испугались – мы же стреляли холостым.

... Я перебираю снимки, на которых запечатлены наши пушки, и вспоминается характеристика Петра I, данная великому монарху российским историком Василием Осиповичем Ключевским: «Петр отлился односторонним, но рельефным, вышел тяжелым, грубоватым, крепким и вместе с тем вечно подвижным, холодным, но способным к шумным вспышкам – точь-в-точь как чугунная пушка его петрозаводской отливки».

Фото предоставлены автором

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

Владимир СОФИЕНКО

г. Петрозаводск

В горнице северных ветров

повесть

1

Вагон просыпался. Снизу доносилось шуршание сумок и полиэтиленовых пакетов, позвякивание бутылок, клацанье стопорных замков полок. Сергей Батько открыл глаза. Он уже давно не спал — надоело. С пересыпу состояние было такое, будто в голове кусок свалывшейся ваты. Плюс к этому духота и спёртый воздух замкнутого пространства тоже сделали свое дело. Сергей не любил себя таким — вялым, разбитым, пустым. Не в его правилах валяться в постели от делать нечего. А, с другой стороны, чем ещё заниматься в поезде? Ешь да спи. Ну разве ещё поболтать с попутчиками о том да о сём.

Сергей осторожно перевернулся лицом к окну и огляделся. Соседа по верхней полке, майора ракетных войск в отставке, на месте не оказалось. Идеально ровная простыня, подушка — наполеоновской треуголкой, в ногах — одеяло, свёрнутое походной скаткой шинели, в кармане-сетке выстроены рядком мыльница, тюбик зубной пасты «Поморин», чехол от зубной щётки. Скукота да и только от таких порядков, одно занудство.

Поезд сначала постепенно сбавлял обороты, потом заскрежетал, резко дернулся и совсем встал. За окном показалось приземистое облезлое здание вокзала с названием станции — «Ак-Куль». Милицейская обшарпанная конура, когда-то выкрашенная по чьему-то загадочному умыслу в нелепый розовый цвет, ярким пятном цепляла глаз, лишний раз напоминая, что милиция тут кого-то все-таки бережет. Неоновые огни вывески «АЗЫК, ТУЛИК, ПРОДУКТЫ», оставленной включенной среди бела дня, призывали наведаться в привокзальный магазинчик.

На перроне — толкотня, сутолока, ругань. Милиционеры с отрешённым видом прогуливались вдоль вагонов, сонно постукивая о кирзу «индикаторами Перестройки», как в шутку говорили в народе о демократии резиновых дубинок, недавно появившихся в милиции. Увесистыми баулами, допотопными чемоданами, выставленными перед собой, чтобы ни на секунду не потерять из виду свое барахло, будто тракторными отвалами, торопливые пассажиры расчищали перед собой перрон от торговцев и их тележек, заставленных пластиковыми бутылками с кумысом, копчёным

жерехом, пакетиками с куртом, варёной картошкой, пирожками. Торговцы наперебой предлагали взмыленным пассажирам товар — трясли перед раскрасневшимися лицами пакетами, успевающая при этом поругаться между собой. Одним словом, ничего нового.

Батько свесил голову глянуть, кого подселили к ним в плацкартное купе. Молодой казах с рыхлым, одутловатым лицом в джинсах-«варёнках» и лёгкой кожаной куртке наконец уложил клеёнчатые клетчатые баулы, опустил полку. Вслед за ним в проеме показалась пожилая казашка с мальчиком.

— *Барлык, апа, дуние-муліктер тенде. Бакытты сізге жолдар. Сәлемді Еркенге, Бауыржанга жүктыр. На келесі жылды созсіз сізді арада конактар кутеміз. Еркен сізді ша кел — кездестіреді!*, — тяжело дыша после такой ноши, сказал парень.

— *Ракмет, внучок. Бар уже Шынгыз — енді мен озі тойлаймын. Да жэне Сакен егер не комектеседі. Ол уже жігітпен стал²*, — успокоила его женщина.

Ещё раз попрощавшись, требовательно прикрикнув «*Жол! Жол!*», Шингыс нырнул против растянувшегося по вагону нескончаемого потока всё прибывающих пассажиров. Толпа недовольно роптала.

Апа еле слышно выдохнула: «Ой, бай!», села рядом с мальчиком лет семи с пухлыми щеками, расцвеченными диатезным румянцем, а потом, чуть поправив на голове зелёный платок, махнула кому-то рукой за окном. Тихо, надеясь не потревожить соседей, женщина затянула заунывный мотив. Вдруг прервалась, словно о чем-то вспомнила, повернулась к мальчику.

— *Жеу боласын, Сакен?*⁴ — спросила она и, не дождаввшись ответа, полезла в сумку, стоящую у ног в проходе.

Запахло *казами*⁵. Женщина огляделась по сторонам, будто ища знакомые лица. Рядом в проходе бойко раскладывали вещи, закидывали наверх сумки, заполняли багажные полки, вниз спускали свёрнутые в рулон пыльные матрацы. Галдёж, суета — вроде все заняты. Тут, взглянув на верхнюю полку, апа заметила Сергея. Её подкопчённое, покрытое паутиной морщин лицо расплылось в гостеприимной улыбке.

— *Устелге деген бар, жігіт, карамастан!*⁶ *Айда, ешь!* — она махнула Сергею, приглашая его к столу.

Батько немного колебался. Ответно проставиться он не мог — зачерствелыми пирожками с картошкой, купленными ещё в Караганде, угощать было стыдно, но и отказывать соседке нельзя — можно обидеть. А тут ещё этот запах его любимой домашней конской колбасы!.. Он легко соскочил с верхней полки и сел за столик напротив новой соседки.

— Айда, давай ешь! — женщина заботливо подвинула ближе к гостю нарезанные казы и бутылку с кумысом.

Поезд резко дёрнулся, замер и плавно поплыл, постепенно набирая ход. Несколько мгновений — и вот позади остался перрон и попритихшие у своих товаров продавцы.

Апа внимательно разглядывала попутчика.

— Как зовут? — её раскосые глаза лучились искренним любопытством и участием.

— Сергей, — ответил он и, немного смущаясь, отломил кусок от лепёшки.

— Этот поезд что думает? Три минуты стоит! Када успеть сесть?! — возмущалась она, попутно подсовывая Сергею кусочки колбасы. Вернулся немного запыхавшийся майор, он положил на стол копчёную рыбину в засаленной бумаге.

— Уф, — выдохнул он, тяжело дыша, — еле успел. Всё, теперь только в Кокчетаве выйду, там хоть стоянка двадцать минут.

— Вот я и говорю, — оживилась апа, — куда поезд думает? Айда, садись к достархану⁷, — она благодушно улыбнулась и майору.

С приходом соседа разговор оживился. Оказалось, апа ехала домой, до станции Щучинск, в Боровое.

— Повезло мне, — лопотала она, — Аллах дал пятерых детей, и в таком месте красивом живу — вах! Моя сестра в Аксае живёт, брат — в бывшей Алексеевке, теперь — Ак-Куль. Везде степь. Степь — красиво. Боровое, — она задумалась, будто подбирая русские слова, — очень красиво! — и рассыпалась счастливым молодым смехом.

¹ Всё, апа, вещи уложены. Счастливой вам дороги. Передавайте привет Еркену, Бауржану. На следующий год ждём непременно вас в гости. Еркен встретит вас по приезду.

² Спасибо, внучек. Иди уже, Шингыс, теперь я сама справлюсь. Да и Сакен поможет, если что. Он уже джигитом стал.

³ Дорогу! Дорогу!

⁴ Кушать будешь, Сакен?

⁵ Казы — конская колбаса.

⁶ Иди к столу, парень!

⁷ Достархан — праздничный стол.

Сергей вполуха слушал ее, а отрешенный взгляд его плыл по степи, что лентой тянулась за окном.

— Почему загрустил, джигит? — Морщинки у внимательных раскосых глаз залегли в глубокие складочки. — *Туралы кызда ойлайсын*⁸, — догадалась она.

Апа была права — и про девушку, и про Боровое. Только вспомнилось ему Боровое десять лет назад.

2

С Аней они познакомились там же, в санатории Борового, известного в Казахстане курорта. Он — подающий надежды пловец, она уже с именем, мастер спорта по лёгкой атлетике. Оба приехали в составе своих сборных на короткий отдых восстановиться после утомительного летнего сезона соревнований. Это был их последний вечер отдыха перед сборами.

Красное рассерженное солнце клонилось к горизонту, наполняя ярко-розовым светом чашу Голубого залива, окаймлённого зелёной бахромой елового леса. На входе в залив, у самой кромки воды, вздыбилась вверх свою драконью голову скала Окжетпес, и дальше, вспарывая зелёное покрывало крон **деревьев позвонками-скалами, тянулось его могучее драконье тело хребтом Жеке-Батыра.**

Сергей с Аней сидели на теплой лысине скального выступа, ещё хранившего энергию палящего южного светила.

— А ты слышал, как появилось Боровое? — внезапно спросила девушка, нарушив гармонию тишины.

Ее голос отчего-то показался ему строгим, раньше он не знал его таким. Аня эффектно откинула прядь волос со лба, удивлённо, с вызовом посмотрела на Сергея. Насмешливые морщинки в уголках рта не шли этому красивому нежному лицу. Стройная, легкая, она мало походила на своих степных сородичей, лишь чуть выпирающие высокие скулы и черные густые волосы были напоминанием о её предках.

Сергей безразлично пожал плечами в ответ. Ему не хотелось сейчас разговаривать. Здесь, на скале, с высоты птичьего полёта он любовался открывшимся видом, от такой красоты захватывало дух. Сергей наслаждался летним

вечерним ветерком, приятно обдувающим тело. После тяжелого подъема на скалу по такой жаре тело просило покоя.

Он поудобнее расположился, с удовольствием вытянув ноги, и загляделся на подругу. Ее миндалевидные зеленые глаза жадно всматривались вдаль, словно пытаясь что-то разглядеть в темных контурах крон деревьев на другой стороне, маленький упрямый носик по-детски подрагивал. Девичий, почти родной уже голос звенел ручейком.

— Легенда гласит, — строго, по-учительски взглянув на него, торжественно начала Аня, — что, когда Аллах обделил казахов природой и по скупости не захотел расстаться с теми красотами, что еще остались у него, на помощь народу пришел сказочный герой, балагур и весельчак, безбородый насмешник Алдар-Косе. Предложил он Всемогущему поиграть с ним в прятки, а чтобы было где прятаться в голой степи, попросил у Аллаха маленькую горку. Тот шутя насыпал на голлом месте холм, который и поныне называется «Букпа», что означает — «прятаться». В разгар игры Алдар-Косе незаметно проделал в коржуне Аллаха дырку, и по степи из мешка рассыпались остатки гор, лесов и родников. Кстати, этот хребет, — она указала на «драконье» тело напротив них, — так и называется Спящий Богатырь.

— Думаешь, это и есть Алдар-Косе? — с сомнением спросил Сергей.

— Почему нет? Очень красивая легенда. Вдруг он сейчас очнётся ото сна?! — она театрально скривила гримасу, должно быть, выразившую страх.

— А по мне — это дракон или динозавр какой-нибудь. Смотри: вот там — туловище, а это, у самой воды, — голова. Прилёг он воды испить, да так козлёночком и остался, окаменел то есть. — Вспомнив про воду, Сергей потянул к себе рюкзак и вытащил из него бутылку минералки.

— И вовсе это не голова, — Аня обиженно надула губки и скрестила руки на груди, — ничего-то ты не понимаешь! Здесь девушка одна погибла, очень давно...

— Как же её звали? — глотнув воды, с иронией в голосе перебил ее Сергей. — Случайно не твоим именем? У тебя очень красивое имя — королевское, — он не хотел, чтобы она сейчас

⁸ О девушке думаешь?

вот так просто обиделась, и, набрав полные лёгкие воздухом, приложив ко рту ладони, протяжно выкрикнул: «Анна!!!»

Они оба прислушались к ускользящему в скалах эху, что пыталось спрятать в разломах каменных пород уже ставшее дорогим его сердцу имя.

— Дурачок, вот услышат тренеры — влетит нам обоим. У нас уже отбой давно, — и, не удержавшись, она поспешно поцеловала Сергея в щёку. Отворачиваясь от ветра, она повернулась к нему спиной, он обнял её за плечи.

— Видишь, у подножия скалы из воды возвышается ещё одна скала, похожая на сфинкса? — шепотом спросила девушка.

— Конечно, вижу! С берега она выглядит как голова старухи, — по-доброму подтрунивал Сергей над романтической барышней.

— Слушай, а то не скажу, — поджав губы, Аня легонько ущипнула его за бедро. — В этих местах давным-давно кочевал средний жуз, — таинственно начала она, будто сказку рассказывала. — Покоя не было казахам от набегов калмыков, монгол и джунгар. Угоняли скот, людей обращали в рабство. Во время одного из набегов казахскому хану со своими батырами удалось одержать победу над войском калмыков. В плен, кроме богатых трофеев, попала красавица калмычка. Всё войско его будто с ума посходило. Каждый джигит мечтал взять её в жены, но она ни за кого не хотела идти. Тогда, чтобы прекратить распри между воинами, хан приказал ей самой выбрать достойного батыра. Калмычка взобралась на ту скалу, что напротив нас, и сказала воинам: чья стрела долетит до вершины, тот и будет обладать её сердцем. Ни одна стрела так и не долетела до цели. Красавица знала, что хан не простит её за эту хитрость, и, чтобы остаться свободной, бросилась с вершины в озеро. Как раз на месте её гибели и появился этот сфинкс, — Аня многозначительно замолчала.

— Откуда ты это всё знаешь, все эти байки? — Сергей развернул её к себе лицом.

— Секрет! — вкрадчиво прошептала Аня, кокетливо прищурился глаза. — А сейчас нам пора в санаторий, — внезапно скороговоркой выпалила она, — не хочу получить нагоняя от своего тренера. Когда он узнал, что заселяются пловцы, то взял от дверей ключи и ближе к полуночи будет проверять, все ли на месте.

Она улыбнулась и снова поцеловала Сергея.

Всю обратную дорогу они молчали, каждый думал о своём. Уже в санатории, в приглушённом свете коридора, чмокнув его в щёку, девушка сказала ему на ухо:

— И, между прочим, на старуху тот сфинкс похож только с восточной стороны. А если немного пройти по берегу, то на красавицу калмычку.

— И, между прочим, — шутя передразнил он её, — не свобода ей была нужна. Просто калмычка не хотела превращаться в дряхлую старуху.

На прощание Аня погрозила ему кулачком и пошла в свою комнату, а утром спортсменов развезли по своим тренировочным базам...

Дальше в памяти скорым поездом промолотили по рельсам времени десять лет, сбивчиво выстукивая рваный ритм беспокойных девяностых. Грянула перестройка, развал Союза... Новое время, новые условия ломали человека, как щепку. Дороги, километры, границы, города... Аэропорты, вокзалы, карты дорог перелётами, переездами разметили жизнь. Новые места, новые люди проходили стеной, как поток пассажиров по перрону, они совсем рядом — протяни лишь руку: «Привет, человек!», но он, даже случайно задев рукавом, лишь удивленно и опасно отпрянет от чужака и вольется в привычную массу знакомых лиц. Само время порой выживало из тесного пространства жизни близких людей, ставя перед человеком одну задачу — выжить.

И в один момент то, ради чего он, Сергей Батко, жил, рухнуло бесповоротно. Как-то после утомительного дня тренировок тренер, дрожащей ладонью потирая лысину и опуская глаза, смущенно выдавил:

— Всё, Серёга, у нас с тобой последние сборы в этом году. У казахской федерации нет денег и, наверное, уже не будет. Понимаешь, сейчас у всех такая ситуация, во всех видах спорта. Я с борцами говорил — у них то же самое. Перестройка, мать её! — ругнулся свозь зубы он. — С нас... С тебя снимают питание, — он виновато отвёл взгляд в сторону.

Сергей сразу толком и не понял. В бассейне было шумно — у кролистов всюду шли «прикидки» после изнурительных нагрузок —плыли на время «полтинник».

— Как, Геннадий Николаевич?! — почти прокричал Сергей.

— Вот так! — тренер досадливо махнул рукой.

— Всё прахом, все твои рекорды теперь до лампочки!

— А как же чемпионат? — только и смог выговорить ошарашенный этой новостью Сергей. Он ещё не верил в случившееся. — Вы же говорили...

— Что я говорил?! — сорвался на крик тренер, перекрывая шум стартов, но сразу осёкся: — Извини, ты здесь ни при чём, — он по-отечески обнял его за плечи. — Хочешь — оставайся у Кузьмича в бригаде с кролистами, — он кивнул на длинную сутулую фигуру в костюме с надписью «СССР» на спине. Кузьмич носился с секундомером вдоль бортика бассейна, подгонял плывущего по дорожке Мишку — Серёгина друга. — Кузьмич не против — я говорил с ним о тебе... Конечно, до тех пор, пока их не вызовут в Москву. Мишка отобрался в сборную СССР, а вот нам с тобой чутка не хватило, — он наконец обречённо взглянул на Сергея в глаза. — Мне семью кормить надо, понимаешь?... — его голос дрогнул.

Лишь теперь Батько осознал всю серьёзность ситуации. Всё, к чему он стремился всю жизнь, оказалось вдруг растёртым об асфальт, как плевок. Что же теперь делать?! С чем он остался? Без профессии, с образованием — десять классов, без надежды на спортивное будущее... Сергей оторопело стоял у бортика бассейна, рассеянно глядя на солнечные блики, озорно прыгающие по прозрачным голубоватым волнам, набегавшим и гаснувшим в хитросплетениях пластика поплавков плавательной дорожки. Все его планы, надежды вдруг в одночасье лопнули, разбились о череду обстоятельств, перед которыми он оказался бессилён. Воспитанный в спорте полностью отдавать себя для достижения поставленной цели, он осознавал: что бы он сейчас ни предпринял — изменить ситуацию ему не удастся. Обстоятельства сковывали по рукам и ногам — теперь сама жизнь другая, такая, которую он не знал.

— Ничего, Серёга, прорвёмся, — тренер потряс его за плечо и вывел из оцепенения.

Он подмигнул:

— Я тут вышел на канал один — кассеты, винилы, видео... На вот на память, мастер, — он протянул небольшой бумажный конверт с пластинкой. На его лицевой стороне, на ленте из фотокадров гримасничала четвёрка молодых людей. Сергей безразлично посмотрел на винил, поначалу даже не узнал своих кумиров. — Я знаю: твой любимый битловский альбом — «Вечер трудного дня».

Тренер ещё раз похлопал его по плечу и ушёл в тренерскую.

В бассейне Батько больше не появлялся. Попробовал торговать на рынке. Со временем он тоже «вышел на канал один» — то были итальянские кухонные комбайны. Составляющие комбайнов шли по бартеру на КМК (Карагандинский металлургический комбинат), там в одном неприметном здании они обретали форму мечты всех хозяек — упаковывались в цветастые коробки с магической надписью «Made in Italy». Часть их уходила «налево» и таким образом попадала к Сергею. К тому времени методом проб и ошибок он уже понял, что не всё и не везде можно продать. Это в совдепе с тотальным дефицитом на полках по всякому поводу стояли очереди. Рынок начала девяностых — дело стихийное. И, как во всяком рисковом деле, без чутья и определённой доли везения в нём не обойтись. И того, и другого у Сергея было поровну и всегда чего-то не доставало. Но потом вроде «попёрло» — кухонные комбайны были в цене. Накопив солидную сумму денег, он привёз приличную партию из тридцати штук в Алма-Ату.

Центральный рынок в городе «Яблоко» — растревоженный пчелиный улей. Какого добра там только не было! Кого за прилавком только не встретишь! Толпы людей, взбудораженных лихорадкой, именуемой «купля-продажа», снуют от блестящих иномарок к скотному двору с притихшими, сбившимися в испуганную стайку агнцами, затем — к коврам на любой вкус, полкам с книгами, радиотоварами, видеоаппаратурой, наконец — к турецким шмоткам. Бредёт гуськом растерянный народ между рядами невиданного, недоступного раньше изобилия.

Сверху, соревнуясь в громкости, из динамиков льются на головы оглушённого малахольного люда хит-парады попсы, шансона, иногда разбавляет эту истерию звука напевная домбра, совсем редко, как диковина, звучит классика. Отовсюду — разноязычный гомон. Китайцы, чеченцы, русские, казахи, азербайджанцы, корейцы, уйгуры, цыгане... В этой клокочущей страстями массе людей между маститыми торгашами, покупателями и просто зеваками снуют карманники, продавцы мумиё, чебуреков, гербалайфа, порножурналов, баллончиков со слезоточивым газом и ещё бог весть чего.

Сергей давно изучил рынок. Знал, по каким правилам здесь живут. Исправно платил администрации рынка за место, бандитам — за то, чтобы не лишиться своего товара. Одному не выстоять, а жаловаться было некому. Менты, как Моцарт или Чайковский из динамиков, появлялись здесь крайне редко. Видимо, чтобы тоже не раздражать граждан. Да и вообще, бесполезное это дело — менты же и «крышевали» бандитов.

В один из привычных базарных дней, как обычно работая на точке, Сергей услышал:

— Серёга, салам! — по ту сторону прилавка щерилась золотом зубов краснощёкая рожа со сломанными ушами и перебитым носом.

— Салам-попалам, Нурлан, — Сергей натянуто улыбнулся казаху, пожал небрежно сунутую руку.

— Какими судьбами, братишке? — играя мышцами под тесной футболкой, тот уселся на прилавок, бесцеремонно сдвинув соседский товар с видеоаппаратурой. — Падвинся, э! — начальственно бросил он корейцу — хозяину товара.

— Слушай, ни один собака на рынок нет. Ты, Серёга, к корейцам не ходи, у казахов шашлык-машлык кушай, — говорил он громко, словно стараясь задеть своими словами корейца — продавца видео. — Казах шашлык из настоящий баранина делает, — он с издёвкой посмотрел на корейца, — собак не едим.

Кореец и на это промолчал.

Нурлан ещё с полминуты цеплялся раскосыми глазами за соседа с видиками, потом презрительно хмыкнул и развернулся к Сергею:

— Твой комбайн?

Сергей кивнул. Он и раньше видел на рынке своих давних знакомых по службе в СКА. Обходил их стороной — знал, чем теперь занимаются. Слышал, что держат рынок бывшие борцы, а бригадиром у них — небезызвестный в криминальном мире Касым.

— Э, Андрей, помнишь Серёгу Батько? — Нурлан обратился к качку, внезапно появившемуся у прилавка как из-под земли.

Тот, ловко перебирая пальцами, отсчитывал деньги, только что полученные от корейца.

— Конечно, помню, — не поднимая глаз от разноцветных купюр, хмуро отозвался качок. — Он ещё Ербола отметелил в казарме — не хотел стирать его ПШ⁹. Тьфу, сбился! Не отвлекай меня!

— У тебя хорош удар, Серёга! — Нурлан по-приятельски обнял его за плечи. — Хорош быть барыга. Э, семешек дай, пожалуйста, — он ухватил за рукав проходившего мимо паренька-казаха с кульками подсолнечника, грубо притянул его к себе, выхватил кулёк из лотка.

— Ракмет, братка, чо стаишь? Иди работай, — расплылся он в наглой улыбке, давая понять, что денег продавцу не видать.

— Иди к нам, к братве, в бригаду, — сплёвывая кожуру прямо на прилавок, доверительно говорил Нурлан Сергею. — Эти мамбеты совсем обнаглел. Вчера к наш ларёк один подошёл. Говорит продавцу: «Мен — рекет, денег давай!» Хорошо, мы рядом был, — он потер ладонью бритый затылок. — «Откуда ты, братишке? — спрашиваю. — С какого аула? Где ишак твой спрятал?» — Сальная морда раскраснелась, покрылась капельками пота. — Говорю ему: «Рекет — плохо, мен — судья Дредд наказывать тебе буду!» Поссорились мы с ним. — Как доказательство этому он сунул в лицо Сергею сбитый кулак.

— Э, «Судья Дредд» видео-шмидио сматрел? — он повернулся к корейцу. Тот изо всех сил делал вид, что не услышал вопрос, было лишь заметно, как на его вспыхнувшем румянцем лице заходили желваки.

— Секес есть? — бандит, выхватив из стопки видеокассету, покрутил её в руках и небрежно шмякнул на прилавок.

Кореец хранил молчание.

— Э, — досадливо махнул рукой Нурлан, — не понимает русский — индеец, наверно, Гойко Митич, — он довольно заржал.

Казах приобнял Сергея за плечи:

— Мы из тебе, Серёга, человек сделаем! У нас бригадир Касым — слышал?! — не без гордости заявил Нурлан. — Айда к нам в бригаду! — он хлопнул его по плечу.

— Слышал, — сдавленно отозвался Сергей, — такое слово хорошее испоганено — «бригада», — как бы между прочим сказал он.

Борец замолчал, смерил Сергея взглядом, потом стопку из комбайнов, словно что-то прикидывая в уме.

— Умный, да? — Нурлан прыгнул с прилавка, отряхнул спортивные штаны.

— Андрюха, сколько у нас умные платят?

⁹ ПШ — это полушерстяная форменная одежда военных.

— Двойную ставку, гы-гы-гы, — довольно отозвался Андрюха и заржал.

— Камбайн хорошо идёт — отобьёшь пока тенге. Я тебе предложил к нам, Серёга. Время ещё есть, потом поздно будет, — он глянул на наручные часы с усыпанным блестяшками золотистым корпусом, театрально покачал головой, зацокал языком, недобро глянул на Сергея. — Не-а, не успеешь, — и пошёл дальше вдоль прилавков.

— Как договаривались, двойная такса! — на Сергея выжидающе уставилась рожа Андрея со свинными недобрыми глазками и сломанным носом. Пришлось отсчитать двойную таксу.

После их разговора с Нурланом прошло полчасика. Комбайны действительно шли неплохо, и всё же Сергей подумывал свернуть торговлю — бандиты просто так словами не разбрасываются. С другой стороны, жаль деньги, что уплатил, и потом торчать в Алма-Ате почти неделю, до следующего базарного дня, не было резона — у него была договорённость на следующую партию комбайнов, не хотел потерять с таким трудом приобретённые связи.

У Сергея на душе было тревожно — дурные предчувствия, неприятно ныло в груди, но он гнал эти мысли подальше. Потому не придал значения нескольким глухим выбухам, прозвучавшим где-то в северной части рынка, которые сразу поглотил шум базара, будто и не было их вовсе. В следующие минуты всё изменилось. Сергей не сразу разобрал, что за шум доносится издали. Приближаясь, гул стремительно нарастал. Словно выпущенный в кегельбане шар, катил на него страх, сметая всё на своём пути волной всепоглощающего животного ужаса. В этом наполненном хаосом жутком форте были различимы вопли женщин, стоны раненых, крики о помощи, скрежет металла, беспощадный, слепой топот тысяч ног. На Сергея неслась огромная толпа с обезумевшими, потерявшими человеческий облик лицами. Всё происходило как в замедленном кино. Мимо него уже мелькали первые «ласточки» погрома. Бросив товар, бежали продавцы с соседнего ряда. Высоко задрав одной рукой юбку, обнажив белые целлюлитные ляжки, с воплем пронеслась смертельным болидом толстая баба. В другой руке она волокла весомых размеров баул. По-спортивному, с отягощением, с удивительной для её комплекции лёг-

костью она брала один барьер за другим. Вот, вскакивая на прилавок, она зацепилась сумкой за стойку, рухнула на асфальт и, кинув изорванный баул с вываливающимися из зияющей дыры джинсами, помчалась дальше. Пребывая в каком-то ступоре, Батько наблюдал, как на него надвигается серая человеческая масса. Кто-то толкнул его, перепрыгивая прилавок. Сергей будто пришёл в себя. Невидимая звериная лапа страха, дотянувшись, больно стиснула сердце, стихли все чувства, помыслы, его опустевшее нутро наполнилось безотчётным, ослепляющим страхом. Позабыв обо всём на свете, Сергей несся бок о бок с другими людьми, охваченными, как и он, паникой. Подгоняя толпу вперёд, гудело человеческое стадо, дыша в спину. Кажется, Сергей тоже что-то кричал...

Как только милиция сняла оцепление с места происшествия, пришедшие в себя люди кинулись к своим лоткам. Сергей шёл мимо всхлипывающих женщин, плачущих детей, потрёпанных мужчин. Кое-где были видны следы крови, повсюду валялся опрокинутый товар. Продавцы, вернувшиеся к своим местам, спасали оставшиеся пожитки после погрома. Скулила толстая баба, ползая под прилавком в поисках своих джинсов.

Когда волна паники стихла, выяснилось, что в северной части рынка кто-то перекинул через забор на территорию шумовые гранаты. Потом, когда схлынул со своих мест перепуганный народ, менты выставили оцепление. А дальше до банального просто: бандиты прошлись по опустевшим лоткам, собрали самый ценный товар.

Сергей стоял возле своего разоренного торгового места. Рядом прямо в пыли, в изодранной футболке сидел кореец, его сосед. Он закрывал лицо руками. Его худые плечи мелко тряслись.

Этот случай надолго отбил у Сергея желание торговать, но делать было нечего — нужно было как-то зарабатывать на жизнь, и он снова начал с нуля: жвачки, сухие напитки «Юпи», зубная паста...

Позже он скооперировался с ребятами-пловцами, как и он, оставшимися не у дел. На долевого основе закупали в Москве или Питере масло, нанимали фуру, и Сергей сопровождал товар в Алма-Ату. И снова дорога, гаишники с протянутой рукой, записки-маявы, которыми снабжали его братки после платы за проезд для своих

дружков-бандитов, что стерегли трассу. Таможня, снова взятки, теперь уже на казахской стороне. Однажды Сергей едва не замёрз в степи — лютая зима выпала, заглохла машина посреди белой казахской степи. В другой раз их фура еле ушла из-под обстрела бандитов... Насмотрелся он тогда в эти годы, узнал, почём фунт лиха.

С Аней все эти годы встречались редко, урывками, в промежутках между поездками за товаром. Пригнав как-то из Москвы очередную фуру с «Воймиксом», Сергей сразу заметил — что-то не так. Аня все время оказывалась загруженной «неотложными делами», куда-то вечно спешила, с кем-то встречалась, домой возвращалась поздно, неохотно говорила по телефону и, как могла, долго оттягивала их встречу. Но стоило позвать ее в Тянь-шаньские горы, на Хан-Тенгри, так сразу согласилась, узнав, что Димка Семёнов тоже едет на пару дней. Друзья собирались обмыть новенький, только что пригнанный из Шаржи Димкин «Крузер» — отец-фирмач старался сыну ни в чем не отказывать. Димка был счастлив, к тому же уже всерьез подумывал о переезде на ПМЖ в Германию.

— Я так давно не была на Хан-Тенгри! — сказала тогда Аня даже как будто с радостью.

Согретый надеждой, что между ними всё налаживается, Сергей паковал рюкзак.

Под утро с искрящейся вечным льдом пирамидальной вершины Хан-Тенгри беспощадное солнце теснило к подножию Небесных гор Тянь-Шаня клубы тумана. Он стекал молочной кисеей в зелёную долину с раскиданными по ней зелёными тряпицами озёр.

«Мы живём на облаке!» — прокричала Аня, высунувшись из палатки. Распустив густые иссиня-чёрные волосы, вскинув руки к небу, должно быть, как и тысячу лет назад её тюркские предки, вприпрыжку, будто вольная кобылица, она побежала в морось тумана на шум горной реки — умываться.

Ближе к полудню туман рассеялся. В долине, радуясь солнечному дню, искрились голубовато-зелёным донным светом глазницы озёр. Когда вся компания наконец за завтраком собралась у костра, Аня протянула Димке плоску с овсяной кашей. Наигранно уставившись на сверкающий опаловым блеском пик, с дурашливым пафосом она нараспев произнесла:

— О, Тенгри, верховное божество верхней зоны мира, устроитель мира вместе с богиней Умай и Эрликом! Представители судеб людей, распределители срока жизни, примите этот дар от недостойных! — И ложка овсянки шлепнулась в костёр.

Аня, довольная собой, звонко рассмеялась, озорно поглядывая на Сергея. Её тёмно-зеленые глаза кокетливо вспыхивали светом радости, и, как ему показалось, любовью, будто и не было между ними той прохладной недосказанности.

Ближе к вечеру Сергей наконец набрался храбрости. Димка уже ушел спать в палатку. Темное небо бархатным покровом опустилось на Хан-Тенгри. Аня и Сергей лежали у костра и смотрели, как искры взлетали в небо и, на мгновение застыв, таяли среди звёзд, огромных и ярких — таких на равнине не увидишь. Шепотом, словно эти подглядывающие за ними звёзды могли подслушать, стараясь скрыть легкое волнение, Сергей спросил у девушки:

— Ты выйдешь за меня?

Аня промолчала, будто не услышала вопрос. Потом она приподнялась на предплечье, как-то наигранно закинула голову набок, тряхнув копной волос, и начала:

— Знаешь, мне кажется, что если долго вглядываться в одну точку на небе, можно увидеть стратосферу, — её голос был печальным и таинственным, будто она собралась рассказывать очередную легенду.

Сергей закрыл лицо ладонями, будто прикрываясь от света пламени костра.

— Ты не ответила мне, — резко на выдохе вырвалось у него.

— Я не отвечу! — выпалила Аня, вскочила и, подхватив с земли войлочную подстилку, на которой лежала, побежала в палатку.

Сергею показалось, что это небо вместе со звездами удушливым ватным одеялом накрыло его, придавив к земле. Ему стало тяжело дышать, его всего потряхивало в такт биению сердца. Он чувствовал себя одним большим сердцем, которое только что оказалось ненужным. В голове было пусто, он не мог ни думать, ни уснуть. Неподвижно пролежав всю ночь у костра на скале, Сергей так и не сомкнул глаз, он слушал стук своего сердца, иногда ему казалось, что до него доносится шум реки и чей-то тихий плач — то ли человека, то ли ночного зверя.

Утром начался затяжной мелкий дождь, ребята по-быстрому собрались и уехали в город. Замутнённые райки озёр слезливым взглядом смотрели им вслед, будто провожали навсегда.

Скоро Сергей узнал, что Аня вышла замуж за его друга Димку Семёнова. Ему казалось, что он хорошо знал Аню и почему-то у него была уверенность, что она его любит. А может, все-таки нет?.. Десять лет встреч и разлук, десять лет попыток встать на ноги ради их будущего стали ничем, будто кто-то скомкал отрезок жизни Сергея, закатав его в маленький бумажный шарик, и швырнул в мусорницу. Больше его уже ничто не держало в Республике Казахстан...

3

В вагоне было по-прежнему душно. Проводник в голубой форменной рубашке, плотно облегающей солидных размеров живот, синих спортивных тапочках на босу ногу внимательно, как гаишник, проверяющий документы нерадивого водителя, вчитывался в проездной билет. Иногда он вскидывал голову, подозрительно изучая лисьими глазами лицо пассажира, будто сличал фотографию на паспорте с оригиналом. Наконец чуть разочарованно вздохнул, надорвал край, свернул билет до размеров маленького прямоугольника, раскрыл брезентовый планшет и сунул в кармашек с номером места в вагоне. Проводник поднялся с диванчика, по-хозяйски на всякий случай огляделся в купе.

— К вам ещё один сосед будет, — сказал он и высунул круглое скуластое лицо в проход вагона. Там, переминаясь с ноги на ногу, стояла группа молодых парней — казахов.

— Э, иди сюда! — подозвал проводник одного из кучки джигитов. — Нет, не ты! Сказал, падай-ди ка мне! Что, ни бельмеса ни понимаешь? Я тебе по-русски говорю. Да, ты!

Выглядело это комично, так как говорил он с акцентом, ломая звуки. К нему подошёл высокий худощавый казах с кривоватыми, по-кавалеристски выгнутыми ногами.

— Вон место, — проводник указал на свободную от багажа третью полку.

— Почему на третий полка? Я полный билет платил! — парень с возмущением кивнул на оттопыренный карман рубашки проводника.

— Э, молодой ещё указывать тут! — проводник

недобрым взглядом смерил джигита. — Вон сухой, как сайгак, — допрыгнешь!

— *Мейлі осы орыс уш сореге деген барады, ал мен — онын жеріне жатамын*¹⁰, — понизив голос, сменил тактику длинный, одними глазами указав на Сергея.

— *Бас онын билет дейін Мэскеудін*¹¹, — в тон ему ответил проводник.

— *Не ана? Ол казір біздің жерімізде! Мен тағы тенгені алып беремін*¹², — настаивал парень.

Майор, видимо, уловив суть разговора, скинул туфли, юркнул к себе на полку и, накрывшись простыней, повернулся к стенке. Неизвестно, чем бы закончились для Сергея эти переговоры, если бы не вмешалась апа.

— *Кім сені — қасқыр асыралды? Қайда сенін қонақжайлылығынның? Қайда сенін бетіннің? Базарда сатты, шайтан*¹³ — пожилая женщина говорила горячо, в ее голосе звучали гневные нотки, словно в такт словам она постукивала маленьким сухоньким кулачком по столу.

От этих слов молодой казах ссутулился, как-то даже наклонился, став похожим на согнутый под ударом молотка в бетонную стену гвоздь. Без разговоров он полез на указанную ему полку под самой крышей вагона.

— *Кейін*¹⁴ поговорим, — шепнул ему в спину проводник.

Когда тот собрался было уже выйти из купе, апа окликнула:

— *Я знаю тебя. Ты Кадыр, сын Султанбека из Аксая. Сен гой из кіші жуза? Рудан — Кетеден*¹⁵

Проводник вздрогнул, обернулся и вцепился глазами в старушку.

— *Бас сенін абадан отбасы. Как экенін денсаулығынның? Как инженердін Барсукованын денсаулығы? Ол мэртебелі қонақпен сон достарханом сенін апалы-сінліліннің тойында Гузель болды. Оны ұмытпайсың? Ал Курмановых ұмытпайсың*¹⁶ —

¹⁰ Пусть этот русский идёт на третью полку, а я на его место лягу.

¹¹ У него билет до Москвы.

¹² Что с того? Он сейчас на нашей земле! Я дам ещё тенге.

¹³ Кто тебя воспитывал? Волчица? Где твоё гостеприимство? Где твоя совесть? На рынке продал, шайтан!

¹⁴ Потом поговорим.

¹⁵ Ты ведь из младшего жуза? Из рода Кете?

¹⁶ У тебя уважаемая семья. Как здоровье отца? Как здоровье инженера Барсукова? Он был почётным гостем за достарханом на свадьбе твоей сестры Гузель. Помнишь его? А Курмановых помнишь?

сказала женщина властно, даже чуть высокомерно, как говорит старший чин с младшим, её сухластое лицо при этом стало жёстким, как высохший в степи саксаул.

— Все живы, все здоровы, слава аллаху, — физиономия проводника светилась *баурсаком*¹⁷, смазанным мёдом, как для застолья на весенний праздник Рамадан. — *Мен сендерге шайды жкелемін, абадан*¹⁸. Индийский — «Три слона».

— Матрас принеси! — недовольно донеслось с третьей полки.

— Э, лежи там! Позвоночник крепляй. Программа «Здоровье» смотришь? А то оштрафую как безбилетника, — он хихикнул, довольный своей шуткой.

— Всё харашо, спи на свой полка, я из старшего жуза¹⁹, — с особой уверенностью и даже гордостью в голосе сказала женщина ничего не понявшему из разговора Сергею. — Что этот Перестройка думает? Какой люди стал! — она зацокала языком. — Скоря молодёжь совсем уважать не будет стариков. Все уезжают Казахстан: русский, чечен, немец... Что, степь стала короче? — она повысила голос, сердито глянув на третью полку. — Раньше гордились знакомствам русским, теперь... — апа с досадой махнула худенькой ладонью и, блеснув глазами, виновато улыбнулась Сергею: — Айда, ешь давай.

Чай «заботливый» проводник принёс всем, включая Сергея. После «Трёх слонов» стало ещё жарче. Сергей вышел в тамбур глотнуть свежего воздуха. По счастью, там не было накурено. Он встал у двери. Сквозь грязные разводы на стекле он смотрел на нерадостный пейзаж размытых весенним половодьем дорог, заброшенных скотников с выбитыми окнами. Сергей Батько уезжал в Россию, в Карелию. Уезжал навсегда.

«Тудух-тудух» отстукивали колёса вагона, пролетали мимо столбы электропередач. Станция осталась далеко позади. За окном теперь расстилалась жёлто-зелёным ковром бескрайняя степь. Цвел ковыль, кое-где под лучами жаркого майского солнца вспыхивали сопки алым пламенем маков. Иногда вдоль дороги виднелись полуразрушенные мазанки с двумя-тремя верблюдами на привязи, безучастно взирающими вокруг, или вдруг пролетит на своём скакуне джигит в малахае, поднимет коня на дыбы, махнёт на прощанье поезду *камчой*²⁰ и снова растворится в степи.

Странное чувство давно мешало Сергею жить спокойно. Вокруг вроде всё своё — родное, к чему прирос и прикипел всей душой, а он здесь — чужак. Вот живешь тут, дышишь этим воздухом, ходишь по земле, а всё будто не для тебя, будто авансом дали. Чувствуешь себя эмигрантом на земле, где родился, вырос. К чему эта независимость, от кого, когда все в Россию на заработок едут, чтобы хоть как-нибудь прокормиться? Сергею припомнилось, с какой гордостью апа сказала про принадлежность старшему жузу. Доходные рабочие места поделили между собой вот такие вот жузы — родовой блат, взятки. Так просто работу не найти. К чёрту эти жузы!

Мимо стремительно пролетала казахская степь, а в голове одна за другой проскальзывали картинки из теперь уже прошлого, будто кто-то поставил видеокассету на перемотку. Заводы стоят — только что не в руинах. Начало девяностых, периферийные казахстанские городки — без света, воды, газа, жители варят пищу на кострах во дворах многоэтажек. Перелетные птицы — «сникерсы», рейсами «Москва — Алма-Ата» летят в спортивных сумках, полная сумка «чудо-батончиков» — гарант того, что окупится вся поездка вместе с билетами на самолет. Родители — их переезд в Украину. Продажа квартиры родителей — казахи-покупатели угрожали расправой и заставили продать им всё задарма. У Сергея там нет ничего — только славянское лицо как отметина чужака.

Под вагоном что-то громко щелкнуло, заскрежетало, залязгало. Стоп! Плёнка кончилась. Он едет к своим. Сергей улыбнулся этой мысли. На душе стало легко и спокойно. Прощай, прошлое. Прощай, степь. Прощай, Казахстан. Прощай, Аня.

4

Карелия приветствовала хмурым небом и мелким дождичком. Вроде и не уставший от долгих переездов, Сергей Батько легко соскочил с подножки поезда «Москва — Петрозав-

17 Баурсак — традиционное блюдо кочевников, типа пончиков.

18 Я вам чай принесу, уважаемая.

19 Жуз — исторически сложившееся объединение казахов.

20 Камча — плеть.

водск» и, подхватив спортивную сумку, направился к выходу в город. Маленький типовой вокзал, «сталинские» пятиэтажки, замыкающие небольшую привокзальную площадь, одним словом, провинциальный городок — никак не столица республики. Не сравнить с хорошо знакомыми Сергею Минском, Тбилиси, Ташкентом или той же Алма-Атой.

Пока мотался по СНГ с забитыми товаром фурами, Батько впервые занесло в эти места, задружился с одним фирмачом из Карелии, который занимался лесом — Олегом Вениаминовичем. Как водится, застолья, откровения под водочку... Тот вроде и к себе работать Сергея позвал, обещал взять. Так что с вокзала он прямиком поехал в офис Олега Вениаминовича устраиваться. Тот не обманул — принял. Сергей и работал, и жил там первые дни, пока не снял квартиру недалеко от офиса. Впрочем, ему казалось, что в Петрозаводске всё рядом. Это в мегаполисе от задворков к центру города надо добираться часами, а здесь за меньшее время можно исколесить город вдоль и поперёк.

Северная земля приняла Сергея, как ласковая мачеха: вроде и сердечно обняла, но не приглубила. Он всего месяц как обосновался на новом месте и, понятное дело, пока не привык — не сроднился с ней, не прикипел всей душой. Теплый июнь в Петрозаводске нежил легким ветерком от озера, щекотал глаза солнечными зайчиками от витрин магазинов. Белые ночи манили на длинную набережную — зывали умиротворенно, без спешки пройти из одного конца в другой мимо чудных скульптур, веселых компаний, встретить огнем полыхающий закат, перегладиться с улыбочивыми девчонками, прогуливающимися парочками, помечтать о будущем, глядя на отблескивающие сталью темные, холодные воды загадочного Онего. Полюбил Сергей бывать у фонтана напротив здания университета — послушать брэнчание гитар неугомных студентов, заразительный девичий смех, порадоваться вместе с ними солнечным денькам, молодости или белым ночам, что прибавляют влюблённым светлое время суток. Всё вроде и хорошо, и правильно, жить хочется: каждый день, затерявшись в толпе сосредоточенных на своих делах петрозаводчан, спешить по широкому проспекту домой, в выходные — неторопливо отмерять шагами каменные плиты набережной

и обязательно загадывать одно желание на ухо волшебному дереву. Вот только корня своего Сергей Батько здесь еще не чувствовал: не было у него тут своего дома, не было своих «петрозаводских» дел, кроме работы, не было тут близких. Он смотрел на июньский, почти уже расслабленно-отпускной город глазами беззаботного курортника, который готов радоваться всему, что для него в новинку.

Удивительное дело — ощущение своей сопричастности. Можно ходить по городу одними улицами с горожанами, дышать одним воздухом с ними, встречаться глазами, придерживать для кого-то дверь или пропускать вперед в автобусе и даже уловить едва слышное «спасибо» в благодарность, но не быть причастным к их привычному ежедневному быту. Вроде как железнодорожные составы: мелькнули ночью мимо друг друга, сверкнув огнями хвостовых сигнальных фонарей на последних вагонах, и канули в непроглядную темень.

В Казахстане, на казахской земле Сергей не был казахом. Когда в день своего совершеннолетия он получал паспорт, в графе «национальность» он указал «украинец». Написал он это скорее в память о своих предках — выходцах из казачьей Украины. Родители его — украинцы, родились там, но разговаривали только на русском, а жили в Казахстане. А Сергей не чувствовал себя никем: ни казахом, ни украинцем, да и не жил он в Украине. Как-то после очередной изматывающей тренировки в бассейне он спросил у друга Женьки, кем он себя считает. «Дурацкий вопрос! Конечно, русским! А родина моя — Казахстан», — не задумываясь, ответил тогда Женька. Иногда Батько казалось, что его национальность — «человек Советского Союза», вроде как «родства не помнящий», но волею судьбы приписанный к азиатскому куску земли почти в три миллиона квадратных километров площадью по соседству с Китаем.

На новом месте, в Карелии, Сергею хотелось если уж не переродиться в кровного карела, то хотя бы стать частью жизни маленького города на берегу озера, прирасти к этой северной земле, как случайно занесенное ветром семя пускает корни в чужих краях.

На непривычно низком небе над привокзальным шпилем с большими круглыми часами ярко

светило скупое на тепло северное солнце. Сергей, уместившись на сиденье возле окна, ехал в переполненном людьми троллейбусе. В салоне было душно и не в пример восточному многоголосью — тихо. Бросая нетерпеливые взгляды в прохладу улицы за окном, в ожидании своей остановки люди жались друг к другу горячими телами — расплата за час пик. Слышались клацанье электронного реле в кабине водителя, вой двигателя да рассерженный треск «усов» — штанг токоприёмников, скользящих по электропроводам. Шпиль вокзала в окне троллейбуса напомнил Батько о первых впечатлениях, когда месяц назад вместе с другими приезжими он вышел из вагона на петрозаводский перрон. Протиснувшись меж разомлелого люда, Сергей выскочил на остановке и побежал через пешеходный переход, чтобы сделать пересадку, — ему повезло — впрыгнул в полупустую маршрутку.

Нырнув под мост, «газель» выехала на его улицу — Чапаева. Отрешенно улыбаясь, Сергей погладил шероховатую поверхность объёмной пластиковой папки, лежащей на коленях. Раскрыл, глянул содержимое, ещё раз проверяя, всё ли на месте. В папке хранилась солидная стопка документов — всё, что понадобится в его первой командировке: декларации, поручочный билет, договоры, накладные, доверенность. И хотя ехать надо было завтра, Сергей решил взять документы домой, чтобы ещё раз хорошенько изучить. Он закрыл папку.

За окном проплывали неприметные дома, проезжали блестящие иномарки, неказистые «Жигули», машины всех мастей. Не замечая друг друга, торопливо шагали по-летнему раздетые пешеходы — сарафаны, шорты, футболки... На остановке толпилась шумная компашка: девчонки в мини, парни в шортах. В пакетах видны свёртки, бутылки с лимонадом, полотенца — наверное, на пляж едут. Сергей с завистью посмотрел на беззаботную толкотню молодых людей. Хорошо бы сейчас скинуть липкую одежду с разгорячённого усталого тела, окунуться в холодное, ещё не прогретое солнцем Онего! Он закрыл глаза, представил, как, должно быть, приятно в такую погоду — да разом в холодную волну. Сергей обречённо вздохнул, отгоняя мысли об отдыхе. Хватит с него пока и холодного душа. Сунув папку под мышку, он стал готовиться к выходу. Командировка — дело ответственное. Кого ни попа-

дя не пошлют. Он снова довольно улыбнулся своим мыслям. Значит ли это, что Олег Вениаминович доверяет ему, уверен в Серёгиных деловых качествах?.. В его положении мигранта это дорогого стоит. А уж он — будьте покойны — дело своё выполнит.

5

В «буханке» Василия Лукьяновича было душно, несмотря на открытые окна. В блестящем, выкрашенном в защитный цвет узике пахло новенькой обшивкой, на креслах кое-где ещё сохранился заводской целлофан. К тому же Сергей никак не мог отделаться от привкуса краски, пластика и клея во рту — в офисе Олега Вениаминовича только что закончили ремонт.

— Прыгай вперёд, — махнул Василий Лукьянович Сергею, показывая на кабину.

Несмотря на свой возраст, Лукьяныч был в отличной форме — подвижный, живой. Он лихо вскочил на водительское место, вставил ключ в замок зажигания — где-то под капотом машина заскрежетала стартером, вздрогнула и, урча, мелко задрожала.

— Ласточка! — Лукьяныч нежно провел ладонью по новенькой панели управления. — Даже обкатку ещё не прошла. Чуешь, как двигатель работает? Поёт!

Сергей участливо кивнул и даже, чтобы прикоснуться к «высокому», влед за Василием Лукьяновичем погладил разгорячённый на солнце пластик.

Познакомились они недавно. «Лукьяныч», — коротко представился тогда коренастый мужчина, тряхнул седой головой на короткой шее и, будто тисками, сдал руку Сергея. Лукьяныч работал в «ООО» Олега Вениаминовича давно, чуть ли не с самого его основания — уже восемь лет. Приезжал он из посёлка в город за новыми цепями и шинами для бензопил, а теперь с оказией вёз Сергея на место его первой командировки.

— Как только устроишься на месте — проверь штабеля с пиловочником. По-хорошему — их бы точкануть надо. Посчитать, значит. Там, на месте, думаю, разберёшься, — он оценивающе глянул на Батько. — Может, с местными договоришься, с леспромхозовскими. Сообразишь, — деловито подытожил он.

Помолчали.

— Олег Вениаминович говорит, ты раньше в лесу не был? — вновь подал голос Лукьяныч.

— В таком, как тут у вас, нет. В Казахстане другой лес. Кстати, там тоже, как в Карелии, есть своё Боровое — мы в спортивном лагере летом были. Вот там — лес. А здесь — тайга.

Лукьяныч ещё раз посмотрел на спутника, но не ответил. Они уже выехали из города и колесили по бетонке. За окном без конца древние золотоствольные сосны тянулись макушками в небо, иногда мимо пронеслись однообразные деревеньки, отмеченные замершими на пьедесталах пушками да танками — следами давно прошедшей войны. В лучах полуденного солнца поблескивали платиной порожистые речушки с шиверами, перекатами да осерёдками.

Всю дорогу из Петрозаводска Василий Лукьяныч, как обычно бывает в компании малознакомых людей, развлекал себя сам — рассказывал попутчику о своей жизни. Родители его, оказывается, приехали в Карелию из Белоруссии ещё до войны. Его отец Лукьян Устинович поставил дом в Муезерском, устроился вальщиком в леспромхоз. В этом доме и родился у них с Марьей Петровной первенец — Василий. С фронта отец не вернулся. Что и осталось в памяти об отце — как у многих в то время: запах пота от гимнастёрки, тёплые, грубоватые от мозолей руки, похоронка да орден Славы в маленькой материнной шкатулке с облупленным от времени лаком. Про войну Лукьяныч Сергею говорил мало. Сказал лишь, как финны пришли, погнали их с мамкой в концлагерь в Петрозаводск, рядом с теперешним автовокзалом и сидели они. Потом, заметно повеселев, Лукьяныч заливисто и с огоньком балаболит, как студентом жил в Петрозаводске, как после университета вернулся в Муезерку да до главы леспромхоза поднялся. И всё бы хорошо — семья, детишки... Да перестройка танком проехала — леспромхоз развалился. Стал было Лукьяныч с сыновьями хлеб печь на продажу, но потом и это дело пришлось закрыть — хуже бандитов государство родное оказалось со своими поборами. Вот так и случилось работать в фирме Олега Вениаминовича.

Места эти лесные ему с детства знакомы — где пиловочник в два обхвата, сухостой или баланс, какого года посадки и где делянки в первую очередь брать надо, но — главное — связи преж-

ние остались — уважали его в местной районной администрации. Знался и с директорами разного пошиба, военные техникой выручали, лесники больше положенного леса под спил давали, и в мэрии Петрозаводска Лукьяныч помнили — всюду было доверие к его пухлым конвертам. Благодаря ему не один куб ценной промысловой породы карельской берёзы фирма вывезла... Вот и Олег Вениаминович, хоть и фирмач, а с ним на «вы» разговаривает, советуется. Ссуду дал на эту «буханку».

Ехать ещё было порядочно. Надо было разговор поддерживать. Сергею особо хвастать было нечем: ну, вырос в Казахстане, родился в Караганде, позже всем семейством перебрались в Алма-Ату, долго занимался спортом, с перестройкой пришлось челночить, как многим в ту пору. Когда в республике национальный вопрос обострился, родители перебрались на Украину, он вот сюда, в Карелию. А так, конечно, Серёга повидал, поездил, поколесил по стране вдоль и поперёк. И со сборной по плаванию, и с челноками, а потом возил из Питера в Алма-Ату импортное масло — «Воймикс» да «Раму», из Мурманска — сельдь... Так и выбрал Карелию — понравилось здесь. Приглянулись ему красотой своей эти озёра и тайга, взяли за душу да так и не отпустили. И люди здесь особенные: отличные от шумных южан — неспешные северяне, степенные в суждениях, хоть долго присматриваются к приезжим, зато, если примут за своего, лучше друзей не сыскать.

— Это ты верно подметил, — задумчиво ответил Лукьяныч.

До этого улыбочивый, он сделался серьёзным, нахмурился. Дорога стелилась на удивление ровная, машина шла спокойно, а вокруг стеной наступал таежный лес.

— Так-то оно так, да мест таких всё меньше остаётся. Сами ведь и вырубаем... — с грустью сокрушался Лукьяныч. — Финны, ты погляди, берегут свой лес, не дают под спил. От нас вывозят. А человеку что? Плати да забирай. Детям-то нашим что останется? — возмущенно повысил он голос, а потом поутих: — Да что я разошелся? Сам кругом виноват. Семью кормить надо — куда денешься? Вот вроде все грамотные в правительстве, на трибунах говорят, говорят — сплошная говорильня, а понятия не имеют, что в деревне творится, как умирает она, не видят или не хотят

видеть, — он тяжело вздохнул, кинул быстрый взгляд на Сергея, словно ища у него понимания.

— В Казахстане то же: куда ни глянь — разруха. От аулов мало что осталось. Молодёжь в город бежит: «мен — рекет!» — Сергею вспомнился случай на рынке.

— Вот-вот, — приободрился Лукьяныч, особо не вникая в восточный колорит. — Одним словом, ограниченные власти наши, и люди такими становятся. Зашоренными, значит. До власти нашей, народом выбранной, теперь не достучаться, чувствуют чиновники свою безнаказанность, а отсюда и ответственности никакой.

Машина свернула с трассы на просёлок, запылила по ухабам. Помолчали каждый о своём.

— И я хорош, — Лукьяныч досадливо махнул рукой, — туда же. Одно время барахтался — всё чего-то доказать хотел, до первого инфаркта и хватило меня... Эх, чего тут говорить — жить как-то надо! Вот и подстраиваешься! — оторвав левую руку от баранки, он показал плавный ход рыбьего хвоста: — Как говорится, рыба ищет — где поглубже, а человек — где получше.

Лукьяныч ещё долго рассказывал, как они с мужиками да бабами встречались с высоким начальством из Петрозаводска, нагрянувшим к ним в Муезерский с предвыборным визитом. Как говорили о произволе финнов, что в открытую воруют лес и вывозят, о забытых, поросших бурьяном колхозных и совхозных полях, о повсеместной безработице.

— Как жить-то дальше? — спрашиваем начальство. — Рабочих мест, — говорим, — дай бог на четверть от всего населения! Своим делом заняться — так если не воровать, то вылетишь в трубу! Что делать?! — Лукьяныч всё больше расплялся, говорил громко, резко. — Про чухонцев этот умник ничего не сказал, а вот про места рабочие посоветовал, но прежде задал вопрос: «Чем, — спрашивает, — раньше карелы занимались, ещё до Советской власти?» Наши возьми да и ответь ему: «Охотой жили, ягоды, грибы собирали». — «Вот и занимайтесь тем, чем ваши прадеды занимались!» Во как! — Лукьяныч выразительно поднял вверх указательный палец. — Не знаю, оно, может, здесь, в Карелии, и лучше жить, но, я думаю, людей везде всяких поровну встречается, — закончил он задумчиво.

Между тем новый узик темно-зелёным кирпичом пылил по дорогам Муезерского.

— Сейчас, Серёга, ко мне домой заедем — пообедаем, а там и до Борового чуток останется, к вечеру на месте будем, — отбросив нелегкие раздумья, Лукьяныч радовался скорому отдыху.

Нырнув между «хрущёвками», попутно обдав пылью местных звонкоголосых дворняг, узик остановился у подъезда трёхэтажного панельного дома.

— Проходи. Не стесняйся, — Лукьяныч легонько подтолкнул Батько из прихожей в направлении кухни, — мои все по делам разъехались. Присаживайся. Чай пить будем. У нас в Карелии много чаю пьют. — Он достал из холодильника большую тарелку. Сверху вместо крышки кверху дном лежала ещё одна.

— У нас, в Казахстане, тоже много пьют чаю, — Сергей был голоден и, не стесняясь, в предвкушении разглядывал угощение, а на столе появились помидоры, огурцы, зелень, с плиты на стол перекочевала сковорода с жаренной на сале, нарезанной шпалками картошкой. Она ещё не остыла, и её аромат дразнище щекотал его ноздри.

— Олюшка недавно обедала, — заключил Лукьяныч, приложив ладонь к чугуну сковороды, — греть или как?

Он открыл тарелку, достанную из холодильника, а там — продолговатые, умелой рукой вылепленные котлеты. Аккуратные, манящие, все — как одна! Сергей давно не ел домашних котлет. Впрочем, здесь, в Карелии, домашней едой он вообще не был избалован. На собственной шкуре, точнее на желудке, убедился, насколько был прав физиолог Павлов в своей теории условного рефлекса. В ответ на условный раздражитель, божественно пахнущую домашнюю котлету, рот его мгновенно наполнился слюной, а желудок с недовольным урчанием начал митинговать, требуя немедленного удовлетворения.

— Ну его! — вырвалось у Сергея, он и сам не заметил, как в его руке оказалась вилка. — Пока еще разогреется, — и виновато улыбнулся за свою нетерпеливость.

— Правильно! В нашем командировочном деле главное — шансовый инструмент, — Лукьяныч одобритительно подмигнул, кивая на вилку в руке Сергея. — Ешь. Котлеты из лосятины. В этом году охота хорошая. В Казахстане, поди, тоже такие готовят? — лукаво поддел его Лук-

яныч, довольный впечатлением, произведённым на гостя, и сел к столу.

— Не-а. Там разве что бараны да верблюды.

Больше ждать не было силы. Сергей разломил котлету. Зацепил кусочек вилкой. Котлеты с настоящей под крышкой пропаренной картошкой, с помидорами, с зелёным луком и ещё малосольными огурчиками показались ему пищей богов!

— Вот контора леспромхоза, тебе — туда. Хотя постой, — Лукьяныч суетился, торопился домой, но и бросить Сергея, не устроив на ночлег, не мог — не так был воспитан, — сегодня суббота, значит, все на болотах ягоду собирают. — Он глянул поверх сосен на низкое, прихваченное хмарью небо. — Скоро дождь пойдёт. К вечеру возвратятся местные отцы-командиры. Пойдём со мной. Там у них кабак, — он махнул рукой на кирпичное строение неподалёку, — раньше, до перестройки, столовка была, а теперь с одной стороны — магазин, с другой — бар.

Они остановились на поселковой площади перед зданием леспромхоза. Посёлок был небольшим. Главная улица — она же дорога, идущая от трассы на Костомукшу, раскидывала по обе стороны от себя бревенчатые домики и двухэтажные бараки из бруса. При въезде, рядом с пустующей заправкой, стояло несколько коробок четырёхэтажных панельных домов. Проехав этот уголок цивилизации, узик свернул налево — на площадь.

Хлопнув дверцей машины, Лукьяныч поспешил в нужном направлении. Шёл быстро, иногда переходя на бег. Сергей, на ходу закидывая за плечи рюкзак, еле поспевал за ним, дивясь его резвости. Лукьяныч ворвался в питейное заведение, быстро огляделся. Все семь или восемь столиков здесь пустовали. За барной стойкой, опустив голову на руки, дремала блондинка.

— Люся! Никак ты?! — голос Лукьяныча, чистый, звонкий, лился легко и свободно и, казалось, наполнил каждый уголок прокуренного помещения, влетел за стойку, растревожил хозяйку заведения.

— Я Ира, — над стойкой показалось полусонное раскрашенное женское лицо. Тяжёлые ресницы, увешанные комочками туши, недоуменно подрагивали, даже казались немного напуганными напором шёбутного посетителя, — у нас никакой Люси нет.

— Вы правы, Ирочка, по сравнению с вами Люся — никакая! — ничуть не смутившись, Лукьяныч, не сбавляя оборотов, сел за стойку. — Эх, давненько я у вас не был! А где все штабные?

— Какие штабные? — Ирочка поднялась из-за прилавка, хлопая ресницами. Лукьяныч своими вопросами вконец запутал её. Видимо, ещё слабо представляя, что, собственно, от неё требуется, она в надежде ухватить суть дела переводила свой взгляд с Лукьяныча на молчаливого Сергея и снова на Лукьяныча.

— Может, вы хотите чего? — Её нарумяненное лицо озарилось догадкой.

— Ирочка, разве такой старик, как я, может чего-то хотеть? Вот он хочет! — Лукьяныч указал на притихшего Сергея. Зардевшаяся Ирочка опустила глаза. — Хочет он поселиться здесь у вас, в Боровом, на некоторое время, а вы, Ирочка, не говорите, где ваше начальство леспромхозовское. Парня поселить надо. Командированный он.

— Так бы и сказали сразу, — Ирочка обиженно поджала губки, изящно поправила задубевшую от лака причёску, — так они все на болотах, к вечеру будут. Думаю, через пару часов вернутся, — говорила она только с Сергеем, смотря прямо ему в глаза, кокетливо играла наманикюренными пальчиками с залакированным локоном, — а вы оставайтесь, вечером я сменюсь, покажу вам, где гостиница, здесь недалеко.

— Теперь я спокоен за своего коллегу, Ирочка, — Лукьяныч соскочил с высокого табурета у стойки. — Присмотрись к Ирочке, может, и гостиница не понадобится, — шепнул он на прощанье Сергею и, подмигнув, вышел на улицу.

— Люсе — привет! — успел он крикнуть с порога.

— Да нет здесь Люси! — лужёной глоткой гаркнула Ирочка, широко раскрывая рот, так, что, казалось, можно было разглядеть гланды. Она уже окончательно проснулась, и напористость седовласого спутника этого командированного симпатяги с рюкзаком явно раздражала её. Но Лукьяныч этого уже не слышал.

— А вы присаживайтесь, — почти ласково, на правах гостеприимной хозяйки, она жестом пригласила Сергея к стойке. — Тут за целый день так устанешь от этих весельчаков, — будто оправдывая свой резкий тон в адрес Лукьяныча, прошептала она, — вроде и не молодой уже, а всё туда же, — она обиженно надула пухлые губки.

Сергей с сожалением вздохнул. Одному, без поддержки Лукьяныча, в незнакомой местности ему стало немного не по себе. Он подсел к стойке.

— Может, холодного пива? — с готовностью пришла на помощь Ирочка. — Свежее, только вчера завезли.

— Можно бокальчик, — без энтузиазма согласился Сергей.

Надо было занять себя чем-то, если верить Ирочке, ещё на пару часов. В плохо проветриваемом помещении бара стояла духота, и холодное пиво с солёными орешками было бы как нельзя кстати.

Бутылка «Балтики» «троечки» живо перекочевала из холодильника на стойку, а оттуда, надуваясь пенной шапкой, хлынуло в высокий бокал с надписью «Amstel».

— А вы откуда приехали? Из Костомукши или Петрозаводска? — Ирочка, сложив кренделем руки на барной стойке, навалилась на них богатой грудью в глубоком декольте так, что жемчужные бусики утонули в ложбинке.

Невозможно было не уловить кокетство в голосе, не заметить аппетитные, многообещающие женские прелести с тремя родинками-заманушками. Уж кому-кому, а Сергею этот язык флирта был отлично знаком. Все его любви остались в далёком прошлом, подраненное сердце давно зарубцевалось и было открыто для отношений вновь, тем более для мимолётного приключения. Нет пилюли от прежних пассий слаще и проверенней, чем лёгкая интрижка — ни к чему не обязывающее любовное похождение.

— Вообще-то, я приехал из Алма-Аты, — Сергей решил сразу обрушить величие мегаполиса на утлость провинциального посёлка. С деланной небрежностью он шмякнул свой выдавший виды рюкзак под ножки стула. По глазам напротив, удивлённо и восторженно распахнутым, он понял, что ответ глубокому декольте оказался более чем достойным.

— Это же так далеко?! — только и выдохнула Ирочка, подперев ладошкой нарумяненную щеку.

— По сравнению с моей последней командировкой, Ирочка, — почувствовав к себе неподдельный интерес со стороны новой знакомой, Сергей перешёл в наступление, — это совсем рядом, на одном, можно сказать, материке, —

он хмыкнул, как должен хмыкать в его понимании человек, прошедший половину своей жизни чёрт знает где.

— Ой, как интересно! А расскажете, где это? — Ирочка, ища удобного положения, приподнялась на стуле. Её грудь опустилась вниз — между выпуклостями, возле созвездия из родинок, словно из створок морской раковины, показались недостающие перламутровые звенья. Затем она снова навалилась на руки — объёмная грудь подскочила вверх, пряча жемчужины, налилась, словно пытаясь вырваться из тугого плена декольте. Сергею сделалось жарко. Не дав отстояться пиву, утопая губами в пенной шапке, он жадно сделал три больших глотка.

В детстве Сергей Батько много и увлечённо «путешествовал» в чёрно-белом пространстве старой «Берёзки» вместе с телепередачей «Клуб путешественников» и Юрием Сенкевичем. В его компании алматинский паренек поднимался в горы Тибета, продирался сквозь джунгли Амазонии, участвовал в африканском сафари и даже боролся за живучесть бальсового плота «Кон-Тики» с их «общим» другом и соратником Туром Хейердалом. Когда стал старше, при случае Сергей без труда мог раскрасить черно-белые истории из его телевизионного детства тонкими, яркими штрихами выдуманных подробностей, с лёгкостью занимая место главного героя. К чести Батько, прибегал он к этому крайне редко, с обязательным саморазоблачением в конце этого импровизированного шоу. Делал он это самозабвенно, но только тогда, когда хотелось позабавить себя и окружающих. Кажется, такой случай настал. Ирочка вдохновила его на «правдивый» рассказ о ловле жемчуга около островов Индонезии — так «легальнее» он мог бросать свои взгляды на декольте. Она слегка краснела, поправляла бусики, когда Сергей восхищался неповторимостью природных форм жемчужин, говорила, что купила бусы в галантерейке через четыре дома по улице. Сергей «не верил» — трогал их руками, как бы случайно прикасаясь к открытой шее, потом сокрушённо резюмировал, что даже такого профи в ювелирном деле, как он, можно с лёгкостью обмануть, а виной всему — совершенство женских линий, скрадывающих галантерейную халтуру.

— Просто на тебе, Ирочка, выглядит всё прекрасно, — он не заметил, как они перешли на «ты».

— Да ладно, — она довольно гоготнула.

— Ирэн! Там что, посетители?! — раздался недовольный мужской голос из приоткрытой двери за спиной, судя по запаху, ведущей в кухню.

— Да! — в таком же тоне кинула она за дверь.

Из кухни вышли двое: один — худой в очках, джинсах, мятой футболке и клетчатом пиджаке. Другой — с брюшком, свисающим из-под короткой полы рубашки, спортивных брюках и кроссовках. На лицах обоих — следы недавнего спиртного возлияния. С кухни влажно пахло теплом спёртого воздуха, пропитанного ядерной смесью из отварных макарон, жареных соевых котлет и старой половой тряпки.

— Предложи пиццу, — сказал тот, что был в очках и пиджаке, придававших ему налёт интеллигентности.

— Они не хотят, — почему-то во множественном числе ответила Ирочка таким тоном, как отвечают упрямые всезнающие дети своим родителям.

— Тогда предложи бальзама, — не унимался очкарик.

— Они пьют пиво! Борислав Владиславович, я сама как-нибудь разберусь, — она капризно скривила губы, картинно закатила глаза и зыркнула на Сергея. Тот и ухом не повёл.

— Да ну её, пойдём. Завтра с ранья в Питер ехать, нам надо ещё выспаться, — потянул за рукав пиджака своего приятеля толстяк, прикрывая дверь.

— Именно вот так — «как-нибудь» все в этой деревне и работают! — послышался недовольный голос очкарика из-за двери.

— Нача-альство! — с издёвкой протянула Ирочка, — тот, что в очках, — питерский, а жирдяй — наш, из Костомукши. Ну их! Как работать неделями без подмены — так «Ирэн, выручи», а как зарплату выдать — так у них всё в деле, подождать надо. Вот им, а не выручка! — Ирочка свернула кукиш и пихнула им по направлению к кухне. Но тут же, спохватившись, шустро засеменила к двери, прислушалась и поплотнее прикрыла.

Когда вернулась обратно за барную стойку, Ира нагнулась к Сергею так близко, что он уловил сладковато-душный запах ее тела, и с жаром зашептала:

— А ведь Борька-то идею подал. Через стенку, в магазине, всё то же самое продаётся, что и у нас. Только в три раза дешевле. Этот магазин тоже их.

Они вчера продукты завезли. Ты возьми себе что-нибудь покушать, а я разогрею. Можешь бутылочку карельского бальзама взять. Если с колой размешать, коктейль получится.

Два раза намекать на коктейль Сергею не понадобилось — уже через пять минут они с Ирочкой сидели за столом, потягивали соломинками тёмную пузыристую жидкость из пузатых стаканов, а в микроволновке за стойкой разогревалась пицца с грибами и сыром.

На улице давно начался обещанный Лукьянычем дождь. По шуму за окном было ясно, что сейчас он потихоньку стихает, но, когда Сергей бегал в магазин из одной двери здания в другую, дождь тарабанил что есть мочи.

От выпитого в голове захмелело. Было уютно сидеть вот так, отключившись от предстоящих ему забот, командировки, номера в гостинице, точкования штабелей и прочего... Сергей залиvisto травил байки, а в ответ получал восхищённые возгласы блондинки, вздохи и кокетливые взгляды.

Эту идиллию нарушили первые посетители — в бар ввалились пятеро молодых парней. Раньше Сергей не понимал, отчего все деревенские, одетые по сути в те же тряпки, что и городские, всё равно выделяются — выглядят по-другому? Деревенские, они всегда вроде разные, но неуловимо чем-то похожи друг на друга. Смотришь: лейблы, строчки, змейки, карманы — всё по уму. А потом дошло: всю иноземщину «Montana», скажем, или «Rifle» разбавляют наши расейские сапоги — широкие, разлапистые говнодавы, которые по десять лет сносу не знают, видимо, на местные дороги рассчитанные.

— Ирка, чё там с пивом? «Балтику» завезли? — гаркнул один из пацанов.

— Завезли, Колька! — сквозь зубы ответила она, даже не взглянув на клиента, злясь на неожиданных посетителей.

— Так дай одно нефильТРованное! Чё сидишь?

Не скрывая своего недовольства, Ирочка демонстративно встала из-за стола и звякнула по стойке пивным стаканом.

— Так чё, одно на пятерых?

— Ну да. Гы-гы-гы! — заржали пацаны.

— Не отпущу. Вам дай одно пиво, а потом всю дорогу в магазин будете бегать таскать сюда спиртное. Магазин выполняет план, а я — нет. Со своим спиртным нельзя. Мне потом по шее по-

лучать от начальства не хочется. Договаривайтесь с Бориславом, мне надоело отвечать за всех.

— Ты, Ирка, чё-то распонтилась! Перед этим, что ли?! — Колька недобро зыркнул на Сергея.

— Не твоего ума дело! — огрызнулась она, уткнув руки в боки. — Сказала же: к Бориславу! И вообще, меня сегодня Наташка сменяет. Вот с ней и договаривайтесь.

Отвернувшись от нежеланных гостей, Ира шепнула тихонько Сергею:

— Ты иди пока, подожди меня в магазине, а я скоро — смену сдам и приду. Только не связывайся с этими козлами.

Тот расплатился за пиво и под пристальными вызывающими взглядами местных «козлов» вышел на улицу.

Вне стен бара было свежо, пахло озоном. Птичье разноголосье радовало слух звонкими перепевами. Воздух был настолько чист, что, казалось, стоит поднапрячь зрение, как через увеличительную линзу, можно будет разглядеть видневшиеся дальние окраины поселка. Дождь почти кончился и сбрасывал с неба последние редкие капли — тёплые и тяжёлые. Сергей любил летний дождь — такой, чтобы стеной. Сильный, неистовый, с грозами, чтобы небо пополам, чтобы душа в пятки. Запрокинув голову, он постоял ещё недолго, подставляя каплям лицо.

В магазине купил бутылку карельского бальзама, хлеб, палку сырокопчёной колбасы, какие-то рыбные консервы, что-то ещё. Покидал всё в пакет. В магазине было тихо и пусто. Батько в ожидании встал у окна.

Освободившись от небесной влаги, небо прояснилось. Зацепившись за макушки медных сосен, застыли распотрошенные сизоватые облака. Перед баром Колька и сотоварищи заорали матом. Умиротворенный и разомлевший было Сергей поморщился — ему показалось кощунством осквернять чистоту, наполнившую воздух после дождя, грязной бранью. Горланили о заезжем хмыре, Колька выкрикивал имя Борислава, материл Ирку-«гадину», потом вся компания куда-то двинулась.

— Ещё что будете брать? — вдруг послышалось за его спиной.

Батько вздрогнул, обернулся. За прилавком продавщица снимала белый фартук.

— Мы закрываемся, — сказала она, взглядом выпроваживая его на улицу.

Забегала из бара Ирочка. Вся раскрасневшаяся, с капельками дождя на лице, манящая.

— Пошли, — она взяла под руку кавалера и потащила на улицу.

— Куда? — брякнул Батько.

— Как куда — в гостиницу! Это за поворотом, в четырёхэтажке. У леспромхоза две квартиры для командировочных имеются. Слышал — там Колька разорался, идиот. Вот ему всегда больше всех надо, — она пытливо глянула на Сергея, будто стараясь выяснить, не испугался ли. Тот безразлично пожал плечами.

— Пошли здесь, на всякий случай — через кусты. — Легонько подтолкнула она его в сторону густых зарослей какого-то кустарника.

Сергей не спросил, о каком-то случае говорит его спутница, но кожей чувствовал недоброе. Он огляделся по сторонам, но ничего — вроде спокойно. Посмотрел на свои размокшие, облипшие песком и глиной кроссовки, тихо ругнулся. Ирочка хихикнула.

— К завтраму обсохнет. Обобьёшь грязь, — шёпотом сказала она и подошла так близко, что можно было слышать её частое дыхание, чувствовать тепло её тела. Сергей обнял её за плечи, притянул к себе.

— Подожди, пойдём хоть в квартиру, — она вырвалась и, озорно смеясь, потащила за собой по тропинке, прикрытой кустами от предательского свечения белой ночи.

Остановились возле обшарпанной панельной четырёхэтажки.

— Здесь, — сказала Ира, немного запыхавшись.

Они зашли в подъезд, вокруг стало темно.

— Комнаты на первом этаже. Там сейчас живёт... — она не успела договорить. Сергей резко притянул к себе Ирочку, она запустила пальцы в его волосы...

В подъезде стало шумно, пьяными голосами горланила поддатая компания, поднимающаяся по ступенькам на этаж.

— Да здесь они, Борислав! Отвечаю! Ирка-стерва сюда его потащила. Наташка врать не будет! Ей-то какой понт врать?! — орал Колька.

Батько сразу узнал его надломленный сиплый голос. Разгорячённые алкоголем, в предвкушении драки, будто еще наэлектризованные «небесным гневом» грозы, они, тяжело дыша, пронесли мимо парочки, стоящей в коридоре под

лестницей, в темноте даже не заметив их. Сердце Сергея стукнуло в грудь, обмерло.

Пацаны остановились возле обитой потрескавшимся дерматином двери на первом этаже.

— Давай звони. Руслан свой пацан, он их выгораживать не станет, — рвался в бой сиплый. Длинно пропела птичка дверного звонка.

— Руслан, брат, это мы — Колян, Стёпик и этот... С нами Борислав, в общем. Ирка с хмырём у тебя? — не дождавшись, пока откроют, крикнул Колян, долбанув пару раз для уверенности кулаком по обивке.

Щелкнул дверной замок. Этаж залился домашним желтым светом, отбрасывая на лестничную площадку длинные тени.

— Почему Ира с каким-то хмырём должна быть у меня? — голос был негромкий и спокойный, но за хладнокровностью ощущались уверенность и сила. Это подействовало — Колька замолчал. Говорить стал Борислав:

— Ты это... Извини, что разбудили...

— Да не будили вы меня, — теряя терпение, резко и зло перебил Руслан. — Ты скажи, почему твоя Ира должна прийти ко мне!

— Да нет, братуха... Я понял... — подал голос Колька. Что-то произошло между Русланом и пьяной компашкой, так как Колька, недоговорив, умолк.

Сергей, протянув руку, нащупал в темноте входную дверь в подъезд, легонько толкнул её. Она поддалась без шума, с улицы прокралась полоса света. Стала видна часть обшарпанной зелёной стены, разбитая лампочка при входе над выкрашенной мастикой дверью. Осторожно, чтобы не были слышны шаги, он вытолкнул на улицу Ирочку и сам вышел следом. Забежали в соседний подъезд.

— Что ж ты не сказала, что с Бориславом?! — обрушился Сергей на нее, стараясь говорить тихо.

— Как будто у тебя никого нет?! — по-гросмейстерски, переходя от защиты в нападение, парировала она, неприятно взвизгнув.

— Представь себе: нет! — Сергей говорил правду, в его голосе она услышала упрёк, и это ударило по самолюбию.

— И не будет! Подумаешь, правильный какой нашёлся, — Ирочка выскочила на улицу. Пружина, жалобно скрипнув, с силой захлопнула дверь. Стало снова темно.

Сергей лихорадочно соображал, что ему,

собственно, теперь делать с местной шпаной и как вести себя с таинственным местным авторитетом по имени Руслан. План созрел молниеносно. Батько приоткрыл дверь, пустив полоску света в подъезд, полез в рюкзак, достал папку с деловыми бумагами — договорами, соглашениями и прочими юридическими документами, рабочими записями. Нашел нужный лист с перечнем, быстро пробежался по списку имён местного начальства, моментально всё сложил обратно и вышел. Ирочки на улице уже и след простыл. Перед дверью в подъезд, из которого десять минут назад пришлось ретироваться, потоптался полминуты. Внутри уже горел тусклый свет. Сергей коротко выдохнул и вошёл внутрь. Он настроился — надо было решить вопрос на месте, пока компания не разбежалась.

— Ну, ты это... Не сердчай на нас... Мало ли чего... — послышался голос Кольки-сиплого, всё еще рассыпавшегося в извинениях.

Сергей не спеша стал подниматься по лестнице с долгим нескончаемым пролётом.

— Оп-па! — Колька натужно растянул рожу в щербатой улыбке, когда увидел, какая рыба сама плывет в сети. Пацаны перегородили проход. Сергей остановился и с деланным удивлением уставился на компанию, с грозным видом сгрудившуюся на площадке. Четверо с ухмылками на лицах выжидающе переминались с ноги на ногу у электрического щита, Колька — чуть впереди. В дверном проеме в дверях по-хозяйски непринуждённо стоял высокий жилистый парень с холодными серыми глазами, короткой стрижкой, в шортах и тапочках на босу ногу.

— Ты чё к нашей Ирке хвосты подбиваешь?! — Колька цыкнул слюной на пол.

Батько, наигранно подняв бровь, выдержал короткую паузу, обернулся в пустоту за спиной.

— К какой Ирке?! Я вас не знаю.

— Ты дуру не включай, а! К барменше нашей. О чём ты с ней тёр?! — Колька, набычившись, сделал шаг вперёд к Сергею.

— В следующий раз в баре подойду к тебе — ты нальёшь мне пиво! — медленно, с нажимом ответил Сергей, копируя подслушанную манеру говорить Руслана.

Судя по сомнению, скользнувшему в глазах Кольки, Сергей был близок к идеалу произношения. Тот оглянулся, ища поддержки в сотоварищах, а они ждали, чем всё закончится.

— Ты чё, попутал?! — сиплый двинулся на Сергея, а тот, угрожающе прищурившись, с вызовом вперился в Кольку глазами, предусмотрительно опустив на пол пакет с вещами и сжав в кулак руку в кармане.

— Подожди, Сиплый, разобраться надо! — Руслан шагнул из квартиры в коридор подъезда. — Меня зовут Руслан, — лёгкая, ничего не выражающая улыбка на лице, прямой взгляд. За таким взглядом всегда сила, грубая, разрушающая, беспринципная. Сергей сразу почувствовал опасность, невидимо исходящую от Руслана — такой и ножом владеет, и пулю всадит за завтраком, не поперхнётся. Сергей встречал таких, знал — с ними надо держать ухо востро! Вежливость для таких, как он, лишь предлог всадить в тебя нож.

— Сергей, — представился коротко, сухо, без лишнего заискивания, такие, как Руслан, уважают силу. Весь напряжился, аж взмок.

— Какими судьбами к нам? — Руслан умел вызвать дрожь учтивой речью.

— Должен отчёт держать? — во рту у Батько пересохло.

— Должен! — было сказано так, чтобы всем стало понятно, кто здесь хозяин и перегибать палку приезжим не стоит. Колька Сиплый самодовольно хмыкнул, чувствуя у себя за спиной силу.

— В командировке я здесь. Лес возить будем.

— Так это ваши штабеля в лесу сложены?

— Наши, — Сергей старался говорить ровным спокойным голосом в тон Руслану. Что ж, ему пришлось признать силу, но и он не лыком шит: лишнего не приплетал — не за чашкой чая встретились.

— А сюда, в гостиницу, кто отправил?

— У нас договорённость с директором вашего леспромхоза Степаном Львовичем.

— А с Ирой чего тёр?

— Спросил, где находится гостиница и как в неё вселиться, начальство же на болотах. У кого мне ещё спросить, у этого, что ли?! — Сергей ткнул взглядом в Кольку, он не на шутку завёлся, допрос затянулся, и становилось неважно. Тот хотел было вспылить, но Руслан похлопал его по плечу, остынь, мол.

— Ладно, пойдём за знакомство по стопочке, — он кивнул Сергею, приглашая пройти за ним внутрь квартиры. Как-то сразу пропал интерес к Батько, расслабилась и загомонила

шебутная компания, обсуждая, куда им направиться дальше.

Они сели с Русланом на кухне. На столе стояла початая бутылка водки. Сергей добавил к ней свой бальзам. Далеко за полночь выяснилось, что Руслан из Грозного, что работа у него связана с риском, а здесь переждать ему надо некоторое время. «Прячется от кого-то», — мысленно сделал вывод Сергей. Уточнять он, конечно, не стал, да и Руслан не был охоч на лишнее слово, это Сергей сразу понял. Сказано — переждать, значит, переждать.

— Здесь тебя никто не тронет. Это я говорю! — сказал Руслан напоследок.

У обочины, напротив дверей конторы, красовались три блестящих чёрных «Крузера». В самой конторе леспромхоза стоял гвалт, сутолока, неразбериха. Скрипели половицы, тревожно мигали лампочки в цоколях под потолком. По коридорам с деревянными стенами, выкрашенными синей краской, бегали люди, потрясали в воздухе какими-то бумажками, суетились, волновались, из открытых настежь дверей кабинетов в коридор вылетало треньканье телефонов, ругань, неслись угрозы. К директору Батько не пустили двое крепких ребят, стоявших охраной перед дверью. Оказывается, утром, ещё до прихода служащих, в контору ворвалась дюжина молодых, силой заняли кабинет директора, и что теперь будет, никто из взбудораженных офисных работников не знал. Сергей остановил в коридоре взвинченную, раскрасневшуюся дамочку в юбке и белой блузке с глубоким вырезом в рюшках, кратко изложил суть вопроса.

— Сейчас не до вас, молодой человек, — взвизгнула она, вскинув руками. — Разве не видите — у нас рейдеры?! Степан Львович! Надо что-то делать! — кинулась она к пузатому дядьке в пиджаке, буквально влетевшему в коридор конторы.

Тяжело сопя, он решительно направился к своему кабинету, который уже был занят. Молодчики даже не шелохнулись, позволив ему свободно войти в «предбанник». Для взмыленного Степана Львовича, готового на смерть биться за своё место, это стало полной неожиданностью. На мгновение он растерялся, теряя градус боевого духа. Догадываясь, что ничего хорошего это ему не сулит, он, немного потоптавшись, вошёл в кабинет. Да-

мочку, следовавшую за директором по пятам, охрана не пустила. «Руслан! Что это всё значит?!» — послышалось из-за дверей.

Сергей бегал из кабинета в кабинет — везде шум, суматоха. Отовсюду его «просили» нервные служащие, указывая на двери. «Идите уже, не до вашего леса — власть меняется, самим бы без работы не остаться!» — кричали ему. Контора пуста, крепкие ребята в костюмах вежливо просили всех разойтись по домам, закрывали кабинеты. Вышел пунцовый Степан Львович, рассеянно глянул, как с двери его кабинета срывают табличку с его фамилией, потом посмотрел на дамочку с покрасневшими влажными глазами и дрожащим подбородком и, не сказав ни слова, пошёл к выходу. В коридоре Сергей столкнулся с Русланом.

— Гостиница закрывается на неопределённое время, — сказал он Сергею так, будто и не знакомы они вовсе. — Дайте ему ключ от сторожки на площадке, — начальственно кинул он охране позади себя, — пусть вывозит свой пиловочник.

Как по волшебству, перед Сергеем вырос главный инженер, что пять минут назад даже слушать не желал о финнах, сроках вывоза пиловочника и штрафных санкциях.

— Сейчас всё сделаем, Руслан... Кхе... Кхе... ..авич, — неловко замялся он, попытавшись выговорить заковыристое, не привычное русскому уху отчество, и опрометью пустился в свой кабинет.

Развернув план-схему, выданную ему главным инженером, Сергей сориентировался на местности и направился по просёлку в лес, туда, где на площадке должны лежать штабеля с их пиловочником. Он шёл вдоль поросшей высокой травой и кустарником узкоколейки с выдранными с «мясом», покорёженными пролётами рельсов, будто здесь недавно прошла партизанская война. «Партизаны» потрудились на совесть — чтоб наверняка не восстановить. Скоро, вильнув в сторону, редкие выбитые шпалы и вовсе трусливо спрятались в подлесок доживать свой век. «Что за народ?! — тяжело вздыхал Сергей. — На своей земле, а живём как чужаки! Финны-то уж точно берегут свою землю». Ему вспомнился разговор с Лукьянычем.

По натопанной кем-то тропке Сергей вышел к площадке с пиловочником. Наскоро оглядев

штабеля, он направился к покосившейся сторожке. Она находилась в стороне от площадки на маленьком пригорке. Будто покинутая всеми, забытая богом старуха, кланялась она в ноги путнику сползающей, косо нахлобученной кровлей, приглашая всякого заезжего разделить её одиночество. Выглядела сторожка плачевно и мало походила на пригодную для жилья. Сергей осмотрел окрестности, но, кроме этой рухляди, кругом ничего мало-мальски годного не было видно. Полез в карман за ключом, выданным в конторе леспромхоза, примерил к амбарному замку на потемневшей двери — вроде должен подойти. С трудом провернул сердечник навесного замка. Сергей с усилием потянул вниз — и дужка выскочила из тесного плена чугуна. Внутри было сыро, пахло плесенью, чем-то протухшим. Зарешеченное, покрытое слоем пыли единственное окно пропускало тусклые солнечные лучи. В углу — буржуйка, рядом — топчан, у окна — покосившийся столик. «Жить можно», — решил про себя Сергей, и сторожка-старушка приветливо скрипнула половицей под его шагом.

Из-за перебоя с электричеством на местном почтамте (леспромхоз был закрыт) Сергей лишь на следующий день дозвонился до своего начальства в Петрозаводске. Сообщил новости, сказал, что готов к отгрузке, отправил факс с планом площадки, куда должны были приехать финские лесовозы. В местном сельпо купил котелок, миску, кое-какие продукты. Так что в посёлке он больше не появлялся — нужды особой не было.

К концу следующего дня приехала первая «SISU». Дело пошло. Всю неделю Сергей занимался отгрузкой леса. Утром он точковал оставшийся после отгрузки лес, в обед приезжала машина. Толстый финн Мартин в отутюженном комбинезоне, подняв в приветствии руку, кричал ему: «Терве», прыгал на сиденье фискарса, позади кабины, и, железной лапой манипулятора ловко цепляя брёвна, укладывал их между стальными клыками в прицеп. Затем стягивал уложенный пиловочник широкими ремнями реперов и, махнув на прощанье, уезжал.

Вечерами Сергей варил себе похлёбку или запекал на углях картошку. Подолгу смотрел на танцующий огонь, полнокровную луну, иногда ловя себя на мысли, что, может, вот так же, сидя

у костра где-то в южных широтах Казахстана, смотрит сейчас на луну Аня...

С последней машиной леса Сергей уехал в Костомукшу, потом на поезде — в Петрозаводск. Олег Вениаминович поздравил его с «боевым крещением», выдал премию. Сергея приняли в команду. И всё хорошо, если бы вскоре не произошёл этот случай с декларациями на границе...

Не всем ко двору в офисе Олега Вениаминовича пришёлся Сергей Батько. Вливался в новый коллектив — для него это привычное дело. Знал — везде свои правила, законы, выстроенные в условиях жёсткой конкуренции, устоявшиеся рабочие связи. И теперь Сергей, по сути чужой пока для коллектива человек, должен был «вписаться» в жизнь конторы Олега Вениаминовича — стать своим. Легко сказать! Вместе с возложенными на него обязанностями он получил и ряд полномочий, одним словом — некоторую власть наравне с офисными сотрудниками. Да кто же её, родимую, за просто так тебе отдаст, даже если начальник велел?! И если кто-то с облегчением вздохнул: баба с возу, кобыле легче, то Боря Шалаев, старший менеджер, ревностно оберегал от чужаков когда-то так «обременявшую» его «бумажную работу» с таможенными декларациями. Первые дни Сергей деликатничал, присматривался, анализировал, искал подход к коллеге. Он быстро освоился, вошёл в «тему», стал принимать самостоятельные решения. А Боря всё не мог смириться с конкурентом, вторгшимся по воле директора в его сферу. Дня не проходило, чтобы он не вмешивался в дела Сергея, не лез с советами. Чуть отойдя от дел с таможеней, уже не владея в полной мере всеми вопросами, путал Сергея, подсовывал быстро устаревающие указы, распоряжения, давно отмененные бланки. Когда «опека» встала, что говорится, поперёк горла, Серёга дал понять Боре, что вполне справляется сам. Получилось это резковато, зато теперь ему никто не мешал. Во время одной из командировок их босса Олега Вениаминовича Боря подошёл к Сергею.

— Сергей, через неделю из Украины хохлы приезжают. Надо оформить на них документы, потом покажешь им наши делянки в Ругозере, — Боря шустро подsunул ему папку с документами.

— Постой! Я же с декларациями работаю, — Сергей придержал за локоть заторопившегося куда-то Борю.

— Этим вопросом займусь я, — с нотками раздражения начальственно заявил он, недобро уставившись на Сергея в упор.

— Но у меня уже всё готово почти, — уверенно ответил тот, приняв вызов и глядя Боре в глаза.

— «Почти»! — усмехнулся он, растянув толстые влажные губы в ехидной улыбке.

— И потом, Олег Вениаминович... — начал Сергей, снова пытаясь придержать Борю за локоть.

— Пока Олега нет на работе, — Боря затянул паузу, чтобы нерадивый новичок смог оценить заслуженную им за многие годы службы в офисе преференцию — называть их босса только по имени, — я здесь главный! — вырвав локоть, он победно скрестил руки на груди.

Сергею оставалось лишь пожать плечами и передать Боре свои дела. Даже не взглянув, он сунул документы в выдвижной ящик своего стола.

Бывает же так! Ведь знаешь, что прав, а доказать не можешь! И в конторе все помалкивали, против Шалаева не хотели идти, видимо, не одного Серёгу подставил он. Правду говорят: своя рубаха ближе к телу. И — что самое обидное — всем известно, что не по его вине случилась эта задержка лесовозов на финской границе. Боря таки проваландал «почти» готовые декларации — с опозданием подал. Только как об этом директору сказать: «не виноватая я — он сам пришёл?!» — виновных успеется найти. Да и не привык Батько наушничать, оправдываться — делом надо заниматься, спасать положение.

— Ну что, Сергей, — сказал тогда генеральный, — судьба твоя решается! Если через полчаса машины не пойдут...

И это после трёхдневных утомительных, подчас виртуозных переговоров с таможенниками, декларантами, местными чинушами и бизнесменами разного пошиба! Ведь нашёл и взятку кому дать, и того, кто её передал, и кто заново декларации составил, и на финскую границу документы отвёз! Обидно тогда стало Батько. До слёз обидно. А ещё Боря тогда затихарился, пропал из офиса, срочно ему куда-то понадобилось. Вот и ответил Сергей тогда:

— А я считаю, Олег Вениаминович, что небесная канцелярия на этаж повыше будет.

Через полчаса машины пересекли границу, а Сергею велели написать заявление... По собственному...

6

Иномарка с номерами десятого региона скоро колесила по пыльной проселочной дороге. Мачтовые сосны с раскидистыми ёршиками ветвей взмывали в нахмуренное октябрьское небо, образуя нескончаемый частоккол вокруг трассы, будто древнейшая северная земля, насторожившись, пыталась скрыть свои многовековые тайны от случайных гостей. Тысячи лет этот край хранит память о предках саамов, вепсов, карелов, живших там и промышлявших в дремучей тайге, о пришлых псковичах, новгородцах, сам Никон до церковного раскола игуменствовал в здешнем монастыре, Марфа-посадница владела местной деревней. Заповедное Водлозерье — в стороне от шумных больших городов, нынче только и осталось от четырёх десятков поселений одно село Куганаволок — и это на несколько сотен жителей.

— Что-то не то... Разворачивайся, едем обратно, — рядом с водителем на «штурманском» месте сидел крепкого сложения парень.

— Ёпрст! Скажи точно: назад или всё же вперед! — водитель за баранкой «Фольксваген-Пассат» нервно заёрзал в кресле.

— Теперь точно, Игорёк! Видишь — дорога проселочная сужается, дальше — болота. Я вспомнил эту дорогу — мы не там свернули.

— Вспомнил он! — ворчал шуплый парень на водительском месте. — Что я вам, железный? Уже не одну сотню вёрст отмахал за баранкой!

— Хочешь, я поведу или вон? — крепыш кивнул на заднее сиденье, где дремал, насколько, конечно, можно дремать на карельских ухабах, их приятель. — Серёга сядет за баранку.

— Ла-адно, сам поведу, — недовольно протянул водитель. — Как же... Посади вас за руль! — Он включил передачу и резко развернулся.

Пассажиры сзади зашевелились. Тряхнув тяжёлой, будто с похмелья головой, он высунулся в проём между передними сиденьями. Глаза его помутнели со сна, длинноватые волосы сбились

вправо, левую щеку расплосовали красные отлежанные бороздки.

— Где мы? — сдавливая зевоту, спросила косматая голова.

— Почти на месте, — бодрячком ответил Вадик, парень со «штурманского» места, — Водлозерский парк. Скоро Куганаволок.

— Давно бы приехали, если бы не этот Сусанин! — с досадой добавил Игорь, включая третью скорость. — По этим ухабам не скоро доедем.

— Что поделать? Давно я не был в этих местах. Лет семь уже, как бабку не навещал. Вот и уехали в никуда! — подпрыгивая на очередной кочке, примирительно сообщил «штурман».

— Как это — «в никуда»? — наморщив лоб, пыталась понять голова. — Ты, Вадик, толком объясни.

Сергей вцепился в передние кресла руками, чтобы не удариться о крышу автомобиля.

— Дорога эта так называется — «В никуда», прозвали её так местные. Здесь, Серёга, строили что-то или хотели построить. Вели дорогу, потом строительство забросили, а дорога осталась. Тихе ты, Игорёк, — обратился он к водителю, держась за ушибленную макушку, — а то подвеску всю оставим здесь, в деревне на твоего «немца» запчастей не найдёшь.

— К ночи надо успеть. Увезешь еще опять «в никуда» нас. Где ночью дорогу искать будем? Да и холодина уже по ночам, — огрызнулся тот.

— Ты природой наслаждайся, Игорёк! Чувешь, какой воздух? — Он приоткрыл окно и шумно вдохнул прохладного, напоённого ароматами едва подмерзших прелых листьев и хвоей грибного воздуха. — А-а-а! — выдохнул он. — Хорошо! У вас в Казахстане, поди, такого нет? — вопрос был адресован Сергею.

— Такой тайги нет, — уклончиво, без долгих объяснений ответил он.

Дорога вильнула в сторону болот. Вадик развернулся к Сергею, многозначительно поднял бровь:

— А такое есть?

В километре от дороги на торчащем из болотины сухостое сидела огромная птица. Не успел Сергей ответить, как машина, сбавив ход, остановилась у придорожных кустов с редкими зелёно-багряными, будто забрызганными подсохшей кровью листьями рябины, еще не успевши-

ми полностью опасть. Осторожно прикрыв за собой дверь машины, пригнув спину, Игорь метнулся к багажнику, достал кожаный чехол, начал лихорадочно расстёгивать его.

— Бесплезно, Игорёк, — прокомментировал его действия Вадик, — он нашу машину давно приметил. Только сунешься в болота — улетит.

— Думаешь? — глаза Игоря азартно блестели. — Я галсами пойду!

— Это тебе не гуси у нас под Олонцом — глухарь! Мошник! — усмехнулся Вадик. — Пойдём весной в самый ток — там и набъём. Поехали, Игорёк, а то и впрямь допоздна не управимся. Завтра с самого ранья судака рыбачить будем — надо выспаться.

— Серёга, дык, тебя точно уволили? — Игорь разочарованно бросил зачехлённое ружьё на сиденье рядом с Сергеем, сел на своё водительское место.

— Точнее не бывает, — Сергей нахмурился, вспомнив неприятный разговор с бывшим патроном.

Его напрягали эти расспросы — и так тошно. Да и приятелям его не понять, как оно — без гражданства и работы одному оказаться. Хорошо ещё жильё есть и с хозяйкой квартиры повезло — приветливая. Может, в долг пустит жить, пока с работой туго.

Их машина уже снова катила по просёлку.

— Не переживай, Олег, он такой — крут на поворотах, у нас тоже работы хватает. Пойдешь к нам?

— Пойду, если позовёте.

— Вот чудак-человек, говорим же: работы хватает. Тем более что заниматься лесом будешь, как и в фирме Олега. — Игорь лихо выкручивал баранку автомобиля, объезжая ухабы.

— Так я и не против. Я только — за! — Сергей, заломив руки за голову, откинулся на заднее сиденье. Игорь бросил короткий взгляд на зеркало заднего вида в салоне авто. На лице у Сергея мелькнула счастливая улыбка. В который раз Фортуна берёт его под своё крыло. Интересная штука — жизнь! Ещё полгода назад он жил в Казахстане. Думал ли тогда, что судьба занесёт его в эти северные края, сведёт с замечательными людьми? Вот и вчера нежданно-негаданно пригласили его новые друзья на рыбалку в этот удивительный заповедный край — Водлозерье! Прав, конечно, Вадик: в Казахстане таких мест

не найти, так и здесь степей нет! А кумыс, айран, казы... Всякое место хорошо по-своему, но надо быть честным — Карелия очаровала Сергея с первого взгляда, ещё когда за товаром сюда ездил из Казахстана.

Он глянул в окно. Кругом ели, сосны-гиганты, между ними — тоненькие стволы робких осин и берёз с остатками пожелтевшей листвы. Налетел сильный ветер, властной рукой своей вычесал пожелтевшую листву с придорожной берёзки, подкинул вверх, закрутил осенний хоровод, бросил под колёса автомобиля и дальше — на камни и бурелом.

А места здесь дремучие, до Карелии не доводилось Сергею в тайге бывать.

— Слушай, Вадик, а волки здесь есть? — Сергей не знал, для чего задал такой вопрос.

Глядя на непролазные места вокруг, ответ был очевиден. Может, для поддержания разговора? Или чтобы лишний раз подчеркнуть своё казахстанское экзотическое происхождение?..

— Шутишь?! — откликнулся Вадик. Он даже на мгновение вывернул шею назад взглянуть на Сергея, чтобы убедиться, не шутят ли с ним. — Каждую зиму в чьём-нибудь дворе от собаки одна цепь и остаётся! Вообще, бабка на ночь свою собаку в дом пускает.

— А деревня эта, — Сергей запнулся перед непривычным для него словом, — Ку-га-на-волок, — выговорил с трудом, — давно стоит?

— Лет пятьсот — не меньше!

— Фить-фу! — присвистнул Сергей.

— Здесь раньше были земли Обонежской пятины — новгородские, значит, вплоть до Пудожа эта пятина была, — Вадик оживился, чувствуя в Сергее благодарного слушателя, — много тоней рыболовных было. Оно и сейчас рыбы хватает, вопреки рыбхозьяствам. А бабка моя так до сих пор по-новгородски трёкает. Даже я не всегда понимаю её. Помню, маленький был, меня с сестрой на лето привезли сюда в деревню, а бабка и говорит моей матери: «Гопа гляне, что я одна с ребятами...»

— Слушай, гопа, куда ехать? — перебил его Игорь, останавливая машину у перекрёстка.

— Налеву, — и, перехватив брошенный в свою сторону сомневающийся взгляд, Вадик четко повторил: — Точно — налево!

— Гляди у меня, штурман, — буркнул Игорь, в шутку погрозив кулаком.

— Слушай, Серёга, всё спросить тебя хотел: чего тебе в Казахстане не сиделось? — Игорь снова глянул в зеркало в салоне.

— А то и не сиделось — надоело всё, — Сергей откинулся на сиденье, давая понять, что не хочет говорить об этом. Что толку? Пока на своей шкуре не почувствуешь — не поймёшь, говорить не о чем!

В ранних сумерках, спустившихся на Судачий полуостров, растворились купола храма Диодора Юрьевского чудотворца. Над остроконечной башенкой Петропавловской часовни с маленькой луковкой и православным крестом, догорающим в скупых закатных лучах холодным серебряным светом, в вышине приземистого тёмно-синего неба, подёрнутого чуть розоватой кисеей перьевых облаков, плыл птичий клин. Сергей сидел на просмоленном киле перевёрнутой вверх дном кижанки, всматривался в узкую полосу горизонта, сдавленного сверху сизой с тёмно-фиолетовым отливом полосой. Шурша, накатывали на каменистый берег волны Водлозера. У кромки воды, уже прихваченной вечерними заморозками, на жердях со старой оглобли сохла плетённая ячеей простыня невода. Рядом — оставленная кем-то, уже основательно проржавевшая ось телеги. Иногда, укорачивая железный век, её облизывала холодная волна, будто в отместку жердям, чьи сети тащат из глубин озера золотистую рыбу — клыкастого судака с царственной короной — костистым плавником на спине.

— Серёга, в баню-то идёшь? — раздался сзади голос Вадика. Серега обернулся. Тот стоял на пороге маленькой баньки на берегу. В облаке пара, идущего от его разгоряченного тренированного тела с испачканными сажей плечами, Вадик казался ещё больше. Вверху что-то произошло. Отвлёкшись, Сергей пропустил тот момент, когда солнце, уходящее за горизонт, прорвав последним своим лучом тёмно-сизую полосу, коснулось безупречно выстроенного клина, осветило его розоватой позолотой. Вспыхнул розовым крест на куполе Петропавловской. Закурлыкал вожак, и подхватил его песню лебединый клин. В фиолетовом октябрьском небе, за горизонт, стрелой летела стая, а сверху неслась над землёй прощальная

песнь. Не в силах оторваться, мужчины смотрели вслед покидающим насиженные места царь-птицам.

— Прощаются с родиной. Поздно что-то на юга летят — до ноября рукой подать. Вон уже белые мухи полетели... Всё, теперь до весны, — нарушил тишину Вадик. — Скоро совсем снегом засыплет, — задумался он, глядя на подкрашенный малиновым цветом горизонт. — Пошли и мы, а то я продрог совсем!

— Вот и мне, наверное, придётся уехать к родителям на Украину. А ведь я думал, что Карелия станет моей второй родиной! — с какой-то тихой грустью сказал Батько.

От этих случайно оброненных слов стало ему тошно и больно, будто ком в горло вбили. В темноте Вадик не видел блеснувшие невольной слезой глаза.

— Сказано же: возьмём к себе. Будешь у нас коммерческим директором, — Вадик дружески коснулся его плеча. — Пошли в парилку. Как тебе банька по-чёрному?

Сергей пожал плечами:

— Так себе.

— Ещё один заходик, и пойдём есть судачка по-карельски в молоке. Пробовал когда-нибудь? А ещё моя бабка рыбник с налимом спекла! Горячий — только из печи! Э-э-х!

7

О том, что его выселяют из съёмной однокомнатной квартиры, Сергей узнал сразу по возвращении с рыбалки из Куганаволока. Ивановна, соседка по лестничной площадке, вопреки его ожиданиям, ключ от квартиры не отдала.

— Там тебя Клавдия дожидается, — неприветливо бросила она в приоткрытую дверь, сверкнув из полумрака прихожей окулярами очков.

В квартире его встретила хозяйка — женщина в годах, с отпечатком усталости на лице и потухшим взглядом. Прошли в кухню. Скинув пальто, она присела к столу, Сергей, как был, в испачканной на рыбалке куртке, так и остался стоять в дверном проёме. «Опять денег будет просить. Надо потянуть с оплатой. Какое сегодня число?» — пытался припомнить он.

— Не думала, Сергей, что вы так надолго квартиру без присмотра оставите, — её голос непривычно с первых слов дрожал нервными нотка-

ми, на кухонном столике натруженные, загрубевшие руки суетливо поправляли выцветшую клеенку со следами давних порезов. Обычно доброжелательная, теперь она была напряжена и явно старалась себя сдерживать.

— Ивановна говорит, уже неделю как не видела вас, — сказала она, упершись взглядом в пол.

Оставив в покое клеенку, решительно сплела изрубленные морщинами огрубевшие пальцы, строго посмотрела на Сергея, затем сложила руки у себя на коленях — тёмные с бронзовым налётом загара и толстыми синими венами под калькой глянцевої кожи. Именно такими помнил Сергей руки своей мамы.

— Так я и оставил ей ключи! — начал защищаться Сергей.

Он сразу уловил, что его «долгое» отсутствие было всего лишь предлогом для чего-то другого, о чём Клавдия Николаевна, хозяйка квартиры, скажет чуть позже, и, похоже, квартплата здесь ни при чём.

— Она обещала мне и за квартирой присмотреть, и за цветами ухаживать. И потом, я предупредил вас, что по роду своей деятельности часто бываю в командировках, — с обидой в голосе возразил он, сунув руки в карманы куртки защитного цвета.

— Да я и не против, — вздохнув, обронила Клавдия Николаевна. Голос её смягчился, и сама она будто вся обмякла, привалившись на стол. Она рассеянно, виновато взглянула на Сергея, а потом уставилась в вытертый узор линолеума. Помолчали.

Не поднимая глаз, Клавдия Николаевна призналась, почему-то чуть покраснев и опустив глаза:

— Дочка у меня из Москвы приехала с внучатами. Уже неделю как гостит. Чего-то у них там с зятем не заладилось. У нас с мужем хоть и двухкомнатная, а на всех места маловато. Решили, что дочь с детьми пока здесь поживёт...

— Поня-ятно, — протянул Батько и устало опустил на стул рядом с хозяйкой.

И вправду: беда одна не приходит. Ещё неделю назад у него была работа, теперь вот еще из квартиры выселяют. Разом забылась радость поездки. Дав кредитом краткосрочную передышку, на него опять навалилась судьба-злодейка — платить по счетам за право в своей беспечности быть счастливым ещё никто не отменял. Казалось,

минуту назад он был полон сил, строил новые планы, а теперь...

Вот так всегда с хозяевами квартир — сначала выискивают что-то, придираются к мелочам, раздувают до размеров слона ничего не значащие пустяки, высасывают из пальца проблему, а потом бац! — и будьте любезны — освободите занимаемую жилплощадь. Хорошо если истинную причину укажут, а то могут и просто за порог выставить без каких-либо объяснений. Уж он навиделся всякого. Не одну съемную квартиру сменил, не первый город...

— Когда съезжать-то? — обреченно спросил Сергей. Из опыта он знал: спорить и доказывать своё бесполезно — договор о найме квартиры был устным, но выцыганить ещё недельку к сроку платежа попробовать стоило. Сергей мысленно собирал аргументы в свою пользу. «Какое сегодня число?» — Сергей взглянул на отрывной календарь на стене — високосный 2000-й год на дворе. На нём значились давно ушедшие солнечные майские деньки, напомнившие о вселении в квартиру.

— Сегодня вечером надо освободить... — убила ответом хозяйка, словно обухом по голове.

— Как сегодня?! — ошарашенный Сергей вскочил со стула. — По договору оплата двадцать пятого каждого месяца! Сегодня только девятнадцатое.

Хозяйка была готова к такому повороту и выложила на стол пять примятых в кармане новых сторублёвок.

— Долго вы по своим командировкам мотаетесь — вот времени и не осталось, — тон её изменился, она говорила запальчиво и нервно, будто нарочно накручивала себя, опасаясь, что может поддаться доводам, — вещи можете пока у нас подержать. Что же мы, не понимаем, что ли? Будете уходить — стукните соседке, она закроет.

Скоро накинув на плечи не по погоде лёгкий драп заношенного пальто, она стала торопливо просовывать узловатыми пальцами непослушные пуговицы, большие и выпуклые, не в тон пальто, они не желали пролезать в маленькие петли. Когда хозяйка справилась — пуговицы тарасили новенькие блестящие глазки, словно удивляясь занятому не своему месту. Клавдия Николаевна прикрыла за собой входную дверь. После её ухода в квартире стало тихо, напряжение повисло в воздухе, будто сте-

ны сами изгоняли его. А ведь за три месяца, что прожил здесь, Сергей уже начал мысленно называть это место домом... Угрюмой и чужой стала мебель — хромой на одну ножку обеденный стол, старинный сервант, выкрашенный когда-то давно пожелтевшей уже, местами облупившейся белой краской. За грязноватым стеклом — пыльные стопки надтреснутых тарелок и фарфоровых кружек с потемневшими от времени сколами, на стене — три шкафчика с полагающейся кухонной утварью... В углу вздрогнула, забухтела старая «Бирюза» и вывела Сергея из охватившего его ступора. Отсутствующим взглядом он обвёл кухню, задержался на затарахтевшем холодильнике, потом выше — на настенных часах. Под пыльной крышей с маленьким окошком, за которым отродясь не было кукушки, резные стрелки, вздрогнув на мгновение, выложили на циферблате без четверти семь.

Мозг отказывался соображать, что теперь делать, куда ему идти, тем более что идти ему было все равно некуда. Машина с его друзьями сейчас колесила, наверно, по трассе в сторону Питкяранты. В Петрозаводск Сергей переехал из Казахстана меньше полугода назад и ещё не успел обзавестись приятелями, настолько близкими, когда можно было без стеснения попроситься на ночлег. По-прежнему пребывая в каком-то тумане, он запихал в карман оставленные хозяйкой в качестве компенсации коричневатые бумажки. На автопилоте вытащил из кладовой огромную спортивную сумку, долго и бесцельно смотрел на сложенную в нее стопку одежды, перебирал в голове, что ему взять. Побросал в рюкзак кое-какое барахло, затем вытряхнул. Снова перебрал. Остальное задвинул обратно в кладовку. Оглушенный новостью, он делал это на автомате — выполнял простые механические движения: щётка, зубная паста — в рюкзак; рубашка, футболка — в рюкзак; дневник, книга — в рюкзак... Идти было некуда, поговорить не с кем. Одно ясно — надо уходить.

На улице в одночасье нагрянула зима, к концу дня город основательно присыпало снежком и слегка подморозило, а вечером всё стало подтаивать. Под ногами с легким, приятным уху хрустом колосся тонкий, чуть размякший ледок тём-

ных луж. На непокрытую голову опускались редкие снежинки, таяли и влажным холодком шекотали лицо, словно непогода догоняла их с самого Куганаволока, принеся в еще не остывший от октябрьского солнца город первые симптомы зимнего озноба. В вечернем свете уличных фонарей серебрился тонкой наледью тротуар, кутаясь от зябкого гиперборейского ветра, спешили прохожие, опасливо ступая по скользким островкам. Сумрачный город оживал редкими однотипными витринами круглосуточных магазинчиков, светом фар проносившихся мимо машин, шумом колёс по разбитым дорогам. В здании бывшего кинотеатра «Искра», а нынче — в увеселительном заведении с предостерегающей вывеской «Flash», словно служившей предупреждением, что «из искры может возгореться пламя», грохотала музыка. На крыльце, ёжась, призывно отстукивая на морозце каблучками, выставя напоказ ножки в мини, озорно смеялись девицы, игриво выпуская изо рта тоненькие струйки дыма вперемешку с паром. Из приоткрытой двери плыла «Flash In The Night» — их любимая с Аней песня «Secret Service».

Сергея с головой накрыли эмоции. Он не сразу обнаружил на осеннем морозце две жгучие бороздки на щеках — не сразу поверил, что с ним может случиться такое. Да и не было этого с ним раньше, разве что в детстве, и то от обиды. Он вспомнил, как заливался горячими слезами от бессилия что-либо сделать, когда в садике мальчишки из старшей группы рвали у него на глазах отобранную любимую открытку с изображением крейсера «Аврора». Так то было в садике. Даже смешно стало от этих воспоминаний. Сейчас-то чего?! Руки, ноги целы, и голова на месте. Да и черт с ней, с этой квартирой, конторой, тем более что друзья-коллеги по лесному бизнесу обещали его пристроить по профилю. Будет работа — найдётся и жильё. Украдкой, чтобы никто из прохожих не заподозрил его в секундной слабости, он смахнул невольные слёзы. «Думать нужно, где работу искать, — выругал он себя, — а не нюни распускать!» Он вспомнил о новых друзьях. Где они его найдут? Где теперь их искать? В Питкяранте? На бывшей съёмной квартире? Знать бы, где он теперь остановится, — так передал бы для них через Ивановну записку с адресом. Звонить тоже было некуда. «Наша машина — офис. Проверим делянки и через пару дней вернёмся за

тобой», — сказали ему на прощание ребята. Из его нынешних знакомых мобильный мог себе позволить только Олег Вениаминович — связь не из дешёвых удовольствий. В общем, полная... как говорится, фрустрация. Сергей вычитал это слово в одном из словарей по психологии. Оно нравилось ему своей научной беспристрастностью, даже отстраненностью. Оно не кричит и не ругается, а всего лишь нарочито спокойно, культурно констатирует факт. Однако за этой напускной интеллигентностью безошибочно читается, что вы находитесь в глубокой...

Ноги сами шагали по подмёрзшему асфальту, навстречу чужим, восковым от холодного света фонарей лицам. Внутри пусто. Словно ни души вокруг, будто, как раньше, оказался на другом конце земли, на другой параллели — в далёкой неприветливой казахской степи, посреди заснеженной стыни. Из темноты улицы вдруг вынырнул знакомый силуэт. Высокий, атлетическое сложение, уверенная и чуть пританцовывающая походка... Сергей даже от неожиданности оторопело остановился. Сердце бешено ухало: откуда он здесь?! Вот еще совсем чуть-чуть, буквально десять шагов... Семь, шесть, пять... Сейчас он ступит в ореол уличного фонаря, и... Нет, вроде не он. Почудилось?.. Хотя очень похож. Сергей ещё некоторое время с ускользающей надеждой всматривался в лицо приближающегося человека. И впрямь, откуда ему здесь взяться?! Женька, лучший друг... Иногда хоть волком вой, хоть в чуждеса верь — до жути нужно увидеть родное лицо. Но нет. Сергей разочарованно выдохнул. Он вспомнил их последнюю встречу тёплым майским вечером...

— Похоже, Серёга, мы больше никогда не увидимся, — сказал Женька непривычно серьёзно и печально.

— Да нет! Не может этого быть! Не на разные же планеты разъезжаемся, — попытался отмахнуться кореш.

— Ты вон в Россию едешь, а я через месяц — в Германию, — возразил Женька с грустью в голосе.

— Эка дело! Всё равно 9 Мая будем праздновать вместе, только в разных странах, — Сергей хихикнул, легонько хлопнул по плечу своего старинного друга.

Женька выдавил подобие улыбки.

— Ты не понимаешь. Мы разведемся и забудем

друг друга. Я ведь не знаю, куда тебе писать, я даже своего адреса пока не могу тебе оставить! — обречённо развёл он руками.

— Ну, во-первых, у тебя есть номер украинского телефона моих родителей. Как определишься у себя на дойчланде с адресом — позвонишь. Во-вторых, я, наверное, сам к тебе на ПМЖ скоро приеду. Примешь? — пытался шутить Сергей, стараясь казаться беззаботным и встряхнуть друга.

— Конечно, приму, — с энтузиазмом кивнул Женька, улыбнувшись, а глаза его на мгновение зажглись теми глянцевыми проспектами, которые обещали сытую и спокойную жизнь в надраенном до блеска старинном европейском городке на исторической родине. — Ты правда так решил?

— Пойми, Жека, я еду со своей бывшей родины Казахстана, ставшей мне мачехой, на нашу, тоже бывшую, но общую для всех республик родину — Россию, которая меня забыла здесь, оставила на произвол судьбы, то есть — кинула. Где гарантии, что и там я буду чувствовать себя дома? Сечёшь, о чём я говорю — родина Казахстан у нас у обоих бывшая, и только ты из нас двоих едешь на родину новую. Улавливаешь разницу? В Германию тебя приглашают, а меня там никто не ждет. Сам еду, по зову сердца, и услышат его там, этот зов, примут ли — вот вопрос!

— Да ну тебя, — Женька недовольно сморщился, — вечно ты со своей философией...

«До отправления поезда номер ... «Караганда — Москва» остается ... минут! — донесли обрывки фраз из динамиков. — Повторяю: до отправления поезда ... Москва ... пять минут!» — силился перекричать динамик шум перрона, как от восточного базара.

— Кажись, твой, — снова погрузился Женька.

Они пожали друг другу руки, крепко, по-мужски обнялись. Сергей с лёгкостью закинул на плечо объёмную спортивную сумку — память о сборной по плаванию, в которую когда-то входил, — заскочил на подножку вагона. Поезд тронулся. Над неугомонными кочевниками-горлопанами, суетливо снующими с баулами и тележками по перрону, возвышалась неподвижная, высокая, статная фигура его друга: светлые волосы, голубые глаза, широкие плечи. «Точно, блин, ариец! Как я этого раньше не замечал? Так раньше никто и не делил себя на казахов и русских, немцев и

евреев...» — сам мысленно ответил на свой вопрос Сергей и на прощание махнул рукой.

Белые мухи садились на куртку Сергея. В плечо кто-то резко толкнул.

— Чего встал? Не обойти. Тротуар слишком широкий?!

Словно нарочно, не желая менять траекторию движения, прохожий задел его своим плечом и остановился. В свете фонарей Сергей хорошо разглядел серые злые глаза, тяжелый взгляд исподлобья, в нос резко ударило полынно-горькое водочное дыхание. Где он видел эти глаза?.. Прохожий выжидающе уставился на Сергея.

— Извините, — тот не хотел связываться, не то было у него настроение, другая стояла задача, хотя внезапно нахлынувшей злости теперь хватило бы на четверых. Он почувствовал её сразу, как только те серые глаза взглядом одним пихнули его остро, больно. Его наполнило злобой доверху, она была готова, вспыхнув, политься через край, слепая, сжирающая всё вокруг ненависть. Будто случайный прохожий запустил своим плечом какую-то программу, взвёл пружину. Не расплескать бы эту злость по пустякам. Злость свою беречь надо — пускать в нужное русло. Это Сергей давно усвоил. Тратить начнёшь почём зря, в ещё большую беду угодить можешь. Для начала надо устроиться, а потом, попадись ему эти глаза ещё раз, можно будет и поучить уму-разуму.

Эту часть Петрозаводска, куда его занесло, он знал неплохо. Улица Чапаева должна вывести его сначала к автовокзалу, затем — под железнодорожный мост, потом направо — к вокзалу железнодорожному. «С моим казахским паспортом только на вокзал — к ментам поближе, — мысленно усмехнулся Сергей. — Что же делать? Мне бы хоть ночь эту где-нибудь перекантоваться. Позвонить Олегу Вениаминовичу? У него в офисе места навалом. Охраны никакой. Может, на ночь охранять пустит?.. Надо было хоть чаю попить, пока в квартире был». Словно в поддержку этой идее из темноты материализовалась телефонная будка. Ветер усилился. Ещё неделю назад в городе не было и намёка на зиму, а сейчас стёкла будки запорошило колючим хрустким снежком. Внутри было промозгло. Снаружи гудел пронизывающий северный ветер. Сергей

снял трубку, послушал, есть ли гудок, достал карточку, долго вертел её в руках, словно колеблясь. Затем решительно вставил в щель аппарата и набрал номер. Пошёл длинный сигнал...

— Алё, Олег Вениаминович?

— Да, слушаю, — трубка отозвалась подвыпившим с хрипотцой голосом.

— Олег Вениаминович, это Сергей Батко... Тут такое дело, — он замылся, вдруг понял, что звонит напрасно, но делать было нечего, к тому же лучше получить отказ и отместить этот вариант навсегда, чем жалеть о том, чего не предпринял, — нельзя ли мне на эту ночь у вас в офисе остановиться, поохранять, а завтра утром...

— Нет! — рывкнула трубка.

— Вот же гад! — сквозь зубы вырвалось у Серёги, и, не дожидаясь стопа гудков, он бросил её на рычаг.

А, собственно, почему гад? Расстались они не лучшим образом. Охраны в офисе нет. Кто его знает, что у него, у Серёги, на уме? А как начал разговор: «Нельзя ли мне на эту ночь...» Тьфу! Конечно, нельзя! Правильно, что уволил! Кто так ведёт переговоры?!

Из будки на пронизывающие северные ветра выходить не хотелось. Сергей положил карточку в карман, подышал в озябшие ладони. Вот же блин — и перчатки в квартире оставил! Он прислонился спиной к телефонному аппарату и прикрыл глаза. Надо было обдумать, что делать дальше. В кармане у него, кроме тех пяти сотен, что вернула хозяйка, лежало ещё ровно столько же. Могло быть и больше, не согласись он на поездку с ребятами в карельскую глубинку. Выпивка, бензин, то да сё... Но главное, между дел, ему ведь тогда посулили через пару дней дать в единоличное управление делянку. И он, доверившись, наступил на очередные грабли! Откуда такая наивность?! Ведь уже тридцать годков не за горами, уже не в первый раз огребают. Смешно было поверить едва знакомым людям. Башкой надо было думать: какой резон им пускать чужака в свой бизнес, с какой стати? Да, пригласили его на рыбалку — всяко дешевле дорога обойдется и какая-никакая компания. Ищи их теперь свищи — ни телефона, ни адреса.

«Рассчитывать на помощь других, даже самых близких тебе людей, нужно с оглядкой, — в который раз Сергей пытался уверить себя. — Люди тогда идут к тебе на помощь, когда ты

сам со всем справляешься. Людям нравится помогать удачливым, успешным, приобщаться к успеху других и, таким образом, самим быть на высоте, по крайней мере, в собственных глазах. А тебя выгнали с работы, что-то успехом здесь не пахнет», — отчитывал он себя. Сергей пошелестел в кармане бумажками. Этих денег, если не есть или обходиться самой малостью, например бич-пакетами, хватит максимум на три недели в общаге. За это время ему надо будет решить вопрос с работой.

Ветер усилился и с воем цеплялся за верхушки деревьев. Дверь телефонной будки похлопывала, подпуская внутрь холодного воздуха. Сергей снова попытался согреть ладони. Поднял глаза, вглядываясь в освещенное фонарное застеколье. От края до края, будто повторяя линию жизни на его ладони, по стеклу шла толстая изломанная трещина. «Жизнь дала трещину, — пронеслось у него в голове. — Это мы ещё посмотрим, у кого и что там дало!» — зло буркнул он себе под нос и открыл настежь дверь.

8

Когда Сергей приближался к зданию железнодорожного вокзала, ветер поутих. Злость помогла ему взбодриться, и он вспомнил о семейном общежитии для сотрудников железной дороги здесь неподалёку. «Пойду попробую, — решил он, — не идти же на вокзал в комнату матери и ребёнка». На предпоследнем, четвёртом этаже общаги располагались отдельные номера для командированных, о чём сообщалось неровными буквами на листе бумаги, прищипленном к двери над прорезанным в филёнке окошком дежурной по этажу.

— У нас только для командированных! — Дежурная по этажу — «этажерка», как дразнили их ребята в спортивном лагере, — выглядела строгой и неприступной.

— И много командированных нынче к вам занесло? — включая обаяние, Сергей широко осклабился. Манёвр не удался. Перед ним по-прежнему сидела «этажерка», а не симпатичная женщина сорока-сорока пяти лет. Правда, вряд ли ее можно было назвать красивой, да и не привлекали Сергея женщины старше его.

«Этажерка», сунув в рот дольку шоколада,

шумно отхлебнула из гранёного стакана дымящегося чаю. Надо было срочно менять тактику. Сергей заглянул в окошечко и пошарил глазами по маленькому столу, уставленному упаковками печенья и шоколада — видимо, подношениями постояльцев. В сторонке, на груде бумаг и папок, он заметил грязноватую картонную табличку, на которой значилось: «Вас обслуживает...»

— Лидия Николаевна, — с надеждой выпалил Сергей.

— Если вы к Лидии Николаевне, то она будет завтра, — даже не подняв глаз на посетителя, лениво отбрила «не Лидия Николаевна».

— Если откровенно, ваша Лидия Николаевна мне ни к чему, — не сдавался Сергей. — В таких деликатных вопросах она, между нами говоря, не понимает ничего, — он наклонился к окошку, понизил голос до доверительного. — А если серьёзно, то, кроме вас, мне обратиться совершенно не к кому.

Он сунул в окошечко бирюзовый паспорт гражданина Казахстана.

— Сами понимаете, на вокзале — милиция... Мне бы всего до утра... Потом... Я не командированный — квитанции не нужны... А как вас зовут?

— Зовут меня Любовь Петровна, — женщина наконец-то отодвинула стакан и с любопытством раскрыла паспорт. — Ничего себе, откуда к нам занесло! А где живёте-то?

— Где, где — в Караганде! — обычно это действовало на жителей не Караганды одинаково. Вот и на этот раз Любовь Петровна весело рассмеялась. Сергей ликовал: есть контакт!

— Вообще-то, у нас не положено. Только с разрешения руководства, — она испытующе посмотрела на Сергея, кажется, даже с симпатией. — Ну да ладно, разве что на ночь.

Из-под вороха бумаг женщина достала стопку бумажек на скрепке. Заглянула в паспорт, перевела взгляд на бланк квитанции, а потом и на Сергея. В глазах читался вопрос.

— Не надо этой писанины! — махнул рукой Сергей. — Говорю же: я не командированный.

— С вас тридцать пять рублей, — Любовь Петровна улыбнулась новому постояльцу, словно это был старый знакомый. — Я вам адресок чиркану одного местечка, там и дешевле, и бумаг от начальства не надо. Тут у нас переночуете, а завтра утречком туда пойдёте. У нас действительно с

этим очень строго. За разрешением надо идти в железнодорожное училище, потом волокита...

Любовь Петровна написала адрес и протянула бумажку Сергею вместе с ключом.

Комната встретила традиционным для советских общежитий аскетизмом, привычным Батько ещё со времен спортивных сборов: две сетчатые кровати, в углу — шкаф. Свежевыкрашенная оконная рама распространяла повсюду едкий запах растворителя, бензола, керосина и ещё бог весть чего, что могло входить в состав отечественной краски. Сергей приоткрыл форточку, впусив морозный ночной воздух, сдернул со второй кровати одеяло, аккуратно повесил вещи на спинку стула и нырнул в скрипучие объятия кровати под два одеяла. «Утром попою чаю. Сейчас главное — выспаться, завтра будет ещё тот денёк», — промелькнуло в отяжелевшей голове. И он провалился в сон.

9

Железнодорожный вокзал с восьмигранной башенкой, увенчанной шпилем и звездочкой в венке на конце иглы, остался позади. Сергей шёл вниз по проспекту Ленина по направлению к набережной Онежского озера. В Алма-Ате все было просто: за спиной ледовые шапки гор — идёшь «вниз», перед тобой высится хребет Тянь-Шаня — значит, направляешься «вверх». А петрозаводчане по непонятной для Сергея причине свой город в системе координат «верх-низ» не рассматривали. Для него же было очевидно: в Петрозаводске «верхом» являлся микрорайон Древлянка — он врезался девятиэтажками в массив леса, вынося границу города на относительную возвышенность, «низом» — Онего. Чего проще? Поэтому, когда он утром, перед уходом из общаги, спросил у Любви Петровны, правильно ли он её понял, что ему надо идти вниз, она недоумевающе посмотрела на него.

— Надо идти к набережной, к Онего, — сказала она и на всякий случай даже нарисовала на листке нужную ему часть городской уличной сетки с путеводными стрелками, указывающими, куда именно надо свернуть. На этом нехитром плане стрелка вела к обведённому карандашом прямоугольнику, обозначающему дом по адресу Куйбышева, 17.

— Вчера звонила девочкам насчет мест. Гово-

рят, места пока есть, но скоро заезд будет. Спортсмены какие-то приезжают. Лучше всего проехать на троллейбусе, идти далековато, — Любовь Петровна после ночной смены выглядела свежо, чего нельзя было сказать про Сергея. Голова, трещавшая от отечественной краски, напряжённо гудела трансформаторной будкой.

Свежесть морозного утра быстро прочистила затуманенную голову. Снега за ночь не прибавилось, а вчерашний успел потерять свою прежнюю белизну, ноздреватый и рыхлый с въевшимся крапом грязи, он лежал на пожухлой траве вдоль серого тротуара.

Денег было негусто, ноги давно привыкли к физическим нагрузкам, поэтому, не раздумывая, Сергей влился в серую массу спешащих пешеходов. Всё ускоряя шаг, он обгонял одного прохожего за другим. Утренняя улица гомонила сигналами клаксонов, шумом шин, шарканьем ног, людскими голосами. Мимо, урча электродвигателем, набирая ход, проплыл усач-троллейбус. Сергей даже не увидел, скорее болезненно ощутил свою непохожесть на окружающих его людей. Его внешность, одежда, манера говорить, двигаться — всё выдавало в нём чужака, «басурманина». Он даже вспомнил, как царапает его слух местное «пиисять», вместо привычного слова «пятьдесят». Отчего-то Сергей вообразил, что попал в старый монохромный фильм и что его роль — главная, представил себя со стороны — ему показалось, что он единственное цветное пятно оранжевого цвета, бесцельно мечущееся среди медленно бредущей массы людей цвета сепии, мимо этих угрюмых фигур, как доказательство его апельсиново-оранжевой чужеродности. Вдруг в голове что-то щелкнуло, звуки исчезли, словно кто-то резко выключил тумблер, он выпал из кадра. Ему показалось, что с кадра киноплёнки кто-то властной рукой вышвырнул его в темный, пустой зрительный зал, будто он может лишь наблюдать за этой жизнью со стороны. От осознания несопричастности миру людей, спешащих по своим делам, стало страшно. Медленно, как в замедленной съемке, в полной тишине двигались пешеходы, машины. Для Сергея всё перестало существовать. Его оглушил вопрос: зачем он здесь? Действительно, зачем?.. И с какой целью приехал сюда, в этот город, к этим людям? Чего

ищет? Никто тут в нем не нуждался, никто не ждал. Как нелепо оказаться одному посреди чужого города в окружении тусклых незнакомых лиц! И вовсе они не такие, эти люди, что живут здесь, какими он когда-то себе вообразил. Да что он мог понять за те семь дней, которые провел в Карелии прошлым летом?!

Сергей прокручивал в памяти кадры годичной давности: вот кружевной поток говорливого водопада Кивач, кижские маковки, как свечечки, в небо тянутся, вот улыбающиеся хорошенькие девчонки-студентки в скверике возле университета, приветливые, доброжелательные лица петрозаводчан. В том году чахлый «татарин» — КАМАЗ, нанятый им для перевозки рыбы, нуждался в ремонте. Пока в Петрозаводске перегружали тюки с замороженной рыбой на хранение и ремонтировали сам рефрижератор, у Сергея появилось время на непредвиденный, так сказать форс-мажорный, отдых. Тогда в ресторане «Северный» он познакомился с Олегом Вениаминовичем. Фирмач в белом дорогом костюме сначала показывал ему живописные уголки в окрестностях Петрозаводска, потом три дня отдыхали на его турбазе, а затем и на работу к себе позвал... Где теперь всё это?.. Сергей, словно в полусне, огляделся вокруг: прохожие, троллейбусы, дома... Невидимый оператор, будто в старом немом кино, медленно вращал ручку кинопроектора: всё есть — город, люди, только его там нет — он вне кадра. Его не видно, потому что его, Сергея Батько, нет в сценарии жизни этого города.

Стало трудно дышать, как говорится, нахлынуло. Он задыхался от злости и досады на себя, вляпавшегося в историю, на бывшего директора (а когда это начальство было хорошим?), что не пустил его переночевать. Злился и на Борю Шалаева, подставившего его с декларациями, на этих безликих людей, путающихся под ногами, на город с его унылой серостью, колючими ветрами и промозглостью. Наверно, из этого плена ему теперь никогда не выбраться. Отправить телеграмму родителям на Украину, мол, вышлите денег? Нет, Сергей не хотел казаться слабым. Сам заварил кашу с переездом сюда — вот теперь и расхлёбывай! Хватит самокопаний. Ещё будет время. Всё! Баста! Кажется, он сказал это в голос. Люди на улице оборачивались, смотрели на него.

Батько с усилием встряхнулся, напрягся, в голове немного прояснилось. Хватит! Итак, Петрозаводск, проспект Ленина, кафе «Кивач» — он снова был в «кадре». Голодный желудок затребовал завтрак.

— Кстати, о каше! — Сергей поднялся на крыльцо.

Посетителей было немного. Прихватив с барной стойки увесистую папку с меню, Сергей направился к столику возле самого входа. Дальше изучения меню дело не пошло. И хотя было немного стыдно перед хихикающими девчонками за соседним столиком, он всё же, отодвинув громоздкий фолиант с такими же «тяжелыми» ценами, выскользнул из зала, стараясь не привлекать к себе внимания. В этот день даже завтрак в «Киваче» был ему непозволительной роскошью — экономия превыше всего.

10

Дом номер семнадцать по улице Куйбышева оказался обыкновенным жилым домом. Сергей, уже готовый обрушиться на «этажерку» из общаги проклятья, не сразу заметил с торца дома ферму — конструкцию из железных прутьев. За решетчатой дверью лестница уходила вниз к следующей, уже капитальной двери, ведущей внутрь в цокольное помещение. Вывеска на двери гласила: «Спортивная база СДЮШОР». Знакомая аббревиатура показала Сергею знаком свыше. Как-никак удостоверение мастера спорта у него имеется! На входе, в углу, за полукруглой стойкой, освещенной едким электрическим светом настольной лампы, восседала неспортивного вида бабка. На коленях она держала маленькую собачку с нагловатой мордой в бородавках и глазами навывкате. Лопухие уши на обтянутом кожей черепе, подрагивая, чутко ловили звуки, долетавшие до цокольного этажа. Ни дать ни взять — Моська из басни. Может, от переполняющей её гордости и значимости, а может, от сырости в помещении, коричневое тельце моськи мелко дрожало. При появлении Сергея она вскинула тонкие лапки на стойку. Тельце затряслось ещё сильнее, выбивая темными коготками морзянку по отполированному годами и людьми дереву. В помещении стоял полумрак. Сергей подошёл ближе к сидя-

шей за стойкой женщине. Свет настольной лампы не то чтобы бил в глаза, но мешал разглядеть хозяйку. Раздался простуженный голос с нотками недовольства:

— Быстрее, дверь закрывать надо. На улице холодно.

Из темноты в ореол света от настольной лампы вынырнула женская фигура. Худое, вытянутое лицо в родинках с большими рачьими глазами вопросительно уставилось на гостя. «Правду говорят: хозяин выбирает собаку себе под стать», — подумал Сергей, но вслух сказал:

— Мне бы место одно... Сколько стоит проживание?

— Проживание стоит двадцать рублей, а место я могу дать только на двое суток. — Синеватые губы со следами красной помады поджались, превратившись в веревочку.

— Согласен, — в нетерпении выпалил Сергей. Стоимость гостиничного номера поражала своей гуманностью. Он отдал бы и больше, лишь бы прекратить на сегодня мытарства и дать отдохнуть ногам, но главное сейчас — это горячий чай. Бабка поставила собачку на стойку.

— Маленькой холодно? Постой немного здесь, Эльзочка, маме надо работать, — с собакой она обходилась необычайно нежно. Не спеша бабка достала из небольшого сейфа, стоящего тут же в углу, стопку квитанций и, пока «мама» бесконечно долго водила шариковой ручкой по листку бумаги, Эльзочка репетировала цирковой номер — на холодной поверхности стойки отрабатывала коготками то ли чечетку, то ли чарльстон. В другой ситуации эта картина заставила бы Сергея расхохотаться, но теперь он лишь вяло улыбнулся. Наконец в обмен на его кровных два червонца, тут же запертых в сейф, он получил вождельный листок. Квиток этот протянули ему очень бледные узловатые пальцы с остатками изрядно облупившегося кроваво-красного лака на острых грязноватых ногтях. Затем лицо вновь ушло в тень, подальше от теплого света лампы, а худые вампирские пальцы, вцепившись в дрожащее тельце Эльзочки, утащили собачонку за стойку.

— Чего только с голодухи не привидится, — хмыкнул себе под нос Батько.

— Комната номер четыре. В комнате электроприборами не пользоваться. Ключ всегда оста-

ётся у меня. Занимайте любую свободную кровать, — раздался инструктаж из полумрака.

На пороге комнаты Сергей замер и даже чуть присвистнул. Обстановка её во многом объясняла мизерность цены. На пятнадцати квадратных метрах или около того умещались шесть двухъярусных кроватей, четыре стула, в центре стоял большой обеденный стол. В зарешеченном под самым потолком окне виднелись голые прутья кустов и асфальтированная дорожка, по которой прогуливались чьи-то лишённые туловища ноги. Сергей занял последний свободный нижний «плацкорт». Сходил дальше по коридору в туалет, набрал из умывальника воды. Долгие частые скитания по сборам и командировкам приучили Сергея быть самостоятельным, дисциплинированным и всегда иметь при себе кипятильник вопреки воплям «этажерок». В пластмассовом стакане с плотно прилегающей к краям крышкой он заварил китайскую лапшу — «бич-пакет», в стеклянном гранёном — чай. Нет ничего лучше обжигающей горячей еды после холода улицы в тепле обретенного жилища! Сергей откинулся на кровать и, закрыв глаза, блаженно потянулся.

— Молодой человек! Молодой человек! — кто-то настойчиво тряс Сергея за плечо.

Он с усилием открыл глаза. Где он?! Прямо над головой тяжело выгибается провислая железная сеть. В чешуйчатых ячейках торчит посеревший от времени полосатый матрац с жёлтыми разводами сомнительного происхождения. Пытаясь стряхнуть с себя остатки сна, Сергей приподнялся на локоть и вздрогнул сначала от неожиданности, потом от испуга — над ним нависло лицо «этажерки». Вытаращенные глаза, казалось, буравили его насквозь. На рыхлом носу и левой щеке красовались две огромные бородавки с кустами растительности. Не каждый день вот так воочию увидишь страхи из своего детства, локоть сам собой соскользнул, и Сергей уронил голову на подушку — кровать жалобно скрипнула.

— Молодой человек! Я говорила, электроприборами не пользоваться, а у вас — вот, — бабка указала на изрезанный и поцарапанный предыдущими постояльцами стол с лежащим на нём кипятильником.

— Да-да, сейчас уберу, — скороговоркой пробубнил Сергей, портить отношения с дежурной гостиницы в первый же день ему было ни к чему.

Победно вскинув сухонькую головку на тонкой длинной шее, она индюшкой с птичьего двора выплыла из номера. Сергей глянул на наручные часы — было без четверти семь. Чёрный прямоугольник окна определённо не мог подсказать время суток. С улицы доносились неясные звуки, а ещё чавканье колёс проезжающих машин. Он тряхнул тяжёлой, словно набитой влажной ватой головой, потёр виски.

В коридоре послышался гомон, шаги. В дверь вошли двое в кожаных куртках с меховыми воротниками. Судя по их запорошенной снегом одежде, в город действительно наведалься зима и холода простоят долго. Парни, казалось, не видели Сергея или не хотели замечать, они вели себя как хозяева. Сняв намокшую одежду и стряхнув подтаявший снег, ребята вытащили из-под своих кроватей большие сумки и стали выкладывать на стол банки с консервами. Только теперь Сергей заметил притуленную в самый угол полированную машину шкафа совдеповского образца. Железная спинка кровати упиралась в фасад шкафа и загоразивала его добрую половину, поэтому для удобства дверцы были сняты и вещи висели на виду, как есть, на тремпелях.

Соседи никакого интереса к Сергею не проявляли, пришлось брать инициативу в свои руки — он представился. Даже предложил услуги своего кипятильника — надо было как-то налаживать с соседями отношения. В ответ ребята сухо поздоровались, а на кипятильник даже не взглянули. Сергей не стал настаивать: кто этих карелов поймёт?! Вечно молчаливые, сами себе на уме. Он уже успел познакомиться с карельским колоритом, но пока было сложно определиться, как вести себя в той или иной ситуации, когда общаешься с местными. Вот и сейчас он в полном, как говорится, игноре! Про себя Батько решил благоразумно молчать и наблюдать за соседями, а там видно будет.

Тем временем на полу появилась маленькая электрическая плитка, изрядно закопченная алюминиевая кастрюлька на пару литров с чёрнущими от гари боками. На газетке, растеленной рядышком, лежали приготовленная морковь, несколько картофелин, лук,

сало, чеснок. Молчаливые соседи работали слаженной командой, в которой каждый знал своё место и обязанности. Казалось, они понимают друг друга без слов. Скоро в кастрюле забулькала вода, выталкивая со дна на поверхность нарезанные овощи — поварам к осмотру. Непричастный к этому действию, вконец оголодавший Сергей со стороны замороженно наблюдал, как, приняв жертву из щепотки риса и макарон, вода, затихнув, через пару минут вновь требовала угощения. В ход пошёл пакет с приправами из суп-набора. В этот момент было во всём этом какое-то волшебство — в ловких движениях ребят, в булькающей симфонии кастрюли, в ароматах готовящейся еды. Желтый свет сиротливой лампочки Ильича вместо ramпы освещал импровизированные театральные «подмостки» с электроплиткой, отчего в убогой комнатухе воцарилось даже некое подобие домашнего уюта.

«Сейчас точно бабка придёт. Не отбило же у неё обоняние?.. Даром у неё моська на коленях — таможня. Как ребята выкрутятся? У меня вон — кипятильник, а тут настоящая кухня. Предупредить бы...» — подумал Сергей, но, памятуя хмурую молчаливость соседей, вслух не сказал.

Его позвали к столу. Что ж, на такой случай у него, как говорится, было...

Ещё утром Сергей, пожертвовав частью своего выеденного молью бюджета, купил поллитру «Онежской», её и выставил на стол. Соседи заинтересовались, взглядом смирив бутылку, потом Сергея, переглянулись между собой, мол, это мы удачно его пригласили, и наскоро закончили нехитрую сервировку. Сергей понял: бутылка эта как нельзя лучше подходила под определение из словаря Даля — апрапо.

— Что за раствор?

— Чистая водка! — заверил Сергей, он не разобрал, кто именно из ребят спросил, но юмор оценил.

— Сейчас палёнки много. Не отравиться бы. — Оказывается, никто и не думал шутить.

— Слушайте, а бабка ничего не скажет? — Сергей наконец задал так беспокоивший его вопрос.

— Тёща, что ли? Нет. Мы изредка снабжаем её конфетами. Здесь так: кто шоколадку при-

носит, кто конфеты, — ответил один из парней, деловито проверяя содержимое кастрюльки.

Он был сухошав, с вытянутым апатичным лицом и потухшими глазами, будто ему всё равно. Звали его Кирилл. Сергей сразу просёк, что он легче идёт на контакт. Его товарищ — Тимофей, среднего роста крепыш — казался угрюмым. Нижняя губа его была чуть вывернута наружу, отчего лицо его выглядело насупленным.

— Оброк, значит. А почему «тёща»?

Кирилл неопределенно пожал плечами, пожевал вялыми губами:

— Ну... Все так называют. Нам её прозвище по наследству передалось — от предыдущих жильцов.

— Не женат? — вдруг спросил долго отмалчивавшийся Тимофей. Даже Кирилл немного удивился, вскинув брови.

Сергей отрицательно покачал головой.

— Потому и Тёща, — как-то невпопад резюмировал Тимофей.

— У нас всем клички дают, — Кирилл медленно, будто нехотя снимал капроновые крышки со стеклянных банок с разной степенью наполнения. Над столом поплыл заманчивый аромат рыбных консервов. Домашние! Это тебе не бич-пакеты с резким островатым призывным запахом, бьющим в нос. Здесь совсем другая музыка! Сначала тёплым бризом немного водорослей, чуть кислинки полунамёком о помидорном лете, и вот вступают оттенки приправ — тут уж кто на что учился: лук, чеснок, мускатный цвет, гвоздика, лавровый лист, петрушка, базилик, чабер, фенхель, перец душистый, розмарин, Melissa, бедренец-камнеломка, карри...

Сергей понимал толк в еде — в их семье кулинария, как настоящее искусство, была в почете. Почувствовав рыбный аромат, он завопил носом: кажется, сижок? Камбала!

— И тебе кличку дадут тоже! — без тени сомнения, словно о неизбежном, сказал Кирилл.

Батько не любил клички и всех знакомых принципиально звал только по имени, но прежде времени устоявшимся правилам возражать не стал.

Тем временем Кирилл развернул на столе бумажный сверток с пятнами от жирных разводов — там царственно возлежали крупные, сочные куски балыка благородного желтова-

то-оранжевого оттенка, а рядом — приплюснутый шматок палтуса холодного копчения.

— У нас даже Критик есть, — продолжал Кирилл, нарезаая ломтики рыбы.

— Критик? — Сергей с любопытством посмотрел на собеседника.

— Да так... — заметив его взгляд, отмахнулся Кирилл. — Есть тут один... Из Пяльмы. Весь как ёж морской. Пишет чего-то. Кажется, Валентином зовут? — он вопросительно глянул на Тимофея — тот согласно кивнул.

Говорить об этом Валентине явно никто не хотел, и Сергей свои расспросы решил оставить на потом.

Выпили за знакомство. Выяснилось, что ребята работают на железной дороге помощниками машиниста, а приехали сюда из Беломорска на повышение квалификации. Кирилл говорил за двоих, иногда сверяясь взглядом с Тимофеем — тот кивал в ответ.

— А почему сюда вселились, ваша ведомственная общага куда цивилизнее будет. Я только оттуда, места там есть, — участливо сообщил Сергей. Он хоть ненадолго, хоть на время застолья хотел сблизиться с ребятами и даже доверительно рассказал, что его отец тоже работал машинистом на Карагандинском металлургическом комбинате. После таких откровений он был негласно принят ребятами если не в ряды железнодорожников, то почти что за своего.

— А что нам? — у нас командировочные: меньше потратим — больше увезём домой. Мы налички по полгода не видим, — невесело ответил Тимофей и налил всем еще по стопке.

— На следующий год нас обещали направить учиться на машинистов, — Кирилл глянул на товарища — тот согласно кивнул, — сюда хотим перебраться, в Петрозаводск.

— Чего здесь делать? — удивился Сергей, который уже понял, как здесь обстоят дела с работой.

— Как чего? Работать! — по мере убывания «раствора» в бутылке Тимофей чаще включался в беседу. — У нас давно с рабочими местами проблема. Пенсионеры, как клещи, на своих местах — не сковырнёшь их ничем, не вытравишь, — они довольно заржали своей шутке.

— Нет, правда, — говорил Кирилл, после ста граммов он стал чуточку заикаться, иногда проговаривать по нескольку раз одно и то же

слово, будто вспоминая утерянную нить разговора: — Работы... Работы мало или вовсе нет. Строительства жилья, жилья не ведётся вовсе. Не знаю, как здесь, но у нас, в Беломорске, одна часть молодых ждёт, когда уйдут пенсионеры, чтобы занять их рабочие места. Вторая... Вторая — когда вымрут старики, чтобы занять их квартиры. Остальные сами мрут от палёнки, — они снова заготовали.

После каждой выпитой стопки всё реже и реже Кирилл поглядывал за одобрением на своего товарища, пьяная смелость придавала ему уверенности в своих словах и ощущение внутренней свободы.

— Здесь, конечно, тоже не сахар, — снова включился в разговор Тимофей. — Про черных риелторов слышал, что народ спаивают или таблетками травят? Но у нас вообще жесть. Без их «помощи» город одичает — нюхачи да алкаши одни останутся, — он лихо намахнул из гранёного стакана.

Под водочку в ход пошли рыбные консервы.

— Попробуй, это тебе не фуфел из магазина. Дома-ашня! Сами ловим, сами консервируем, — в широко раскрытый рот он опустил двумя пальцами янтарный кусочек рыбы. Смакуя, пожевал. Сергей тоже насадил на вилку ароматный ломтик.

— Вот ты чем занимаешься?

Сергей от такого вопроса поперхнулся рыбой и кашлянул:

— В смысле, чем занимаюсь?

С некоторых пор это была его нелюбимая тема разговора. Выкладывать всю подноготную не хотелось, он надеялся выкрутиться, уйти от прямого ответа.

— Ну, где работаешь? — На него с любопытством уставились две пары глаз.

Вообще, Сергей Батько дал себе как-то зарок не врать. Он, конечно, не святоша, мало ли что может приключиться в жизни!.. Не везде дорога камнем вымощена. Не всегда напрямки по пересеченной местности ходить надо: где обойти болотце вынужден, где за кустом отсидеться придётся. Не так, конечно, как сделал это Боря Шалаев, но напролом не всегда идти можно — это понимать надо, иной раз и в сторонку отойти не мешает — отдышаться да оглядеться. Но и увлекаться враньём — всё равно что одежду с себя снимать в тёмной комнате:

рано или поздно кто-то включит свет на всеобщее обозрение. Именно про такое враньё он думал — когда щёки дуешь, напускаешь на себя важности, одним словом пальцы гнёшь. Впряжёшься в воз невыполнимых дел, наобещаешь с три короба, примеришь кафтан купеческий с чужого плеча... Стыдно смотреть в глаза людям потом. Случилась с ним пара таких историй — вспоминать тошно. А ещё страшнее в себя заглянуть. Что увидишь там? Кого встретишь? В темноте на ощупь идти всегда боязно до первого выключателя... В общем, понял Сергей, что быть самим собой гораздо труднее, особенно когда на людях. Но для себя решил: будь что будет, а арабесками украшать себя не станет.

— Лесом занимаюсь, занимался, — поправился он. — Сейчас работу ищу, — он опустил глаза.

Разлили по новой.

— Вот и тост родился! За твою будущую работу! Чокнулись, выпили до доньшка.

— А по профессии — тоже с лесом? — закусывая, поинтересовался Тимофей.

— По профессии, мужики, всё гораздо сложнее... Я бойскаут, — ребята недоуменно переглянулись и снова уставились на Сергея.

— Как это? — Кирилл даже взбодрился, вместо привычного оцепенения в его глазах промелькнул неподдельный интерес.

— Я учусь выживать... — только и успел ответить Сергей, как в дверь громко, настойчиво постучали.

Ребята от неожиданности умолкли. Тимофей замер с набитым ртом, так и не успев пережевать очередную порцию балыка, — настороженно выкатив глаза, он вопросительно уставился на дверь.

— Тёща? — шепнул Сергей и предусмотрительно сунул ополовиненную бутылку под стол.

Из-за двери донесся приглушенный девичий смех и возня.

— Мальчики, можно у вас плитку в аренду взять? — раздался кокетливый голосок, а потом ещё неразборчивый шепот.

— А, это девчонки из Апатит, тоже командировочные. Вчера вселились, — Кирилл глянул на Тимофея, тот, проглотив кусок, зазывно махнул рукой, будто приглашая гостей к столу.

— Войдите! — с какой-то особой торжественностью в голосе крикнул Кирилл.

Чуть позже пришел и Критик. Мрачный, не-людимый, почему-то Сергей сразу понял, что это был он. Сквозь короткую стрижку жидких волос светился белой кожей череп, из-под щётки бровей на окружающих с недоверием битого людьми зверя смотрели тёмные глаза. Он молча прошёл в свой угол, лёг в кровать, лишь один раз грубовато с нотками раздражения и даже злости обратился к царившему за столом веселью:

– Тише можно?! Здесь люди спят.

Девчонки пригласили ребят к себе в комнату, на этом инцидент был завершён.

11

Утром, пребывая в тупом оцепенении, Сергей ещё долго лежал в кровати, изучая строгий сетчатый узор пружин над головой. Все его соседи давно разошлись по своим делам. Он с завистью думал, что у каждого из них было дело! После вчерашней вечеринки у него немного болела голова, а на душе скребли кошки. Сергей не знал, что ему делать дальше, и эта безнадёга ворочалась болью в груди. Можно было купить водки, но он знал – это пустая трата времени и денег. Лучше от выпитого не станет. Никогда не становилось от этого лучше. Он снова подумал о родителях, которые, конечно, его примут и помогут. Ему так захотелось опять испытать это чувство защищённости, уверенности и тепла, как тогда на курорте в казахском Манкенте...

Маленький Серёжа сидел у мамы на коленях, обнимая её за шею. Он еще не понял, что произошло, но рядом с мамой было спокойно и легко, будто весь мир вокруг него замыкали теплые мамыны руки. Мама – молодец, ей не было страшно – она сильная, лишь иногда украдкой, чтобы никто не видел, смахивала слезу, когда роняла взгляд на окровавленный бинт на его маленькой ножке. Он помнил всё: как обвалилась под ним земля и он ухнул в поток водопада, как, цепляясь за ветки ивы, до крови ссадил руки. Почти сразу он услышал тревожный голос мамы: «Серёжа! – звала она его. – Серёженька, ты где?» – ему было смерть как обидно, что не может откликнуться – вода заливалась ему в рот, и он только кашлял в от-

вет на спасительный призыв. Маленький, он из последних сил держался ручками за торчащий из воды железный прут. Его крутило бурлявым потоком, било обо что-то, накрывало волной, пытаясь отобрать у него, четырёхлетнего, его такую большую жизнь, а он боролся, отплёвывался от настырной упругости воды, хватал воздух ртом. Как же ему было обидно, что за хрипом и кашлем он больше не в силах выкрикнуть одно-единственное спасительное: «Мама!» Конечно же, она спасла его. Но потом они были уже вместе на волосок от смерти. Её затягивало илистое дно, но притихшего на руках, вцепившегося в неё сына она так никому не отдала, уже не смогла оторвать от себя. Их смогли вместе вытащить подоспевшие на помощь мужчины. Потом выяснилось, что год назад здесь затянуло под воду кого-то из отдыхающих и на это место опустили бетонную плиту, за её арматуру и держался Серёжа...

Больше всего сейчас ему хотелось того теплого маминоного покрова, как в детстве, когда, что бы ни случилось, все неприятности таяли, стоило только маме протянуть к нему руки.

Когда ему порядком надоело вглядываться в ромбы металла и в кем-то обмоченный матрац на постели сверху, он стал смотреть в зарешёченное окно под потолком. На улице уже рассвело, и было видно, как по тротуару за окном вышагивают обутые в тёплое чьи-то ноги. Они тоже куда-то спешили, шагали по своему делу. Обладателей ног не было видно, они жили сами по себе, так он решил, и Сергей стал угадывать, к какому именно туловищу – женскому или мужскому – они могут принадлежать. Это оказалось не таким простым занятием – хорошо, если они были в элегантных сапожках на высоком каблуке, но многие ноги любили носить унисекс. Иногда ноги вели за собой малышкой – ещё совсем маленькие ножки и тела, укутанные до макушки в теплую одежду. Малышки видели всё, потому что находились ближе к земле и были намного любопытнее взрослых ног. Одна малышка в ярком берете и клетчатой куртке заметила его подземное убежище и даже его самого. Он видел, как девочка остановилась и улыбнулась ему, но торопливые взрослые ноги, дёрнув её за руку, потащили дальше.

«Может, написать об этом историю, – вдрут

подумал Сергей, и эта мысль чуточку согрела его, — об этих ногах, о туловищах, которые они потеряли и теперь слепо ищут их повсюду? А ещё о тупых головах на этих туловищах, — скептически хмыкнул он, — которые обвиняют потом автора в плагиате или в лучшем случае в филистерстве. Тоже мне Гоголь нашёлся! — он снова уставился на ненавистный матрац. — А почему, собственно, не написать! Как будто, кроме «носов» и «ног», больше не о чем писать?!» Повинуясь сиюминутному импульсу, он подскочил к столу, достал свой дневник, набросал пару идей. Прежние переживания исчезли, ему стало легко и свободно, казалось, его душа, обретя, наконец, свободу, вырвалась из плена его тела, из этого подземелья, где Сергей оказался, вдохнула свежего воздуха, готовясь излить всё, о чем так долго переживала, кого любила, чего ждала. Сергей, наслаждаясь давно забытым полётом, размял замлелые пальцы. Осторожно, будто боясь сломать грифель, взял карандаш. Долго размышлял над названием, с чего начнёт, и наконец коснулся тонким жалом карандаша белой шероховатой поверхности страницы...

В обеденное время в приподнятом настроении он выскочил на улицу прогуляться до ближайшей «Союзпечати», чтобы купить газету «Всё» — толстый «фолиант» с объявлениями. В голове его зрел план.

Как только он переехал в Петрозаводск, Сергей Батько был сражён тремя вещами: первое и самое приятное — менты здесь в основном были славянской наружности, а не исключительно казахи, как в Казахстане. Второе — печальное: менты везде одинаковые. Третье — полезное: оказывается, здесь ходила по ларькам газета-близнец алма-атинскому аналогу «Каравана». Даже шрифт заглавия был схож.

С газетой в руках он пролетел мимо очередной сменной бабульки-сторожа, не забыв на ходу приветливо поздороваться.

— Проживание будете продлевать? — крикнула она ему вдогонку.

— С удовольствием! А как же спортсмены?

— Мало их будет — места есть.

— Давайте я сразу за недельку заплачу!

«Кажется, попёрло! — подумал он, расставаясь с тающими наличными. — Теперь осталось найти работу».

Уже через пять минут Сергей с фанатизмом и жадной деятельностью насидевшегося без работы человека вчитывался в каждый заголовочек, каждое объявление... Слесари, водители лесовозов, менеджеры по уборке территории(!), мерчендайзеры (чего только не придумают!), охранники, переводчики с финского, большой спрос был на танцовщиц и «девушек от 18 лет для эскорт-услуг». После двухчасового штудирования спроса на рынке труда он пришёл к выводу: город П. с насюка, пожалуй, не взял бы даже легендарный анархист и до известной степени авантюрист Нестор Иванович Махно. А он, Сергей, всё же попробует! Стараясь мысленно настроить себя на позитивный лад, он выделил простым карандашом подходящие, по его мнению, объявления и стал аккуратно выписывать их в блокнот, особенно четко, с нажимом выводя адреса и телефоны. Объявления, где требуются охранники, оставил на самый крайний случай.

— Валентин! — Оторвавшись от газеты, Батько поднял глаза.

Увлёкшись, Сергей и не заметил, как вошёл Критик. Он пожал руку, сухую, крепкую, с будто дублёной шероховатой кожей. «Рыбацкая рука!» — подумал он и поймал себя на мысли, что испытывает особое уважение к новому знакомому. В последнее время ему часто приходилось жать такие руки. В офисе таких рук не встретишь. Вот и беломорские ребята тоже в море ходят. Сергей научился чувствовать этих людей, что-то было в них особенное, в манере говорить, двигаться... Пока он ещё не решил, что же именно, как это можно выразить словами, но всегда мог распознать исходящую от них особую уверенность, отличную от городских жителей философию жизни, словно видят её изнаночную сторону. С достоинством несли это знание, будто сами верили: сделаны они из другого теста.

— Работу ищешь? — Критик с иронией скользнул взглядом по исписанным страничкам открытого блокнота.

Сергей перехватил взгляд его цепких глаз, отчего-то ему стало неприятно, будто не в блокноте, а в голове у него пошарились. Прикрыв записи, он ничего не ответил.

— А меня без прописки никуда не берут. Не успел прописаться у себя в дом, всё как-то времени не было, откладывал на потом...

Сергей прикусил губу — а ведь Критик прав! Словно ушат ледяной воды плеснул! Как он мог забыть о прописке?! Кто его возьмёт без прописки, да ещё с паспортом гражданина другой страны?

Ошарашенный Сергей, помолчав, словно в пустоту спросил то ли Критика, то ли самого себя:

— Домой поедешь?

— Пока не решил, — откликнулся Критик. — Есть тут у меня одна «наколка» с пропиской. Попробовать надо...

Удивительно, но Критик, как говорили ребята, действительно оставлял о себе впечатление морского ежа. Его насмешливость, появлявшаяся в голосе, высокомерность, скрытая в уголках рта, взгляд, даже улыбка — всё кололо. Но за этим Сергей всё же сумел разглядеть человека неуверенного, боязливого. К тому же из-за больших, почти во всю радужку зрачков казалось, что в душе Критика навсегда поселился страх. Был он какой-то весь неудобный, угловатый, неудобный, ненадёжный, рядом с такими людьми чувствуешь себя тревожно — будто у занятой тобой ракушки стоит рак-отшельник: и пригласить внутрь нельзя такого гостя, и самому не уйти по делу — займёт твоё место.

— Газета свежая?

Батько кивнул, он уже догадался, к чему клонит его сосед.

— Она мне ещё нужна будет, — для чего-то сказал он, но протянул уже просмотренные листы.

Сунув в карман записную книжку, Сергей отправился на поиски телефона-автомата договариваться с работодателями о собеседовании. Прикрывая за собой дверь комнаты, он глянул на Критика — тот с головой погрузился в тексты объявлений. Сергей отчего-то вернулся и на всякий случай, если что-то потребуется, прихватил рюкзак со всеми своими пожитками.

12

Составленный после телефонных звонков список встреч Сергей освоил за три дня. Пока толку никакого. Если не считать только того, что отсутствие результата уже само по се-

бе результат. Хватаясь за любую соломинку, Сергей заливался соловьём на собеседованиях, но всё его красноречие в итоге обрывалось примерно следующим: «К сожалению, для привлечения иностранной рабочей силы нам необходимо разрешение от Министерства труда», потом ему сообщали о больших налогах за использование этой самой иностранной силы. По мере уменьшения списка надежда таяла, энтузиазм куда-то испарился, безнадега заглывала его, парализуя желание хоть что-то делать. Уже на последнем собеседовании из списка у хозяина, судя по всему, выходца с Кавказа, Сергей не выдержал и вскипел:

— Хорошо заливать! У вас же на карах одни азеры разъезжают! Скажете, на них тоже есть «разрешение»? — он кивнул в сторону окна.

Там, на бетонированном пяточке, между только что выгруженными паллетами с коробками товара крутились три кара. Подцепив клыками поддон паллеты, они катили к амбару, похожему на гигантскую железную теплицу или капонир, и на время исчезали в его покрытой ржой, ненасытной утробе. Сергей случайно слышал хорошо знакомую характерную гортанную речь, когда проходил мимо бытовки рабочих, расположившихся на перекур. Зря, конечно, он так погорячился. Но уж больно обидно ему стало за себя — что, он хуже тех земляков этого директора, что ли? Лысина директора зарделась «тревожной» электрической лампочкой. С лица цвета золотистого изюма сползла восточная слащавость. Тёмным пламенем вспыхнули угольки глаз и, потухнув, оставили на лице свинцовую тяжесть с нервно пульсирующей жилой на лбу. Сергея под рёв разгневанного босса «торжественно» выпихнул охранник через запасную дверь прямо в пустынный дворик с оборудованной урной для курения. «Кажись, влип. Почему не через парадный вход?» — Сергей заподозрил недоброе.

— Чё ты сказал ему, братан? Я давно не видел его таким, — улыбнулся гнилым ртом под сломанным носом качок в форме. Спросил он это негромко, чтобы никто из случайных свидетелей не мог слышать его.

— Сказал, чтобы в туалет ходил чаще, а то его дерьмо начало в характер перерастать, — зло огрызнулся Батько.

— Гы-гы-гы! — ослабил качок. — При-

кольно! Надо запомнить. Шеф сказал поучить тебя немножко, — он легонько стукнул ногтями костяшками кулака о свою ладонь, — но я тебя не трону. Я этого урюка на дух не перевариваю! Но ты сюда больше ни ногой! — он ушёл как ни в чём не бывало, лишь за дверью раздавалось его довольное ржание.

Сергей тяжело вздохнул. Глянув на исчерканный лист блокнота с адресами и телефонами, вычеркнул последний адрес, перевернул страницу, где значились охранные конторы, снова вздохнул. Делать было нечего, и, сориентировавшись на месте, он зашагал по ближайшему адресу.

Организация оказалась солидной — с парком машин во внутреннем дворике, на боку некоторых сотрудников, одетых в фирменную форму, пристёгнута кобура. Над входной дверью значилась вывеска «Северная триада». Сергей подивился легализованному русско-китайскому преступному альянсу, но всё же вошел. Он давно привык к странностям в названиях фирм, чьи создатели, видимо, не совсем разбираются в значении слов. Что поделать, если знание родного языка не всегда идёт в ногу с предпринимательской жилкой, а занятие коммерческой деятельностью на постсоветском пространстве не предполагает образованности... В коридорах конторы царил рабочая суета: бегали рослые парни в форме, деловито спешили сотрудники офиса в белых рубашках и костюмах. Сергей наугад открыл первую дверь. Там в едкой духоте от пластиковых панелей стучали по клавиатуре компьютеров молоденькие девочки. Кто-то, оторвавшись от работы, скороговоркой отправил его «прямо — по коридору — вторая дверь — налево», снова пригвоздив свой взгляд к неживому окну монитора.

В коридоре он столкнулся со старым знакомцем — Игорем. Вот уж с кем не ожидал встретиться!

— Привет!

Игорь был ошарашен встречей. На его вытянутом от изумления лице угадывалась борьба, как будто он лихорадочно подбирал нужные слова, а к ним и соответствующую маску, не зная, как себя вести с Сергеем. И хотя длилось это пару мгновений, Сергей успел догадаться, что этой встрече его товарищ не рад. И затеп-

лившаяся было в глубине души надежда остыла, распаяя обиду, а за ней и злость.

— Слушай, замотались мы совсем с этими делянками, — начал Игорь каким-то извиняющимся тоном. — Только сегодня из Питкяранты смог выбраться. А Вадон так и сидит там до сих пор. Я думал к тебе сейчас заехать, а ты — вон где! — Он прикрылся деланной безукоризненной улыбкой.

Вообще, Игорь с самой первой их встречи в офисе у Олега Вениаминовича, куда он приехал с коммерческим предложением, вызывал к себе симпатию. Он мог расположить к себе: был приветлив, запросто мог поддержать разговор в компании, часто улыбался, беззаботно, широко, открыто. Потом они ещё встречались несколько раз и даже кутили у Сергея на съёмной квартире по поводу заключения сделки с его конторой. Сергеем тогда Игорь показался надёжным, поэтому искренне поверил в предложение работать с ним и с Вадиком, его компаньоном по бизнесу. И всё-таки Сергей ошибался.

Долгими часами обмозговывая ситуацию, в которую попал, когда остался совсем один в чужом городе, Батько мысленно готовился к тому, что рано или поздно он встретит старых приятелей. Сейчас он моментально сориентировался, спокойным голосом, но без дружеского тепла, как случайному прохожему, ответил:

— Я выехал из квартиры.

Игорь открыл было рот, чтобы прокомментировать эту новость, но тут где-то за спиной у Сергея обиженно гаркнули:

— Игорёха, долго тебя ждать?! Чего мобилу не берёшь?!

Сергей обернулся — в конце коридора стоял Вадик. Он тоже узнал Сергея.

— О! А вот и Вадик подъехал, — едко усмехнулся он.

— Привет, Серёга, — Вадик подошёл, поздоровались. Обменялись ничего не значащими фразами типа: «Как дела?» — «Нормально». Неловкость повисла в воздухе. Для всех эта встреча была нежеланной, но по старой памяти приходилось разговаривать.

Изображая занятость, Игорь достал из кармана брюк новенький телефон «Нокиа-310», миниатюрный, престижный, не то что огромные «Моторолы». Такую штучку Сергей видел только у Олега Вениаминовича.

— Связь плохая! — Игорь глянул в чёрно-белый монитор. — Глушат они её здесь, что ли? — он посмотрел на Сергея, мол, соврал немного — есть у меня телефон — ну и что? Его глаза ехидно заблестели.

— А ты что здесь, работу ищешь? — пойманный на вранье, Игорь, нагло глядя на Сергея снизу вверх, высокомерно выдал: — Ехал бы ты домой к ма... — он осёкся, не успев договорить, к кому именно советует ехать. Вадик предостерегающе пихнул его в бок под рёбра кулаком.

В душе у Серёги всё кипело.

— А ты, я погляжу, опередил меня. Нашёл? — с издёвкой, задрвав подбородок, спросил он. — Бывай, мелюзга — мне не до вас!

С трудом придушив в себе злобу, чтобы не тратить силы на перепалки, Сергей пошел по коридору, прислушиваясь к офисному галдежу за спиной, надеясь, что его бывшие друзья-приятели крикнут вслед какую-нибудь гадость. Как он хотел услышать от них что-нибудь нехорошее в свой адрес! В последние дни бешеный гнев частенько разрывал его, энергия требовала выплеска, но он сдерживал себя. Уж теперь он не упустит момента! Страсть, как чешутся кулаки! Уж он отыграется вволю за все свои несчастья! Хотя, если уж по существу, эти карельские парни-то как раз и ни при чём вовсе. Но в Батько всё клокотало: «Всё равно побью! Будет у меня гадёныш ходить чемпионом NHL — с выбитыми зубами! Работу ищешь? Ехал бы ты домой к... К кому?» До Сергея вдруг дошёл смысл недоговоренного, обидного, за что не прощают. У нужной для него «второй двери налево» он резко обернулся, собираясь было догнать обидчика. Но Игоря и Вадика в коридоре уже не было...

Когда Батько вернулся в гостиницу, сумерки вынудили его щелкнуть включателем лампочки. Тусклый свет осветил комнатушку. Хотелось посидеть спокойно за столом и подумать. Поглядывая на Критика, Сергей наблюдал, как взгляд Валентина, проспавшего пару часов на нижней койке, набираясь осознанности, рвал пути сна. Наконец тот свесил ноги с кровати, повёл плечами, распрямился, широко зевнул, глядя на торчащий из рваного носка большой палец левой ноги.

— Выпьешь? — негромко спросил Сергей. Критик сверился с чёрным прямоугольным окном:

— Сколько на часах?

— Около семи вечера.

— Что-то случилось? — Окончательно проснувшись, Валентин впился в него глазами с большими, почти во всю райку зрачками.

— Случилось!

— Не поможет это, — спокойно констатировал Валентин.

— Знаю!

— Тогда наливай, — он пожал плечами, мол, раз такое дело, то почему бы и не выпить?

Последние три дня, проведённые в «ночлежке», или, как Сергей окрестил спортивную базу, в «ООО на Дне», они с Валентином присматривались друг к другу, иногда бросая в спину любопытные взгляды или открыто глядя в глаза. Их повышенный обоюдный интерес не был частью обычного знакомства. Взрывной и колкий, с одной стороны, и рассудительно-вежливый — с другой, они были скорее антиподами. И тем не менее оба — и Сергей, и Валентин, уловили схожесть взглядов на жизнь друг друга, хотя никогда не говорили об этом. Впрочем, как и на любую другую тему, обмениваясь лишь пустыми фразами. Но что-то неотвратимо тянуло их друг к другу, и никто из них не мог понять, что именно. Наверное, это называют родственными душами. Сегодня, выйдя за ворота «Северной триады», Сергей решил, что обязательно с кем-нибудь выпьет, и этим «кем-то» в пустом номере оказался спящий Валентин.

— И всё-таки что за «праздник»? — Критик посмотрел прямо из-под кустистых нахмуренных бровей.

Но Сергей уже знал — за хмуростью своей прячет он боль и тоску, что засели у него в зрачках, поэтому и не скрывал, знал — поймёт его Критик.

— На последние купил, — ответил Серега, устало глядя ему в глаза.

— Странно. Никогда бы не подумал, что с тобой такое может случиться.

— Это почему же?

— Держись ты как-то... — он ненадолго задумался, посмотрев куда-то в сторону, — уверенно, что ли, будто тебе всё нипочём. Поначалу думал — ты из богатеньких. Сюда ради хохмы

поселился, знаешь, сейчас многие богатеи нервы себе щекочут. Мозг заплыл от денег — вот и придумывают себе занятия поадреналинестее. Кто без воображения — в магазинах с полок товар ворует, а кто — на острова необитаемые без спичек и снаряги на пару недель на выживание.

— А может, я и есть богатенький, — улынулся Батько.

— Не-а, — Валентин мотнул головой, — я знаю их. Со многими встречался. Когда речь заходит о бизнесе или там о деньгах, у таких лицо меняется, становится отрешённым и глаза будто стеклянные. Был человек рядом с тобой и нет его — стал счётной машинкой. У тебя такого нет — я наблюдал.

— А ты от кого прячешься? Я ведь тоже наблюдал, — нашёлся чем ответить Сергей.

Валентин резко выпрямил сутулую спину, как от удара. Вцепился в Сергея глазами. По всему видно: неприятен ему был этот разговор, но всё ж таки ответил:

— Да так, от себя, наверно.

— Откуда сам-то? — сменил тему Сергей.

— Из Пяльмы. Слыхал?

Сергей не слышал, но для вида кивнул.

— Вот, у меня здесь на закуску есть немного... — Критик полез в сумку.

Валентин как-то уж очень обыденно, скромно, даже как будто стесняясь, поставил на стол литровую банку, а в ней — под завязку величинной чуть ли не с горошины янтарные бусины икры! У Сергея от удивления расширились глаза. Должно быть, такой восторг испытал Али-Баба, найдя в сырой, затхлой пещере несметные сокровища.

— Откуда такое чудо?!

— Так сам поймал, — Валентин удивлённо пожал плечами. — А что, у вас в Казахстане нет?

— В таких количествах не видел, — Сергей открыл банку, потянул носом воздух, ахнул и, не жалея, подцепил полную ложку икры. — Лососевая? — в свете электрической лампочки он рассматривал, как переливается янтарная горка.

— Угу, вообще-то, я её не ем — не люблю. Я икру собаке отвариваю — она любит. А сюда взял на всякий случай. Может, Тёще?

— Обрыбится Тёща! Хотел бы я хоть немного в будке твоей пожить! — Сергей, прикрыв глаза, с нежностью положил ложку в рот. А потом

ещё долго и восторженно мычал, перекатывая икринки во рту на зубок.

— А чёрной икры у тебя случаем нет? Или твоя собака только красную любит?

Они рассмеялись.

Разговор потихоньку пошёл, сдвинулся с места. Настороженно, хоть и с любопытством, обходя раньше друг друга стороной, теперь, будто восполняя утерянное время, они жадно, без умолку говорили, наслаждаясь общением. Рассказывали о себе, о людях, с кем раньше довелось встретиться, чем занимались, как выживали в перестроечное время. Пришедшие со своих занятий беломорцы с удивлением наблюдали за их оживлённой беседой.

— Ты неправильно ставишь вопрос, Валентин! — За час с небольшим, что они общались, им казалось, будто знают друг друга целую вечность.

— Задавать вопрос надо таким вот образом: не «почему», а «для чего»!

— Допустим. Хорошо указывать на чужих примерах! А сам-то ты «для чего» здесь оказался? — Валентин вошел в азарт. Раскрасневшийся, он то и дело подпрыгивал на стуле в поисках нужного довода.

— А я скажу, — Сергей тоже оказался тем еще спорщиком.

Облокотившись спиной о спинку стула, он выглядел расслабленным и спокойным, лишь говорил чуть громче обычного и рукой жестикулировал, будто вдавливал в голову прописную истину оппоненту-упрямцу.

— Очень удобно жить в парадигме «почему?» — жалеть себя умного, недооценённого! — Сергей считывал понятливые взгляды Валентина, и ему было приятно вворачивать умные словечки. — Зачем работать над собой в парадигме «для чего»? Кто этот труд заметит, оценит, кроме тебя самого? Проще обвинить весь мир, что ополчился против тебя. Сначала — учительницу, поставившую несправедливую отметку в школе, потом — удачливого торговца, занявшего твоё место за прилавком, бандитов, обложивших тебя данью, самолёт, на который ты опоздал, да мало ли что в жизни у нас не так! А ведь она, жизнь-то, для первого раза раздаёт шлепки лёгонькие — мол, учись, студент, куда прёшь, что творишь. А потом, после подзатыльников этих, пинками лупит —

оглянись! Посмотри вокруг — той ли дорогой выючным животным упираешься? Ты же человек, а не осёл! Раньше и я всё время почему-то. Как же, все мои друзья в бизнесе преуспели — машины, квартиры купили, в Эмиратах отдыхают, чем я хуже? Или другое — вместе вроде работаем, и уж наверняка знаю, что лучше, честнее я свою лямку тащу, а пройдоху, что рядом со мной от работы отлынивал, мне в начальники ставят. Где справедливость?

Валентин задумчиво пожевал губу, а Серёга продолжал:

— Все мы люди-человеки, одинаково любят всех нас там, наверху, — Сергей поднял указательный палец в потолок, — а у этого, что надо мной поставили, может, последний шанс выпал в жизни устроиться! Может, жизнь чья-то от этого зависит? А ты подумай, ДЛЯ ЧЕГО с тобой так «неблагодарно» обошлись? Что тебя поджидало впереди на этом занятом не тобой кресле? Оглянись ещё раз, прежде чем сетовать на судьбу-злодейку, на своём ли ты месте? Вот и перешла жизнь от шлепков нравоучительных мне по затылку к пинкам под зад, сначала — из бизнеса, потом — из Казахстана сюда, в «ООО на Дне»! Отдышись, мол, и подумай. Вот и залёг я, как субмарина, только перископ один и торчит.

Разгорячённый Сергей не сразу заметил, как подошёл к столу обычно молчаливый Тимофей, теперь он был взволнован, глаза горели на покрасневшем лице. Посидели еще чуток, погудели. Попозже на нетвёрдых ногах Сергей Батя отправился в номер к Насте из Апатит. Ему нужна была женщина, просто необходима, хоть поговорить, посидеть рядом, почувствовать тепло её тела. Это только кажется, что ему всё нипочём. Он решил, что останется у неё на ночь, знал — Настя не откажет ему. Утром, когда возвращался к себе в номер, он случайно услышал, как между собой ребята уважительно звали его «Батя», хоть и не по годам такое прозвище, зато в точности по его родной фамилии. Кличку Сергею всё-таки дали. «Батя, значит», — улыбнулся Сергей, и на душе стало тепло и спокойно.

В поисках работы время летело незаметно. Вот уже декабрь накинул на их окно морозную тюль. Утром он отправлялся в город по намеченному с вечера маршруту, изучая по дороге объявления, расклеенные на столбах, остановках или подъездах. Они снились ему по ночам: потрёпанные ветром, пожухлые, выцветшие, ослепшие на солнце, безликие листочки. Развешанные повсюду, они недобро шерились ему редкими старушечьими зубами с еле различимыми следами телефонов и адресов. Он вырывал очередной «зуб», клал его в записную книжку и шёл по указанному адресу. В своих снах Сергей почему-то всегда забывал нужный адрес или терял записную книжку.

Прибранный за ночь пушистым снежком город встречал его обжигающим гортань утренним морозом. На улице непривычно темно, долго не светало — не в пример южным широтам. Мерцающий в предрассветном сиреновом мареве снег хрустко отзывался под ногами, иногда, укутав тусклое белёсое северное солнце непроглядной мглой, в подворотнях и на улицах по-февральски выла раненым зверем метель. Совсем как в его детстве в северном Казахстане, в Караганде, тогда по радио, прервав напевную домбру, диктор сообщал, что школы города сегодня для детей закрыты. Звучало привычное: «Говорит Алма-Ата. Алма-атинское время — семь часов, — и сразу после этого: Аматыдан сойлеп турмыз. Алматы уакыты сегиз сагат». А потом опять лёгким степным ветерком прокрадывался под толстое пуховое одеяло к укрытому с головой Серёге голос Розы Рымбаевой... В такие дни у него был выходной. Дождавшись, когда родители уйдут, он доставал из школьного ранца свой дневник, присаживался к столу, долго размышлял над чем-то. Сидел твёрдо, недвижно, почти не меняя позы, будто вслушиваясь в завывания ветра за окном, а потом, скинув с себя оцепенение, начинал писать. Время от времени он вскакивал. Нервно прохаживался по привычному маршруту «дверь-окно-стол», снова садился и брал в руки карандаш, чиркал, стирал зачирканное ластиком, притороченным к тыльной стороне карандаша, и снова корявые буквы, сложенные в слова, то тороп-

ливо, то мучительно долго, но упрямо заполняли расчерченные в клеточку листы.

Критик был прав — без прописки нечего было соваться в приличные заведения. Даже в конторах поскромнее отпугивал его бирюзовый паспорт. Временная регистрация подходила к концу, неумолимо приближая вопросы от ведомственных служб. В эмиграционной службе, куда он пошёл, чтобы встать на учёт для получения гражданства, ему сказали, что необходима триждыклятая прописка и справка с места работы, в паспортном столе — что для начала нужен паспорт гражданина России. Он окончательно запутался в законодательных хитросплетениях, каждый из чиновников гнул своё, был своего рода Пеле, ловко отфутболивая просителя в очередной кабинет. Сергей похудел, стал раздражительным. Деньги, что у него были, давно кончились, и он довольствовался заработками грузчика, которые периодически ему подбрасывал Валентин — он халтурил на овощебазе и в авральные дни брал с собой Сергея. Он давно смирился с тем, что без паспорта клерком в офис его никто не возьмёт, и рад был выполнять даже такую отупляющую, тяжёлую физическую работу. Наверное, надо было попасть в «ООО на Дне», чтобы по достоинству оценить все прелести «белых воротничков» офисного планктона. Может, зря взбрыкнул он тогда перед Олегом Вениаминовичем? Ходил бы сейчас — улыбался Боре Шалаеву, приседал бы перед его «оранжевыми» штанами и делал «ку» — куда проще? Ан нет! Знал: не смог бы. И дело было не в гордости или нетерпимости к «цветовой дифференциации штанов в обществе», Сергей на дух не переваривал наущничество, подлость, интриги, без которых, видимо, в офисах разнопошиба никак не обойтись.

Конечно, и в бригаде грузчиков — его новых знакомых — случались трения, но всё это скорее напоминало неприкрытую возню самцов за альфа-первенство в самом своём изначальном животном смысле, и это казалось Серёге честнее, хотя от правил, царивших здесь, он тоже был не в восторге. В бригаде вели себя без лишних заморочек: расспросами не докучали, говорили напрямую, не заискивали перед начальством, за воровство среди своих били в рожу, сворованный у барыги-растяпы товар делился поровну, каждый работал кто как мог и в конце

рабочего дня за стаканом «кислого» и бранной руганью получал от альфа-самца — бригадира «справедливо» заработанную долю. Батько приняла в свой круг, хотя он не прилагал к этому ровным счётом никаких усилий. Разве что придерживался заведенных тут правил. Все привыкли к его молчаливости, замкнутости, без подозрений, как к чудачеству, стали относиться к отказам от пиратской добычи в конце смены. Сергей осунулся, над заострившимся носом, между бровями, залегла глубокая скорбная морщинка.

Серыми нескончаемыми днями тёмный омут безнадёги крутился в его голове, рвал на части, перемалывал картинки из прошлой жизни. Мимо проплывали плавательные сборы, трудовая «повинность» на даче у родителей, тренер, крутились восточные базары, братва, менты. Мельтешила разноцветными фантиками валюта всех мастей. Каруселью неслись кабаки, «веселухи» с друзьями, случайные девицы, дороги, снова бандиты, разборки и... конечно, Аня... Сергей много думал, размышлял — выуживал из муторного омота вывернутые наизнанку прошлые дни, выискивал, собирал по крупичкам, складывал рваные края пазлов замысленных ценностей, скраивал для себя новые правила, по которым собирался жить дальше... Когда становилось невыносимо тошно, Сергей доставал дневник, брал в руки остро отточенный карандаш и долго увлеченно писал.

14

Чтобы хоть чем-нибудь занять себя в один из свободных дней, Сергей решил вывезти оставшиеся вещи с бывшей съёмной квартиры.

— А, Серёженька, — соседка Ивановна открыла свою дверь на требовательный стук. Впервые она почему-то ему улыбнулась. — Похудел, что ли? А у Клавдии никого нет. Как ты съехал, так там никто толком и не жил.

— Как же? — Сергей искренне удивился. — Она ведь дочери своей хотела квартиру оставить...

— Слушай её больше, — понизив голос до сплетни, зашушукала она. — Клавдия другого постояльца нашла — подороже решила квартиру сдать, — с неприятными злорадными нотками в голосе громко шептала она, — а он возьми и вынеси всё из квартиры!

— Как «вынеси»? Там брать-то нечего! Телевизор разве сломанный...

— Вещи какие-то вынес.

— Так там же мои вещи! — ахнул Сергей. Всегда относившийся к вещам равнодушно, ему вдруг стало безутешно жаль своих фирменных рубашек из «Quicksilver», привезенных еще из Москвы, когда челночил, костюмов и футболок «Арена», кожаных фирменных перчаток на зиму и главное: его спортивной сумки с надписью «Казахстан» по бортам. Ведь купить новое теперь не на что! «Может, врёт эта очкастая гадина, выдумала мне назло?! — цеплялся он за призрачную надежду. — Но какой ей в этом прок? Стоит ухмыляется!» — закипал он.

— Вот твои, значит, и вынес, — Ивановна с любопытством мучителя блестела окулярами.

— А вы на что?! Вы же целыми днями дома сидите! — взорвался Сергей, сжимая кулаки, чуть было не кинулся на бывшую соседку.

— Нечего было оставлять — не камера хранения! — рывкнула Ивановна и тут же прикрыла дверь. — Ишь — «дома целыми днями!»! Одна работать не хочет — квартиру сдаёт, другому лень было свои вещи забрать! А я теперь виноватая! Ищи теперь сам Клавку, пусть компенсирует кражу. Сюда не приходи! — Она окончательно захлопнула дверь.

А он и не собирался приходить, что теперь поделаешь? Кто его вещи вернёт? Кто оценит выданную ему по линии сборной сумку, костюмы? «А эта хозяйшюка, Клавдия, тоже мне — святошей прикинулась, бабка божий одуванчик! Чего её послушал? Надо было гнуть своё, вытрясти из неё душу, кто вступится за нищую старость, зачем деликатничал? Дочь у неё приехала, видите ли... Да что же это творится-то, а?!» — в душе Сергея от гнева все кипело. Что же такого он совершил в жизни? За что ему всё это? Ведь «не убивал» же, как говорится, и «не грабил лесом». Сколько ему ещё мыкаться?! «Придумал же: парадигма «для чего?» — философия для нищих и неудачников!» — клял он себя. Почему он не может быть рвачом, ловчить, идти по головам к своей цели? Слабак и гуманист — быть у колодца и не напиться! «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» — вот кредо современности, которое нужно принять. Быть как они — «вершители судеб»?! Но

что же делать, если не по нутру ему дешёвая власть владельцев «газет и пароходов», а по сути: власть «этажерок» и «гардеробщиц» — владельцев ключей от номеров и номерков от вашей одежды?! Как быть, если не приемлет он всякую власть над человеком?! И что ему делать теперь с собой таким?

И горько ему было от мыслей этих, и больно так сжалось сердце. Снова он шёл по ненавистной тёмной улице Чапаева, колким снегом выюжило в лицо, хоть волком вой, и неуместно радостно, с надрывом бухает музыка в кабаке «Flash». Одним словом, дежавю, и вырваться из этого порочного круга уже не доставало сил.

«Сергей?!» — его кто-то окликнул из темноты салона машины, прижавшейся к обочине. Он нехотя подошёл. За баранкой тонированного «лупатого» «Мерседеса» сидел Олег Вениаминович. Сытый, в дорогом костюме — тот ещё фронт! В приспущенное окно был виден кожаный салон, из динамиков бархатным голосом Розенбаума льётся «Вальс Бостон». Панель светится приглушённым умиротворяющим светом синих, красных, желтых огоньков. Из теплого салона пахло цветочным ароматом. Волшебный, абсолютно другой мир!

— Ты куда пропал?! Почему не позвонил?

— Здравсьте! Как «куда пропал»?! Вы же сами сказали: «Нет»! — с вызовом, с горькой ехидцей в голосе отозвался Сергей.

— Ты быстро трубки кладёшь, — примириительно начал он. — Я хотел тебя домой пригласить, чего тебе в офисе делать?

«Вот так поворот!» — подумал Батько. Он ментально остыл. Испарилась злость, исчезла обида, словно его разоружили, сняли тяжёлые латы. Он вдруг сник, им овладела усталость и безразличие. Олег Вениаминович смерил его взглядом, задержался на опущенных глазах.

— Садись, подвезу куда надо, заодно расскажешь, чем занимаешься, — дотянувшись до ручки, он приоткрыл переднюю дверь, приглашая в салон.

Машина припарковалась по улице Куйбышева, напротив входа в спортивную базу.

Проговорили они около часа. Сергей рассказывал, как сложились дела и что пережил.

— Да-а, дела, — протянул Олег Вениаминович, нарушая долгую тишину после их разгово-

вора. — Ладно, придёшь завтра в офис. К себе обратно брать не стану — правило, — сказал сухо, — но что-нибудь придумаем, пока паспорт не получишь — потом уже сам как знаешь. Кстати, что с паспортом?

— Требуют какого-нибудь подтверждения, что я из Казахстана. Говорят, фамилия у меня не казахская, а паспорт можно и подделать!

— Хе-хе, так и сказали? Я позвоню кому надо, вопрос решим. Возьми мою визитку, со всеми своими бумагами зайдешь в тридцать третий кабинет, скажешь — от меня. Ну, бывай. Не забудь: завтра — ко мне. Я тебя сдёрнул с места, чем смогу — помогу первое время, — и, немного помолчав, добавил: — А насчёт Бориты прав оказался — я разобрался во всём. Уволил гадёныша. Так что за мной должок.

«Ну и дела! А Олег Вениаминович-то — чело-вечище!» — размышлял ночью в постели Батько. Сергей не знал точно, радоваться ему этой встрече или нет. Сердце, как ни старался сдерживать себя, радостно пело в груди — теперь всё будет иначе! «Опять довериться?!» — пытался охладить сердце рассудок. Уж больно хорошие учителя попадались ему в последнее время. Но Олег Вениаминович зря посулов не давал — уважал себя, твердость данного им слова. Сергей не заметил, как принял решение. Да и не мог он отказаться от помощи: когда тонешь, схватишь всякий круг, брошенный навстречу, важна каждая протянутая рука. Оно, может, действительно всё к лучшему? Может, вправду, нужны были для чего-то его мытарства? Сколько всего передумано, перелопачено... Еще в Казахстане, копаясь в книжках по психологии, которые Сергей особенно любил, у Леви-Стросса он вычитал: «Миф — это ответ, к которому мы ещё не выбрали свой вопрос». Может, надо чаще задавать вопросы, чтобы пытаться понять, разобраться в жизненных хитро-сплетениях, в самом себе? Он почувствовал произошедшие в нём изменения, стал уверенней в своих силах, закалился духом, словно сунули кувшин в печь для обжига и сдюжила глина, проявился, заиграл рисунок на покрытых эмалью боках, наливай в сосуд хоть по самые края — ни капли не обронит. Этой ночью Сергей долго не мог заснуть, а еще затемно, скоро накинув одежду, он выскочил в морозное утро.

В паспортной конторе бумаги у него взяла улыбчивая и вежливо-обходительная женщина лет сорока. Вернее, она стала такой сразу, как только, прорвавшись через преданную своему делу крикливую дамочку, Сергей чуть ли не вбежал в дорого обставленный кабинет и вручил строгой хозяйке визитку, отбиваясь другой рукой от возмущённого усердия секретарши.

— Через пару неделек подходите за паспортом, — добродушно улыбаясь, сказала хозяйка кабинета, — привет передавайте Олежке, Олегу Вениаминовичу, — поправились она.

Дальше — в офис к Олегу Вениаминовичу, как договаривались. У входа Сергей чуть не столкнулся с Игорем. Он был в компании с одним типом, показавшимся уж больно знакомым. Высокий, крепок в плечах, белёсый с серыми глазами и отталкивающе маленькими зрачками. Где же он видел эти злые звериные глаза? Они даже не поздоровались. Расставив шире локти, словно перекаченный амбал, Игорь гордо пронёс своё щуплое тело мимо Сергея, едва доставая головой до его плеча. Смешно.

— А, это ты... Проходи, — Олег Вениаминович привстал с кресла, поздоровался.

— Видал, Фонарик забурел совсем! Договор выполнять не хочет. Привёл тут одного чёрта на разборки.

— Какой Фонарик? — лицо Сергея изумлённо вытянулось.

— Ты разве не знал, что Игорек многих кинул. Он уже, как ты выражаешься, полгорода на фонарь посадил. Не думал, что он против меня пойдёт. Зря я с ним связался, — и чуть позже: — Ничего, разберёмся, — сказал — и по шкуре мороз от его слов, и смотрит остекленеными глазами. — Ладно, это мои дела. Ты говори, что у тебя нового?

Олег Вениаминович пообещал помочь ему с работой. Сергей сам выбрал охрану. График удобный — сутки через трое, есть время заняться его писаниной, а там видно будет.

— Почему охрана? — Олег Вениаминович не скрывал своего удивления. — Может, в лесную контору или в строительную компанию менеджером? Я попрошу — возьмут и без паспорта.

— Нет. Я так решил, — кажется, его бывший шеф разочаровался в нём окончательно. Сергей не хотел говорить ему об истинной причине

его решения — не поймёт. Что-то произошло внутри него, что-то вызревало. Он сам ещё не совсем понимал, что же случилось с ним за то время, что провёл он на спортивной базе. Хотелось разобраться в своих чувствах, желаниях и, конечно, дописать то, что так долго вынашивал в себе. И потом, как сказал бы его тренер, «перегорел» он. Чего он там не видел в этих офисах? Опять интриги, тычки локтями коллег, спесивые взгляды от «опытных» работников, одним словом — шалаевщина! Ну их всех к чёрту! Сергей уже не рвался в офисные работники — решил взять тайм-аут. Слишком непросто прошли для него эти передрыги — крепко досталось, не потянет сейчас такую работу — будет осторожничать, перестраховываться. Одним словом, в ту же реку попасть не хотелось — надо было сначала разобраться кое в чём.

С Олегом Вениаминовичем они договорились о звонке, холодно расстались.

Ловя ртом снежинки, Сергей впервые за эти дни почувствовал себя беззаботным, счастливым. Надо было это как-то отметить. Давно он не баловал себя вкусеньким, бич-пакеты уже видеть не мог, а тут вдруг решил: будь что будет — куплю. Порылся в карманах, стрёб мелочь в кулак, пошелестел двумя бумажками — хватит.

— Девушка, дайте литровую кока-колы и чипсов.

В комнатухе никого не было. Сергей скинул куртку, обувь и растянулся на своей койке. Чипсы закончились быстро. Довольный Батько полулежал, переваривая события последних дней, потягивал кока-колу, шурился на жёлтый свет электрической лампочки под потолком. «Да, есть свет в конце туннеля!» — от этой мысли хотелось жить.

15

С паспортом дела пошли веселее. Сергей устроился на работу в охрану, работал по графику сутки через трое. И хотя деньги платили небольшие, зато на съёмную комнату было вполне достаточно. Сергей уже присмотрел одну недалеко от работы. И потом, он же халтурить может во время положенных для отдыха дней. Со спортивной базы он пока не соби-

рался съезжать — копил на съёмное жильё, потому что хозяин просил за полгода вперёд.

Уехал и вернулся через два месяца Валентин. Приехал с радостной вестью — помирился с женой, она, как оказалось, в положении, и теперь в назначенный срок у них родится малыш.

— Компьютер буду покупать. Пока только б/у, разбогатею — новый возьму. Надоело в редакцию каждый раз ездить. Кстати, вот, посмотри: написал для журнала — там мои комментарии к прошлому номеру, обо всех авторах понемножку написал, — он протянул желтые листы с печатным текстом.

— А почему такое название: «34»? — поинтересовался Сергей, пробежавшись глазами по первым двум страницам.

По-отечески внимательный взгляд Валентина, выражающий глубокое почтение к читателю его трудов, теперь сменился на яростно-возмущенный взгляд редактора, потратившего впустую время на бездарность, стоявшую рядом.

— Здесь об этом в самом начале! — подпрыгивал он рядом в нетерпении всё разъяснить. — Читай внимательно: «34» — тридцать четвёртый номер этого журнала.

Как оказалось, беломорчане были правы: Валентин действительно писал критику и даже издавался в каких-то районных газетах. Писал он и в крупные издания республиканского значения, и даже как-то вышла его статья в журнале вроде этого. Он неохотно говорил о своём хобби, как мог, скрывал увлечение. В его родном посёлке считали, что бестолковее, чем писать в газеты, занятие трудно придумать, когда Онего под боком да в лесу и на болотах в сезон заготовок грибов с ягодами тьма — только успевай в приёмные пункты таскать. Хотя народ там, по большей части, живёт читающий — истрёпанную годами, давно забытую властями библиотеку местный люд уважал по-прежнему, как и в доперестроечное время, ходил туда и стар и млад за обтерханними томиками, и хоть зарплата плёвая, копеечная, но библиотекарь всегда был в посёлке на хорошем счету.

— Заголовок — половина успеха, — учил он Сергея, — он должен быть ярким, объёмным и интригующим в то же время.

Сергей замаялся, будто хотел перебить, сказать что-то важное, то, что уже давно вертится

на языке. Валентин, давно подметивший эту манеру своего товарища, спросил, прервав свои пафосные измышления:

— Давай, чего там у тебя?

Батько кивнул, приподнял уголок матраца на своей кровати и вытащил оттуда толстую тетрадку.

— Вот, — сказал он, смущаясь, — посмотри, если интересно.

Валентин открыл гляцевую обложку тетради, перевернул первую страницу, за ней — вторую, посмотрел, как показалось Сергею, с удивлением на него:

— Почему раньше не сказал, что пишешь?

— Пока не было, о чём говорить, — только написал.

Опять он кинул на него удивленный взгляд. Нет ничего мучительнее, чем ждать решения строгого судьи. Как говорится, «казнить нельзя помиловать» — ждать ту самую пресловутую запятую, которая может перечеркнуть всё. А лицо Критика ничего не выражало — Критик он и есть критик! Нахмуренное, сосредоточенное лицо, легкий наклон головы свидетельствовали о погруженности в чтение. Послюнявив палец, он неторопливо перелистывал страницу за страницей. Для Сергея эти минуты стали пыткой — вот так сидеть и гадать, что же думает Критик. Чтобы развеяться, Батько выскочил на улицу на давно утративший былую силу морозец. Улица уже шумела слякотью тротуаров под ногами, подтаявшей ледяной крошкой под колёсами машин, и над всем этим стоял радостный, неистовый ор весенних птиц. Март подходил к концу, день становился длиннее, и Сергей знал, что осталось не так уж много времени, когда ночью будет совсем светло — не в пример южным широтам. Он выбежал из комнаты, не накинув куртку.

Батько не на шутку разволновался. Он впервые решил показать, что пишет. В школе на уроках литературы Сергей чувствовал себя как рыба в воде. Рассказать о характере героя — пожалуйста, о чём хотел поведать в своём произведении автор — не вопрос, сочинение — с удовольствием. В спортивном классе, где учился Сергей, все знали: за сочинением надо идти к нему. Как-то пришлось даже писать сочинение на вступительных экзаменах в институт за другого.

В то утро, когда еще все спали, к ним в квартиру позвонил тренер, перепугав всю семью. Мама так разволновалась, что схватилась за пузырек с валерианой. Серёгу буквально сдернули с постели и привели в дом Артёма Назаренко — того самого нерадивого абитуриента и члена сборной по плаванию, который накануне провалил сочинение. Виновник «торжества» сидел в кухне, стыдливо уставившись в пол.

— О чём писать-то? — спросонья соображал Сергей, вопросительно глядя на Артёмову одуванчиковую светлую макушку, затем перевёл взгляд на переполошённую родню — мамашу в бигуди и халате, взъерошенного папашу в майке и трениках, потом на тренера.

— Пиши про войну — это модно, — сказал умудренный опытом Геннадий Николаевич, вытирая взмокшую лысину. — Сделай пару ошибок, а то не поверят.

— Тогда про партизан? — Сергей уже не смотрел на флагмана их сборной. Как по волшебству перед ним лёг двойной лист бумаги в клеточку и сразу две шариковых ручки.

— Давай про партизан! — махнул в нетерпении тренер, будто дал отмашку на старте. — У нас время подпирает.

— Про Николая Кузнецова? — Сергей размял пальцы.

— Пиши уже! — в один голос прокричали родственники и тренер.

— Двух листов мало, — сказал Сергей, погружаясь в легендарные события военного 1944 года близ города Ровно...

После тренировки, подгадав время, Артём подошёл к Сергею.

— Расскажешь кому — убью! — и вместо благодарности горе-абитуриент сунул ему под нос капитанский кулак.

Сергей улыбнулся своим воспоминаниям, отвлекшись от волнительных ожиданий. Скоро ему стало зябко, вернулся в гостиницу.

Валентин сидел за столом перед закрытой тетрадкой. Он обернулся, когда вошёл Сергей. Встал.

— Ну что сказать?.. Написано неплохо, некоторые эпизоды просто отлично. Признаюсь, не ожидал. Я подчеркнул места, над чем, по моему мнению, тебе нужно поработать, скобками выделил особо понравившееся. Начни с

названия — его нужно изменить. Помни, о чём я говорил тебе.

Сергей хотел было рассыпаться в благодарностях перед Валентином, но, радуясь в глубине, промолчал, обдумывая, что же ему теперь делать с рукописью. Он сел за стол, скрестил на груди руки и ещё долго изучал потрёпанную обложку тетради, не решаясь её открыть. Похоже, Критику были знакомы его переживания. Бросив на Сергея цепкий взгляд, он встал и вышел из комнаты.

16

Сергей сидел на набережной. Снег уже сошёл, и воды Онего, вскрыв и разломав лёд, свободно вздохнули после зимней спячки, вдоволь нагулявшись, лениво играли они ледяной шугой. За сизой дымкой, по ту сторону залива, топорщился остроконечными пиками мачтовых сосен другой берег. Над застывшими у причала, будто повисшими над водой «Кометами» простуженно кричали чайки. Скоро откроется навигация, и Сергей обязательно съездит на остров Кижы — он давно решил. Пряча лица от холодного ветра в поднятые воротники курток, прогуливались влюблённые парочки, не замечая скульптур городов-побратимов, щедро выставленных тихой и благополучной Европой здесь, на эрозии северных ветров. Прямо перед Сергеем — две бесплодные потешные пушки времён Петра Великого уставились пустыми жерлами на невидимого врага. За спиной, через узкую полосу парка — редакция журнала, в руках он держал рукопись. Валентин все-таки настоял. Сергей не решался идти в редакцию. Нет, он не боялся — «казнить так казнить», «миловать, значит, миловать!» Но что-то вот уже больше получаса удерживало его в студёном ложе скамейки. Чего ждёт?.. Вот и продрог уже. Всё — пошёл!

— Молодой человек!

Он обернулся. Его окликнула стройная, очень симпатичная девушка с улыбающимися глазами.

— Не могли бы вы сфотографировать меня у «Дерева желаний»?

«Отчего бы и не мочь, хоть и неправильно поставлен вопрос!» — подумал Сергей, помня о своих выводах.

— Конечно. Только я не знаю, где оно, — нарочно соврал он, сам того от себя не ожидая.

В глазах ее читалось удивление и неподдельный интерес к нему.

— Оно рядом, возле тех рыбаков, — чуть приподнявшись на цыпочки, показала она изящной ладонью в лайкре перчатки, — вдоль набережной, ближе к причалу.

— Кажется, там действительно что-то есть, — широко улыбаясь, согласился Сергей, включая всё свое обаяние.

Она шла рядом, тихонько цокая высокими каблучками, рассказывала о скульптурах. Он рассматривал стоящие справа от него железные столбики разных размеров — как остовы покореженных клюшек или причудливых труб, а заодно косился на незнакомку.

— Это из Германии... Ключи, кажется, символ дружбы.

Дальше — скрученная из железных прутьев скульптура рыбаков у каменного парапета набережной. Над головами двое держат застывшую в железе паутину невода. Оказывается, это подарок из США. Символ созидания.

Подошли к выкрашенному в чёрное голому дереву. Холодное, схваченное жестким корсетом стекловолокна, оно было шероховатое на ощупь.

— Наверно, почернело от подслушанных желаний! — пошутил Сергей.

— Нет! — (У неё приятный звонкий смех.) — Дерево чёрное не от людских желаний, а по замыслу автора. Если прошептать сюда самое сокровенное, то это обязательно сбудется!

На дереве — белое ухо, принимающее от населения просьбы с надписью выше: «Прошепчи одно желание».

— Так вот где, оказывается, филиал небесной канцелярии! — воскликнул Сергей, театрально кинув взгляд в небо, его глаза лучились радостью.

— Работа шведских скульпторов, — смеялась она, — дерево желаний из их национального эпоса.

— Как это по-нашему, по-русски — за граница нам поможет!

— А вы разве не будете загадывать? — удивленно спросила девушка.

— Опять не та постановка вопроса, — соловьем заливался Сергей, — но как не послушаться такую красивую?

Она чуть покраснела и засмушалась. В этот момент Батько показалось, что он совсем пропал.

— Но что же такого загадать? Почему только одно желание? Ах да, шведы! Наша родная щука пощедрее будет.

Наконец он прошептал что-то в белое ухо на чёрном, будто обгорелом стволе.

А потом они сели на скамейку вдвоём. Ему казалось, что он знает о ней всё, хотя она о себе еще не рассказывала. Девушка откинула за плечо русые волосы и снова звонко засмеялась — не поверила, что он родом из Караганды. В ответ на ее расспросы, кто он, Батько на мгновение замолчал, стал серьёзным, соображая, что сказать, чтобы сразу не отпугнуть.

— Я писатель. Вот кто я! — нашелся Сергей и тут же смущенно поправился, видя ее восторженный взгляд: — Я только начинаю писать... Может, ещё ничего не выйдет и брошу...

Тогда он слукавил, он уже понимал, что по-другому жить не сможет. Чем бы он ни занимался, куда бы судьба ни закинула — он будет писать. Это стало для него такой же необходимостью, как еда, вода, воздух.

— Это ваша рукопись? — она уронила взгляд на тонкую папочку на его коленях.

— Угу, — теперь была его очередь краснеть.

А ему давным-давно не было так хорошо, с тех пор, когда был ослеплён двумя изумрудами у Голубого залива в Боровом.

— Этот новый вариант еще никто не читал, — пояснил Сергей. — Знаете, новая редакция, новое заглавие... — ... и мысленно добавил: «...Новая жизнь!»

— Можно? — она вопросительно посмотрела ему в глаза.

Чуть коснувшись руки Сергея, девушка взяла стопку листов:

— «Восточный хайвэй»...

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан).

Окончил Карельскую государственную педагогическую академию.

Психолог-тренер.

Пишет прозу.

Автор книг «Ожидание в 2000 лет»

и «Под солнцем цвета киновари».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

Елена ГАЛЬЧИНА

г. Петрозаводск

Все сутки

рассказ

Макс смотрел на спящую жену. Она выглядела очень измученной, вымотанной. На лбу ее еще оставались маленькие капельки пота. Растрепанные пряди волос разметались по подушке. Еще час назад она кричала от боли. А он просто стоял и смотрел. Она просила сделать что-нибудь, чтобы ей стало легче, но он только стоял как столб. А сейчас она спит, ей сделали укол. Ее состояние было критическим, большая потеря крови, как заключил врач. Макс сидел рядом с ней и никак не мог отойти от произошедшего. У него до сих пор дрожали руки от переизбытка чувств. Только пятнадцать минут назад он держал на руках их первенца. Чудесного мальчика весом в четыре с половиной килограмма. Когда жена уснула, ребенка унесли в детское отделение. Роды были тяжелыми, долгими — почти сутки. Макс все это время был с ней.

Он убрал прядь волос с лица жены и залюбовался родным лицом. Она казалась ему самой красивой женщиной на свете. Нет, ему не было ее жалко. Через это проходят многие женщины. И она не исключение. Он только молил Бога, чтобы все закончилось хорошо.

Они так хотели ребенка. Когда жена забеременела, она отправила ему на работу конверт с запиской. Квадратик бумаги с адресом ресторана, где им предстояло поужинать. Вспоминая этот вечер, Макс улыбнулся.

«Да, Мариш, привет! Во сколько? В семь? Нет, я не могу...»

Максу было некогда, горел срочный проект, и вся команда последние две недели засиживалась на работе допоздна.

«Макс, ты не пожалеешь, придумай что-нибудь», — Марина была в приподнятом настроении. Хотя это было обычное ее состояние. Она вообще из тех людей, которые даже в самой гнилой ситуации мо-

гут отыскать что-то хорошее. Так мало — отыскать, так ещё и искренне порадоваться этому.

«Ну, ладно, ладно, постараюсь что-нибудь придумать», — Макс повесил трубку, что-то напелл начальнику, и без пяти минут семь он уже мчался на машине по городу к любимой. Он опоздал минут на двадцать, но Марину это нисколько не расстроило. Как ни в чем не бывало она тепло улыбнулась прибывшему мужу.

«Что ты хотела мне рассказать?» — Макс заглянул в глаза жене, понимая, что все это неспроста и что Марина что-то задумала.

«Всему свое время, дорогой. Давай что-нибудь закажем, только, чур, десерт заказываю я!» — Маринка заговорщицки посмотрела на мужа. Она вся светилась, Макс очень любил, когда она такая.

«Договорились», — ответил Макс и занялся выбором блюд. Они сделали заказ. Обслужили быстро. Закуски были вполне приличными, вино — дорогим, музыка — приятной. И этот ужин был бы одним из многих прекрасных ужинов в обществе друг друга, если бы не десерт.

«Ну что? Давай свой десерт, что там с ним не так?» — Макс внимательно посмотрел на жену. Она улыбалась в ответ. На десерт принесли только одно блюдо в металлической посуде — в тарелке, накрытой крышкой-полусферой. И почему-то официант поставил его прямо перед Максом.

«Давай открывай», — задорно подмигнула мужу Марина.

Макс открыл крышку, а там... Там по центру тарелки стояла шоколадная детская колясочка.

Маринка не выдержала паузы: «Макс, у нас будет ребенок! Макс, ты рад?»

Конечно, Макс был рад, он был счастлив...

Размышления Макса прервал визит врача — улыбка мгновенно сползла с его лица. Доктор был обеспокоен, что состояние Марины никак не стабилизируется.

— Если в ближайшие два часа улучшений не будет, то ее будут переводить в областную больницу.

— А ребенок? — Макс был сильно взволнован, он даже не совсем понимал, что объяснял врач про состояние жены.

— Ребенок в порядке, у вас прекрасный бутуз, Максим! — доктор одобрительно постучал Макса по плечу. — О нем не стоит беспокоиться, несколько дней мы его понаблюдаем, а потом вы с ним отправитесь домой.

— А Марина? — Макс был растерян.

Врач снова стал серьезным. Он пожал плечами:

— Мы делаем все возможное... Давайте надеяться на лучшее, — и вышел из палаты.

Макс опять остался один на один со своими мыслями. Марина по-прежнему спала. Сон ее был беспокойным. Время от времени губы ее подрагивали. Макс ничем не мог ей помочь, он чувствовал себя беспомощным и никчемным. Ему стало по-настоящему страшно ее потерять. Что он один будет делать с ребенком? Как ему вообще жить, если... Что «если», он даже в мыслях боялся произносить. Через час Марине стало хуже, ее на скорой отправили в областную.

Максу пришлось поехать домой. Он очень устал и уже валился с ног. Двое суток на ногах, да еще и в таких обстоятельствах — это не просто даже для молодого сильного мужчины. Несмотря на свое состояние, дома он никак не мог уснуть. В голове то и дело проносились картинки последних суток, и это ужасное чувство страха от возможной потери не давало уснуть. Он опять почувствовал себя беспомощным. Выпив пару таблеток снотворного, он все-таки отключился. Утром, собравшись с духом, поехал сначала к сыну, а после — в областную к жене. Макс решил, что так будет правильно, ведь иначе как он приедет к Маринке, не зная, что с сыном? Она ведь обязательно спросит... И, что бы он ни ответил, будет плакать. А больше ее слез для Макса ничего не было.

Он заехал в специализированный магазин и купил все необходимое на первое время для сына — то, что сказали врачи: кое-какие вещи, детское питание и еще от себя лично — большую коробку конфет для нянечки, чтобы она лучше присматривала за их мальчиком. Побыл у сына недолго, хотя время вполне позволяло задержаться подольше. Макс спешил к жене, он с ума сходил от неизвестности.

Марина очень любила розы — любые: садовые, в горшках, даже шиповник.

Макс завернул в цветочный магазин:

— Девушка, вон тех роз, пожалуйста. Двадцать пять штук. — Макс улыбнулся — Кажется, алый цвет символизирует страстную любовь?

Девушка смущенно улыбнулась ему в ответ, назвав сумму, что Макс должен ей за цветы, и одобрительно кивнула:

— Ей обязательно понравится.

— Конечно, понравится, спасибо. — Макс взял букет.

Он развернулся было уходить, но вдруг остановился и не без гордости добавил:

— Она мне сына родила!

Только в машине Макс заметил, что вся ладонь его была исколота шипами — так крепко он сжимал букет. Слава богу, по пути не было пробок. Через тридцать минут Макс уже был в отделении интенсивной терапии, а после разговора с доктором — в палате у жены. Она уже проснулась и чувствовала себя гораздо лучше — кризис миновал. Все самое страшное было позади. Она встретила его, как обычно, радостно, будто и не были они на пороге беды:

— Макс, привет! Как я соскучилась! Макс, как он? Ты был у него? Ну что ты молчишь?

— Все в порядке, Мариш! Он такой богатырь! Спасибо тебе, родная! Ты подарила мне счастье! — Макс обнял жену, а она, как он и предполагал, заплакала.

Мальчика выписали через пять дней, и Макс забрал его домой. Марине пришлось проваляться в больнице еще месяц. На выписку ее встречали два ее самых любимых мужчины.

□

Елена Владимировна ГАЛЬЧИНА

родилась в Петрозаводске.

Окончила Карельский институт туризма

(филиал Российской международной академии туризма).

Пишет рассказы, эссе, стихи.

Живет в Петрозаводске.

Дебют в «Севере».

**Алексей
БОРЫЧЕВ**

г. Москва

«Тихий свет далёких лет...»

* * *

Белое солнце. Рассыпчатый снег.
Тающий лёд на земле.
Прошлое вижу как будто во сне,
В белой мерцающей мгле.

В белом сиянии прожитых дней
Замок забытой мечты,
Яркое детское небо над ней,
Светлая добрая ты...

О, голубеющих дней пастораль,
Слаше звучи, не стихай.
Слушает звуки притихший февраль,
Внемля волшебным стихам.

В них колыхается солнечный блик
На апельсинном снегу,
По небу тихо плывут корабли
В край под названьем «Могу».

Я возвращаю далёкой весне
Песню и солнечный день,
Белое солнце, рассыпчатый снег,
Счастья поблекшую тень.

Где-то в иных временах, именах
Прошлое будет цвести.
Что же, являйся хотя бы во снах!
Тяжки земные пути!

Алексей БОРЫЧЕВ

Его стихи публиковались в литературной периодике России, Украины, Казахстана, Германии, США, Финляндии, Израиля, Австралии, в нескольких коллективных сборниках и антологии военной поэзии «Непобедима Русь Святая», том 3 (Москва). Автор девяти поэтических книг.

Лауреат премии В.К.Арсеньева (журнал «Литературный меридиан») за 2013 год в номинации «Поэзия», награждён литературной медалью «А. С. Грибоедов».

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

ЧТО ОСТАЛОСЬ?..

Что осталось? — мгла и сырость,
Тихий свет далёких лет.
Будто прошлое приснилось
И меня как будто нет!

Что осталось? — исцеленье
Заболевшей тишиной
И открытое стремленье
К небу сонною луной.

Что осталось? Что же будет?
Пепел. Дым. Лесной костёр.
Люди, где вы? Где вы, люди?..
Сумрак крылья распростёр.

Что мгновенье, что весь век твой? —
Блика солнечного дрожь.
И куда направлен вектор
Мыслей, чувств — не разберёшь!

Только лёгкая дремота
Да осенняя тоска —
Ощущением полёта
Скорой пули у виска.

Что же делать, если просто
Не случилось, не сбылось...

Успокаивайте, звёзды,
Накопившуюся злость!

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЕСТЬ...

В каждой игрушке больше, чем есть!.. В каждой игрушке...
Грань бытия. Слёзы и плач. Порох и пушки!..

В каждой слезе плавится лёд смелой улыбки.
В белую ткань прожитых дней вшиты ошибки.

Сколько осталось? Сколько сбылось? Важно ли это,
Если всю жизнь смотрит в тебя ствол пистолета?..

Знаю, что есть больше, чем смерть: нечто такое —
Что веселей праздного дня, тише покоя.

Но бытие слепо, как ночь в пене заката,
И расщеплён в наших сердцах времени атом.

ТРЕЩАТ БЕРЁЗОВЫЕ ДНИ

Трещат берёзовые дни
В весенней печке.
В дугу сливаются огни
Закатной речки.

Апрель — разбитое стекло
Зимы — по скверам.
И неба сонного крыло
С надеждой, верой.

В закатанной палевой тиши
Всё бродишь где-то,
И — хоть на небе напиши:
Скорей бы лето!

Ночей апрелевых полёт
Прозрачный, лунный.
И по утрам всё гуще мёд
И звонче струны!

Осинок облачная блажь
Кольцом совьётся,
Когда на утренний этаж
Вернется солнце.

И новый блеск, и новый звук
Возьмут начало,
Покуда от метелей, вьюг
Зима устала.

И потому скрыто от нас некое нечто,
Что — вне пространств, что — вне времён, что — бесконечно!

В каждом, кто есть — больше, чем есть; больше, чем было.
Чувство и мысль, память и страсть — наши могилы!

МАРИЯ, ТЫ СЛЫШИШЬ!..

Мария, ты слышишь, как полночь крадётся
Пушистыми лапами лунного света
Туда, где восходит, как сонное солнце,
Над чёрной судьбой — вдохновенье поэта.
Туда, где кораблики лунных видений
Роятся всё гуще, и чётче, и ярче,
Где в прятки играют лиловые тени,
И где открывается времени ларчик.
И бродят забытые слабые души,
Которых и помнить-то мы перестали,
По лунным полянам, покой не нарушив,
Похожи на блики в энмерном кристалле.
Мария! Ты слышишь, как полночь смеётся,
Шальная весёлая майская полночь —
Мерцанием звёздным, каскадом эмоций,
Чьим блеском пурпурным весь май переполнен.
Но это на время, короткое время:
Спадает с весенних миров позолота.
И осень — ты слышишь, Мария, — не дремлет.
Открой: не она ли стучится в ворота!..

Юлия ПОПОВА

г. Петрозаводск

ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК

рассказ

Было это в ту пору, когда мне едва минуло восемнадцать лет. Успешно сдав вступительные экзамены в университет, я был одарен своими родителями билетом к морю. Впервые я поехал куда-то один, чему был безмерно рад. Как и все юноши, считал я себя взрослым и умным сверх всякой меры и потому самостоятельность свою не ставил тогда ни под какое сомнение.

Толком не осмотревшись и не приценившись, я с лёту, только успев сойти с поезда, снял комнату у одной по виду смирной, одинокой женщины. Те обстоятельства, что комната находилась в покосившемся деревянном домике с печным отоплением, без водопровода и с удобствами на улице, меня поначалу нисколько не смутили. Главное, что стоило пройти всего-то сотню шагов — вся краса и простор морской глади разворачивались передо мной, словно праздничная скатерть.

Еще на вокзале я купил у одного паренька потрепанную плетеную корзинку, которую вскоре заполнил причудливыми морскими раковинами. Их я был намерен бережно доставить домой для всеобщего восхищения.

Добротный, будто вырубленный из скалы бревенчатый дом того старика, о котором дальше пойдет речь, возвышался через дорогу, прямо напротив окон моей комнатухи. Впервые я встретился с ним лицом к лицу возле колонки, где я бывал каждодневно. Дело было так... Сразу по приезде, спеша по пыльной сухой грунтовке к морю, я встретил свою хозяйку, тётку Наталью. Охая и поутину переваливаясь с ноги на ногу, тянула она тяжелые ведра с водой. С кончика ее носа падали крупные капли пота. Наклоняя голову набок и подгибая руку в локте, тетка Наталья то и дело пыталась потереться носом о плечо, отчего еще больше становилась похожей на утку, чистящую свои перья. Я тут же подскочил к ней.

— Ну что вы делаете? Это же тяжело! — по-взросло-

му наставлял я ее. — Вы что, не могли меня попросить? Позвольте-ка!

Я деловито подхватил оба ведра и сначала шустро засеменил в горку, но изрядно устал и потом еле добрал до калитки. Тетка Наталья отстала от меня шагов на тридцать, и я торопливо пытался отдышаться, до того как она догонит меня. Когда моя хозяйка наконец поравнялась со мной, я с гордостью заявил:

— Теперь я буду ходить за водой!

— Ой, Боренька, что ты! Что ты! — закричала тетка Наталья. — Ты платишь и довольно с тебя!

Но я, не поддаваясь на ее уговоры, настоял на своем.

С тех самых пор я носил воду каждое утро, с тоской поглядывая на лениво прогуливающих к морю отпускников. Руки мои гудели, голова с непривычки и тяжести кружилась. Из последних сил, уже постукивая доньшками ведер о землю, я доносил воду до угла соседнего с хозяйкиным дома. Там отдыхал минут десять, прячась за кустами густого шиповника. То ли благодаря этой передышке, то ли от радости, что мученьям моим отмерено всего лишь каких-то десять метров, ведра казались мне легче. Каждый раз нарочито громко насвистывая, чтобы тетка Наталья вышла встретить меня, почти бегом залетал я в калитку, расплескав больше половины воды.

— Во какой ты, Боренька! Прыткий! Да сильный! — хвалила меня хозяйка, будто не замечая полупустых ведер. Щеки мои пылали, и, опустив глаза, я млел от удовольствия.

Так, однажды, резво подскочив к колонке, ве- село позвякивая металлическим ведром, я первым делом с наслаждением подставил голову под кран. Фыркая и отплеываясь, долго плескался я под тугой прохладной струей, пока не услышал за спиной своей нетерпеливый кашель. Я отпустил рычаг и обернулся. Лысый старик с двумя пластиковыми ведрами, попы- хивая папироской, колюче смотрел на меня из- под лохматых седых бровей. Лет шестидесяти на вид, был он худошав, но жилист и крепок. Я спешно набрал воды и потащился к дому. Через несколько минут, оторвав взгляд от земли, уви- дел перед собой согнутую спину старика. Я при- бавил шагу, но, как ни старался, как ни струил- ся пот с моего лба, расстояние между нами неумо- лимо увеличивалось. А старик, будто вовсе не

торопясь, спокойно вошел в свою калитку. И я... возненавидел его. Ненависть же, как это часто бывает в молодости, родила во мне непре- одолимый интерес к сильному старику.

Море быстро наскучило, и вскоре добрую часть дня я проводил у окна своей комнаты. Все дома в округе были огорожены низеньки- ми полупрозрачными заборчиками не более полуметра в высоту, и потому ничто не мешало моему любопытному взору.

На подоконнике моем всегда лежала раскрытая книга, и, как только тетка Наталья, имевшая скверную привычку входить без сту- ка, распахивала дверь моей комнаты, я тут же переводил взгляд на страницы.

Старик и жена его, полная, похожая на нева- ляшку женщина, тоже сдавали жилье отдыхаю- щим. Но не одну комнату, а сразу несколько, а точнее — все. Сами супруги ютились в бане. Три семьи, должно быть, откуда-то с севера, с тихими, бледными ребятишками заняли в то лето их дом.

На участке старика был разбит роскошный сад с пышными персиковыми деревьями. Их ветви под тяжестью перезревших плодов све- шивались почти до земли. С таким огромным садом супруги не справлялись, и персики всё падали и падали вниз, и гнили, образуя кашепо- добный ковер. Однажды один из приезжих мальчишек зачерпнул эту кашу ладошкой и, шурясь от удовольствия, принялся жевать. Вдруг невесть откуда появившийся старик на- летел на него, что-то крича и размахивая рука- ми. Получив увесистый подзатыльник, пацане- нок нехотя выплюнул коричневую жижу. Ста- рик указал ему на крыльцо, где на ступеньках высилась кипа газет. Мальчишка понуро кив- нул, вздрогнув плечами. Он безропотно взял од- ну из газет и, хлюпая носом, принялся вытирать ею свои перемазанные персиками ступни.

Позабыв от негодования о секретности моего «хобби», я спросил вошедшую хозяйку:

— Он что же, не разрешает им есть персики?.. Даже с земли?

Тетка Наталья, ничуть не прячась, выглянула в окно.

— Ну, — подтвердила она, как будто удивля- ясь моему вопросу.

— Но они же все равно сгниют! — возмутился я.

— Ну, — даже не изменив интонации, вновь кивнула тетка Наталья.

Я махнул на нее рукой, и тётка Наталья прикрыла за собой дверь. У моей хозяйки в саду была только пара яблонь с кислыми зелеными плодами. Приторный богатый аромат соседских персиков давно манил меня. Я был почти уверен в том, что жена старика непременно со дня на день угостит меня. Уж откуда во мне взялось такое убеждение — не знаю. Только когда я понял, что надеждам моим не суждено было сбыться, я еле сдерживал слезы, наблюдая, как чумазые глупые дети трут обрывками газет свои ступни.

Со временем я заметил, что злой старик и жену свою не особо баловал. Держали они с десятков гусей, столько же уток, множество кур, двух свиней и корову. Всем хозяйством заправляла жена. Часто видел я из окна, как, покачиваясь в гамаке между стволами благоухающих деревьев, старик размеренно попыхивал папироской. А пожилая женщина бегала мимо него взад-вперед: то в хлев, то на выпас, то за водой. Оказалось, что тот случай, когда я столкнулся с ним у колонки, был крайне редким в его режиме дня.

С завистью смотрел я на длинные костлявые пальцы стариковских ног, торчащих из гамака в солнечных листовых прорехах, когда рано утром, стараясь быть незамеченным им, я направлялся к колонке. Да, да, я проклинал тот день, когда предложил тетке Наталье свою помощь. Но отказаться уже не мог. По крайней мере, без веской на то причины. И случай-искуситель не заставил себя долго ждать.

Тетка Наталья то и дело давала мне всяческие поручения. С каждым днем она расходилась все больше. И вскоре мне стало казаться, что хозяйка моя только и делает, что тягает самовар со двора на кухню и обратно: чаевничает то на улице, то в доме. А у меня и минутки свободной нет! Только и слышно:

— Боренька, наколи дровишек, милый! Баньку растопим — попаримся! А? Боренька, может, кусты обрубишь перед окошком-то? Не видно, поди, тебе ничего! Боренька-а! Мила-а-ай!

Голос ее начал внушать мне отвращение, и порой я затыкал уши, чтобы хоть как-то приглушить этот деревенский говорок. Но тётка Наталья всегда говорила довольно громко. Мне казалось, что она даже не знает о том, что такое шёпот и уж тем более — молчание, словно она никогда ничего ни от кого не скрывала.

— Боренька, стул починил бы, касатик!.. Смотри, ножка-то одна на ладан уж дышит!.. — в очередной раз горланила хозяйка.

— Потом... — промямлил я и, прикрыв уши ладонями, вновь уткнулся в книгу.

— Боренька-а, в комнате-то твоей лампочка перегорела... Вкрути, милай! А то здрение испортишь, читаючи в потемках! — Тётка Наталья протянула мне новую лампочку.

Я фыркнул и со злостью рванул гофрированную картонную коробочку. Встав на стул, я потянулся к плафону. И... в следующую секунду уже лежал на полу, взыв от боли. А мимо меня прямо к ногам тётки Натальи катилась, подпрыгивая на стыках половых досок, сломанная ножка от стула.

Я вывихнул плечо.

Наутро тетка Наталья сама пошла за водой.

— Сиди, Боренька, дома. Отдыхай, — ласково сказала она. — Плечу-то твоему покой надобен. Поправляйся, милоч!

Первые дни своей неожиданно радостной травмы я намеренно вставал пораньше, чтобы не пропустить шествие своей хозяйки с полными ведрами. С удовольствием наблюдал я, как краснеет от натуги ее лицо, как шаркает она тяжелыми кирзовыми сапожищами, поднимая вокруг себя облако пыли, как она откашливается и мучается одышкой.

Через неделю плечо мое стало прежним. Но я, не желая расставаться со вновь обретенной беззаботной жизнью, настолько артистично имитировал боль, что тетка Наталья охала, и глаза ее наполнялись слезами. Так жалела меня!

Вставал я теперь поздно и старался не попадаться хозяйке на глаза, да и сам не желал видеть ее. Стоило ей показаться с ведрами или охалкой дров у моего окна, как я тут же задерживал шторку и, привалившись на кровать, притворялся спящим.

То ли от того, что все дни напролет я проводил в полудреме, то ли от надоедливой воя соседской собаки ночами я почти не спал. До рассвета лежал я с открытыми, словно полными сухого песка, глазами и, скрежеща зубами, старался отвлечься от тоскливого пронзительного собачьего стога. Я наглухо закрывал окно, обливаясь потом от адской духоты, прижимал к ушам подушки с такой силой, что мне казалось, голова моя вот-вот лопнет. Но ничего не помогало. Вой

соседского пса будто становился все громче. И я готов был взвыть вместе с ним!

После одной из таких ночей я решил раз и навсегда наказать дрянную собаку. Я сбегал в нужник и вытряхнул из корзинки все до единой ракушки. Вдоль берега моря высились шелушащиеся от ветров скалы. У их подножия я нашел то, что искал. Я аккуратно закатал до колен, чтоб не испачкать или не порвать об острые скалы, свои модные брюки. Груда собранных мною камней уже почти доходила верхушкой до ручки корзинки, но я не в силах был остановиться. Все мне казалось мало. Наконец, когда я собрался назад и потянул за ручку, ветхое дно плетеной корзинки не выдержало, и камни с грохотом вывалились на землю. Зарывав, со злостью зашвырнул я останки предательницы в море и натолкал камней по карманам, в ключья разодрал подклад дорогих брюк.

Я выследил его. Визг испуганного пса был еще невыносимей, чем его вой. И камни все летели и летели из моих рук в его маленькое черное тельце, чтобы заглушить любой звук его мерзкого нутра навсегда. Вскоре пес взвизгнул в последний раз и затих. Волоча задние лапки, он уполз на животе в колючие кусты малины. Кожа на его спине подергивалась от болезненных уколов шипов. Прежде чем окончательно скрыться в своем убежище, он оглянулся и, смело посмотрев мне прямо в глаза, совсем по-человечьи вздохнул, будто жалея меня.

Больше я не видел соседского пса, но его изнуряющий, протяжный вой каждую ночь преследовал меня в моих снах.

Каждую пятницу старик нанимал телегу с лошастью и, загрузив в нее сети, удочки, несколько холщовых мешков, два ярко-оранжевых жилета, спасательный круг и моток веревки, отправлялся на рыбалку. В этот день жене его приходилось особенно туго. В пятницу вечером она бегала быстрее обычного: суббота была баннным днем, и следовало, кроме остальных дел, наносить воды в огромную деревянную кадуюшку. Женщина-неваляшка с ведрами несметное количество раз проходила мимо наших окон. К ночи она уже тяжело дышала и ставила ноги осторожно, почти не сгибая их, словно боялась, что они треснут, как туго натянутая ткань.

— Тётка Наталья, — спрашивал я свою хозяй-

ку в непроглядной темноте южной ночи, — почему он не наносит ей воды заранее? Ну, перед тем как уехать?

Тётка Наталья, рьяно экономившая на электричестве, разжигала керосинку, вокруг которой тут же начинали кружиться белые мотыльки. Не жалела она света только для меня одного. Уважая тягу мою к чтению, хозяйка щелкала выключателем, только когда я закрывал книгу.

— Почему? Воспитывает, должно, — просто отвечала она.

— «Воспитывает» вы хотели сказать? — нарочно поправлял ее я. — Поздно вато что-то...

— Старик ведь. Помрёт. Как она тогда одна-то?

Я хмурил свои светлые, почти невидимые брови и, угрожающе смотря в потемневший от горячей керосинки провал окна, бросал туда со злостью:

— Гад!

— А ты не хмурься, — спокойно говорила тетка Наталья. — Вовсе не такой он плохой, как ты думаешь.

Но каждый новый день, проведенный у окна, убеждал меня в обратном.

В субботний вечер, точно ко времени, когда баня была готова, старик появлялся на дороге. Телега была доверху завалена мешками со свежей рыбой. Запах ее я чувствовал еще издали и прикрывал окно. Но любопытство одерживало верх над обонянием, и я вновь распахивал окно, чтобы ни один миг соседской жизни не ускользнул от меня.

Старик парился до ночи. Когда же, наконец, окна в бане гасли, жена его все еще чистила во дворе привезенную им рыбу. И я засыпал, положив голову на подоконник, так и не дождавшись, когда же она закончит.

Утром соседка, улыбочивая и румяная, словно и не было у нее бессонной ночи, выходила из калитки и, быстро и легко перебирая ногами, бежала вверх по холму к старенькой деревянной церквушке. В такую рань каждый, даже самый ничтожный звук кажется нестерпимым грохотом. Я просыпался от оглушающего шороха грунтовой дороги под подошвами соседкиных башмаков и смотрел ей вслед. Длинное ее платье и платочек на голове празднично поблескивали в незрелом утреннем свете налипшими на ткани рыбьими чешуйками.

Возвращалась она к обеду и, будто набравшись откуда-то свежих сил, снова с жаром принималась за работу. Старик до вечера бегал за ней, ругаясь и потрясая кулаками:

— Опять ходила?! Опя-ать?! Опя-ать?!

Как-то раз в одно воскресное утро у окна ожидал я возвращения соседки из церкви. Старик вдруг подошел к калитке и, опершись на нее, окликнул меня по имени. Я остолбенел. Над верхней губой стало влажно, неприятно загудело в ушах. Но я, засунув руки в карманы брюк и приняв, как мне казалось, нахальный вид, вышел из дома.

— У меня на берегу лодка, — без лишних предисловий заговорил старик. — Якорная веревка оборвалась. Якорь... утоп. Недалеко от берега. Метра два. Достанешь?

Я кивнул, сглотнув.

— Хорошо. Тады иди! Увидишь, я тама мешок бросил на берегу для знамения.

Я спешно спустился к морю. Холщовый мешок, придавленный сверху камнем, я обнаружил сразу. Да и якорь, черневший на белом песке, сквозь прозрачную у самого берега воду я заприметил быстро. Я закатал штанины и, даже не намочив их, хоть и с большим трудом, но вытянул якорь. Впервые за все время я с радостью ощутил свое превосходство над стариком. Метра два? Да там и полуметра не было! А якорь? Вовсе не такой уж и тяжелый! Ха-ха! Я смелый! Я сильный! Я ого-го! И чего это я испугался, когда он позвал меня? Играя мышцами на руках и втянув живот, я всю обратную дорогу мысленно любовался собой.

Вернувшись назад, я махнул старику, привычно лежащему в гамаке, рукой, мол, все в порядке. Но он только нехотя покосился в мою сторону и, верно, снова задремал. Такая вопиющая неблагодарность старика зашипела во мне, словно брызги воды на раскаленной сковородке. И я поклялся себе больше никогда и ни в чем не помогать ему.

Когда я, возмущенно размахивая руками, рассказал обо всем тётке Наталье, она, как и прежде, спокойным, рассудительным тоном поведала мне:

— А ты не обижайся на него. Поди, стесняется он. Утопнуть боится, понимаешь? Его отец еще малого с лодки выбросил. Так в ту пору плавать учили. Испугался, видать, тогда си-

ильно он! Теперича даже веревкой себя к лодке привязывает, когда рыбачит.

— Он не умеет плавать? — победно улыбнулся я.

— Не-е-е, — протянула хозяйка, — умеет! Хорошо плавает!

— Так что же тогда? — не понимал я.

— Я ж говорю тебе: утопнуть боится! Каждая рыбалка-то, поди, подвиг для него! Слышала я, как говорил он, что лучше от страшной болезни какой помереть, в мучениях, параличе, чем ко дну пойти!

— Так как он утонет, если плавать умеет? — засмеялся я. — Да и страховка у него всегда с собой такая, словно он в кругосветное путешествие отправляется!

Я долго и залиvisto хохотал, предвкушая свою, теперь уже неотвратимую, победу.

Я еле дождался пятницы. Рано утром я был уже на берегу моря. Соседская лодка, покачиваясь на привязи, доверчиво кивала носом в волны. Я подтянул веревку и запрыгнул внутрь. Да, спасательного инвентаря здесь хватало! Страховочный тросик, круг, жилеты, надувной матрац... Видать, старик опередил меня и уже погрузил свое барахло. Только где он сам? Я огляделся — никого. Достал из кармана нож, надрезал тросик, исполосовал матрац, круг и жилеты выбросил за борт. Прodelать дыру в днище лодки оказалось немного сложнее, но я справился и с этим. Вскоре довольный собой в предвкушении незабываемого зрелища я спрятался за ближайшей скалой.

Старик все не появлялся. Я нервничал, потому как планировал, что он все же отплывет хоть немного от берега, прежде чем течь даст о себе знать. Но развернувшаяся передо мной позже сцена ничуть не разочаровала меня. Я уже с трудом мог рассмотреть узкую полоску бортов скрывшейся под водой лодки, когда старик вдруг вырос на причале. Подтянув к себе полную воды лодку, он сгорбился и несколько минут простоял так, теребя привязь трясушимися желтоватыми от курева пальцами. Мне показалось, что прошло больше часа прежде. Его силуэт напомнил мне старый замшелый камень у нашего дома, в который ударила молния, разрубив его на две части. В конце концов колени его подогнулись, и он упал на них, точно в молитве, перед спокойной гладью воды, на которой уже не было лодки. Я боялся шелохнуться, чтоб не вспугнуть мо-

мент своего триумфа. Только чувствовал, как подрагивают от волнения и радости мои ноздри. Старик тяжело поднялся и поплелся по песку прямо к моей скале. Как только он поравнялся с моим убежищем, я заметил, как вдруг жалок и бледен стал этот сильный крепкий старик. Его белая майка будто внезапно стала велика ему, опустившись до колен. Ее полоскало на ветру, как платье. Я смело, с чувством небывалого превосходства встал ему навстречу. Но старик только пристально глянул на меня и, вздохнув, прошел мимо.

Вскоре заведенный уклад в соседском доме изменился. Старик перестал ездить на рыбалку, он ежедневно носил воду с колонки, кормил поросят и птиц, чистил хлев. Жена же его подолгу сидела на скамеечке рядом с крыльцом, свесив до земли натруженные руки, словно смертельно устала. Я ликовал! Перевоспитать старика оказалось проще, чем я думал. Я был чрезвычайно горд собой и с удовольствием лицезрел новые сцены.

Через две недели, почти перед самым моим отъездом, перед соседской калиткой вновь появилась запряженная телега. Старик привычно побросал в нее рыболовные снасти и, взяв лошадь под уздцы, скрылся из виду.

Наутро тетка Наталья разбудила меня ни свет ни заря и печально сообщила:

— Старик-то утоп...

Я моргал сонными глазами, не понимая, о ком она говорит. Наконец, придя в себя, я спросил ее:

— Как? Не может быть! Вы уверены?

— Да-а... Вот так... — вздохнула хозяйка, словно не слыша меня.

Я пристально смотрел на нее, не зная, что сказать. Тетка Наталья, думая, верно, что я своим взглядом стараюсь выпытать у нее какой-то секрет, наклонившись ко мне, зашептала, должно быть, первый раз в жизни зашептала:

— Утопился он! Точно знаю!

— Так как же он утопился? Что вы такое говорите? Зачем? Да еще сам! По своему собственному желанию! Он же боялся этого! — заорал я.

— Ш-ш-ш! — тетка Наталья поднесла палец к губам. — Вот то-то и оно! Рак у него нашли. Болезнь такая. Смертная. Не говорила я тебе... Почти делать-то уже не мог ничего, а нет-нет да за водой ходит... на рыбалку опять же. Ночью хуже всего ему было! Слышал, может, как выл? Да вы, молодые, крепко спите-то... Конечно! Вот думал он, наверное, станет ему совсем худо, ляжет, что тогда? Жене ухаживать. А и без того весь дом уж на ней одной. Не захотел он, видать, дожидаться-то этого. А жена-то у него верующая, вишь, какая! А самоубийство — грех... Ой, грех! Он выспрашивал у меня как-то про это. Вот он и подстроил все так... Только ни-ни! Никому! Понял?

Я до сих пор не знаю, были ли правдой те слова тетки Натальи, но, часто бывая потом в тех краях, объезжал я тот поселок у самого моря стороной.

□

Юлия Александровна ПОПОВА

родилась в 1980 году в Сегеже.

Окончила Карельский государственный

педагогический университет.

Пробует себя в поэзии и прозе.

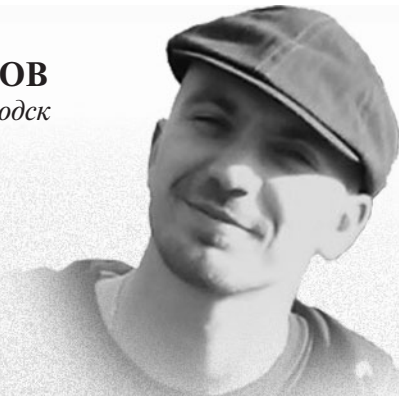
Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации «Проза».

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Илья
ПРОХОРОВ**
г. Петрозаводск

«Не теряя свое призвание...»

* * *

В танце давно не кружится юность,
Только трясётся душой патлатой.
Смотришь — глазами желаешь плюнуть:
Время ворует уменье плакать.

Детский восторг и до знаний жажда
В невозмутимость от жизни жути
Перевернётся; толпой сограждан
Станут когда-то близкие люди.

Кто одичал? — виноватых, правых
Не отыскать: не слабеет совесть.
Только портреты любимых в рамках
Стали тусклее любых зарисовок...

Юность — эпоха простых мотивов.
Плохо. Но хуже — любовь по благу.
Срочно, чтоб сердце не забродило,
Нужно душою трястись патлатой.

Илья ПРОХОРОВ

окончил Державинский лицей,

затем лесоинженерный факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работает инженером-проектировщиком

автомобильных дорог.

В журнале «Север» публикуется впервые.

ДОЛГ

Мало времени. Не до игры.
Мало времени. И сигарет.
Кто изгрыз меня — небо изгрыз:
Подчиняюсь в «дырявом» игре.

Марширую кому в унисон? —
Не себе. И не миру за мир.
Время, я в должники внесён.
Год отдам. Ты мне год займи.

Мы сочтёмся. Я слово держу.
Крепок будет с тобой наш союз...
Зря ли севером дорожу,
Обучаясь войне за юг?..

Пробуксуй. Но сцепись — сбереги.
Как собаку зови к ноге,
Чтоб недаром учил я гимн,
Полюбя флаг, и знамя, и герб.

Время, всё на места расставь.
Через год. Но так, чтобы не стух.
Чтоб не «жить» от Поста до Поста
И забыть, как стоять на посту...

Вырвать стрелки б во всех часах —
Мне твой образ так больше мил.
Жить для всех — пусть... Но только сам.
Год — не мне. Ты мне год займи...

* * *

Веки захлопнув громко,
Кротко пройду по краю,
Крик научив шептать.
Только к чему на кромке
В смелость порой играю,
Словно всех зная птах.

Ветер — под крылья только.
Ветер под мышки — вряд ли.
Ветер не разделить.
Да и тем паче — долго.
Спрашивать у пернатых,
Кто же их властелин.

Воли уж хватит выжить,
Чтоб не дразнили адом:
«Не соверши прыжка!!»
Веки захлопнул. Вышел.
Прыгнуть — не значит падать...
Падать как книжный шкаф.

Мягко лететь. Но слышно.
В очереди падений
Лезть напролом, кренясь.
Знать, горизонт не лишний
В мужестве (как поделщик)
Быть параллелью дня.

Дума — совой; взгляд — волком;
Вздыбившеюся коброй —
Суть; и вопросом — пыл.
(Не для: загадки, долга...
Не: человек иль образ... —
Просто — так легче быть...)

Можешь ложиться рядом,
В веки стучать до жути.
Хвори от оперетт
Редко за них не прятал.
Всё же — чем чёрт не шутит —
Вынудишь отпереть...

* * *

Из тех, кто любит стоять у двери,
Мне мил лишь тот, кто, когда сорвётся,
Не развернётся, приняв потерю,
А разнесёт всё виной эмоций.

Проверить каждого ожиданьем,
Сомненьями и стесненьем мысли
Затем и стоит, что все мы в тайне
Не знаем толком, откуда вышли.

И, кстати, надо б определиться —
Что вход? Что выход? И что есть двери?... —
Одно и то же, а меж — граница,
Где ставят вектор твоей потери.

* * *

Я с собою любого готов слагать.
Мне с трудом удаётся вычесть.
Шанса разности не даю солгать,
Занося людей в табель привычек.

То ли целым быть, то ли уцелеть... —
Иль без повода сердце скупое.
Всем открыто. И дело хоть не в цене —
Вдруг боится пойти на убыль.

Не ищу, но коплю, не вникая в вес.
Я ломбард и бюро находок.
Я всем верю. Безудержно. Вмиг. Вовек.
Пусть и так, как в прогноз погоды...

Заходи даже самый неожиданный гость,
Не теряя своё призванье:
Убывая, возьми несдержанной злость,
Недосказанными признанья.

Андрей БОРОДИН

г. Петрозаводск

Вынужденная посадка

Насыщенный полетный день плавно и безвозвратно подходил к своему завершению. Наш маленький, но очень проворный вертолетик Ка-26, именуемый в авиационном просторечии «Кашка», «Кама» или «Камовский», благодаря конструкторскому таланту выдающегося авиаконструктора Николая Камова и летному мастерству командира экипажа Николая Тетерина на оптимальной крейсерской скорости приближался к месту постоянного базирования – аэродрому «Пески».

Возвращались мы этим погожим июльским днем в середине восьмидесятых годов прошлого столетия из прекрасных, но очень отдаленных уголков заповедного Пудожского края. По заявке геологов в эту чудесную озерно-лесную глухомань практически ежедневно вертолеты Петрозаводского авиаотряда доставляли служебных пассажиров и груз.

В целях безопасности возвращаться на аэродром желательно было не над бескрайними онежскими просторами, а хотя бы над обширным и изрезанным многочисленными озерами и заливами Заонежским полуостровом.

Метрах в двухстах под нами играли на солнце затейливой чешуйчатой рябью причудливо вытянутые, выражаясь местным языком, губы Онежского озера. Величаво проплывали обрывистые скалистые их берега, обрамленные неприхотливыми соснами и елями. Впечатляли своими строгими каменистыми узо-

рами узкие береговые отмели. Длинные и остроконечные, как лезвие карельского ножа вейчи, острова и полуострова словно вспарывали мягкое и податливое озерное чрево, оставляя по сторонам многочисленных каменистых мысков белые ключья встревоженной, но быстро успокаивающейся пены.

Погода была малооблачная, но довольно ветреная. На воде лениво прогуливались стада белых барашков. Белоснежные комковато-ватные облака время от времени заслоняли нас от ярких солнечных лучей. Ничто не предвещало особых затруднений заключительному этапу нашего воздушного путешествия.

Работу мы фактически завершили, но командир пока не давал диспетчеру аэропорта информации о возвращении на аэродром постоянного базирования. Формально мы еще продолжали работать в определенном квадрате, хотя уже и были на полпути к Петрозаводску.

Выполняя обычные и не очень обременительные служебные задачи бортмеханика, я привычно скользил взглядом по приборной доске, испытывая при этом понятное каждому «бортачу» внутреннее удовлетворение от замерших в нужном положении стрелок приборов контроля. Звучный, но довольно спокойный рокот двигателей с характерным для «Кашки» высоким тональным посвистом их вентиляторов, размеренный стрекот лопастей несущих винтов на-

ряду с проделанной в течение дня работой – около двух десятков взлетов и столько же посадок на болота, вырубки, просеки, опушки леса – действовали на нас несколько усыпляюще. В связи с этим, спасаясь дремоты, мы загружали переговорное устройство легким мужским трепом: о семьях, дачах, футболе, женской логике, инопланетном разуме, руководстве эскадрильей и страной; вспоминали всевозможные анекдоты и реальные случаи из авиационной жизни.

Остались позади сказочные виды Заонежского полуострова, мы подлетали к крохотной, в несколько домов, деревеньке Лукин Наволок, находящейся на окруженной почти со всех сторон водой узкой полосочке земли. Николай напомнил, чтобы я заранее заполнил необходимую техническую документацию. Это было некоторым отступлением от правил, но мы хотели распорядиться своим послеполетным служебным временем рационально и ускорить процедуру передачи вертолета техническому составу. И мне, и командиру нужно было побыстрее добраться домой. Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает... Конечно же, все вышло совсем не так, как мы планировали, и семьи наши, не дождавшись нас в этот вечер домой, были уверены, что заночевали мы где-нибудь в лесном поселке Пяльма или в маленьком городке Пудож. Но обо всем по порядку.

Используя заключенный в антивандальную дюралюминиевую обложку бортовой журнал в качестве жесткой подложки, я вносил в справку о работе матчасти данные о работе двигателей и систем вертолета. Даже дневной налет начал вписывать, хотя полет еще не был завершен. И вдруг ощутил мощнейший удар по нашей воздушной каракатице. «Камовский», как будто потеряв после этого удара всю свою почти семисотсилую мощность, словно проваливается в какую-то огромную яму. Бортжурнал и лежащие на нем бумаги пускаются в свободный полет по кабине. К ним добавляется термос из нержавеющей стали с остатками чая, до этого мирно стоявший в нише между сиденьями пилота и бортмеханика.

Пытаясь поймать разлетевшиеся предметы, я одновременно стараюсь осознать, что все-таки происходит. Пристально вглядываясь в показания приборов, внимательнее прислушиваясь к работе двигателей, несущих винтов и не получив ответа на свои вопросы, я бросаю непонимающий взгляд на командира, но вижу, что ему в это время не до моих размышлений. Николай, моментально отреагировав на неожиданный удар по нашему суденышку, пытается перевести вертолет в устойчивый горизонтальный полет. Несмотря на его усилия, высота стремительно падает, нас продолжает трясти и мутузить какая-то непонятная сила.

Обнадеживает лишь одно: двигатели гудят, а лопасти отбивают свой обычный ритм, как всегда жестко-трескучий, но такой приятный в этот не особенно комфортный для нас момент.

От начала чрезвычайной ситуации до ее завершения прошло, вероятно, не более двух десятков секунд, но и они растянулись в моей памяти длинным рядом разрозненных эпизодов, склеенных осознанием необходимости что-то делать для спасения и себя, и коллеги по экипажу, и вертолета. Но здесь уже все зависело не от меня, а от командира, – только он мог не дать вертолету ни столкнуться с водой, ни развалиться в воздухе.

И Николай справился с этой задачей: отработанными до автоматизма действиями он буквально вытащил вертолет из практически безвыходного положения и, когда до воды оставалось каких-то двадцать метров, перевел его в устойчивый набор высоты.

– Надо бы подсесть, осмотреться – все ли в порядке с матчастью, – подсевшим от пережитого стресса голосом попросил я командира, когда мы легли на прежний курс. Без лишних обсуждений мы сделали круг над полуостровом с неприкаянно стоящими на нем невзрачными домишками, а потом, ориентируясь на белые водные буруны, зашли против ветра на посадку, и Николай мастерски приземлил «Кашку» на небольшом, свободном от деревьев мыске на самом берегу Чеболакшской губы Онежского озера.

Я молча присел на мокрый от брызг камень. От невеселых раздумий меня отвлек спокойный голос командира:

– Через высотников дам посадку в квадрате, а ты пока осмотри матчасть повнимательней, если все в норме – полетим дальше, если нет – сообщим о вынужденной.

С надеждой на благоприятный исход затянувшегося рабочего дня осматривал наиболее ответственные элементы вертолета – двигатели, колонку несущих винтов, лопасти, а Николай сообщил диспетчеру о посадке, а потом расслабленно и незлобиво подтрунивал надо мной, вспоминая, как я ловил разлетающуюся по кабине вертолетную канцелярию.

– Сыночки, у вас здесь сломалось, что ли, или что? – неожиданно прозвучало невдалеке, и мы увидели метрах в двадцати от вертолета сухонькую старушку в теплом, домашней вязки жакете и аккуратно повязанном ситцевом платочке.

– Да нет, бабушка, все в порядке, по работе мы здесь, – с изрядной долей неопределенности ответил Николай.

– Может, вы опристали от вашей работы, так приходите ко мне, домик-то мой тут недалече,

посидите, отдохнете, молочка попьете, ушки вам налью, приходите, не побрезгуйте.

– Хорошо, бабушка, сейчас вот дело закончим и подойдем, – принял волевое командирское решение Николай, а я в надежде снять остатки стресса кружечкой настоящего деревенского молочка уже высматривал, где находится бабулино жилище.

Минут через пятнадцать, убедившись, что чрезвычайная ситуация не привела к повреждению основных силовых элементов вертолета, мы входили в маленький, обдуваемый всеми онежскими ветрами уютный домик. Несмотря на кажущуюся внешнюю миниатюрность, внутри довольно просторной кухни мы увидели настоящую русскую печь, большой деревянный, покрытый чистой льняной скатертью стол с медным самоваром посередине, деревянные, заправленные домоткаными накидками лавки, самодельный старинный с фигурной резьбой буфет, наполненный посудой. Через распахнутые створки покрашенных белой эмалью филенчатых дверей виднелось скромное убранство комнаты: металлическая кровать с пирамидкой пышных подушек, покрытых узорчатой тюлевой накидкой, массивный комод со стоящим на нем аккумуляторным радиоприемником «Рекорд», высокий, почти под потолок, шифоньер с большим зеркалом между дверками, отретушированные в темных рамках фотопортреты, занимающие всю свободную площадь в простенках между маленькими окошками.

Все в доме лежало, стояло, висело на местах, определенных, вероятно, не только желанием и опытом деревенского обитания нескольких поколений жильцов, но и временем, которое, как известно, всегда все расставляет по нужным полочкам. Пространство кухни и горницы, а также нехитрое их наполнение: и кухонная утварь, и раритетная мебель, и предметы украшения – все эти половички, занавесочки, скатерочки, накидочки, рюшечки – дышали стерильной чистотой и поражали каким-то особенным простодушным деревенским уютом, натуральностью, внешней неброскостью, но внутренней практичностью и функциональностью. И самое главное – в доме стоял приятный теплый жилой дух, настоявшийся, видно, на простых деревенских яствах: хлебе домашней выпечки, рыбе, картошке и на целебном окрестном разнотравье, душистые снопики которого сушились возле рафинадно побеленной русской печки.

– Мир вашему дому, бабушка, здравствуйте еще раз, – почти одновременно выдохнули мы, пораженные такой откровенной деревенской самобытностью и естественностью, – как же вас звать-величать-то?

– Анной меня нарекли когда-то, а сейчас все ба-

бой Нюрой кличут. Ах, жалко, что не затевала я седни стряпню, а так бы калитками да рыбничком угостила б вас... Сей раз только уха у меня приспела со щуки, хлебушек есть, самой испеченный, да с ним молоко утрешнее, холодненькое... Чай еще на травках наших заваренный попейте...

Баба Нюра гостеприимно хлопотала у стола, разливая по тарелкам настоявшуюся в печи уху, нарезая домашней выпечки хлеб. Украсив хлебницу ароматными ноздреватыми ломтями, проворно выбежала в сени и принесла запотевший кувшин с молоком. При этом она спокойным приятным деревенским говорком делилась с нами пережитыми недавно впечатлениями:

– А вас-то как зовут, касатики вы мои залетные? Николай и Андрей, говорите. Хорошие имена, богоугодные, спаси вас Господь и сохрани! Я ведь как вашу летательную машину близехонько над озером увидела, так и обмерла сразу – думаю: падет она щас прям в воду, что я тогда с этим затею? Ведь до телефона почитай верст с десяток будет! А в деревне-то нашей уже годков пять как никто не живет, одна я здесь обитаю! Но потом вижу – оклемалась ваша птичка помаленьку, заверехтела бойчее, закружилась над загубьем да на бережок и плюхнулась. Побежала я враз к побережью, одно только думаю – все ли там у них сладилось? А вас увидела, так от сердца и отлегло – живые ребята и здоровые! Слава те, Господи!

– Да, баба Нюра, сами мы не думали и не гадали, что у вас в гостях сегодня окажемся... А раньше пролетали мы над вашей деревенькой часто... А такой вот вопрос, баба Нюра, кто рыбку-то вам привозит, какие-то бригады, может, рыболовецкие или соседи с родственниками? – отхлебывая уху и с удовольствием разбирая на составные части щучью голову, спросил Николай.

– Сама я себе рыболовна бригада здесь. За осмой десяток вот перевалила, а сеточки-то на лодке самолично ставлю и похожаю их сама. А что тут мудреного? Муж покойный меня этому делу обучил, царствие ему небесное! Сынова же мои в город уехали, на большом заводе работают, уважаемые там люди... Не забывают меня... Внуки с правнуками летом гостят, а сей год на море их решили свозить... Вот я пока и одна... А меня сынова как-то забрать на совсем к себе в город хотели, да я не далась. Как-никак хозяйство здесь у меня: коровка, козочки, куры – куда я от них на старости лет? Вы мне, говорю, только с сеном подмогните да с дровами, заготовьте летом, а я уж сама здесь перезимую. А соседи-то, конечно, заходят оногдась на беседу, чаевничаем мы... Да только в Чеболакше все они живут, не ближний свет для гостеваний...

– Баба Нюра, а знали вы, что в Чеболакше писатель Дмитрий Балашов жил? – вставил в разговор и я свои пять филологических копеек.

– Так кто ж его не знал! Хозяйственный Михалыч был мужик, домовитый, всю деревенскую работу мог сноровить: и с лошадьми управлялся, и пахать мог, и сеять, и сети рыболовные вязать... Скотину держал, сено сам косил, в огороде справлялся... Нравилась ему красота наша, помогала книжки хорошие сочинять... Да не повезло ему – сгорел его дом со всем хозяйством, а потому съехал он отселе на Новгородску землю, дай-то бог ему здоровья и многих лет жизни... – Баба Нюра замолчала, как бы готовясь к новому этапу повествования о своей не совсем обычной для нас затворнической жизни, но Николай показал на часы, и мы стали прощаться, благодаря старушку и за теплый радушный прием, и за уху, и за молочко, а больше всего – за доброе и искреннее к нам отношение.

– Так вы еще прилетайте ко мне сюда, робяты, с ночевкой. Я сама вас и на рыбалку свожу, и калиток напеку, и сканцев с манной кашей, и рыбников. Прилетайте, как возможность сложится, – провожая до вертолета, убеждала нас баба Нюра, и так хотелось пообещать ей наверняка, что обязательно мы к ней прилетим, но, чтобы быть честными и перед самими собой, и перед этой простой русской женщиной, пришлось нам в ответ ограничиться неопределенными обещаниями, что, мол, если получится по работе, то, конечно же, постараемся...

Благополучно взлетев над затихающим к вечеру озером, мы сделали круг над одиноко стоящей на каменистом мысу фигуркой в белом ситцевом платочке. Я сдвинул дверной блистер и помахал

бабе Нюре рукой, подумав, что обязательно надо будет приехать к ней в гости, привезти каких-либо гостинцев, порыбачить, послушать ее бесхитростные рассказы о простой и такой светлой жизни. Николай потом сказал, что думал он в тот момент примерно об этом же...

Без особых приключений преодолев остаток пути до Петрозаводска, уже никуда не спеша и внутренне будто осознав ненужность какой-либо спешки и суетливости в этой жизни, мы намеренно неторопливо завершили все необходимые послеполетные процедуры. В диспетчерской службе, на метеостанции, выслушав нашу не особенно раскрашенную эмоциями версию случившегося, сказали, что, вероятнее всего, постигло нас в этом полете опасное природное явление, именуемое в авиационной метеорологии сдвигом ветра.

Скорее всего, так оно и было. Метеообстановка этому способствовала, как, впрочем, и тому, что встретили мы благодаря этому самому сдвигу ветра на своем жизненном пути удивительно-го, доброго, отзывчивого и интересного человека – бабу Нюру, с которой, к глубокому нашему сожалению, увидиться нам больше не удалось...

□

Андрей Валентинович БОРОДИН

родился в 1958 г. в п. Славной Пряжинского района Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет,

Северо-Западную академию государственной службы,

Высшие курсы КГБ СССР в Минске.

Работал в Петрозаводском объединенном авиаотряде.

Проходил службу в органах КГБ СССР – ФСБ России.

В настоящее время – советник главы Республики Карелия.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Вениамин ЯШИН

г. Петрозаводск

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА

«15 февраля 1989 года мне, в то время офицеру взаимодействия с военными наблюдателями ООН в Афганистане, довелось участвовать в эвакуации их наблюдательного поста из примыкающего к советской Кушке афганского местечка Турагунди». Так начинается новая книга Бориса Подопригора «Запомните нас живыми». Она вышла в серии «Писатели на войне, писатели о войне», которая выпускалась в Санкт-Петербурге к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Серия посвящена войне, завершившейся семьдесят лет назад, но, хотя все желали мира, впереди были новые войны и военные конфликты. И после вывода советских войск из Афганистана, а автор книги был последним советским солдатом, покинувшим эту страну с наблюдателями ООН после выхода последней колонны, многим казалось, что нам долго можно будет не применять оружие. Однако вскоре последовали Сербия, Грузия, Молдавия, Карбах, Чечня. Сейчас война идет на Украине...

Борис Подопригора – выпускник Военного института иностранных языков и Петербургского госуниверситета, офицер, проходивший службу во многих горячих точках. Редактор книги Андрей Эдоков характеризует его: «военный интелли-

«Петербургский дневник» представляет

**Борис
Подопригора**

Автор этой книги побывал во многих горячих точках. Он последним выходил с советскими войсками из Афганистана по западному маршруту. Об этом и многом другом рассказывается на страницах книги.

**Запомните нас
живыми**

Писатели на войне, писатели о войне

гент». Поэт и писатель, автор книг и киносценариев. Это важно. Такой человек не может не осмысливать то, что происходит с ним и вокруг него, а размышления и факты записывает в блокноты, которые всегда держит под рукой. Перед нами – записки из этих военных блокнотов. Порой возникает впечатление, что записки эти размещены несколько хаотично, сухое изложение фактов сменяется ярким описанием, экскурс в историю – стихами... Но в этой кажущейся хаотичности четко проступает нить рассказа, рассказа о том, что приходится переживать человеку на войне.

При том, что военных конфликтов за последние десятилетия было немало, большая часть населения все же жила мирно, не испытала войну, что называется, на себе. Порой мы видим, как постепенно нарастают «боевые» настроения, как кто-то начинает мечтать о боевых подвигах, составив о них представления по фильмам и книгам о прошедших войнах. В этой связи книга Бориса Подопригора представляется и предостережением. Не может человек, видевший смерть на поле боя, желать войн, даже если войны – его профессия.

Сейчас происходит переоценка действий советских войск в Афганистане. Мы помним, что говорили о наших солдатах четверть века назад. И

понятна горечь офицера, прошедшего эту войну. «Но вслед за привычным «Я вас туда не посылал!» все с большей дерзостью Родина всем возвращающимся адресовала вопрос: «Вы понимаете, что вы – агрессоры, убийцы, к тому же позорно проигравшие войну?» – пишет Борис Подопригора. – Вместо задержавшегося ответа – слова из песни, которые уже никто не переписет: «И отплясывают рьяно два безусых капитана, два танкиста из Баглана на заплатанной броне». Проигравшие ведут себя, пожалуй, иначе». Да и кто сумел помочь Афганистану после нашего ухода? Чьи действия оказались более успешными? Все-таки, благодаря участию нашей страны в Афганистане шло промышленное развитие, открывались школы и предприятия... Но все это было забыто. Борис Подопригора говорит и о причинах произошедшего: «Надо было видеть изумление друг другом при разговоре двух таджиков – советского и афганского. Такой могла быть встреча с предком из эпохи Ивана Грозного. «За сколько сатлов (деревянные полуведра-полукопыт) маша (дешевая бобовая культура) можно в Москве купить ишака?» – «В Москве нет ишаков». – «Неужели такой маленький город, что не нужны даже ишаки?» Это различие и стало фатальным. Большинство афганцев оставалось в убеждении, что «эслахатэ мотараки» – «прогрессивные преобразования» – это имя божества, которого им навязывают неверные шурави».

А вот страшные страницы. Эпизод «Афганский разговор», диалог подполковника с паренком-рядовым, выжившим в маленькой, но безжалостной битве. Паренек не умеет цветисто рассказывать, каждое слово из него приходится почти вытягивать, и в его коротких ответах проступает картина боя на заставе. «Духи» подошли близко, на них сначала не обратили внимания – так, пастухи баранов пасут. Но вот у «пастухов» оказался пулемет, начальник заставы погиб сразу, а затем... И тем страшнее читать этот разговор, чем проще и короче ответы паренка, почти без эмоций рассказывающего, как один за другим гибнут его товарищи...

Борис Подопригора скорее ставит вопросы, чем дает ответы. Вот, например: «Об истоках и начале чеченской войны мы и сегодня знаем не намного больше, чем в декабре 1994 года. Пока здоровы и политически живы те, кто ее начинал, особые открытия нас не ждут». Или вот еще, уже о Прибалтике: «Учит ли чему история? – вопрос открытый. Очевиднее то, что ее фрагменты редко вызывают к принятию мер до завершения полного исторического цикла». Но также он говорит: «Впрочем, более

разговорчивы рядовые участники событий...»

Истории о рядовых участниках событий, рассказанные участником тех же событий, заставляют задуматься о том, кому и зачем нужны войны, о том, кто получает дивиденды, а кто теряет жизни. Однажды российский император Павел I предложил правителям Европы не губить народ в войнах, а решать возникающие конфликты самим правителям на дуэлях. Европейцы над рыцарским предложением посмеялись. Отголоски этого смеха звучат и сейчас – всегда выгода одних обеспечивается кровью других. Борис Подопригора приводит рассказ одного из своих собеседников, ставшего свидетелем начала войны в Чечне. Тот считает: «Война началась, когда... Дудаеву пришли деньги». И добавляет: «Я ушел от Джохара, когда в его доме в Катаяме появились коробки от бананов, наполненные пачками «зеленых». Я спросил: «Как ты собираешься их отмыть? Дудаев помолчал и отрешенно ответил: «Я не могу отмыться уже сам». И началось. Обмануть людей оказалось несложно. Чеченцам рассказывали о том, что якобы уже готов указ Ельцина о повторной депортации всех чеченцев. В Москве, мол, считают чеченцев самыми богатыми, и в их домах будут расселять военных, которых выводят из Восточной Европы...

А люди с деньгами и оружием могут заставить слабого и безоружного пойти на что угодно. Вот главка «Откуда берутся шахиды?». Человек попал под обстрел, потерял ноги. Родные пытались помочь, залезли в долги. Вылечиться не получилось, но деньги отдавать надо. «Ребята с гор» потребовали расплатиться – либо погибнет семья, либо он сам. И человек садится в машину, начиненную взрывчаткой, и пристраивается к колонне федеральных войск...

Таких историй, то коротких, записанных телеграфным стилем, то – почти документальных повестей – в книге множество. Все это – документальные свидетельства очевидца, позволяющие взглянуть на скрытые от обычного мирно живущего человека страницы новейшей истории. А выводы из увиденного человек может сделать сам.

**Подопригора Борис.
Запомните нас живыми. СПб.:
Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга
ОАО «Петроцентр», 2015.**

Елена БЕРМУС

г. Петрозаводск

МЕТКАЯ («ЕДИНСТВЕННАЯ СТРЕЛА»)

О сборнике рассказов Владимира Рудака «Единственная стрела»

В конце прошлого года вышел в свет сборник рассказов петрозаводского автора Владимира Рудака «Единственная стрела».

Для меня эта книга, включающая рассказы, многие из которых до выхода в сборнике публиковались в журнале «Север», стала книгой о среднестатистических людях. В какой-то мере в этих рассказах можно увидеть современные вариации на классическую тему «маленького человека». Герои Владимира Рудака не то что «негероические», это самые обычные люди, которые живут каждодневными бытовыми заботами, монотонно отмеряя свой век однообразными буднями: деревенские старушки, экскаваторщики, инженеры, участники клуба макраме, преподаватели музыки, служащие контор и пр. Однако «маленькие люди» в книге «Единственная стрела» условны, конечно же. Тип «маленького человека» достаточно давно возник в литературе и сформировался главным образом на материале реалий XIX века. Времена меняются, и «маленький человек» уже не тот, каким помнится по клас-

сическому канону (героям А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского) – забытый, задавленный, униженный, незащищенный. «Маленькие люди» в книге «Единственная стрела», так сказать, малы в этом мире и ощущают свою временность, незначительность, а порой чужеродность бурлящей действительности. Если сравнивать с классической традицией, то они скорее средние – не нищие и не олигархи, не герои и не подонки, самые обычные, ничем не выдающиеся люди. Тем и малы, что никакие.

Современная жизнь динамична, стремительна. Она манит почти безграничными возможностями, постоянно предлагает попробовать что-то новое, иначе взглянуть на себя, что-то преодолеть, заявить о себе. Большие возможности требуют большей внутренней свободы, чтобы ими воспользоваться. Сейчас модно жить ярко и громко, улыбаться широко, шумно «выдавать креатив», быть (или казаться) успешным и значимым, пусть даже это иллюзия, а за красивой картинкой – богатая кредитная история и несколько

десятков «лайков» друзей по социальной сети. Современный «маленький человек» в рассказах Владимира Рудака, преодолевая себя, взрывает свой маленький блеклый мир. Ему хочется быть не хуже других, жить более заметно и интересно – чтобы его, наконец, увидели, любили, к нему прислушивались. «Маленькие люди» в художественном пространстве петрозаводского прозаика – это бунтари. Скрыто или явно, но в них зреет протест против своего нынешнего положения, что становится причиной изменения их самосознания. Протестуют они против самих себя, против собственного унылого мирка, в котором и смысла особого не видят, к примеру, как главный герой рассказа «Ангельские рожицы». Фабула произведения вырастает из рисунка на половике, который разглядывает Юра. Занимаясь мелкими, в общем-то бессмысленными делами, он вдруг понимает, что его жизнь лишена смысла. Ангелы детства, которые расцвечивали жизнь яркими красками, давно улетели, а взамен не осталось ничего. Герои рассказа «Пятый океан», решив, что свои жизненные программы выполнили, но так себя и не реализовали, начинают искать свои пути то в переписке с американским клубом «Полтергейст», то в различных учениях по оздоровлению организма – их протест выражается в попытках вырваться из обыденного и давно опостылевшего семейного круга.

Парадокс «маленького человека»-бунтаря обманывает ожидания читателя, поэтому развитие коллизий в рассказах Владимира Рудака далеко не всегда удается предсказать. От его «маленьких людей» не знаешь чего ждать. Так, визит к врачу Ильи Маховского, героя рассказа «Кибернетика», заканчивается в духе хоррора. Оказывается, у неприметного пациента маниакальные черты. Что, кстати говоря, тоже в духе времени, когда то и дело слышишь в новостях, что с виду добропорядочный и ничем не примечательный сосед оказывается преступником-рецидивистом. В рассказе «Красное пальто» идиллическая любовная коллизия совершенно в духе «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя наложена на остро современную историю разоблачения блогера-моралиста, загулявшего от благоверной в Таиланде. Героиня «Единственной стрелы», скромная одинокая учительница музыки, исполняет свою мечту – записывается наконец-то в клуб нудистов. А другая, преподавательница макраме, сын которой выбросился из окна после самоубийства Курта Кобэйна, собирается ехать в США на могилу музыканта, чтобы отвезти ему

мятных пряников – их любил ее сын. Эти среднестатистические люди при всей своей незначительности живут, как оказывается, нескучной жизнью, что создает необычную напряженную фабулу.

На мой взгляд, проза Владимира Рудака не предназначена для быстрого чтения. Она настолько современна и своевременна, психологична, что требует вдумчивого и тонкого читателя-аналитика, способного уловить философский посыл, который пытается донести писатель. Он пишет о человеке вообще, улавливая те изменения, которые происходят в жизни людей обычных – «среднестатистических». И это свидетельствует о том, что книга «Единственная стрела» – яркое явление в новейшей литературе Карелии.

Рудак, Владимир.
Единственная стрела. – Петрозаводск:
Северное сияние, 2014. – 160 с.

Валерий СУЗИ

г. Петрозаводск

НЕОБЫЧНАЯ КНИГА

Эта книга во многом необычна. В предисловии говорится: когда в одном томе публикуют стихи и прозу одного автора, то сначала в качестве лёгкой артиллерии идут стихи, а затем наступает черёд тяжёлой артиллерии – прозы. В этом томе читатель видит чередование стихов и прозы, как принято в толстых журналах. С такой практикой встречаться пока не приходилось! Закрывая последнюю страницу, можно отметить, что эксперимент оказался оправдан и прошел удачно. Если читать том подряд, то стихи дают отдохнуть глазу от напряжённой прозы; с другой стороны, разбитые на циклы, стихи не рассеивают внимание читателя своим количеством.

Книга открывается циклом стихов под названием «Просто стихи». В нём много четверостиший. Я выделил бы заключительное, поскольку оно даёт представление о других стихах автора: лиричных, лёгких, динамичных, афористичных.

*Ветер дверь мою открыл,
Хлопнул мягко и притих.
Чую шелест тихих крыл,
Слышу шёпот слов простых...*

Чьих тихих крыл легкий шелест слышит автор? Пегаса? Серафима? Скорее, пожалуй, последнего, в русской поэзии нечастого!

За первым стихотворным приступом следует маленькая повесть, которая и дала название всей книге: «Не опали меня, Купина! 1678». Если читателю знакомо имя Василия Костерина, он вспомнит, что у автора есть повесть с похожим названием – «Не опали меня, Купина. 1812». В ней речь идёт о фран-

цузском офицере, который во время нашей Отечественной войны 1812 года украл из храма образ Неопалимой Купины. Через восемнадцать лет он приехал в Россию и вернул икону в храм, рассказав, как образ жёг его нестерпимым огнём. В новой книге автор повествует о чудесном событии, случившемся в семнадцатом веке во времена царя Фёдора Алексеевича, когда по заступничеству Пресвятой Богородицы и Её чудотворного образа царём был помилован невинный царедворец, который впоследствии воздвиг в Москве храм Неопалимой Купины. В столице имеются три Неопалимовских переулочка. Там недалеко и стоял храм Неопалимой Купины, разрушенный большевиками.

Следующий цикл носит название «Другие стихи». В нём также немало стихотворных миниатюр. И опять не откажу себе в удовольствии процитировать одно небольшое стихотворение.

*Тишина цветёт стыдливо
У тенистого пруда.
Две кувшинки, мостик, ива,
Лебедь белый сиротливо
Уплывает в никуда...
Как же я попал сюда?*

Думаю, что самые оживлённые споры вызовет следующий за «Другими стихами» прозаический цикл – «Жил, жив... Рассказы из жизни памятников». Это краткие повествования о памятниках Ленину. Кстати, именно этот цикл опубликован в № 1 журнала «Север» за 2015 год.

Тема эта в последнее время в связи с массовым

сносом памятников стала особенно актуальной. Рассказы очень разные. Одни написаны с тёплым юмором и сочувствием, другие полемически заострены. Автор прямо не высказывает своей точки зрения, он просто ещё раз ставит проблему памятников Ленину, поскольку их количество по всей стране огромно и непропорционально. Один из героев цикла утверждает, что памятников Ленину в десятки (а то и в сотни) раз больше, чем всем остальным русским писателям, поэтам, художникам, композиторам, полководцам, историческим деятелям, учёным вместе взятым. Думаю, что в этих рассказах найдут пищу для размышлений и сторонники, и противники сноса памятников вождю большевиков.

Следующий цикл стихов носит название «Страдальные стихи». Действительно, в нём много стихов, связанных с душевным и духовным кризисом, с житейскими проблемами, с обманутыми надеждами, с драматическими событиями в дружбе и любви. И всё же лейтмотив цикла – вера. Вера в жизнь, вера в любовь, вера в Бога.

*Мосты порушены,
Шарфы закушены,
Околосердие – мягко,
Душа засушена,
И нет отдушины,
И угореть легко.*

Рассказ «Пятый выстрел» опять посвящён полюбившейся автору иконе Неопалимой Купины. На этот раз действие происходит в советское время – в период борьбы против Церкви, икон и иконопочитания. В нём один из героев расстреливает из нагана святую икону. Но не буду пересказывать сюжет. На мой взгляд, это одно из самых интересных и насыщенных произведений в данной книге. Отмечу также, что генетически рассказ связан с повестью рецензируемого автора «Не опали меня, Купина. 1812». Там имеются и общие герои, и сходные ситуации, и даже те же самые иконы.

Последний цикл называется «Стихи запоздалые». Было бы несправедливо оставить его без внимания в краткой рецензии. Это, на мой взгляд, самый совершенный цикл, из которого трудно выбрать одно. И всё же я позволю себе привести следующее стихотворение:

*Вошла – затеплилась лампада,
И кончилось душевное вдовство,
И воссияло душ родство,
И улыбнулось божество,
И больше ничего не надо,
Нет, мне не надо больше ничего –
Она зажглась от взгляда твоего.*

В поэзии Василия Костерина можно найти мотивы из поэзии Тютчева, Есенина, Блока, Пастернака (автор этого и не скрывает, скорее, раскрывает эти имена в своих посвящениях). Вместе с тем во всех стихотворениях слышится авторский голос, свой собственный поэтический голос, за которым различима личность поэта Василия Костерина.

Цикл «Сонечкины рассказы» производит особенно сильное впечатление. С одной стороны, это благочестивое чтение, с другой – прекрасная художественная проза. Не секрет, что благочестивые рассказы привлекают читателя, подкупают его безыскусностью и простотой. Однако они рассчитаны на верующего православного читателя. Мне всегда казалось, что в нашей литературе не хватает благочестивых рассказов, которые написаны для всех, а не только для верующих. Вот этот цикл и нацелен на то, чтобы в свою меру заполнить названную лакуну. Рассказам не откажешь в благочестии, но вместе с тем они дают пример чистой, даже прозрачной, изящной словесности. Трудно назвать лучшее в этом цикле, но я всё же рискнул бы выделить рассказы «Старичок, или Два рассказа в одном» (хотя он, на мой взгляд, длинноват), «Моя собака и маньяк», «Отец», «Фиопы», «Космос и косметика».

Завершается книга переводом рассказа известного болгарского писателя Элина Пелина «Онемевшие колокола». Как говорится в предисловии, этот рассказ включён в книгу, поскольку удивительным образом он сочетается с «Сонечкиными рассказами». И это правда. Данный факт говорит о некоторой общности художественного опыта писателей разных стран и разных поколений.

Прочитав книгу, я заинтересовался фамилией автора. Напрашивалось его происхождение от слова «костёр» (но ведь есть фамилия Костров). Оказалось, что она происходит от слова «костеря», что значит очёски льна, которые остаются при вычёсывании. И тут я вспомнил, что «шукша» – это также очёски льна, только в другом диалекте. Этим замечанием вовсе не хочу сравнивать Василия Шукшина с Василием Костериным. Просто для меня стали неожиданными сами результаты небольшого филологического экскурса.

Надеюсь, данная книга станет своеобразным и заметным явлением как в современной прозе, так и в современной поэзии.

**Василий Костерин.
Не опали меня, Купина! 1678. М.,
Паломник. 2015. 432 с.**

Этот номер для Вас подготовили:

Елена Пиетияйнен
главный редактор

Елена Бермус
**редактор отдела
прозы**

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Вениамин Слепков
**редактор отдела
очерка и публицистики**

Александр Воронин
**редактор
отдела поэзии
и сайта журнала**

Людмила Шананина
корректор

Наталья Евдокимова
секретарь

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетияйнен Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-3570 от 31.05.2000 г.

Цена договорная